ЛМ
Г30
Гекшер Э.
Экономика
мировой войны
Пгд 1917

ЛМ
Г30

Эли Гекшеръ.

ЭКОНОМИКА МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО

подъ редакціей К. Тіандера.

86765/80

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „ЗАДРУГА“, Гончарная ул., д. 24.
1917.

Срок возврата
книги:

ЛМ
Г 30

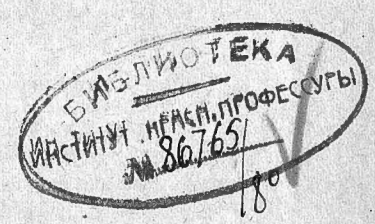
Эли Гекшеръ.

Г309

ЭКОНОМИКА МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО

подъ редакціей **К. Тіандера.**



1449
Ч

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „ЗАДРУГА“, Гончарная ул., д. 24.
1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . V.

I. Настоящее положеніе и экономическая наука . . . 1

II. Экономія войны 2

Потеря капиталовъ 9.—Потеря доходовъ 13.—Внутреннія разстройства 18. — Внѣшнія разстройства 25. — Мирный кризисъ 28.

III. Вліяніе войны на міровую торговлю 31

Новые торговые пути 34.—Новые источники ввоза 37 (для пшеницы 39; для сахара 41; для мяса и другихъ пищевыхъ продуктовъ 45; для металловъ 46; для лѣса 47; для целлюлозы и бумаги 48; ввозъ въ Германію 51; причины недостатка въ подвозѣ 52). — Преобразованіе производства 56 (шерстяныхъ товаровъ 58; желѣзныхъ товаровъ 62; аммуниціи 63; сущность преобразованія 65; возвращеніе къ миру 68). — Новые виды сырья 70.—Преобразованіе потребленія 71 (какъ послѣдствіе повышенія цѣнъ 72; вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ, особенно въ Германіи 75; касательно средствъ производства 78; касательно предметовъ потребленія, особенно хлопчато-бумажныхъ товаровъ 80). — Сокращеніе мироваго товарообмѣна 86.

IV. Золото и война; финансовая подготовка къ войнѣ . 90

Безполезность золота внутри страны 91 (безвозмездное пользованіе средствами внутри страны 91; обращеніе бумажныхъ денегъ 93; поддержка внутренняго кредита 97). — Золото какъ международное платежное средство 100. — Военно-финансовая подготовка 102 (внѣшній кредитъ 102; золотой запасъ 106; запасы продуктовъ 110).

V. Экономическая подготовка войны; запасы продуктовъ и торговая политика 111

1. Предпосылки задачи 113: Самодовлѣніе страны, его условія и предѣлы 113. — Значеніе съ точки зрѣнія

Стр.

военной подготовки аграрнаго тарифа 117, промышленнаго тарифа 120 и вывоза 122.
2. Рѣшеніе задачи 125: Запасы сырья 127, топлива 128 и пищевыхъ продуктовъ 129.—Устройства складовъ хлѣба 134.

VI. Финансированіе войны 138

Введеніе: Значеніе отрѣзанности страны 138.
1. Сущность проблемы 143: I. Въ отрѣзанной странѣ 144. (Выпускъ кредитныхъ билетовъ 146; финансированіе путемъ сбереженія 153; введеніе налоговъ 159).—II. Въ неотрѣзанной странѣ.
2. Рѣшеніе проблемы 163: Съ точки зрѣнія способовъ (выпускъ билетовъ 163; краткосрочные займы 170; облигаціонные займы 172; введеніе налоговъ 174).—Съ точки зрѣнія источниковъ 176.

VII. Образованіе и регулированіе цѣнъ во время войны . 183

Повышеніе цѣнъ и недостатокъ товаровъ 184. — Назначеніе цѣны 185 (рыночная цѣна 187; нормальная цѣна 189). — Максимальныя цѣны 190 (при неэластичномъ спросѣ 194; при монополіяхъ 196; при скопленіи товаровъ съ цѣлью спекуляціи 200). — Слабая сторона образованія цѣнъ 202. — Карточная система 204. — Налогъ на военную прибыль 208. — Ограниченіе вывоза 209.

Предисловіе.

Предлагаемая вниманію русскаго читателя книга представляетъ собой первый и до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, единственный опытъ освѣтить экономику міровой войны. Для этого требовалось не только основательной теоретической подготовки, но и изученія экономической жизни на мѣстахъ т. е. въ воюющихъ между собой странахъ. Всѣмъ этимъ условіямъ въ достаточной степени удовлетворяетъ авторъ нашей книги. Будучи родомъ изъ семьи, давшей Швеціи уже одного выдающагося экономиста, Эли Гекшеръ состоитъ профессоромъ Гетеборгскаго коммерческаго института (Handelshögskolan). Лѣтомъ 1915 г. онъ имѣлъ командировку въ Голландію, Англію, Францію и Германію, во время которой онъ и собралъ матеріалъ, легшій въ основу настоящей книги. Послѣдняя была написана въ концѣ 1915 г. и вышла въ свѣтъ къ лѣту 1916 г. Если русскій переводъ появляется только годъ спустя, то въ этомъ виноваты чрезвычайно трудныя обстоятельства, съ которыми вплоть до послѣдняго времени приходилось бороться книгоиздательскому дѣлу на Руси.

Конечно, значеніе книги Гекшера умаляется тѣмъ, что наблюденія его простираются только на первыхъ полтора года войны, но такъ какъ, по признанію автора, онъ имѣлъ въ виду разъясненіе общеизвѣстныхъ фактовъ, а не отчетъ, то и такія мѣста, гдѣ больше всего чувствуется недостатокъ болѣе свѣжихъ данныхъ, сохранятъ свой выдающійся теоретическій интересъ.

Разсматривая ходъ экономической жизни европейскихъ народовъ во время міровой войны, Гекшеръ высказываетъ свое сужденіе также о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, на нее вліявшихъ, но при этомъ онъ стремится къ абсолютной безпартійности. «Если бы — признается онъ въ предисловіи къ шведскому изданію — страны назывались не Англія, Германія,

Россія и Франція, а А, Б, В и Г, то и тогда мои сужденія остались бы тѣми же, какими они изложены въ моей книгѣ».

Менѣе всего Гекшеръ знаетъ Россію, и вообще въ центрѣ его интересовъ остаются два главныхъ противника — Англія и Германія, силы которыхъ направлены не только къ сокрушенію военной мощи врага, но и къ преодолѣнію тѣхъ неслыханныхъ затрудненій, которыя современная война создаетъ для промышленности и торговли, для снабженія всѣмъ необходимымъ многомилліонныхъ армій и для пропитанія мирнаго населенія. Въ этомъ направленіи, въ смыслѣ реорганизаціи экономической жизни, Англія и Германія болѣе всѣхъ другихъ воюющихъ странъ проявили творческой энергіи, и поэтому сосредоточеніе изложенія Гекшера именно на томъ, что дѣлалось въ этихъ двухъ государствахъ, является несомнѣнной заслугой его труда.

Ред.

Экономика міровой войны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Настоящее положеніе и экономическая наука.

Экономическіе моменты, какъ извѣстно, въ нынѣшней войнѣ играютъ гораздо болѣе видную роль, чѣмъ это бывало при великихъ столкновеніяхъ, которыя пережило человѣчество раньше. Если при прежнихъ войнахъ экономическія задачи имѣли, по преимуществу, финансовый характеръ, т. е. сводились, главнымъ образомъ, къ покрытію деньгами военныхъ расходовъ, то на этотъ разъ война потребовала вниманія и къ конечной цѣли всякой экономической жизни, а именно, къ осуществленію того, что нужно людямъ, чтобы жить и дѣйствовать. Въ „Одѣ къ бѣдствующему Меркурію“ Бертеля Грипенберга война низвергаетъ „бога торговли и воровъ“:

Низвергнута власть твоя; нынѣ царятъ
Презрѣнные раньше кумиры.
И доблесть, и мужество козыри лишь
Въ игрѣ за владычество въ мірѣ.
Свистящія пули, стальные мечи
Разрушили лживыя чары,
И воинъ одинъ намъ дороже, чѣмъ всѣ
Хваленые рынка товары.

Въ дѣйствительности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — по счастію, не во всѣхъ — мы видимъ скорѣе обратное. Въ извѣстныхъ стадіяхъ войны Германія, вѣроятно, была бы готова отдать армейскій корпусъ за одинъ милліонъ тоннъ нѣкоторыхъ изъ „хваленыхъ товаровъ рынка“, а ея противники, навѣрно, были бы готовы заплатить столько же за безпрепятственный или хотя бы нѣсколько облегченной подвозъ нѣкоторыхъ другихъ. Торговля идетъ далеко не такъ оживленно, какъ обыкновенно, но зато ведется съ особою беззастѣнчивостью; и какъ это бываетъ всегда, когда нормальные способы удовлетворенія человѣческихъ потребно-

стей встрѣчаютъ препятствія, Меркурій чувствуетъ особую силу и болѣе, чѣмъ когда-либо, становится „богомъ воровъ и торгашей“. Задача найти матеріальныя средства, необходимыя для существованія народа, не есть что-либо случайное, отъ чего подъ тѣмъ или инымъ давленіемъ можно отказаться: это—одна изъ неизбѣжныхъ человѣческихъ задачъ и она выступаетъ на очередь рано или поздно — per fas et nefas.

Необычайно сильный и невиданный еще нами ударъ, какой нынѣшняя война нанесла промышленной жизни, внушилъ, повидимому, нѣкоторымъ мысль, что экономическая наука потеряла свое значеніе и что всѣ казавшіяся до сихъ поръ возможными заключенія о связи между причиной и дѣйствіемъ въ экономической области утратили цѣну. Трудно представить себѣ мысль, которая менѣе соотвѣтствовала бы дѣйствительности. Несмотря на то, что европейская государственная система трещитъ по всѣмъ швамъ, дѣло, насколько извѣстно, еще не дошло до того, чтобы представлялось нужнымъ въ какомъ-либо важномъ пунктѣ видоизмѣнить экономическую теорію. Мы сдѣлали драгоцѣнное открытіе—мы убѣдились въ необычайной эластичности и приспособляемости экономической жизни; но мы не видимъ и слѣда какихъ-либо глубокихъ измѣненій въ важнѣйшихъ выводахъ экономической науки. Съ точки зрѣнія самой науки это слѣдуетъ, пожалуй, считать проигрышемъ, такъ какъ никакихъ новыхъ большихъ завоеваній ею, очевидно, не сдѣлано, несмотря на то, что множество міровыхъ экономическихъ проблемъ еще ждутъ своего разрѣшенія. Но за то наглядно доказана устойчивость уже добытыхъ наукою заключеній; опытъ показалъ, что ея выводы сохраняютъ свою силу даже при очень ненормальныхъ обстоятельствахъ.

Возьмемъ для примѣра одну изъ немногихъ строго научныхъ попытокъ объективнаго изученія экономическихъ явленій нынѣшней войны—двѣ статьи J. M. Keyne въ редактируемомъ имъ Economic Journal (War and the Financial Situation, Aug. 1914, и The Prospects of Money, Nov. 1914). Мы найдемъ, что въ результатѣ совершенно безпристрастнаго изслѣдованія авторъ приходитъ къ заключеніямъ, которыя находятся въ полномъ согласіи съ тѣмъ, чему учила экономическая наука въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ. Впрочемъ, съ такимъ же успѣхомъ можно прямо обратиться къ классикамъ политической экономіи. Приведемъ два примѣра примѣнимости ихъ ученій къ настоящему положенію.

Одно изъ явленій, возбудившихъ величайшее удивленіе въ эту войну, это—исключительная неустойчивость вексельныхъ курсовъ; но если мы обратимся къ классическому труду Гошена по этому вопросу, а именно къ его „Ученію о заграничныхъ вексельныхъ курсахъ“, изданному въ 1863 г.,

то тамъ, въ четвертой главѣ, найдемъ изображеніе и объясненіе многихъ изъ наблюдающихся теперь явленій и при томъ столь наглядное, какъ будто книга написана въ нынѣшнемъ году.

„Что было бы, если бы вывозъ золота изъ страны, гдѣ цѣнность мѣновыхъ средствъ упала, былъ воспрещенъ? Или если бы было невозможно купить золото, потому что премія на это была бы воспрещена закономъ?... Предположимъ, что какой-нибудь купецъ послалъ хлопокъ въ Россію въ такое время, когда вывозъ благородныхъ металловъ оттуда былъ бы фактически воспрещенъ. Какъ ему получить плату?... Такъ какъ покупатель не можетъ послать благородныхъ металловъ, то ему представляется два выхода: или купить вексель на Англію отъ кого-либо другого, кто вывезъ туда товары и потому имѣетъ претензію къ какому-нибудь англійскому торговому дому, или самому отослать товары, которые можно продать въ Англіи. Если же экспортъ прекратился,... то онъ абсолютно лишенъ возможности произвести какой бы то ни было платежъ, если только онъ не найдетъ банкира или кого-либо другого, кто могъ бы выдать вексель на Англію... Но ясно, что относительно цѣны онъ окажется всецѣло во власти этого лица. Если бы русскіе, у которыхъ есть долги за границей—а это нерѣдкое явленіе — вынуждены были, чего бы это ни стоило, въ одинъ прекрасный день расплатиться со своими заграничными кредиторами англійской монетой, то ...нѣтъ никакой границы для измѣненій курса. ...Только предложеніе и спросъ устанавливаютъ цѣну“ *).

Другой примѣръ мы находимъ въ извѣстномъ сочиненіи Walter Bagehot „Lombard Street“, изданномъ въ 1873 г., одной изъ остроумнѣйшихъ и интереснѣйшихъ книгъ въ экономической литературѣ. Данное въ ней чрезвычайно наглядное изображеніе дѣятельности дѣлового міра при приближающемся кризисѣ и основанная на этомъ критика политики Англійскаго Банка во время кризисовъ въ серединѣ прошлаго столѣтія могли бы быть примѣнены почти слово въ слово къ положенію дѣлъ въ августѣ 1914 года. Въ высшей степени простой рецептъ Беджгота для борьбы съ кризисомъ сохраняетъ и нынѣ ту же силу, какую онъ имѣлъ тогда, когда былъ написанъ: сильное повышеніе дисконта, неограниченное дисконтированіе надежныхъ векселей, необходимое для этого расширеніе права выпуска билетовъ и—какъ награда за правильную политику—безостановочный размѣнъ билетовъ. Паника есть родъ нервнаго разстройства, и по правиламъ медицины нужно остерегаться, чтобы она не разыгралась еще сильнѣе изъ-за недостатка пищи. Умудренный своими прежними ошибками, указанными въ свое время Беджготомъ, и усвоившій такимъ образомъ его взгляды, Англійскій Банкъ въ августѣ 1914 года примѣнилъ указанные этимъ ученымъ принципы, и ему удалось, — единственному изъ всѣхъ центральныхъ банковъ,—сохранить безостановочный размѣръ билетовъ.

*) G. J. Goschen, Theory of foreign exchanges (Лондонъ, 1863; въ 1894 г. вышло 16-ое изд.). Ср. франц. переводъ: Théorie des changes étrangers. Traduit et précédé d'une introduction par M. Léon Say (Парижъ, 2-ое изд., 1875, стр. 111—113).

То, на что указываютъ иногда, какъ на слабость Англіи при объявленіи войны и въ чемъ она, дѣйствительно, зашла слишкомъ далеко, а именно сильное повышеніе дисконта (до 10%), было именно крайнимъ примѣненіемъ одного изъ этихъ принциповъ и, какъ сказано, имѣло результатомъ безостановочный размѣнъ билетовъ, а также—и это весьма характерно—чрезвычайно быстрое возвращеніе къ обычнымъ почти процентамъ [1]). Что другія кредитныя учрежденія въ Англіи при началѣ войны функціонировали изъ рукъ вонъ плохо, это зависѣло, во-первыхъ, отъ того особеннаго положенія, въ которомъ очутилась Англія, въ качествѣ мірового кредитора, благодаря пріостановкѣ заграничныхъ платежей, а также и оттого, что частные банки не послѣдовали примѣру центральнаго банка.

Въ связи съ этимъ есть основаніе вспомнить о болѣе раннемъ спорѣ, касавшемся цѣнности денегъ, — о спорѣ, который въ высокой степени способствовалъ уясненію денежной теоріи и поводомъ для котораго послужило положеніе, весьма схожее съ нынѣшнимъ,—именно обращеніе не подлежавшихъ размѣну билетовъ во время наполеоновскихъ войнъ. Тотъ, кто впервые внесъ полную ясность въ представленія о соотношеніи между цѣнностью золота и цѣнностью не подлежащихъ размѣну билетовъ, а также высотой вексельнаго курса, былъ сильнѣйшій изъ теоретиковъ политической экономіи, Рикардо. На его ученіи были основаны заключенія образованнаго англійской нижней палатой въ 1810 году Bullion Committees, которыя во многихъ отношеніяхъ могутъ быть примѣнены и къ настоящему положенію. Министръ финансовъ Уонситтертъ заставилъ послушное ему парламентское большинство объявить билеты полноцѣнными, независимо отъ постоянно увеличивавшагося лажа на золото и паденія вексельныхъ курсовъ; но это нисколько не повліяло на дѣйствительное положеніе дѣлъ, и нижняя палата черезъ девять лѣтъ кончила тѣмъ, что признала ту точку зрѣнія, которую она раньше отвергла.

Мы не имѣемъ намѣренія увеличивать число этихъ примѣровъ, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующихъ главахъ мы еще дадимъ нѣкоторыя иллюстраціи, напр. по вопросу о безработицѣ и, въ особенности, о перемѣщеніяхъ капитала и труда. Основное положеніе классической теоріи оправдалось въ эту войну въ такихъ размѣрахъ, которые оказались даже

---

[1]) Повышеніе дисконта съ 8% до 10% (послѣ того какъ наканунѣ сдѣлано было повышеніе съ 4% на 8%) объясняется вообще слѣпой вѣрностью англійскаго финансоваго департамента прецеденту, согласно которому при отступленіи отъ правилъ выпуска билетовъ (то, что обычно называется пріостановкой банковскаго закона) дисконтъ устанавливается въ 10%. Въ дѣйствительности банку не было никакой надобности пользоваться предоставленнымъ ему правомъ.

въ противорѣчіи съ предположеніями новѣйшихъ экономистовъ. Интересно отмѣтить удивительное соотвѣтствіе между нынѣшнимъ экономическимъ положеніемъ во время войны и тѣмъ предположеніемъ, изъ котораго исходилъ Рикардо въ своей знаменитой теоріи международной торговли, а именно, что капиталъ и рабочая сила находятся въ болѣе или менѣе свободномъ обращеніи внутри страны и, наоборотъ, не переходятъ изъ одной страны въ другую. Вообще политическая экономія оказалась особенно хорошо вооруженной, именно для данныхъ обстоятельствъ, такъ какъ теоретическія основы этой науки въ главныхъ своихъ частяхъ были заложены во время наполеоновскихъ войнъ, создавшихъ экономическое положеніе, съ которымъ нынѣшнее имѣетъ много общаго.

Въ чемъ же состоитъ новое въ настоящей экономической ситуаціи, — новое по сравненію не только съ положеніемъ до войны, но и съ тѣмъ, чего ожидали въ связи съ войной? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ объясненіе и вышеупомянутому мнѣнію о несостоятельности экономической науки, каковое явилось именно вслѣдствіе неожиданности создавшагося положенія.

Новое въ ситуаціи то, что нынѣшняя война — такъ же какъ и наполеоновскія войны, но съ нѣсколько большею сознательностью и значительно большимъ эффектомъ—прямо направлена на уничтоженіе матеріальныхъ рессурсовъ и къ подрыву хозяйственной жизни непріятеля, а косвенно, и нейтральныхъ странъ. Измѣнились, въ сущности, самые методы войны, и измѣнились настолько кореннымъ образомъ, что отъ „международнаго права“ въ войнѣ, можно сказать, не осталось камня на камнѣ. Это повело къ тому — и здѣсь, вѣроятно, главное объясненіе того недоразумѣнія, о которомъ только что шла рѣчь, — что высказывавшіяся раньше мнѣнія и предположенія о необходимыхъ, съ экономической точки зрѣнія, приготовленіяхъ къ войнѣ, оказались въ значительной своей части несостоятельными. Суть дѣла очень проста: всѣ готовились къ совершенно другой военной ситуаціи, чѣмъ та, которая оказалась въ дѣйствительности, и потому, вполнѣ естественно, предлагали безполезныя или во всякомъ случаѣ недостаточныя мѣры. Что экономическая наука некомпетентна въ вопросѣ о способахъ веденія войвы, — это ясно само по себѣ, хотя все же, можетъ быть, и нужно указывать на это. Какъ бы то ни было, представители этой науки, какъ и всѣ, готовились къ войнѣ другого рода, чѣмъ та, которая намъ досталась. Разъ мы знаемъ или думаемъ, что знаемъ, какъ будетъ вестись война—разъ установлена одна или, если угодно, нѣсколько альтернативныхъ ситуацій въ качествѣ вѣроятныхъ исходныхъ пунктовъ, — то экономическая наука вступаетъ въ свои права и

можетъ указать вліяніе различныхъ факторовъ на хозяйственную жизнь и тѣмъ самымъ освѣтить различные выходы изъ того положенія, какое при этомъ получится. Нельзя, конечно, требовать отъ нея безошибочнаго рѣшенія такой задачи. И нами было констатировано лишь то, что при данныхъ условіяхъ слѣдствія оказались такими, какія предусматривались наукой сто лѣтъ тому назадъ.

При этомъ отнюдь не отрицается, а напротивъ, ясно признается, что война даетъ поводъ и основаніе къ совершенно справедливымъ требованіямъ относительно пересмотра и перестройки многихъ изъ экономическихъ отношеній. Но это никоимъ образомъ не касается экономической науки. Наука, какъ таковая, не предъявляетъ никакихъ требованій; она только устанавливаетъ связь между причиною и дѣйствіемъ. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о покровительственномъ тарифѣ или о свободѣ торговли. Наука, какъ таковая, такъ же мало склонна къ протекціонизму, какъ и къ свободѣ торговли: она только указываетъ, что таможенные тарифы оказываютъ извѣстное дѣйствіе—можетъ быть, и не предусмотрѣнное профанами,—и не оказываютъ другихъ дѣйствій—профанами, можетъ быть, и предполагаемыхъ,—и что отсутствіе таможенныхъ тарифовъ опять-таки оказываетъ свое дѣйствіе, можетъ быть, не всегда легко уловимое. Если мы на основаніи этого требуемъ покровительственныхъ тарифовъ или свободы торговли, то это зависитъ исключительно отъ нашей оцѣнки указанныхъ наукою въ томъ и другомъ случаѣ послѣдствій. Возвращаемся къ настоящему положенію. Если война не создала новаго пониманія дѣйствія таможенныхъ тарифовъ, то ясно, что она ничего не поколебала въ выводахъ самой науки касательно торговой политики. Но это не мѣшаетъ предположенію, что война побудитъ насъ дѣйствовать въ таможенномъ вопросѣ иначе, чѣмъ мы дѣйствовали раньше,—и это совсѣмъ другое дѣло. Другими словами, оставаясь при прежнихъ взглядахъ на дѣйствіе таможенныхъ тарифовъ, мы можемъ, на основаніи опыта войны, перейти, напр., изъ лагеря сторонниковъ свободной торговли въ лагерь протекціонистовъ и сдѣлать это безъ всякой тѣни непослѣдовательности. Мы просто напросто находимъ въ этомъ случаѣ, что такія-то послѣдствія таможенной пошлины при измѣнившемся положеніи пріобрѣли бо́льшую цѣнность сравнительно съ другими. Болѣе подробное развитіе этой темы относится къ дальнѣйшему (гл. V). Сейчасъ же достаточно отмѣтить одно. Тотъ военно-политическій фактъ, что во время войны страна, даже нейтральная, можетъ оказаться отрѣзанной отъ ввоза предметовъ первой необходимости, очевидно, приводитъ совершенно автоматически къ тому заключенію, что она должна имѣть эти товары у себя, если не хочетъ рисковать погибнуть отъ голода. Этотъ простой

выводъ настолько же неоспоримъ и не можетъ быть оспариваемъ, насколько не поддается какимъ-либо дальнѣйшимъ доказательствамъ и не нуждается въ нихъ. Если же выводъ вѣренъ, — а онъ, повидимому, вытекаетъ изъ нынѣшней войны,—то наука можетъ придти на помощь только въ вопросѣ о дѣйствіи различныхъ средствъ для достиженія намѣченной цѣли. И въ этомъ отношеніи она можетъ сдѣлать не такъ мало, какъ это будетъ указано ниже.

Война и притомъ такая, которая направлена прямо противъ того, что называется экономической дѣятельностью и экономической организаціей, порождаетъ въ массѣ коммерсантовъ наглость и нечестность, напоминающіе „торговлю“ добраго стараго временн, которая скорѣе была похожа на разбой. Это въ свою очередь вызываетъ въ широкихъ кругахъ общества и его органахъ, носителяхъ политической власти, чувство страха и раздраженія. Въ результатѣ грубые инстинкты нерѣдко берутъ перевѣсъ надъ спокойнымъ и яснымъ размышленіемъ. Подобныя явленія — они наблюдались, напримѣръ, во время французской революціи, когда вѣшали пекарей, чтобы добиться болѣе дешеваго хлѣба, и т. п.,—особенно легко возникаютъ въ экономической области, потому что освѣдомленность правительства въ экономическихъ отношеніяхъ всегда бываетъ значительно меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ сферѣ внѣшней политики или въ военныхъ дѣлахъ; можетъ быть, также и потому, что объ экономическихъ вопросахъ каждый считаетъ себя въ правѣ судить на основаніи своего собственнаго ничтожнаго опыта. Въ такое время мало считаются съ экономической наукой; и мы видимъ поэтому, что самыя нелѣпыя мѣры, которыя, казалось, окончательно осуждены наукой, вновь выступаютъ на сцену и проводятся почти безъ сопротивленія. Политическая экономія, чтобы имѣть какую-нибудь цѣнность, должна быть вполнѣ раціоналистическимъ ученіемъ, потому-то ее и не жалуютъ въ такія времена, когда примитивные инстинкты властвуютъ болѣе, чѣмъ въ нормальное время. Слѣдуетъ однако спросить себя, насколько неизбѣжна и цѣлесообразна уступчивость правящихъ сферъ по отношенію къ экономическому невѣжеству и притомъ въ такомъ объемѣ, въ какомъ это практикуется? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. въ вопросѣ о золотѣ, особенно сильно приходится сомнѣваться въ этомъ, тѣмъ болѣе, что сами правительства, безспорно, содѣйствовали созданію или поддержанію того заблужденія, которымъ они теперь руководствуются. Но и въ другихъ случаяхъ, гдѣ никто не можетъ сомнѣваться въ врожденномъ экономическомъ невѣжествѣ „примитивнаго человѣка“, получается опредѣленное впечатлѣніе, что правящая власть сдѣлала бы лучше, если бы не руководилась его воззрѣніями въ своей дѣятельности. Повсюду

правительство въ военное время дѣйствуетъ по-патріархальному—оно даетъ совѣты и наставленія гражданамъ въ ихъ повседневной дѣятельности, и граждане принимаютъ эти совѣты къ свѣдѣнію совсѣмъ иначе, чѣмъ при нормальныхъ обстоятельствахъ. Сама собой является мысль, что отношеніе, противоположное тому, которое замѣчается теперь къ экономическому невѣжеству, дало бы совершенно другіе результаты.

Какъ бы то ни было, если вина лежитъ въ неясныхъ представленіяхъ общества, и если „сильные міра сего" ничего не въ состояніи сдѣлать противъ нихъ, то ясно, что единственная возможность достигнуть улучшенія состоитъ въ томъ, чтобы выяснить передъ самимъ обществомъ суть дѣла. Это-то мы и постараемся сдѣлать по мѣрѣ возможности; и послѣ сказаннаго каждому читателю должно быть ясно, что ссылка на фактически принятую въ одной или нѣсколькихъ странахъ во время настоящей войны политику не можетъ служить ни подтвержденіемъ, ни опроверженіемъ нашего изложенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Экономія войны.

Какъ дѣйствуетъ война на хозяйственную жизнь? Этотъ вопросъ слѣдуетъ уяснить себѣ прежде всего, и ясность здѣсь особенно необходима, потому что профаны нерѣдко ссылаются на не имѣющія никакого значенія или совершенно не существующія потери, а съ другой стороны, видятъ экономическія выгоды отъ войны въ томъ, что на самомъ дѣлѣ составляетъ величайшія потери. Отвѣтъ на нашъ вопросъ явится вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтомъ и на вопросъ о дѣйствительныхъ экономическихъ потеряхъ и издержкахъ, измѣряемыхъ не займами или налогами, но матеріальными вещами; въ этомъ отношеніи также нерѣдко приходится встрѣчаться съ совершенно ошибочными представленіями о значеніи тѣхъ или иныхъ цифръ.

Можно сказать, что вредъ, наносимый войной матеріальной жизни, бываетъ двоякаго рода: въ однихъ случаяхъ война наноситъ его непосредственно, въ другихъ—онъ происходитъ отъ дефектовъ въ организаціи промышленной жизни, отъ дефектовъ, которые въ значительной степени неизбѣжно обостряются войной, особенно когда она ведется такъ, какъ нынѣшняя. Хотя война оказываетъ такимъ образомъ свое дѣйствіе и въ тѣхъ, и въ другихъ случаяхъ, но,

какъ увидимъ дальше, намъ придется имѣть дѣло съ двумя, существенно различными между собою, явленіями.

Что касается непосредственнаго дѣйствія самой войны, то тутъ мы прежде всего встрѣчаемъ потерю капиталовъ. Это такого рода дѣйствіе войны, которое почти всегда переоцѣнивается въ обычныхъ разсужденіяхъ. Отличительную особенность капитала, какъ и всякаго имущества, составляетъ то, что онъ не можетъ измѣняться приблизительно съ тою же скоростью, какъ доходъ. Война лишь въ ограниченной степени можетъ воспользоваться непосредственно капиталомъ; разрушеніе же его, производимое войной, далеко не имѣетъ тѣхъ размѣровъ, какіе ему обыкновенно, приписываютъ.

Матеріальныя цѣнности, вложенныя въ желѣзныя дороги, портовыя сооруженія, зданія, машины и другой фабричный инвентарь, почти никогда не могутъ быть обращены на другія надобности и только въ извѣстныхъ предѣлахъ имъ можетъ быть дано новое употребленіе.

„Германская армія не можетъ ѣсть желѣзныхъ дорогъ или одѣваться въ кирпичъ и известку“. Эти предметы обыкновенно не погибаютъ во время войны—съ чисто матеріальной точки зрѣнія,—но остаются на лицо и послѣ ея окончанія. Правда, и въ этихъ своихъ частяхъ капиталъ, главнымъ образомъ, благодаря употребленію, а иногда даже и безъ этого, теряетъ долю своей матеріальной цѣнности, что и выражается въ бухгалтеріи списываньемъ опредѣленной суммы въ расходъ на ея погашеніе. Если средства производства не остаются въ своемъ прежнемъ состояніи, благодаря новымъ работамъ или тратамъ,— тѣмъ болѣе, если они употребляются для военной промышленности, — то происходитъ уменьшеніе капитала, которое, впрочемъ, бываетъ умѣреннымъ, если война непродолжительна и промышленныя заведенія бездѣйствуютъ лишь отчасти.

Другая часть капитала, наоборотъ, настолько подвижна, что безъ труда можетъ быть освобождена. Сюда относятся такія средства производства, которыя могутъ непосредственно идти и на потребленіе, какъ напр. скотъ, который въ Германіи, вѣроятно, значительно уменьшился въ своей численности, или лѣсныя богатства, сильно пострадавшія на французскомъ театрѣ и также, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, тѣ части національнаго капитала, которыя имѣютъ такой характеръ,—наиболѣе полно онъ выраженъ въ складахъ товаровъ,—очевидно, незначительны по сравненію съ цѣлымъ. Цифры, иллюстрирующія эту сторону дѣла, трудно привести, потому что не принято оцѣнивать и подсчитывать имущество съ точки зрѣнія пригодности его для непосредственнаго потребленія. Тотъ, кто хочетъ „съѣсть свой ка-

питалъ", дѣлаетъ это, продавая свое имущество другимъ и покупая предметы потребленія на вырученныя такимъ образомъ деньги, а не потребляетъ этого имущества непосредственно. Если мы причислимъ къ данной категоріи половину всего имѣющагося на рынкѣ скота, всѣ запасы продуктовъ земледѣлія, половину лѣсного капитала, двѣ трети промышленныхъ и торговыхъ складовъ, а также третью часть движимаго имущества, находящагося въ рукахъ потребителей, то получимъ скорѣе преувеличенную, чѣмъ преуменьшенную цифру; особенно это нужно сказать о двухъ самыхъ крупныхъ статьяхъ,—о лѣсномъ капиталѣ и промышленныхъ складахъ. По отчету о національныхъ имуществахъ начальника бюро Флудстрёма, названныя части капитала для Швеціи составляютъ въ общемъ около 2.400 милліоновъ кронъ или едва 16% валовой стоимости національнаго имущества. Нужно думать, что это — максимумъ того, что изъ національнаго капитала можетъ быть непосредственно обращено на нужды войны.

Можно съ извѣстнымъ правомъ утверждать, что цѣнность капитала опредѣляется отнюдь не матеріальнымъ его составомъ, а единственно его прибыльностью; и, если доходъ, приносимый капиталомъ, вслѣдствіе войны прекратится или уменьшится, то это тоже слѣдуетъ разсматривать, какъ убыль капитала. Но въ большинствѣ случаевъ этого-то именно нельзя предполагать. Очень заманчиво, конечно, особенно для практическихъ дѣльцовъ, измѣрять убытки, какіе нанесла капиталу война, паденіемъ курса акцій и облигацій, которое, особенно при самомъ началѣ войны, бываетъ всегда очень сильно; такъ, напр., англійскій журналъ The Bankers' Magazine сдѣлалъ подсчетъ паденія курса бумагъ только 387 предпріятій за время между 20 и 30 іюля 1914 г. и получилъ внушительную сумму въ 188 милліоновъ ф. стерл. Но это, большей частью, было чисто случайное пониженіе, зависѣвшее отъ „паники", т. е. отъ произвольной, чисто субъективной переоцѣнки дѣйствительнаго риска; если предпріятія послѣ окончанія войны придутъ въ прежнее состояніе, то они будутъ давать прежній доходъ и бумаги ихъ поднимутся до прежняго уровня.

Изъ того обстоятельства, что значительная часть капитала при всемъ желаніи не можетъ быть использована во время войны, вытекаетъ также существенная поправка и къ обычному представленію о значеніи національнаго имущества. Какъ ясно изъ сказаннаго, послѣднее, въ большей своей части, не можетъ быть прямо обращено ни на покрытіе военныхъ расходовъ, ни для поддержки страны при веденіи войны. Поэтому, когда капиталисты предоставляютъ государству свои капиталы для финансированія войны, то—какъ ни странно это покажется—въ дѣйствительности они нисколько

этимъ не содѣйствуютъ достиженію цѣли. Насколько имъ удается достигнуть кое-чего косвенно, объ этомъ будетъ подробнѣе сказано въ главѣ шестой; но о томъ, что этотъ моментъ вообще чрезмѣрно переоцѣнивается, можно сказать уже теперь.

Можно ли изъ сказаннаго вывести такое заключеніе, что потери капитала во время войны не имѣютъ никакого значенія? Конечно, нѣтъ. Прежде всего, паденіе курса цѣнныхъ бумагъ до нѣкоторой степени является показателемъ дѣйствительнаго уменьшенія цѣнностей, именно вслѣдствіе уменьшенія доходности многихъ предпріятій во время самой войны. Тотъ фактъ, что предпріятіе не даетъ никакой прибыли, скажемъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, означаетъ потерю ренты за два года, что при громадныхъ размѣрахъ капиталовъ, вложенныхъ въ современную промышленность и нынѣшніе пути сообщенія, кое-что значитъ; эта потеря ренты должна быть вычтена изъ цѣнности капитала, какую онъ имѣлъ до начала войны, и, слѣдовательно, обусловливаетъ чисто объективное ея пониженіе. Впрочемъ, если это уменьшеніе принимается во вниманіе при исчисленіи доходовъ, то нѣтъ надобности долѣе заниматься имъ въ настоящемъ мѣстѣ.

Гораздо бо́льшая,—въ извѣстномъ смыслѣ можно даже сказать, огромная—потеря капитала происходитъ на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій; и, если бы война велась на всей территоріи воюющихъ странъ, то убытки достигли бы баснословныхъ размѣровъ. Къ счастью, какъ извѣстно, до этого еще далеко. Убытки Англіи въ этомъ отношеніи сводятся, главнымъ образомъ, къ потерѣ судовъ; помимо же этого отъ военныхъ дѣйствій въ ней пострадали лишь нѣкоторые приморскіе города и въ ничтожной, сравнительно, степени Лондонъ; убытки Германіи ограничиваются Восточной Пруссіей, отчасти Эльзасомъ и колоніями; во Франціи пострадали 10 департаментовъ изъ 84; въ Австро-Венгріи—Галиція и Буковина; въ Россіи Польша, Литва и Курляндія. Изъ этихъ странъ, пожалуй, только три послѣднія — Франція, Австрія и Россія—понесли потери, имѣющія большое значеніе въ соотвѣтственныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Только въ одномъ государствѣ (кромѣ Сербіи) потери капитала въ этой формѣ выступаютъ на первый планъ,—именно въ Бельгіи, гдѣ онѣ представляются огромными.

Мы не имѣемъ намѣренія входить здѣсь въ подробную оцѣнку стоимости войны. Притомъ подобныя вычисленія часто ведутъ только къ затемненію дѣйствительнаго положенія вещей, являясь въ настоящее время просто напросто статистическими фантазіями. Однако, чтобы дать какую-нибудь точку опоры для мысли — не съ другой какой-либо цѣлью—приведемъ добросовѣстное по намѣреніямъ, но не

по результатамъ вычисленіе предполагаемыхъ издержекъ за первый годъ войны, произведенный Mr. Edgar Crammond'омъ въ Royal Statistic Society въ мартѣ мѣсяцѣ 1916 года, хотя надо сказать, что его статья при ея опубликованіи, подвергнута очень основательной критикѣ [1]).

Изъ общей суммы стоимости войны за одинъ годъ, достигающей по этому подсчету 170 милліардовъ кронъ, — многія цифры уже оказались слишкомъ низкими, — лишь около 11 милліардовъ, т. е. 6,5% или $^1/_{15}$—$^1/_{16}$ общей суммы составляетъ стоимость разоренныхъ и разрушенныхъ имуществъ. Абсолютная цифра, вѣроятно, ниже дѣйствительной, но этотъ разсчетъ даетъ все-таки нѣкоторое представленіе о роли, какую играетъ убыль капитала отъ военныхъ дѣйствій въ общей стоимости войны. Надо сказать, что для Германіи и Англіи не приведено никакихъ суммъ подъ этой рубрикой, что, очевидно, нелѣпо; но и для Австро-Венгріи, Россіи и Франціи цифры составляютъ лишь 6,3, 6,6 и 9,5% всей стоимости войны. Только для Бельгіи сумма огромна: $4^1/_2$ милліарда кронъ или безъ малаго половина общей стоимости. Хотя основаніе и для этого послѣдняго подсчета очень шатко, но полученная Crammond'омъ сумма довольно близко подходитъ къ другимъ вычисленіямъ.

Остается еще одинъ огромный непосредственный убытокъ отъ войны, для будущаго во всѣхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, самый важный, который въ извѣстномъ смыслѣ можетъ разсматриваться, какъ потеря капитала: это—убыль человѣческихъ жизней и рабочей силы. По этому пункту также сдѣланы исчисленія, хотя эти исчисленія, пожалуй, еще болѣе сомнительнаго свойства, чѣмъ приведенныя выше. Общая цифра Mr. Crammond'а по этой статьѣ составляетъ около 42 милліардовъ, т. е. вчетверо меньше, чѣмъ имущественные убытки. Но эти разсчеты не только крайне неточны, — они, съ извѣстной точки зрѣнія, и безсмысленны, такъ какъ человѣкъ прежде всего есть цѣль и только отчасти является средствомъ хозяйственной дѣятельности. Поэтому мы чувствуемъ инстинктивное отвращеніе къ этой оцѣнкѣ деньгами человѣческой жизни; она нелѣпа уже потому, что эти жертвы стоятъ внѣ всякихъ экономическихъ разсчетовъ. Но если даже закрыть глаза на всю щекотливость подобной оцѣнки и дерзнуть разсматривать человѣка только, какъ факторъ производства, то и тогда мы встрѣтимъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ кажется. Когда мы пытаемся оцѣнить національный ущербъ, наносимый войною въ видѣ человѣческихъ жертвъ, то мы должны подразумѣвать подъ этимъ то уменьшеніе экономическихъ силъ, которому подвергнется

---

[1]) The Cost of the War, въ майской книжкѣ назв. журнала. Сравни Ekonomisk Tidskrift. 1915, вып. 10.

населеніе страны, какъ цѣлое, вслѣдствіе войны. Но въ такомъ случаѣ нельзя закрывать глаза и на тѣ измѣненія, которыя благодаря войнѣ произойдутъ во всѣхъ остальныхъ людяхъ, кромѣ убитыхъ и раненыхъ. Эти измѣненія, въ свою очередь, почти неисчислимы, такъ какъ война и создаваемое ею новое политическое положеніе освобождаютъ цѣлыя массы моральныхъ и аморальныхъ силъ въ народѣ, даже независимо отъ демографическихъ измѣненій въ немъ (рождаемость и т. д.), которыя, какъ полагаютъ, иногда обусловливаются войною. Новыя силы могутъ или увеличить экономическую доходность человѣческаго капитала въ гораздо большей степени, чѣмъ ее уменьшили потери жизней и крови — вспомнимъ для примѣра Германію послѣ франко-прусской войны — или, наоборотъ, усугубить вредъ, причиненный самой войной. Какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ случаѣ остается въ силѣ глубокая истина, которую подарилъ человѣчеству германскій экономистъ и фанатикъ Фридрихъ Листъ: сила, создающая богатства, важнѣе самыхъ богатствъ.

Кромѣ того, въ настоящій моментъ, можетъ быть, лучше всего воздержаться отъ разсужденій о вліяніи войны, послѣ ея окончанія, на дальнѣйшую экономическую жизнь, за исключеніемъ лишь тѣхъ сторонъ, которыя болѣе или менѣе ясны сами по себѣ, такъ какъ вообще мы ничего, въ сущности, объ этомъ не знаемъ. Если же не говорить о томъ, что будетъ послѣ войны, то вопросъ объ убыли людей съ нѣкоторымъ основаніемъ можно изъять изъ обсужденія, такъ какъ во время самой войны люди, находящіеся на театрѣ военныхъ дѣйствій даже, если они и живы, все равно не принимаютъ участія въ производительной дѣятельности.

Уменьшеніе доходовъ во время войны имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ потеря капиталовъ; собственно говоря, только это и слѣдуетъ учитывать, такъ какъ въ этомъ именно выражается вліяніе войны на промышленную жизнь. И здѣсь всего ярче сказывается разница между непосредственно вызываемыми войной потерями и потерями, обусловливаемыми недостаточной приспособленностью промышленной жизни.

Безусловно самый важный ущербъ, непосредственно причиняемый войной, но о которомъ почему-то принято говорить меньше всего, состоитъ въ громадномъ количествѣ производителей, отрываемыхъ отъ своей мирной дѣятельности. Когда толкуютъ объ экономическомъ вліяніи войны, то какъ разъ это обыкновенно вносится въ ея кредитъ; говорится или подразумѣвается, что война до нѣкоторой степени возмѣщаетъ наносимый ею экономическій ущербъ тѣмъ, „что отвлекаетъ рабочую силу“, и что война, которая могла бы вестись безъ людей, если бы это было возможно, или, по крайней мѣрѣ, съ небольшими арміями или только

съ флотомъ, требующимъ всегда гораздо меньше людей, чѣмъ сухопутныя арміи, — причиняла бы гораздо бо́льшій экономическій вредъ. Какъ можно было придти къ такому взгляду, это мы сейчасъ увидимъ; но трудно придумать что-нибудь другое, что бы болѣе противорѣчило дѣйствительности. Самое драгоцѣнное изъ всѣхъ производительныхъ средствъ — это человѣческая рабочая сила, и устраненіе ея наноситъ величайшій и непосредственный ущербъ доходамъ націи—ущербъ, который вдобавокъ менѣе, чѣмъ какой-либо другой, можетъ быть возмѣщенъ послѣ войны. Тотъ день или тотъ годъ, въ который человѣкъ не работалъ, потерянъ навсегда; послѣ того онъ не можетъ работать по два дня въ день или по два года въ годъ. Какъ сила воды, такъ и рабочая сила безвозвратно потеряна, если ею не воспользовались; обѣ эти силы въ такомъ случаѣ пропадаютъ зря, не принося никакой экономической пользы.

Среди цифръ Mr. Crammond'a нѣтъ никакого матеріала для исчисленія этихъ потерь. Французскій политикъ и quasi-экономистъ M. Yves Guyot оцѣнилъ „потерю рабочихъ дней“ за первое полугодіе приблизительно въ 36 милліардовъ кронъ. Большею своею частію эта потеря проходитъ внѣ государственнаго и, въ частности, военнаго бюджета (такъ наз. прямыхъ военныхъ расходовъ), но частью входитъ и туда, именно въ видѣ пособій, выдаваемыхъ семьямъ солдатъ, чѣмъ до извѣстной степени возмѣщаются убытки, наносимые уходомъ работниковъ: съ другой стороны, эта потеря сказывается и въ приходной части государственнаго бюджета уменьшеніемъ налоговыхъ поступленій. Однако главнымъ слѣдствіемъ ослабленія производительной дѣятельности, является уменьшеніе количества продуктовъ—даже предметовъ первой необходимости и продуктовъ питанія,— и на этомъ всего лучше можно видѣть, во что обходится война. Впрочемъ, продукты представляютъ собой результатъ не одной работы человѣка, но результатъ соединенія ея съ двумя другими производительными факторами, землей и капиталомъ. Но, такъ какъ рѣдко можно достигнуть чего-либо безъ участія рабочей силы, то отсутствіе ея ведетъ къ бездѣйствію и прочихъ производительныхъ факторовъ или, что то же самое, къ упомянутой выше потерѣ ренты,— къ потерѣ далеко не маленькой. Другими словами, уменьшеніе производительности равняется цѣнности „потерянныхъ рабочихъ дней“ плюсъ рента на ту землю и—еще болѣе— на тотъ капиталъ, (фабричныя сооруженія, рудники и т. д.), которые вслѣдствіе недостатка рабочей силы не могутъ быть использованы.

Итакъ, большія доли наилучшей производительной силы въ странѣ исключаются изъ обращенія, и черезъ это умень-

шается количество продуктовъ. Но это еще не все. И та рабочая сила, которая остается налицо, далеко не вся идетъ на удовлетвореніе обычныхъ нуждъ народа. Производительныя силы, въ значительной ихъ части, направляются на обслуживаніе войны, и въ результатѣ получается новое, очень сильное уменьшеніе обычныхъ доходовъ страны, какъ прямое слѣдствіе войны. Стоитъ только бросить взглядъ на теперешнюю военную промышленность, чтобы увидѣть, какіе размѣры она приняла. Заводы оружейные и для изготовленія снарядовъ, верфи для постройки подводныхъ лодокъ и другихъ военныхъ судовъ, фабрики для сооруженія аэроплановъ, текстильныя фабрики для изготовленія военнаго платья, парусины и т. д., желѣзныя дороги и торговыя суда („вспомогательные крейсера“ и пр.), приспособленныя для военныхъ надобностей, поглощающія ради нихъ уголь, масло и т. д. и требующія большого количества орудій, машинъ, вагоновъ, паровозовъ и т. д.—все это работаетъ подъ тяжелымъ гнетомъ сверхурочнаго труда и съ крайнимъ напряженіемъ своихъ рессурсовъ. Такимъ образомъ, производительныя силы, предназначенныя для удовлетворенія обычныхъ нуждъ человѣка, обращены на военныя цѣли, и ихъ тратится на это несравненно больше, чѣмъ въ мирное время: съ одной стороны, военные заводы привлекаютъ къ себѣ гораздо больше рабочихъ силъ, чѣмъ обычно, а съ другой—многія промышленныя предпріятія приспособляются къ военнымъ производствамъ вмѣсто тѣхъ, для которыхъ они служили въ мирное время. Эти затраты на войну очень велики и ихъ никакъ нельзя упускать изъ виду.

Такъ какъ въ собственной странѣ онѣ, надо полагать, оплачиваются большею частію наличными деньгами изъ государственной казны и составляютъ, вѣроятно, видную долю прямыхъ государственныхъ расходовъ на войну, то и не ускользаютъ, съ этой точки зрѣнія, отъ общаго вниманія. Но въ другомъ отношеніи на этотъ счетъ господствуетъ такое же смѣшеніе понятій, какъ и въ вопросѣ о „поглощаемыхъ“ самими арміями „рабочихъ силахъ“; полагаютъ, будто бы война, давая занятіе населенію, тѣмъ самымъ приноситъ пользу. Конечно, если бы проблема народнаго хозяйства заключалась въ томъ, чтобы давать людямъ работу и оплачивать ее изъ государственной кассы, то ничего не могло бы быть проще этой задачи. Пользоваться рабочей силой людей всегда значитъ обрекать общество на жертву, такъ какъ рабочая сила — самая дорогая изъ всѣхъ экономическихъ цѣнностей. Если жертва приносится ради доброй цѣли, то противъ нея ничего нельзя возразить; но что ею пріобрѣтается, это показываетъ достоинство самой цѣли, расходъ же рабочей силы выражаетъ (отчасти), чего стоилъ результатъ. Изъ сказаннаго ясно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ крупныхъ военныхъ расходовъ.

Почти все, что до сихъ поръ было сказано о прямомъ, неблагопріятномъ вліяніи войны на промышленную жизнь, большинство, по крайней мѣрѣ, въ началѣ войны, сочло-бы, вѣроятно, не относящимся къ дѣлу, а то и прямо невѣрнымъ. Тогда жаловались не на то, что не хватаетъ людей, а на то, что ихъ слишкомъ много; и въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ видѣли главное вліяніе войны на рабочій рынокъ. Вотъ что говорилъ тогда о положеніи вещей нѣмецкій экономистъ проф. Зомбартъ: „Странно то, что, несмотря на всю массу рабочей силы, которую потребовала война, все еще огромное количество рабочихъ остается безъ работы". Но опытъ перваго года войны уже ясно показалъ всю ошибочность имѣвшихся на этотъ счетъ представленій и необходимость болѣе вдумчиваго отношенія къ данному вопросу.

Итакъ, въ началѣ говорили: дѣло не въ томъ, что не хватаетъ рабочихъ, а въ томъ, что нѣтъ сбыта тому, что они могли бы производить. Безспорно, такъ это и казалось на первый взглядъ. Не могли однако уяснить себѣ, почему спросъ на продукты и издѣлія и въ связи съ этимъ на рабочую силу на первыхъ порахъ уменьшился. При этомъ мы найдемъ, что два факта — уменьшеніе производительности и сокращеніе потребностей—неразрывно связаны другъ съ другомъ. Самый основной принципъ ученія о разпредѣленіи товаровъ, на который однако меньше всего обращается вниманіе при обычныхъ разсужденіяхъ, тотъ, что приходъ и расходъ населенія одинаковы [1]). Каждый человѣкъ, который либо самъ работаетъ въ экономической области, либо обладаетъ производительными средствами (землей или капиталомъ), которыя служатъ для той же цѣли, вноситъ извѣстную долю цѣнностей въ народное хозяйство, и сумма всѣхъ этихъ цѣнностей составляетъ національный приходъ; но эта сумма вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и „національный расходъ", такъ какъ означенныя лица всѣ вмѣстѣ употребляютъ свой приходъ на покупку и потребленіе ровно такого количества, которое они вмѣстѣ внесли. Это похоже на то, какъ если-бы всѣ люди данной страны сложили свои продукты въ одну большую кучу и затѣмъ взяли бы изъ нея все назадъ, только съ той разницей, что они получили-бы чужіе продукты взамѣнъ своихъ собственныхъ. Сокращеніе спроса во время войны зависитъ, стало быть, отъ сокращенія производства. Такъ какъ лучшія силы народа находятся на театрѣ военныхъ дѣйствій, то сокра-

[1]) Въ этой короткой замѣткѣ мы даемъ только главную суть дѣла и, въ частности, не касаемся вопроса о займахъ, которые употребляются на покупку продуктовъ заграницей. Но для нашей цѣли это и ненужно. Не мѣняетъ сути дѣла и тотъ фактъ, что часть производимаго сберегается.

БИБЛІОТЕКА СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

щается количество выполняемой въ странѣ работы, и семьи работниковъ—или другіе — располагаютъ въ такомъ случаѣ меньшими средствами къ существованію и, слѣдовательно, могутъ меньше покупать и потреблять. Никакая соціальная или иная политика не въ состояніи измѣнить этой связи между производствомъ и потребленіемъ. Можно, конечно, предоставить отдѣльнымъ лицамъ и группамъ получать больше чѣмъ они производятъ, другимъ меньше, но для народа, какъ цѣлаго, это невозможно.

Отсюда слѣдуетъ, что потребности или, вѣрнѣе, спросъ ограничивается тѣмъ, сколько производится. Въ данномъ случаѣ спросъ долженъ былъ уменьшиться тѣмъ болѣе, что часть рабочихъ, какъ мы видѣли, не могла найти себѣ занятій. Въ данномъ пунктѣ мы подошли къ другой группѣ потерь отъ войны,—именно тѣхъ, которыя зависятъ не отъ самой войны, а отъ трудности приспособить экономическій аппаратъ къ измѣнившимся вслѣдствіе войны условіямъ. Эту группу, обнимающую главную часть того, что обыкновенно понимается подъ экономическимъ вліяніемъ войны, можно коротко и ясно обозначить однимъ словомъ—разстройство. Основное различіе между обѣими группами то, что первая состоитъ изъ неизбѣжныхъ потерь, тогда какъ потери второй группы далеко не таковы, и вся экономическая предусмотрительность должна быть направлена къ ихъ предупрежденію или устраненію. Неправильнѣе всего считать эти потери неизбѣжными, и это тѣмъ болѣе нелѣпо, что, вообще говоря, онѣ имѣютъ тенденцію уменьшаться въ теченіе войны, въ противоположность дѣйствительнымъ военнымъ потерямъ, которыя непрерывно растутъ по мѣрѣ продолженія войны. Кажущаяся легкость, съ какою величайшія изъ воюющихъ странъ несутъ теперь тягости войны — наперекоръ Норману Энжеллю и другимъ лже-пророкамъ, — объясняется всецѣло успѣшной борьбой съ разстройствомъ промышленности; война подтвердила то, что болѣе, чѣмъ два года тому назадъ, говорилось въ критикѣ диллетантскихъ разсужденій Нормана Энжелля, что „если современная промышленная жизнь стала болѣе сплоченною и нѣкоторымъ образомъ болѣе чувствительною, то, съ другой стороны, она сдѣлалась и болѣе эластичной и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе устойчивой“ [1]).

Особое мѣсто занимаютъ разстройства, намѣренно производимыя въ экономической жизни непріятелемъ, что составляетъ особенно характерную черту настоящей войны, хотя многія даже изъ этихъ разстройствъ мало-по-малу улаживаются въ теченіе войны. Эти разстройства, хотя они и являются прямымъ слѣдствіемъ войны, именно, войны

[1]) Försvarsfragan („Вопросъ объ оборонѣ“), руководство, изд. редакціей журнала „Svensk Tidskrift“ (Sthlm, 1913), стр. 113.

экономической, удобнѣе все-таки разсматривать въ связи съ прочими явленіями этого рода.

Разстройства бываютъ внутреннія и внѣшнія: первыя зависятъ только отъ того, что собственное народное хозяйство получаетъ иныя производительныя силы и новыя задачи; вторыя обусловливаются измѣнившимся положеніемъ по отношенію къ производству и потребленію другихъ странъ. Что касается внутреннихъ разстройствъ, то необходимо, конечно, стремиться, оставляя въ сторонѣ почти всѣ другія цѣли, достигнуть максимума приспособленности и минимума треній. Конечно, плохо, что нельзя воспользоваться услугами взятыхъ на войну; нечего и думать достигнуть полнаго возмѣщенія ихъ собственной работы и работы прочихъ производительныхъ факторовъ, которыми они въ другое время управляли или которымъ содѣйствовали. Но этотъ важный ущербъ долженъ возмѣщаться, насколько это возможно, болѣе широкимъ, чѣмъ обыкновенно, примѣненіемъ всѣхъ производительныхъ человѣческихъ силъ, которыми страна обладаетъ. Главное же, нельзя увеличивать его, оставляя безъ использованія ту рабочую силу, которая имѣется въ наличности. Трудность заключается въ томъ, что Провидѣнію не угодно было, чтобы оставались въ наличности именно тѣ рабочія силы, которыя нужны, и отвлекались тѣ, которыхъ война сдѣлала ненужными. Наоборотъ, во многихъ случаяхъ приходится констатировать фактъ досадной дисгармоніи: какъ разъ тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ ощущается наибольшая потребность во время войны, располагаютъ и наиболѣе пригодными для войны кадрами рабочихъ—напр. такъ называемая тяжелая индустрія,—тогда какъ въ нѣкоторыхъ, менѣе важныхъ для войны производствахъ, по самому характеру своему не требующихъ примѣненія большой физической силы,—напримѣръ, въ типографіяхъ, парикмахерскихъ и т. д.—имѣется значительный процентъ лицъ, не годныхъ для военной службы. Кромѣ того, значительное количество совершенно безполезныхъ въ военное время отраслей производства, напр. вырабатывающихъ предметы роскоши, пользуются трудомъ женщинъ, котораго уже совершенно не затрагиваетъ мобилизація. Задача, стало быть, состоитъ въ томъ, чтобы въ возможно широкой степени направить наличныя производительныя силы туда, гдѣ онѣ нужны. При этомъ возможно достигнуть очень многаго,—достойно удивленія напр. то, что сдѣлано въ этомъ отношеніи, прежде всего Германіей, а затѣмъ также Англіей. Но огромный вредъ причиняютъ въ этомъ случаѣ безсистемность, упрямство и недостатокъ приспособляемости. Можно уберечь мирное населеніе отъ многихъ бѣдствій войны, не говоря уже о томъ, что можно сдѣлать для самой войны, если все дѣлается, какъ слѣдуетъ, если, по крайней мѣрѣ,

ошибочная соціальная политика не становится поперекъ дороги благодѣтельной силѣ самой экономической организаціи, этой vis medicatrix naturae. Особенно поучительно все растущее примѣненіе женскаго труда, замѣняющаго трудъ взятыхъ на войну рабочихъ,—явленіе, которое наблюдается во всѣхъ воюющихъ странахъ и на которое чаще всего указывается, какъ на одно изъ слѣдствій войны. Чѣмъ больше будетъ производиться того, что дѣйствительно необходимо, тѣмъ лучше, и нечего бояться, что не будетъ спроса.

На этомъ пути встаютъ двѣ задачи. Первая это — организація приспособленія, въ частности, борьба съ безработицей, путемъ перемѣщенія рабочихъ кадровъ на свободныя мѣста. Здѣсь можно отмѣтить краснорѣчивое подтвержденіе выводовъ экономической науки. По вульгарнымъ представленіямъ, причиной, вызывающей безработицу, всегда является какое-то таинственное „отсутствіе работы". Извѣстны многочисленные случаи, притомъ относящіеся къ разнымъ странамъ, когда именно безработица служила аргументомъ для введенія покровительственнаго тарифа, который долженъ-де увеличить количество работы. Въ противоположность этимъ воззрѣніямъ вся экономическая наука стояла на томъ, что рабочая сила дана „въ обрѣзъ", т. е., что всегда имѣется неограниченное количество работы — неосушенныя болота, невоздѣланныя земли, запущенные лѣса, недобытыя руды, несобранныя лѣсныя ягоды и т. д., — которая не выполняется лишь вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ и капиталовъ, отвлекаемыхъ болѣе выгодными дѣлами. Экономическая наука объясняла безработицу — и это логически вытекало изъ всей ея системы, — недостаточною приспособленностью экономической организаціи и наличностью треній въ ней, препятствующихъ быстрому передвиженію производительныхъ силъ туда, гдѣ въ данный моментъ онѣ наиболѣе нужны. Эта точка зрѣнія, можно сказать, общепризнанная, нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1908 г.) была систематически развита англійскимъ экономистомъ, нынѣ чиновникомъ, W. H. Beveridge, который въ своемъ сочиненіи „Unemployment, a Problem of Industry" на множествѣ примѣровъ, взятыхъ изъ опыта, показалъ, что размѣры безработицы свидѣтельствуютъ только о томъ, до какой степени неудачно было приспособленіе рабочей силы.

Въ этомъ отношеніи война явилась сплошнымъ практическимъ доказательствомъ вѣрности теоріи и притомъ одинаково, какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи. Въ Англіи количество безработныхъ въ профессіональныхъ союзахъ при началѣ войны составляло 2,8% и въ первый мѣсяцъ войны достигло 7,1%, т. е. увеличилось въ $2^1/_2$ раза; „дислокація" промышленности не сопровождалась надлежащимъ размѣщеніемъ рабочихъ. Послѣ того началось приспособленіе,

такъ что черезъ три мѣсяца число безработныхъ упало почти до цифры въ началѣ войны, 2,9 %, а въ декабрѣ оно было еще ниже, 2,5%. Это пониженіе продолжалось безпрерывно и въ іюнѣ 1915 года число безработныхъ упало до 1%, — исключительный въ исторіи случай паденія безработицы. Число безработныхъ въ томъ же мѣсяцѣ за годъ назадъ, т. е. передъ войной, составляло 2,5%. Само собой разумѣется, что большое вліяніе имѣла въ этомъ случаѣ происходившая и все увеличивавшаяся вербовка солдатъ, которая и была одной изъ причинъ того, что безработица перешла въ нѣчто прямо противоположное ей. Но было бы большой ошибкой думать, что вербовка была единственнымъ въ данномъ случаѣ факторомъ. Уже во второй половинѣ марта поглощеніе силъ отчасти арміей, отчасти промышленностью достигло такихъ размѣровъ, что почти со всѣхъ сторонъ стали раздаваться жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ. Уже въ февралѣ дошло до того, что промышленность и армія вмѣстѣ употребляли на 3,6 % болѣе рабочихъ мужчинъ, чѣмъ передъ войной, и что промышленность должна была въ подкрѣпленіе себѣ привлекать рабочія силы со стороны [1]). Промышленныя предпріятія, работающія для военныхъ цѣлей, сумѣли въ широкихъ размѣрахъ привлечь къ себѣ рабочія силы отъ прочихъ предпріятій, въ которыхъ теперь ощущается меньше нужды; такъ напр. кожаное и химическія производства (главнымъ образомъ, изготовленіе взрывчатыхъ веществъ) даютъ занятіе на 18% слишкомъ большему числу рабочихъ, чѣмъ до войны. Это, въ свою очередь, повліяло и на женскій рабочій трудъ, который совершенно не эксплуатировался для надобностей войны. Въ сентябрѣ 8,4% всѣхъ женщинъ, занятыхъ работой до войны, оставались безъ работы; въ февралѣ же эта цифра упала до 1,5%. Можно было бы употребить въ дѣло гораздо большее число рабочихъ, если бы можно было достать годныхъ къ работѣ. Это слѣдуетъ не только изъ всеобщихъ жалобъ на недостатокъ рабочихъ рукъ, но, безъ сомнѣнія, также изъ той роли, какую въ военно-промышленныхъ предпріятіяхъ стала играть сверхурочная работа; напр. въ судостроительныхъ предпріятіяхъ въ февралѣ 1915 г. около половины всего числа рабочихъ (44,5%) имѣли такую работу.

---

[1]) Эти и слѣдующія цифры для Англіи основываются на введенной съ сентября мѣсяца 1914 г. статистикѣ безработицы, данныя которой во многихъ отношеніяхъ признаются значительно болѣе надежными, чѣмъ прежнія. Къ сожалѣнію, публикованіе этихъ свѣдѣній съ февраля мѣсяца 1915 г. пріостановлено оффиціально подъ тѣмъ предлогомъ, что безработица, въ сущности, прекратилась, на самомъ же дѣлѣ, скорѣе для того, чтобы не привлекать слишкомъ большого вниманія къ продолжающейся вербовкѣ.

Эти цифры, касающіяся Англіи, мы приводимъ единственно для того, чтобы иллюстрировать ходъ и возможность приспособленія, но отнюдь не для доказательства прочности народнаго хозяйства въ этой странѣ: если это что и доказываетъ, то скорѣе гибкость, чѣмъ силу, какъ указалъ одинъ молодой англійскій экономистъ[1]). Однако онъ справедливо обратилъ вниманіе не столько на это, сколько на общую и весьма отрадную тенденцію въ современной промышленности, состоящую въ томъ, что, благодаря машинной техникѣ, различныя производства становятся гораздо болѣе близкими другъ къ другу, чѣмъ раньше, чѣмъ облегчается и перемѣщеніе рабочихъ. Вѣроятно, въ данномъ случаѣ сыграла свою роль и прекрасная организація посредничества среди англійскихъ рабочихъ.

Цифры, касающіяся Германіи, показываютъ, что на ея долю выпала несравненно болѣе трудная задача, чѣмъ на долю Англіи, по крайней мѣрѣ, въ первое время войны. Экспортная промышленность Германіи, можно сказать, была сведена къ нулю, и промышленности, опирающейся на ввозимое сырье, также пришлось бороться съ большими трудностями; въ то же время мобилизація обезлюдила почти всѣ нѣмецкія предпріятія[2]). Но тотъ фактъ, что этой странѣ, опередившей всѣхъ въ дѣлѣ поглощенія человѣческихъ силъ для военныхъ цѣлей, предстояло выдержать борьбу съ крайне тяжелой безработицей, опровергаетъ теорію войны, какъ благопріятнаго фактора для „созданія работы“, и съ особенной ясностью обнаруживаетъ характеръ безработицы, какъ проблемы хозяйственнаго разстройства и только; иначе въ Германіи, съ ея мобилизаціей, можетъ быть, въ пятьдесятъ разъ большей, чѣмъ въ Англіи, не могло бы быть большей безработицы, чѣмъ въ этой послѣдней непосредственно послѣ начала войны. Процентъ безработныхъ въ германскихъ профессіональныхъ союзахъ съ той же самой почти цифры, что и въ Англіи,— 2,9% въ іюлѣ 1914 г. поднялся ни болѣе ни менѣе какъ до 22,4% въ августѣ, т. е. до цифры въ три раза большей, чѣмъ въ Англіи. Но затѣмъ мы видимъ то же самое движеніе, что и тамъ — новое подтвержденіе изложенныхъ нами мыслей: процентъ безработныхъ все падалъ и падалъ, пока въ іюнѣ 1915 г. не достигъ 2,5%, т. е. той цифры, которая была въ іюнѣ мѣсяцѣ за годъ назадъ, до войны; это было, можно сказать, нормальное состояніе, и едва ли при этомъ

---

[1]) H. D. Henderson въ Econ. Journal, мартъ 1915 г.

[2]) Здѣсь мы сошлемся разъ навсегда на книгу проф. Jastrow'a „Im Kriegszustand. Die Umformung des öffentlichen Lebens in der ersten Kriegswoche“ (Berlin, Reimer, 1914),—трудъ, который по наглядности изображенія мобилизаціи всего германскаго общества при началѣ войны, насколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ себѣ равнаго не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ.

чувствовалась такая же острая нужда въ рабочихъ рукахъ, какъ въ Англіи. Нельзя не признать, что такая способность приспособленія Германіи, несмотря на всѣ объясненія, возбуждаетъ чувство, близкое къ изумленію. Такъ, напр., трудно понять, какимъ образомъ Гамбургъ, нормальная дѣятельность котораго, въ значительной своей части, совершенно замерла изъ-за прекращенія морской торговли и судоходства, умудрился почти полностью занять всѣ свои рабочія силы. По переписи 1907 года въ Гамбургѣ было свыше 162.000 человѣкъ, или 37,4% промышленнаго населенія, служившихъ въ торговыхъ и судоходныхъ предпріятіяхъ; лишь очень немногіе изъ нихъ могутъ продолжать свое дѣло теперь, во время войны, и все-таки безработица здѣсь приняла очень незначительные размѣры.

Интереснѣйшимъ и лучшимъ доказательствомъ приспособляемости рабочей силы служитъ, какъ уже было указано, широкое развитіе женскаго труда, какъ замѣны труда мужского. Наиболѣе важное значеніе это имѣло, вѣроятно, для полевыхъ работъ въ земледѣльческихъ странахъ, какъ въ настоящую войну, такъ напр. и во время послѣдней Балканской войны; безъ этого сколько-нибудь успѣшная уборка хлѣба, навѣрно, была бы невозможна. Но это еще не такъ бросается въ глаза, какъ замѣна мужского труда женскимъ въ другихъ областяхъ, особенно среди служащихъ на путяхъ сообщенія: туристъ видитъ теперь женщинъ — чего раньше совсѣмъ почти не было—въ роли кондукторовъ и кассировъ въ трамваяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ, въ роли кондукторовъ на элеваторахъ, иногда извозчиковъ и шоферовъ; особенное вниманіе привлекали къ себѣ случаи, когда женщины являлись въ качествѣ ночныхъ сторожей. Явленіе это, дѣйствительно, стало общимъ; въ данное время, навѣрно, нѣтъ такой профессіи, гдѣ бы не примѣнялся женскій трудъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Особенно бросается въ глаза необычайное увеличеніе примѣненія женскаго труда въ военно-промышленныхъ предпріятіяхъ, несмотря на то, что тамъ отъ рабочихъ требуется большая физическая сила. Напр. изъ цитированнаго уже нами англійскаго отчета за февраль 1915 г. видно, что въ кожевенномъ производствѣ работало на 36,6%, а на заводахъ на 20,4% болѣе женщинъ, чѣмъ при началѣ войны. Эти женщины были взяты отчасти изъ предпріятій по изготовленію платья и предметовъ роскоши, которыя, по большей части, находятся въ упадкѣ. Но, можетъ быть, чаще всего жены, сестры и дочери ушедшихъ на войну, которыя или прямо заняли ихъ мѣсто или вообще въ промышленности замѣнили ушедшихъ работниковъ, отдавая теперь меньше времени домашней работѣ или поручая ее, въ свою очередь, инвалидамъ, которымъ приходится теперь посвятить ей остатокъ своихъ физическихъ и духовныхъ силъ. Трудно

повѣрить, что въ состояніи сдѣлать человѣкъ при желаніи; и этой удивительной эластичностью объясняется теперешнее состояніе рабочаго рынка и вообще экономической жизни въ воюющихъ странахъ.

Не приводя подробныхъ данныхъ по отношенію къ Швеціи, которыя не могли бы дать картины положенія въ воюющей странѣ, мы должны только констатировать, что, противъ ожиданія, приспособленіе рабочихъ силъ здѣсь происходило значительно медленнѣе, чѣмъ въ воюющихъ странахъ, и пока еще не достигло нормы. Особенно наглядная картина получается по даннымъ нашихъ профессіональныхъ союзовъ, хотя, надо сказать, эти послѣдніе въ настоящее время не охватываютъ сколько-нибудь значительнаго числа рабочихъ. По этимъ даннымъ, ухудшеніе шло непрерывно до конца 1914 года и лишь къ веснѣ 1915 года пошло на убыль, не достигнувъ, однако, процента безработныхъ предыдущаго года. Вотъ цифры: при началѣ войны, 1 августа было 3,0% безработныхъ, 1 сентября—8,1%, 1 декабря 10,3% и 1 января 1915 г. не менѣе 15,0%; затѣмъ къ 1 іюля цифра падаетъ до 6,4% (ср. въ тотъ же день 1914 г.—3,1%). Гораздо менѣе точны данныя предпринимателей, собранныя и опубликованныя тѣмъ же соціальнымъ вѣдомствомъ, но по четвертямъ года. За то они обнимаютъ значительно большее число рабочихъ и даютъ все-таки нѣкоторое представленіе о положеніи вещей въ сферѣ крупной промышленности. Ими отмѣчается непрерывно прогрессирующее улучшеніе послѣ первой четверти войны, но и они показываютъ, что переходъ къ нормальному положенію еще не завершился. По этимъ даннымъ число промышленныхъ предпріятій, имѣющихъ спросъ на рабочихъ выше нормы, понизилось съ 75% во второй четверти 1914 г. почти на половину (39%) въ третьей четверти, т. е. въ первой четверти войны; затѣмъ оно снова по четвертямъ поднимается до 52% (4-ая четверть 1914 г.), 63% (1-ая четв. 1915 г.), 67% (2-ая четв. 1915 г.). Улучшеніе здѣсь явно идетъ быстрѣе и равномѣрнѣе; но второй кварталъ 1915 г (съ 67%) все-таки еще ниже того же квартала 1914 г. (75%). Даже эти, явно оптимистическія цифры рисуютъ картину довольно слабой приспособляемости въ Швеціи, отчего бы она ни зависѣла: отъ отсутствія ли неумолимыхъ требованій войны, отъ того ли, что мобилизація была частичной и непродолжительной, отъ слабости ли рабочаго посредничества или вслѣдствіе досаднаго нерасположенія нашихъ рабочихъ къ перемѣнѣ профессіи; но нельзя отрицать, что и здѣсь безработицу нужно разсматривать, какъ послѣдствіе хозяйственнаго разстройства.

Наряду съ чернорабочими, представляется необходимымъ перемѣщать и квалифицированную рабочую силу, а также, насколько это возможно, и основной капиталъ. Въ этомъ

отношеніи, несомнѣнно, больше всего сдѣлала Германія; лица, стоящія во главѣ пріостановившихся промышленныхъ предпріятій, привлекаются тамъ къ участію въ неимовѣрно развившейся экономической дѣятельности государства, и ихъ фабричныя сооруженія въ широкихъ размѣрахъ приспособляются къ военно-промышленнымъ цѣлямъ. То же—и объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ—происходитъ въ Англіи; но тамъ, какъ кажется, государству удалось въ гораздо меньшей мѣрѣ использовать квалифицированныя торговыя и промышленныя силы для своихъ нуждъ, которыя достигли тоже громадныхъ размѣровъ.

Какъ сказано, ущербъ отъ потери тѣхъ силъ, которыхъ требуетъ война, не можетъ быть цѣликомъ восполненъ; но никакіе законы, ни божескіе, ни человѣческіе, не предписываютъ того, чтобы сверхъ этого нужно было терять еще что-нибудь изъ-за слабости организаціи или недостатка приспособляемости. Въ частности, и безработица не есть неотвратимое бѣдствіе, что̀ лучше всего видно изъ того, что она по большей части уже прекратилась.

Есть еще одно условіе, необходимое для того, чтобы промышленная жизнь страны могла извлечь максимумъ пользы изъ своихъ наличныхъ производительныхъ силъ, особенно человѣческихъ,—это полная согласованность дѣйствій военнаго начальства съ одной стороны и гражданскихъ властей, а также руководителей дѣловыхъ предпріятій — съ другой, такъ чтобы каждый человѣкъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ данное время можетъ быть наиболѣе полезенъ, гдѣ его труднѣе всего замѣнить. Это—вопросъ не о промышленности вообще, а о каждой — можно сказать — личности. Однако мы не считаемъ нужнымъ останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ, отчасти потому, что сущность дѣла ясна сама по себѣ—какъ бы трудно ни было его осуществленіе,—отчасти и потому, что о немъ у насъ въ теченіе войны говорили чаще, чѣмъ о многомъ другомъ [1]).

Все вышесказанное относится, главнымъ образомъ, къ внутреннимъ разстройствамъ. Въ этомъ и заключалась бы вся проблема, если бы вопросъ шелъ о самодовлѣющей странѣ, т. е. такой, которая сама удовлетворяетъ всѣ свои нужды. Единственнымъ ущербомъ для такой страны въ военное время была бы потеря рабочихъ рукъ, взятыхъ на войну, а также уничтоженный воинскій матеріалъ, который нужно было бы возобновить; стоитъ только восполнить эту убыль

---

[1]) См., напр., статьи начальника центральнаго отдѣленія Генеральнаго штаба маіора А. Люстрёма въ Svensk Tidskrift (вып. 2, 1915 г.), директора Промышленнаго союза капитана Эрланда Нордлунда въ выпускѣ „Военно-промышленная подготовка“ (въ Трудахъ Союза), секретаря коммерцъ-коллегіи Берндта Форсгрена на годичномъ собраніи Шведскаго Технологическаго союза 1915 г. и т. д.

внутри страны путемъ сокращенія другихъ родовъ производства—и дѣло кончено; только въ томъ случаѣ, если это оказалось бы невозможнымъ, явилась бы во время самой войны зависимость отъ другихъ странъ, которой не существовало въ мирное время.

Самодовлѣющее государство, положеніе котораго во время войны мы сейчасъ указали, представляется многимъ идеаломъ, къ которому нужно стремиться; такимъ оно представляется прежде всего теперь, во время войны, но такимъ же оно представлялось и въ мирныя времена. Какъ и въ другихъ идеальныхъ представленіяхъ, здѣсь имѣется ошибка и эта ошибка настолько велика, что при нынѣшнихъ условіяхъ производства этотъ идеалъ очень близокъ къ безсмыслицѣ. Самодовлѣющихъ странъ, въ томъ смыслѣ, какъ это понимается, не существуетъ—это фактъ,—и въ современной стадіи развитія едва ли онѣ могутъ быть. Яснѣе всего это видно на примѣрѣ Россіи, которая изъ всѣхъ военныхъ государствъ ближе всего подходитъ къ указанному идеалу. Для того, чтобы убѣдиться въ зависимости Россіи отъ мірового хозяйства, достаточно обратить вниманіе на необычайное паденіе курса рубля, равнаго которому нельзя указать въ валютѣ никакой другой страны въ настоящую войну, побившую въ этомъ отношеніи всѣ рекорды. Это зависитъ единственно отъ того, что Россія нуждается въ заграничныхъ товарахъ, которые должны быть оплачены заграничными векселями, въ гораздо большей степени, чѣмъ сколько она сама можетъ отпускать за границу при почти прекратившемся во время войны вывозѣ. Если бы Россія не зависѣла отъ ввоза, она не нуждалась бы въ заграничныхъ векселяхъ, и тогда подобные векселя не поднимались бы въ цѣнѣ (т. е. соотвѣтствующіе русскіе векселя не падали бы), какъ это случилось теперь. Что сказано о Россіи, относится также и къ Германіи, хотя эта страна во время самой войны сдѣлала бо́льшій шагъ впередъ въ стремленіи къ идеалу, чѣмъ какая-нибудь другая. Но что онъ еще далеко не достигнутъ, объ этомъ лучше всего знаемъ мы, шведы, такъ какъ бо́льшая часть внутреннихъ и внѣшнихъ осложненій во время войны изъ-за необходимаго для Германіи ввоза изъ Швеціи и черезъ нее пришлась именно на нашу долю; и никто другой, какъ самъ германскій Государственный банкъ—такъ же точно, какъ это было сдѣлано по отношенію къ курсу рубля—объяснялъ паденіе курса марки во время войны „увеличеніемъ ввоза преимущественно предметовъ первой необходимости и сырья“ [1]). Къ этому надо прибавить, что Германія особенно сильно должна была почувствовать воен-

[1]) Reichsbank und Geldmarkt in den 6 Kriegsmonaten. November 1914 bis April 1915, стр. 16.

ныя осложненія, вызванныя стѣсненіемъ внѣшней торговли, такъ какъ въ мирное время она далеко не была самодовлѣющей державой и потому не безъ труда могла установить у себя подобный режимъ.

Что самодовлѣющее во время войны государство при данныхъ условіяхъ почти невозможно себѣ представить, это объясняется очень просто. Страна, которая могла бы сама удовлетворять свои жизненныя потребности, должна быть по преимуществу земледѣльческой страной. Но, за исключеніемъ развѣ Соединенныхъ Штатовъ, такая страна не имѣетъ ни минеральныхъ богатствъ, ни—главное—высоко развитой промышленности, чтобы обезпечить себя всѣми тѣми утонченными орудіями истребленія, какихъ обязательно требуетъ современная война на сушѣ и на морѣ. Страны, у которыхъ есть все для поддержанія жизни, обыкновенно располагаютъ лишь малыми средствами для веденія войны.

Отсюда слѣдуетъ, что всѣ государства въ настоящій моментъ должны во время войны учитывать не только внутреннія, но и внѣшнія разстройства. Въ этомъ отношеніи, какъ уже сказано раньше, настоящая война преподнесла много сюрпризовъ.

Для государствъ, даже не самодовлѣющихъ, внѣшнія затрудненія не имѣли бы особеннаго значенія, если бы война велась съ соблюденіемъ такъ называемаго международнаго права и оставляла бы неприкосновенной международную торговую организацію. Всѣ прежнія разсужденія объ экономической подготовкѣ къ войнѣ сознательно или безсознательно исходили изъ этого предположенія и ограничивались поэтому, главнымъ образомъ, проблемой финансированія, т. е. вопросомъ о пріобрѣтеніи средствъ для оплаты тѣхъ товаровъ, которые нужно будетъ привозить извнѣ, когда производительность внутри страны упадетъ, и потому вывозъ сдѣлается недостаточнымъ, чтобы оплачивать ввозъ. Но нынѣшняя война — задающаяся цѣлью уничтожить экономическую организацію противника, постаралась разстроить систему международныхъ торговыхъ отношеній, и внѣшнія затрудненія, при несоблюденіи условій, опредѣляемыхъ международнымъ правомъ для блокады и т. п., могутъ теперь обречь страну на голодъ или военную безпомощность.

Внѣшнія разстройства переходятъ затѣмъ во внутреннія, такъ какъ народное хозяйство должно приспособиться къ новому положенію, когда страна не можетъ получать извнѣ того, что она обычно получала, а съ другой стороны, не можетъ сбывать за границу избытки своихъ произведеній. Какъ въ дѣйствительности происходило это приспособленіе объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ. Однако между внутренними и внѣшними разстройствами все же остается разница: первыя представляютъ чисто внутрен-

нее дѣло воюющей страны, на которое непріятель можетъ повліять не иначе, какъ путемъ вторженія въ страну, вторыя могутъ измѣняться въ зависимости отъ усиленія или ослабленія степени изоляціи данной страны отъ внѣшняго міра.

Вообще говоря, хозяйственныя разстройства вызываются не самой войной, а ея возникновеніемъ и поэтому съ теченіемъ времени уменьшаются. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого, кромѣ только что указаннаго измѣненія въ степени изоляціи, нужно считать уменьшеніе различныхъ матеріальныхъ доходовъ, которое неизбѣжно должно происходить въ воюющей странѣ, а до извѣстной степени замѣчается и въ другихъ странахъ во время продолжительной и захватывающей весь міръ войны, такъ какъ при этомъ уменьшается производительность во всемъ мірѣ. Кромѣ того, въ случаѣ недостатка предусмотрительности, возникаютъ неожиданныя осложненія и появляются новыя разстройства, какъ слѣдствіе первоначальныхъ затрудненій. Что такія же осложненія должны явиться слѣдствіемъ чрезмѣрно затянувшейся войны, тоже не подлежитъ сомнѣнію. Постепенное разрушеніе основъ экономической жизни въ воюющихъ странахъ обнаружится въ концѣ концовъ въ формѣ внезапныхъ и открытыхъ переворотовъ. Но путь къ этому можетъ быть безконечно длиненъ; народъ можетъ очень глубоко опуститься въ экономическомъ отношеніи — его можно заставить отказаться отъ многаго такого, что онъ привыкъ считать своимъ насущнымъ хлѣбомъ,—причемъ можетъ и не произойти какихъ-либо наружныхъ замѣшательствъ, если это пониженіе жизненнаго уровня будетъ происходить постепенно и съ надлежащими предосторожностями. Это относится и къ еще болѣе важному во время войны недостатку — недостатку средствъ для поддержанія самой войны; даже и къ нему можно постепенно приспособиться. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что несмотря на продолжающуюся войну видимыя экономическія затрудненія не увеличиваются, а сокращаются.

На первый взглядъ кажется неестественнымъ, что военное положеніе, просуществовавъ нѣкоторое время, въ свою очередь, становится такимъ образомъ какъ бы нормальнымъ явленіемъ,—въ томъ смыслѣ, что оно протекаетъ по своимъ собственнымъ законамъ, не встрѣчая препятствій. Но на самомъ дѣлѣ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы только будемъ помнить, что вопросъ здѣсь идетъ о разстройствѣ, но не о прогрессивномъ ухудшеніи результатовъ экономической жизни. Самый фактъ, во всякомъ случаѣ, ясенъ: общественная организація, выражаясь образно, перестроилась и приняла ту форму, которая болѣе всего подходитъ къ военному положенію.

Все это приводитъ къ заключенію, которое почти ни-

кому не приходило въ голову при началѣ войны и которому, особенно въ дѣловыхъ сферахъ, все еще удѣляется слишкомъ мало вниманія, — именно, что когда наступитъ миръ, то возникнутъ новыя разстройства, зависящія отъ того, что хозяйственную жизнь придется вновь перестроить и такимъ образомъ пережить новый—мирный кризисъ, который соотвѣтствуетъ военному кризису при началѣ войны. Чѣмъ полнѣе произойдетъ приспособленіе промышленной жизни къ условіямъ войны, тѣмъ труднѣе будетъ перевести экономическую жизнь вновь на мирное положеніе, хотя, съ другой стороны, высокое развитіе самой способности къ приспособленію облегчаетъ какъ ту, такъ и другую задачу. По всей вѣроятности, мирный кризисъ будетъ значительно болѣе тяжелымъ, чѣмъ военный, такъ какъ переворотъ, очевидно, будетъ гораздо болѣе внезапенъ. Экономія мирнаго времени не исчезла сразу, не тотчасъ уступила свое мѣсто новой организаціи, такъ какъ вѣдь война не началась и не могла начаться разомъ по всей линіи; напротивъ, миръ, разъ только дойдетъ до этого дѣло, очевидно, будетъ проводиться съ лихорадочной быстротой, такъ какъ жажда ликвидаціи войны въ человѣчествѣ должна будетъ ускорить его осуществленіе. Такъ какъ этотъ вопросъ, съ одной стороны, имѣетъ очень серьезное значеніе, а съ другой—онъ можетъ послужить къ лучшему уясненію предшествующаго изложенія, то мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе, не взирая на то, что пророчествамъ рѣдко кто даетъ какую-либо цѣну.

При заключеніи мира выступятъ на очередь двѣ огромныхъ организаціонныхъ задачи въ экономической области: во-первыхъ, найти солдатамъ ихъ мѣсто въ гражданскомъ обществѣ, во-вторыхъ, перестроить организацію производства соотвѣтственно условіямъ мирнаго времени. Обѣ эти задачи не только не имѣютъ ничего себѣ равнаго въ прошломъ, но, какъ только что было указано, обѣ онѣ гораздо сложнѣе, чѣмъ аналогичныя задачи при началѣ войны. Что касается первой задачи, то мобилизація происходила постепенно, особенно въ Англіи, а до извѣстной степени также и на континентѣ,—такъ какъ потребность въ солдатахъ проявилась не сразу въ полномъ объемѣ; кромѣ того, перемѣщеніе рабочей силы—дѣло сравнительно нетрудное, когда заранѣе извѣстно, кому на какое мѣсто становиться. Напротивъ, какъ только „разразится миръ“, потребность въ солдатахъ прекратится сразу или, по крайней мѣрѣ, въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ недѣль; только при оккупаціи непріятельской территоріи положеніе дѣлъ, повидимому, будетъ другое. Правда, кое-кѣмъ высказывалась уже мысль, что можно задержать солдатъ подъ ружьемъ и такимъ образомъ замедлить ихъ переходъ къ граждан-

скимъ занятіямъ; весьма возможно, что такая попытка и будетъ сдѣлана. Но это будетъ сопряжено съ огромными затрудненіями: задержать людей безъ всякаго дѣла—объ этомъ нельзя и думать; предпринять же какія-либо военныя упражненія будетъ, во всякомъ случаѣ, не легко, такъ какъ каждый пойметъ, что они въ данномъ случаѣ безцѣльны. Къ этому надо прибавить еще болѣе важное обстоятельство, а именно, что самое оставленіе солдатъ подъ ружьемъ задержитъ установленіе новаго порядка, такъ какъ лишь съ переходомъ всего общества на мирное положеніе производство и потребленіе могутъ приспособиться къ условіямъ мирнаго времени. Только тогда, когда милліоны сражающихся людей снова превратятся въ обыкновенныхъ производителей и потребителей, видно будетъ, куда ихъ употребить; строго говоря, невозможно строить планы новаго мирнаго хозяйства заранѣе, пока солдаты еще не вернулись въ среду гражданскаго общества. Облегчить этотъ возвратъ, могло бы, пожалуй, рабочее посредничество, конечно, въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ военными властями; но надо признать, что это—титаническая задача по сравненію съ тѣмъ, что до сихъ поръ дѣлало рабочее посредничество. Весьма возможно, что нѣмцамъ, которые во время самой войны справлялись съ невѣроятно сложными вопросами организаціи, удастся разрѣшить и эту задачу, гораздо болѣе важную и трудную; но по многимъ причинамъ нельзя считать за вѣрное, что рѣшеніе это произойдетъ быстро. А до тѣхъ поръ можно ожидать всего, чего угодно, только не общаго расцвѣта промышленной жизни, а въ этомъ вѣдь и заключается суть.

Задача сразу возвратить двадцать или двадцать пять милліоновъ солдатъ къ ихъ гражданскимъ занятіямъ не знаетъ ничего равнаго въ исторіи. Зато другой сторонѣ „мирнаго кризиса“, а именно приспособленію производства къ новымъ условіямъ, можно указать, если не полную аналогію, то все-же нѣкоторую параллель въ прошломъ. Но и въ этомъ случаѣ сходство нужно искать не съ тѣмъ, что было пережито въ началѣ войны, такъ какъ приспособленіе промышленности къ военнымъ потребностямъ шло еще съ большей постепенностью, чѣмъ мобилизація; въ частности, изготовленіе оружія и снарядовъ было далеко не сразу доведено до нынѣшнихъ размѣровъ, да и блокада въ своемъ окончательномъ видѣ была осуществлена не ранѣе, чѣмъ послѣ 7—8 мѣсяцевъ войны. Историческую параллель къ заключительному моменту нынѣшней войны слѣдуетъ искать только въ одномъ пунктѣ, гдѣ вообще можно найти нѣкоторыя аналогіи съ теперешней міровой войной, именно въ наполеоновскихъ войнахъ. Тогда тоже былъ пережитъ чрезвычайно тяжелый, охватившій всю цивилизован-

ную Европу, кризисъ, который въ свое время возбудилъ всеобщее изумленіе и причинилъ тяжелыя страданія. Въ Англіи, которая, въ качествѣ единственной тогда въ Европѣ крупной торговой и промышленной страны, пострадала, конечно, больше всего, упали и ввозъ и вывозъ, по крайней мѣрѣ, по стоимости (вывозъ упалъ на 20%); кораблестроеніе сократилось, какъ въ отношеніи количества судовъ, такъ и въ отношеніи общаго ихъ тоннажа; произошло всеобщее паденіе цѣнъ, особенно на уголь и желѣзо; цѣна на желѣзо упала вдвое. Это сильное разстройство имѣло, конечно, много причинъ, главная же заключалась во вліяніи, какимъ сказался миръ на господствующемъ положеніи Англіи въ торговлѣ и промышленности, которое она пріобрѣла за время войны. Кризисъ произошелъ однако не только въ Англіи, но въ очень тяжелой формѣ далъ себя знать и на континентѣ—въ частности, Швеція испытала его въ сильной степени. Что одной изъ главныхъ причинъ кризиса было наступленіе мира, этого почти никто не оспаривалъ. Англійскій историкъ Тукъ (Tooke) свое заключеніе о причинахъ формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ, которыя чрезвычайно подходятъ къ нынѣшней войнѣ, во многомъ столь сходной съ тогдашней:

Главнымъ поводомъ къ этому сильному и достопамятному паденію цѣнъ, кромѣ вліянія урожая и спекуляціи на экспортѣ, является, очевидно, переходъ отъ войны къ миру—войны, не какъ причины къ увеличенію спроса, но какъ препятствія къ подвозу и повода къ повышенію издержекъ производства;—къ миру, не какъ поводу къ уменьшенію потребленія, но какъ средству къ расширенію источниковъ подвоза и пониженію издержекъ производства [1]).

Другими словами: во время войны открываются или расширяются многія промышленныя предпріятія, или потому, что товары не получаются болѣе изъ-за границы, по крайней мѣрѣ, по сходной цѣнѣ, или потому, что вслѣдствіе различныхъ вліяній войны увеличился спросъ; но наступаетъ прежнее положеніе, и всѣ подобныя предпріятія теряютъ свой raison d'être.

Кромѣ неизбѣжнаго пересмотра всего промышленнаго механизма, нужно принять во вниманіе также и то, о чемъ говорилось выше, а именно невѣроятныя трудности процесса превращенія милліонныхъ армій въ обыкновенныхъ производителей и потребителей,—нѣчто такое, чему наполеоновскія войны не могутъ дать никакихъ аналогій.

---

[1]) Эта цитата, также какъ и прочія данныя взяты изъ prof. W. Smarts Economic Annals of the Nineteenth Century, (I) 1801—1820 (London, Macmillan, 1910), стр. 402, 490 и сл. Гл. 25 и 26 въ этомъ сочиненіи содержатъ въ себѣ значительный матеріалъ по вопросу о знаменитомъ кризисѣ 1815 г., заслуживающій гораздо болѣе подробнаго изложенія, чѣмъ это могло быть сдѣлано здѣсь. Для Швеціи можно указать статью проф. S. Clason'a въ Sveriges historia intill tjugonde seklet, IX, стр. 212 и сл.

Война обнаружила способность приспособленія промышленности къ военнымъ цѣлямъ въ такомъ размѣрѣ, какого, очевидно, не предполагали даже самые ярые оптимисты; и потому есть основаніе допустить, что и приспособленіе къ мирнымъ условіямъ пойдетъ несравненно лучше, чѣмъ можно было бы думать заранѣе. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что процессъ приспособленія во время мира будетъ тяжелѣе, чѣмъ при началѣ войны, и что, слѣдовательно, разсчитывать на расцвѣтъ промышленности, какъ на непосредственное слѣдствіе мира, имѣется еще меньше основаній, чѣмъ если бы считать его за непосредственное слѣдствіе войны. Промышленный подъемъ можетъ, конечно, обнаружиться по прошествіи нѣкотораго времени, когда мирное приспособленіе въ общихъ чертахъ уже будетъ осуществлено,—это совсѣмъ другое дѣло и этотъ вопросъ мы оставляемъ въ сторонѣ. Но самое установленіе мира представитъ въ экономической области, какъ можно думать, труднѣйшую задачу, какую когда-либо приходилось разрѣшать міровому хозяйству.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вліяніе войны на міровую торговлю.

Намъ кажется, что было бы интересно иллюстрировать предыдущее изложеніе конкретными данными о томъ, какимъ именно образомъ удалось преодолѣть тѣ трудности, которыя возникли вслѣдствіе частичнаго прекращенія международнаго раздѣленія труда, другими словами, представить успѣшность или безуспѣшность приспособленія въ области внѣшнихъ разстройствъ, при чемъ обнаружатся и нѣкоторые другіе моменты приспособленія. Относящіеся сюда факты, вообще говоря, хорошо извѣстны, но, по обыкновенію, значеніе ихъ далеко не всѣмъ ясно, — о немъ-то и слѣдуетъ сказать прежде всего.

Сначала нужно выяснить два пункта, касающихся вліянія тѣхъ препятствій, которыя война ставитъ международнымъ торговымъ сношеніямъ.

Прекращеніе внѣшней торговли какой-либо страны отражается въ хозяйственной жизни не только ея самой, но и тѣхъ странъ, которыя были ея поставщиками и покупателями. Вопреки ходячимъ представленіямъ, мы утверждаемъ, что торговый обмѣнъ при нормальныхъ условіяхъ приноситъ выгоду обѣимъ сторонамъ—хотя это не значитъ, что эта выгода одинаково велика для каждой изъ нихъ,—иначе

не было бы и обмѣна. Отсюда слѣдуетъ, что насильственное прекращеніе обмѣна вредно вліяетъ на обѣ стороны. Хорошимъ историческимъ примѣромъ этого можетъ служить такъ наз. „хлопковый голодъ“ (Cotton Famine) въ Англіи, вызванный блокадой портовъ въ южныхъ штатахъ во время американской междоусобной войны; онъ уничтожилъ, можно сказать, всю ланкаширскую промышленность Англіи. Какія страны при этомъ страдаютъ больше — тѣ-ли, которыя ввозятъ, или тѣ, которыя вывозятъ, при обыкновенныхъ условіяхъ рѣшить трудно, такъ какъ здѣсь могутъ быть разные случаи, и притомъ не всегда можно отдѣлить эти явленія, такъ какъ ввозъ и вывозъ взаимно обусловливаютъ другъ друга. Но это не мѣшаетъ сказать совершенно опредѣленно, что составляетъ главную цѣль заграничной торговли: благодаря замѣчательному свойству войны вскрывать экономическія отношенія, это стало теперь совершенно яснымъ. Не боясь и въ настоящемъ случаѣ пойти наперекоръ ходячимъ представленіямъ, мы скажемъ, что основной задачей внѣшней торговли является ввозъ, такъ какъ именно ввозъ повышаетъ уровень народнаго благосостоянія, что и составляетъ конечную выгоду внѣшней торговли. Вывозъ есть уплата за ввозъ; и, такъ какъ рѣдко можно получить что-либо безплатно, то онъ, въ конечномъ итогѣ, равноцѣненъ ввозу. Во время войны экспортъ можетъ быть значительно ограниченъ безъ большого ущерба, при одномъ важномъ условіи: если можно получать ввозные товары въ кредитъ. Наоборотъ, прекращеніе импорта создаетъ пробѣлъ, котораго никакія кредитныя операціи заполнить не могутъ. Поэтому въ экономіи войны самое опасное дѣйствіе прекращенія внѣшнихъ сношеній состоитъ въ уничтоженіи ввоза, какъ для самой отрѣзанной страны, такъ и, съ другой стороны, для покупателей обычно вывозимыхъ ею товаровъ.

Стремленіе изолировать враждебную страну, поскольку оно проводится въ нынѣшней войнѣ, имѣетъ цѣлью повредить промышленной жизни непріятеля, независимо отъ того, какой вредъ наносится при этомъ своей собственной. Для осуществленія изоляціи въ настоящую войну принимаются мѣры двоякаго рода: съ одной стороны, это — постановленія о контрабандѣ и мѣры, подобныя блокадѣ, задача которыхъ—прекратить торговлю непріятеля съ кѣмъ бы то ни было по отношенію къ нѣкоторымъ или ко всѣмъ товарамъ; съ другой стороны, это — запрещеніе своимъ подданнымъ торговать съ непріятелемъ (Trading with the Enemy) и принимаемыя въ этихъ видахъ ограниченія вывоза изъ собственной страны. Мѣры перваго рода шире, но запрещеніе собственнымъ подданнымъ вести торговлю съ непріятельской страной является болѣе дѣйствительнымъ средствомъ, такъ какъ нарушеніе его ведетъ къ строгой, уголовной отвѣт-

ственности. По отношенію къ нейтральнымъ странамъ съ тою же цѣлью примѣняется тонкая и сложная система контроля, шпіонажа и конфискаціи, которая имѣетъ ближайшею цѣлью сдѣлать изоляцію непріятеля болѣе дѣйствительной, но ея вліяніе распространяется гораздо дальше. Въ результатѣ получается общая неустойчивость международной торговли, что отзывается на хозяйственной жизни всѣхъ странъ, въ частности, и той, по иниціативѣ которой были приняты мѣры.

Кромѣ указанныхъ, существуетъ еще множество непредвидѣнныхъ препятствій къ міровой торговлѣ, зависящихъ отъ большихъ колебаній въ вексельномъ курсѣ, прекращенія международнаго кредита и общей неустойчивости, которая отчасти является, какъ уже сказано, слѣдствіемъ принимаемыхъ противъ непріятеля экономическихъ мѣръ, отчасти вытекаетъ изъ самыхъ военныхъ операцій.

Таковы препятствія, которыя встрѣчаетъ теперь на своемъ пути міровая торговля; и изслѣдованіе возможности для промышленной жизни преодолѣть эти препятствія должно поэтому показать способность приспособленія при исключительно трудныхъ обстоятельствахъ.

Размѣры предстоящей задачи всего лучше обнаруживаются изъ нѣкоторыхъ цифръ, касающихся внѣшней торговли главной изъ отрѣзанныхъ странъ за послѣдній годъ передъ войной. Въ 1913 году торговля Германіи съ ея теперешними врагами—включая Бельгію, но не считая Италіи,—а также съ заокеанскими странами выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ: ввозъ 7.156 милл. кронъ или три четверти ($74_{,773}$%) общей его суммы; вывозъ около 5.500 милл. кронъ, или три пятыхъ ($60_{,70}$%) всей суммы. Выступленіе Италіи увеличило эту цифру на 300—350 милл. кронъ (3—4%). Такихъ огромныхъ абсолютныхъ цифръ, конечно, мы не найдемъ въ другихъ случаяхъ, такъ какъ внѣшняя торговля каждой изъ другихъ двухъ отрѣзанныхъ странъ, Россіи и Австріи, составляетъ приблизительно лишь четвертую часть внѣшней торговли Германіи, но въ процентномъ отношеніи къ общимъ размѣрамъ торговли отрѣзанность Россіи значительно больше, чѣмъ въ Германіи. Кромѣ того, какъ уже сказано, всѣ страны болѣе или менѣе страдаютъ отъ стѣсненія международной торговли. И имъ приходится изыскивать тѣ или иныя средства, чтобы восполнить нанесенные міровой торговлѣ ущербы.

Средства, которыми экономическая жизнь располагаетъ для выполненія этой задачи, въ порядкѣ ихъ постепенности, таковы: новые торговые пути изъ прежнихъ пунктовъ подвоза; новые пункты подвоза; реорганизація собственнаго производства; новые товары для покрытія старыхъ нуждъ; ре-

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТ .КРАСН.ПРОФЕ .УГЫ
№

организація потребленія. Обыкновенно начинаютъ съ перваго и, по мѣрѣ надобности, идутъ дальше.

Перемѣна торговыхъ путей относится къ числу наиболѣе извѣстныхъ и съ экономической точки зрѣнія наиболѣе простыхъ мѣръ, хотя осуществленіе ея связано съ большими техническими трудностями. Мѣры, направленныя къ изоляціи какой-либо страны, прежде всего касаются морскихъ путей,—прегражденіе сухопутныхъ дорогъ играетъ второстепенную и даже ничтожную роль. И новые торговые пути, прежде выхода ихъ къ морю, въ общемъ должны больше, чѣмъ прежніе, проходить по сушѣ. Такъ, германскій ввозъ былъ оттѣсненъ изъ Гамбурга и Бремена въ Роттердамъ и Амстердамъ—до выступленія Италіи еще въ Геную, Савону и Спецію,—а кромѣ того въ Копенгагенъ, Гётеборгъ, норвежскіе порты и, можетъ быть, до извѣстной степени въ двѣ-три гавани Средиземнаго моря на Балканскомъ полуостровѣ. Такимъ же образомъ русская торговля изъ портовъ Балтійскаго моря должна была отойти къ Архангельску, и—чрезъ Карунги и шведскіе порты въ Ботническомъ заливѣ—къ Гётеборгу, Нарвику, Трондьему и Бергену. Въ связи съ этимъ нейтральныя страны пріобрѣли исключительное положеніе, въ качествѣ посредниковъ міровой торговли, и это положеніе можетъ остаться за ними и послѣ войны, если нынѣшніе враги будутъ имѣть неблагоразуміе и послѣ заключенія мира продолжать въ другихъ формахъ экономическую войну. Вопросъ объ изысканіи новыхъ торговыхъ путей для обезпеченія ввоза и вывоза (по отношенію къ Швеціи особенно для провоза лѣсныхъ товаровъ черезъ норвежскіе порты до появленія германскаго объявленія о контрабандѣ), коснулся также и нейтральныхъ странъ, хотя и не въ томъ объемѣ, какъ это ожидалось. Впрочемъ, детали этого вопроса относятся скорѣе къ области экономической географіи, чѣмъ національной экономіи, и намъ поэтому достаточно указать на изслѣдованіе д-ра Sten de Geer [1]).

Само собой разумѣется, что перемѣна торговыхъ путей въ міровой торговлѣ потребовала отъ нѣкоторыхъ дорогъ и портовъ—даже въ нейтральныхъ странахъ, черезъ которыя пошелъ транзитъ,—колоссальной работы, къ которой они никогда не готовились,—поэтому и препятствія были огромны. Прежде всего это касается Россіи. Загроможденіе Архангельска, Карунги и финляндскихъ портовъ не имѣло ничего себѣ равнаго ни въ какихъ другихъ пунктахъ, и судя по всему русская желѣзнодорожная сѣть оказалась

[1]) Europeiska krigets samfärdsgeografiska betydelse — Значеніе европейской войны въ отношеніи измѣненія путей сообщеній (въ Smålands och Blekinge Handelskammares Årsskrift, 1915).

совершенно неспособною, наряду съ перевозкою войскъ, взять на себя ту массу грузовъ, которые въ новомъ объемѣ и новыхъ направленіяхъ обрушились на нее. Что касается Швеціи, то тоже нельзя сказать, чтобы все прошло благополучно. Блокада гаваней Гётеборга и Стокгольма временами была очень тяжела; и недостатокъ вагоновъ на желѣзныхъ дорогахъ при общемъ увеличеніи грузового движенія (на 23,6% на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ и на 14,8% на всей желѣзнодорожной сѣти съ октября 1914 г. по августъ 1915 г.) тоже давалъ себя сильно чувствовать, — сильнѣе даже, чѣмъ это слѣдовало бы по количеству новыхъ грузовъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ сыграли роль и другія обстоятельства,—не только затрудненія, происходившія изъ-за отсутствія единства въ управленіи движеніемъ, и осложненія изъ-за разной ширины колеи, но и наличность спеціальныхъ вагоновъ, что затрудняло надлежащее использованіе вагоннаго парка. Если бы этого не было, то сильное уменьшеніе вывоза руды, въ значительной степени компенсировавшее увеличеніе провоза прочихъ грузовъ, должно было бы дать большой просторъ новому движенію. Какъ бы то ни было, дѣло приспособленія, которое вообще кажется намъ слабой стороной шведской общественной организаціи, въ будущемъ должно и можетъ быть поставлено лучше въ данномъ отношеніи. Отъ этого въ значительной степени зависитъ и наша военная готовность. Германія въ дѣлѣ приспособленія желѣзнодорожнаго транспорта къ военнымъ условіямъ достигла, можно сказать, блестящихъ успѣховъ, хотя и она, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, не обошлась безъ задержекъ въ товарномъ движеніи. Вагонный голодъ въ Германіи въ концѣ сентября и началѣ октября 1914 года превзошелъ все, что было извѣстно въ этомъ отношеніи до войны; но германскимъ желѣзнымъ дорогамъ приходилось перевозить милліонныя арміи не только въ одномъ направленіи, но и взадъ и впередъ между восточнымъ и западнымъ фронтами, заботиться объ этапной связи этихъ армій, снабдить окупированныя непріятельскія земли 50 тысячами желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, а также массой желѣзнодорожныхъ матеріаловъ и въ то же самое время осуществить полную реорганизацію промышленной жизни страны, которой требовала война. Членъ совѣта министровъ фонъ-Фелькеръ, одинъ изъ высшихъ желѣзнодорожныхъ чиновниковъ въ Баваріи, съ полнымъ правомъ могъ констатировать, что „даже во время періода мобилизаціи нужды обычнаго движенія были удовлетворяемы настолько, что ни въ одномъ пунктѣ Германской Имперіи не чувствовалось затрудненій“ [1]). Какъ бы

[1]) Völcker: Der deutsche Eisenbahnverkehr und der Krieg (въ Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik, T. 40, вып. 3; то же подъ заглавіемъ „Krieg und Wirtschaft, вып. 3, Tübingen 1915, стр. 561—91).

важны ни были измѣненія, происшедшія въ торговыхъ путяхъ, они все-таки были недостаточны. Перемѣной путей можно было бороться лишь съ блокадой и постановленіями о контрабандѣ, но и въ этомъ отношеніи данное средство утратило уже значительную долю своего эффекта, благодаря увеличивающимся нарушеніямъ международнаго права по отношенію къ нейтральной торговлѣ. Нейтральныя государства оказались вынужденными примириться съ ограниченіями ихъ торговли и для обезпеченія собственнаго ввоза отказываться отъ транзита черезъ нихъ въ воюющія страны. Мы подошли ко второму препятствію для внѣшней торговли, которое обнимаетъ, съ одной стороны, ограниченіе вывоза, съ другой — полное запрещеніе торговли съ непріятелемъ. По отношенію къ этимъ мѣрамъ всякое измѣненіе транспортныхъ путей безсильно. Къ этому надо прибавить, что вызванные войной новые транспортные пути всѣ безъ исключенія хуже старыхъ—иначе ими пользовались бы уже въ мирное время—и часто такого рода, что движеніе по нимъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ по старымъ, совершенно невозможно. Типичнымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ могутъ служить торговыя сношенія Россіи во время войны, которыя она должна вести отчасти черезъ Архангельскъ, который замерзаетъ на восемь мѣсяцевъ въ году, обладаетъ весьма неудовлетворительными портовыми сооруженіями и обслуживается лишь одной узкоколейной желѣзной дорогой на протяженіи 700 километровъ, отчасти черезъ Карунги съ перерывомъ между финско-русской и шведской желѣзнодорожной сѣтью. Безъ сомнѣнія, неудовлетворительность этихъ новыхъ путей явилась одной изъ главныхъ причинъ того, что импортъ въ Россію за первую половину 1915 г. упалъ (по цѣнности) на три четверти (74,4%) и экспортъ на 86%. Допуская, что повышеніе цѣнъ соотвѣтствовало паденію курса рубля, каковое по отношенію къ долларамъ за указанное время въ среднемъ равнялось 18,33%, мы найдемъ, что, если бы товары оцѣнить по цѣнамъ до-военнаго времени, то ввозъ въ Россію уменьшился на 79,2% — почти на четыре пятыхъ—и вывозъ изъ нея на 88,6%—почти на девять десятыхъ.

Чтобы представить себѣ, какой ущербъ должна нести внѣшняя торговля даже при наличности вполнѣ удобныхъ новыхъ путей для нея, мы посмотримъ, какъ много ей приходится терять отъ одного лишь запрещенія торговли съ непріятелемъ. Воспользуемся для этого торговой статистикой Германіи за 1913 г. Англія (т. е. Великобританія съ Ирландіей), нынѣшній главный противникъ Германіи, въ мирное время являлась ея главнымъ покупателемъ, и брала не менѣе, чѣмъ 14,2% всего германскаго вывоза; въ то же время она была третьимъ по значенію изъ поставщиковъ Германіи и

давала 8,1% ея ввоза. Если взять всю Британскую державу (включая Египетъ), то участіе ея окажется еще больше, а именно въ экспортѣ Германіи 18,65% и въ импортѣ 21,74%. Наконецъ, если взять всѣ страны, съ которыми Германія въ настоящее время воюетъ, въ томъ числѣ и Италію, то мы найдемъ, что имъ принадлежало: [1])

въ экспортѣ Германіи	47,0%
въ импортѣ	48,1%

т. е. въ томъ и другомъ случаѣ почти половина всего торговаго оборота. Небольшая часть товаровъ вопреки всѣмъ запрещеніямъ и штрафамъ, безъ сомнѣнія, проникала на свои прежніе рынки,—объ этомъ можно судить уже по тѣмъ процессамъ, касающимся торговли съ непріятелемъ, которые возникали, какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи, и въ которыхъ иногда бывали замѣшаны солидныя и крупныя фирмы, хотя бы и по винѣ своихъ служащихъ. Но въ обшемъ, такая запрещенная торговля играетъ, конечно, очень малую роль, такъ какъ при томъ контролѣ, которому подчинены теперь всѣ международныя торговыя сношенія, рискъ настолько великъ и послѣдствія его столь серьезны, что очень немногіе торговцы рѣшаются въ ней участвовать. Когда знаешь, съ какими препятствіями связана торговля даже нейтральныхъ странъ „съ непріятелемъ“, то можно считать, что взаимный товарообмѣнъ самихъ воюющихъ совершенно ничтоженъ.

Теперь мы знаемъ, что прекращеніе торговыхъ сношеній поражаетъ обѣ стороны, и въ ихъ товарообмѣнѣ образуется пробѣлъ, который долженъ быть пополненъ. Такъ какъ новые торговые пути въ этомъ случаѣ помочь не могутъ, то самъ собой является вопросъ о подвозѣ изъ новыхъ странъ, а слѣдовательно и о вывозѣ въ новыя страны. По вполнѣ понятнымъ причинамъ, это есть одно изъ главныхъ средствъ приспособленія; но въ какой мѣрѣ оно можетъ быть осуществлено, это зависитъ отъ многихъ факторовъ.

Вопросъ прежде всего въ томъ, можно ли, вообще, найти страны съ нужными производствами, и далѣе, могутъ ли онѣ по условіямъ сообщенія и другимъ имѣть значеніе во время самой войны; если да, то возникаетъ третій вопросъ: могутъ ли новыя страны расширить свою производительность настолько, чтобы заполнить пробѣлъ, образовавшійся благодаря устраненію съ рынка прежнихъ. Можно сказать, что Англіи, Франціи, Италіи и ихъ заокеанскимъ партнерамъ, а также нейтральнымъ странамъ Европы, — правда, далеко

---

[1]) Kommersiella Meddelanden 1915, № 16, стр. 746; прочія цифры вычислены на основаніи собственной статистики подлежащихъ странъ.

не въ такой степени, какъ только что названнымъ,—удалось болѣе или менѣе удовлетворять свои нужды этимъ способомъ, тогда какъ другія воюющія государства,—Россія, Германія и Австрія,—менѣе удобно расположенныя, встрѣтили гораздо бо̀льшія затрудненія въ этомъ отношеніи. Вполнѣ разрѣшить задачу не удалось однако нигдѣ. Съ этой точки зрѣнія не лишне будетъ разсмотрѣть, какъ обстояло дѣло хотя бы съ нѣкоторыми изъ наиболѣе важныхъ товаровъ, и для этого мы воспользуемся ежемѣсячными статистическими данными о торговлѣ Англіи, дающими почти единственный въ своемъ родѣ матеріалъ для ознакомленія съ состояніемъ міровой торговли подъ вліяніемъ войны. Нужно удивляться, что эти свѣдѣнія не подверглись запрету наравнѣ со многими другими, которыя могли бы помочь безпристрастному изученію экономическаго положенія воюющихъ странъ. Данныя о внѣшней торговлѣ Англіи публикуются во все время войны съ неизмѣнной точностью, черезъ недѣлю послѣ окончанія отчетнаго мѣсяца, и сообщаютъ не только общія цифры количества и стоимости тѣхъ или другихъ товаровъ, но и распредѣленіе ихъ по отдѣльнымъ странамъ, что особенно важно въ данномъ случаѣ. Слабою стороною этихъ данныхъ является то, что припасы, издѣлія и матеріалы, получаемые и отправляемые самимъ англійскимъ правительствомъ,—а таковыхъ теперь, нужно думать, очень много,—совершенно произвольно то принимаются въ разсчетъ, то исключаются. Хотя данные матеріалы освѣщаютъ собственно только торговлю Англіи, но косвенно они значительно помогаютъ разрѣшенію и общаго вопроса [1]). Соотвѣтствующая статистика для Германіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дала бы, вѣроятно, еще болѣе интересныя иллюстраціи, но, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, опубликованіе свѣдѣній о германской торговлѣ съ началомъ войны прекратилось. Третій источникъ, статистика Соединенныхъ Штатовъ не такъ полна и получается въ Швеціи съ такимъ опозданіемъ, что ею мы не

---

[1]) Назовемъ три обработки этихъ данныхъ, сдѣланныя во время войны: A. L. Bowley, The Effect of the War on the External Trade of the United Kingdom (Cambrigde, University Press 1915); S. Rosenbaum, The Effects of the War on the Overseas Trade of the United Kingdom (Journal of Royal Statistical Society, (іюль 1915); S. Chapman и D. Kemp, The War and the Textile Industries (тамъ же мартъ 1915). Первое и третье изъ этихъ сочиненій охватываютъ пять первыхъ мѣсяцевъ войны, второе—девять мѣсяцевъ. Однако первыя два носятъ слишкомъ общій характеръ и не даютъ сколько-нибудь интересныхъ выводовъ по данному вопросу; цѣль ихъ, скорѣе, представить общій статистическій результатъ, чѣмъ проникнуть въ сущность происшедшихъ измѣненій. Ни однимъ изъ нихъ мы не пользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Статистика міровой хлѣбной торговли заимствована нами изъ „Bulletin de statistique agricole et commercial, изд. Международн. Сельскохозяйственнымъ Институтомъ.

могли воспользоваться въ такомъ же объемѣ, какъ англійскою.

Самымъ важнымъ изъ всѣхъ вопросовъ былъ, конечно, хлѣбный, разрѣшеніе котораго было сопряжено съ огромными затрудненіями, отчасти даже внѣ связи съ войною. Но окончательный результатъ, паче чаянія, получился хорошій. Что касается, прежде всего, пшеницы, то въ теченіе пяти первыхъ мѣсяцевъ войны (августъ—декабрь 1914 г.) вывозъ ея изъ семи важнѣйшихъ въ данномъ случаѣ странъ—изъ Соединенныхъ Штатовъ, Россіи, Аргентины, Канады, Румыніи, Индіи и Австраліи,—упалъ до 47 милл. двойныхъ (метрическихъ) центнеровъ, противъ 74 милл. за то же время предыдущаго года, т. е. на 36,4%. Причиной этого была, прежде всего, почти полная отрѣзанность Россіи,—судя по статистическимъ свѣдѣніямъ, ея экспортъ составилъ всего 1½ милл. центнеровъ противъ 43 милл. за то же время въ 1913 г. Уменьшеніе экспорта наблюдалось и въ прочихъ вывозящихъ странахъ, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ. Но, хотя вывозъ изъ послѣднихъ болѣе, нежели удвоился, все же его было недостаточно, чтобы заполнить даже тотъ пробѣлъ, который образовался отъ сокращенія экспорта изъ нейтральныхъ странъ. Съ другой стороны, Германія, въ качествѣ ввозящей страны, очевидно, сошла со сцены; но и это уменьшеніе въ спросѣ не могло существенно облегчить общаго положенія. Пробѣлъ, образовавшійся вслѣдствіе отрѣзанности Россіи, въ большей своей части остался незаполненнымъ. Неудивительно поэтому, что затрудненія для удовлетворенія мірового спроса на пшеницу оказались большія. Однако къ концу года произошло улучшеніе, благодаря особенно богатому урожаю въ Аргентинѣ; и потому для перваго года войны уменьшеніе экспорта пшеницы изъ названныхъ семи странъ, несмотря на полное почти прекращеніе вывоза изъ Россіи, въ общемъ было незначительно, а именно онъ уменьшился на 19½ милл. двойныхъ центнеровъ, что по отношенію къ экспорту предыдушаго года (139 милл.) составило лишь 14%. Такъ какъ германскій ввозъ обыкновенно соотвѣтствовадъ этому количеству, то обнаруживается замѣчательный фактъ: ввозъ пшеницы въ большинствѣ прочихъ странъ въ первый годъ войны былъ, въ сущности, нормальный. Процессъ замѣны одной изъ производящихъ странъ другою въ данномъ случаѣ представляетъ большой интересъ.

Для Англіи—подъ которой въ данномъ случаѣ подразумѣвается Великобританія и Ирландія — получаются такія цифры (мука переведена въ зерно и прибавлена пшеница, принесенная Канадой въ даръ метрополіи въ 1914 г.).

Ввозъ пшеницы въ Англіи

Августъ—іюль (въ милл. центнеровъ).

	1913/14 г.	1914/15 г.	Увелич.(+) или уменьш.(—)
Изъ Германіи	1,6	—	— 1,6
„ Россіи.	9,6	0,7	— 8,9
„ Австраліи.	14,8	2,0	— 12,8
„ Британской Индіи . . .	12,9	13,9	+ 1,0
„ Аргентивы	8,2	12,1	+ 3,9
„ Канады	28,9	33,2	+ 4,3
„ Соединенныхъ Штатовъ .	37,5	52,2	+ 14,7
„ прочихъ странъ	1,2	0,6	— 0,6
Итого . . .	114,7	114,7	± 0

Какъ видно изъ этой таблицы, приспособленіе дало исключительный результатъ; общая сумма ввоза совершенно не измѣнилась, несмотря на полное отсутствіе импорта изъ Германіи и почти полное изъ Россіи и Австраліи. Больше всего помогли Соединенные Штаты, какъ показываетъ таблица, а затѣмъ—Канада и Аргентина. Въ дѣйствительности Канада дала даже больше, чѣмъ показываетъ таблица, такъ какъ въ послѣднюю не включенъ еще даръ этой колоніи, сдѣланный въ 1915 г. Такимъ образомъ ввозъ въ первый годъ войны—случайно этотъ годъ оказался урожайнымъ для большинства земледѣльческихъ странъ—былъ даже немного больше, чѣмъ ввозъ предыдущаго года. Цифры эти подтверждаютъ фактъ, на который указывали еще полвѣка тому назадъ, а именно, что свободный подвозъ изъ всего міра даетъ самую вѣрную гарантію противъ недостатка товара, такъ какъ колебанія рѣдко наступаютъ одновременно и въ одномъ направленіи во всѣхъ странахъ, и вліяніе случая поэтому уравновѣшивается. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь помогъ счастливый случай, именно, колоссальный урожай въ Соединенныхъ Штатахъ,

оказавшійся почти на 17% выше урожая предыдущаго года и болѣе чѣмъ на 33% больше средняго урожая пяти предыдущихъ лѣтъ. Но было бы ошибкой думать, что все это только дѣло случая. Тотъ удивительный механизмъ, который при помощи цѣнъ регулируетъ хозяйственныя отношенія, въ данномъ случаѣ также сыгралъ свою роль, и повышеніе цѣнъ въ Европѣ привело къ тому замѣчательному результату, что Соединенные Штаты при огромномъ урожаѣ получили нѣсколько меньшее количество пшеницы для своихъ собственныхъ нуждъ, чѣмъ при гораздо менѣе обильномъ урожаѣ предыдущаго года; общая сумма чистаго вывоза изъ этой страны возросла на 72,6 милл. центнеровъ, хотя урожай увеличился только на 69,4 милл.

Что касается прочихъ хлѣбовъ, то мы не видимъ основаній входить въ подробности, они указываютъ отчасти другой выходъ, который насъ теперь не занимаетъ, а именно, что различныя кормовыя средства, повидимому, въ широкой мѣрѣ замѣнили другъ друга. Въ частности, ввозъ овса въ Англію за военные мѣсяцы 1914 г. остался неуравновѣшеннымъ; зато въ первые мѣсяцы 1915 года отсутствіе ввоза изъ Россіи и Германіи, стоявшихъ на первомъ мѣстѣ, съ избыткомъ было возмѣщено увеличившимся почти въ десять разъ ввозомъ изъ Соединенныхъ Штатовъ,—какъ это было и съ пшеницей. Если взять всѣ хлѣба въ совокупности (считая и муку, но безъ перевода ея въ зерно), то мы получимъ, конечно, очень грубую, но и за всѣмъ тѣмъ интересную общую цифру хлѣбнаго ввоза въ Англію за первый годъ войны. Сравнивая ее съ такой же цифрой предыдущаго года, мы найдемъ:

Августъ—іюль	Ввезено
1913—14 . . .	204,5 милл. центнеровъ
1914—15 . . .	211,5 „ „

т. е. и въ общей суммѣ оказалось совпаденіе, несмотря на большія измѣненія въ условіяхъ экспорта изъ разныхъ странъ.

Изъ прочихъ продуктовъ предметомъ наибо́льшаго вниманія былъ сахаръ. Его роль также была довольно рискованною,—правда, благодаря, главнымъ образомъ, нераціональной политикѣ англійскаго правительства. Съ англійской точки зрѣнія, результатъ былъ достигнутъ удовлетворительный, такъ какъ Англіи удалось вполнѣ покрыть свои нужды подвозомъ сахара съ совершенно новыхъ рынковъ; но, какъ можно думать, она получила его по гораздо болѣе высокой цѣнѣ, чѣмъ слѣдовало. И это повышеніе цѣны явилось слѣдствіемъ не только коммерческаго удара, который англійское правительство хотѣло нанести своему против-

нику, но также и того, что оно не выждало результатовъ этого удара.

Взаимная зависимость Англіи и Германіи едва ли въ какомъ другомъ отношеніи была болѣе полною, чѣмъ по отношенію къ сахару. Дѣло въ томъ, что Англія (въ 1913 г.) брала почти три четверти (72,9%) всего сахара, вывозившагося изъ Германіи, и такимъ путемъ покрывала почти половину (47,2%) своей потребности въ этомъ продуктѣ; кромѣ того, около одной пятой (18,4%) она брала изъ Австро-Венгріи и слѣдовательно, въ общей сложности, двѣ трети (65,6%) нужнаго ей сахара ввозила изъ странъ своихъ будущихъ противниковъ. Прекращеніе торговли повело тотчасъ же къ сильному повышенію цѣны на сахаръ въ Англіи, что заставило англійское правительство сдѣлать закупку по чрезвычайно высокой цѣнѣ тростниковаго сахара взамѣнъ исчезнувшаго континентальнаго свекловичнаго сахара. Лучшимъ доказательствомъ ошибочности этой операціи было то, что впослѣдствіи (26 окт. 1914 г.) правительство должно было запретить ввозъ ранѣе столь желаннаго для него продукта, такъ какъ только такимъ путемъ оно могло удержать цѣну на сахаръ отъ паденія и избѣжать убытковъ отъ совершенной имъ операціи. Потребители такимъ образомъ должны были платить болѣе высокую цѣну, чѣмъ она была бы при свободномъ ввозѣ. Если бы правительство не вмѣшивалось въ торговлю, то послѣдняя съ выгодой для себя, какъ и для страны, могла бы дать такой же ввозъ, который явился бы автоматическимъ слѣдствіемъ сильнаго повышенія цѣнъ. Къ торговой политикѣ англійскаго правительства, осужденной многими свѣдущими людьми въ самой Англіи, присоединилось еще благородное соревнованіе между Англіей и Германіей въ стремленіи вредить другъ другу, взаимно уничтожая ту торговлю, которая служила къ общей выгодѣ ихъ обѣихъ. Обѣ онѣ понимали ея выгоду для непріятеля, но обѣ не замѣчали или не хотѣли замѣчать ея выгоды для собственной страны. Германія запретила вывозъ одного изъ важнѣйшихъ своихъ товаровъ, Англія же спеціальнымъ распоряженіемъ воспретила ввозъ сахара „непріятельскаго происхожденія“, хотя это само собой вытекало уже изъ общаго запрещенія торговли съ непріятелемъ. Единственнымъ возможнымъ слѣдствіемъ этого было затруднительное положеніе обѣихъ странъ, созданное ими самими, хотя и болѣе серьезное для Англіи, чѣмъ для Германіи, такъ какъ ввозъ важнѣе вывоза. Англійская политика въ этомъ случаѣ была продиктована также въ высшей степени извращеннымъ представленіемъ о характерѣ внѣшней торговли. Она надѣялась, что своимъ запрещеніемъ ввоза она помѣшаетъ Германіи продавать сахаръ и тѣмъ самымъ получать платежныя средства заграницей, забывая,

что это запрещеніе не представляло ни малѣйшаго препятствія къ продажѣ германскаго сахара въ тѣ страны, которыя въ другое время снабжали себя тамъ, гдѣ Англія теперь удовлетворяла свои нужды; другими словами, было упущено изъ виду, что міровой спросъ на сахаръ не измѣнился оттого, что Англія покупала сахаръ не тамъ, гдѣ обыкновенно. Въ Германіи долгое время происходили колебанія, на нѣкоторое время допущенъ былъ крупный вывозъ, поучительнымъ слѣдствіемъ чего было то, что нейтральныя страны дорого продавали сахаръ въ Англію и дешево покупали его въ Германіи; но въ концѣ концовъ Германія пришла къ разумному рѣшенію—оставить сахаръ въ своей странѣ съ тѣмъ, чтобы онъ могъ служитъ замѣной множества исчезнувшихъ съ рынка пищевыхъ продуктовъ другого рода. Противъ такой политики рѣшительно ничего нельзя возразить; но тѣмъ болѣе заслуживаютъ осужденія попытки, не имѣя никакого понятія объ экономическомъ механизмѣ, нападать на противника съ бумерангомъ, который поражаетъ самого неопытнаго стрѣлка [1]).

Однако, и за всѣмъ тѣмъ, свѣдѣнія о ввозѣ сахара въ Англію даютъ новое подтвержденіе отмѣченной выше приспособляемости міровой торговли къ новымъ условіямъ и ея способности создавать подвозъ по новымъ путямъ, когда старые закрыты. Для начала приведемъ цифры общаго ввоза Англіи по количеству и стоимости:

Ввозъ сахара въ Англію.

Августъ—іюль.

	Въ милл. центнеровъ.			Въ милл. ф. стерл.		
	1913/14 г.	1914/15 г.	Увелич. (+) или уменьш. (—)	1913/14 г.	1914/15 г.	Увелич. (+) или уменьш. (—)
Сахаръ-сырецъ . .	19,3	22,7	+ 3,4	9,7	23,1	+ 13,4
Рафинадъ	19,1	11,9	— 7,2	12,4	14,4	+ 2,0
Итого . . .	38,4	34,6	— 3,8	22,1	37,5	+ 15,4
Въ томъ числѣ для внутренняго употребленія . . .	35,4	32,5	— 2.9			

[1]) Замѣчательную критику всей торговой политики во время войны даетъ G. E. Toulmin въ Economic Journal, мартъ 1915 г. (The Law Relating to Trade with the Enemy); въ частности, сахарная политика въ Англіи была предметомъ безпрерывныхъ нападокъ съ разныхъ сторонъ, особенно же въ The Economist.

Отсюда видно, что общее сокращеніе ввоза по количеству составило около 10%, въ дѣйствительности даже больше (13 1/3%) [1]), такъ какъ рафинадъ, ввозъ котораго уменьшился, содержитъ больше сахара, чѣмъ сырецъ, ввозъ котораго увеличился. Для внутренняго употребленія уменьшеніе ввоза оказалось однако менѣе значительнымъ. Несмотря на количественное уменьшеніе, общая стоимость ввезеннаго сахара увеличилась необычайно, почти на 70%. Въ дѣйствительности еще больше, такъ какъ цѣна на рафинадъ поднялась съ 0,65 ф. стерл. до 1,22 ф. стерл. за центнеръ или почти удвоилась; цѣна на сырецъ поднялась съ 0,50 ф. стерл. до 1,02 ф. стерл. за центнеръ, т. е. болѣе чѣмъ удвоилась. Изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, что повышеніе зависѣло отъ политики англійскаго правительства, такъ какъ повышеніе продолжалось и въ 1915 г. Но что вмѣшательство правительства сыграло роль въ болѣе раннихъ стадіяхъ, когда вывозъ изъ Германіи еще продолжался, а фрахты и пр. еще не поднялись настолько, какъ потомъ, представляется весьма вѣроятнымъ.

Распредѣленіе по странамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Ввозъ сахара въ Англію по странамъ.

Августъ—іюль (въ милл. центн.).

а) **Страны, вывозящія свекловичный сахаръ.**	1913/14 г.	1914/15 г.	Увелич. (+) или уменьш. (—)
Германія	17,81	0,02	— 17,79
Австро-Венгрія	6,39	0,07	— 6,32
Нидерланды	3,67	2,25	— 1,42
Бельгія	0,82	0,08	— 0,74
Франція	0,36	—	— 0,36
Прочія	0,71	0,54	— 0,17
Итого . . .	29,76	2,25	— 26,80

[1]) Эта цифра получена черезъ умноженіе количествъ на цѣны 1913/14 года.

б) Страны, вывозящія тростниковый сахаръ.	1913/14 г.	1914/15 г.	Увелич. (+) или уменьш. (—)
Ява	—	11,86	+ 11,86
Куба	5,16	5,26	+ 0,10
О-въ Св. Маврикія	0,68	3,83	+ 3,15
Соединенные Штаты (съ Филиппинами)	0,06	2,65	+ 2,59
Британская Вестъ-Индія и пр.	0,73	2,59	+ 1,86
Аргентина	—	1,41	+ 1,41
Перу	0,74	0,92	+ 0,18
Бразилія	0,15	0,63	+ 0,48
Прочія	1,07	2,54	+ 1,47
Итого . . .	8,59	31,69	+ 23,10

Мы видимъ, что заокеанскія страны, производящія тростниковый сахаръ, выступили на сцену и покрыли почти весь недостатокъ свекловичнаго сахара, образовавшійся въ Англіи. Особенно интересно отмѣтить количество новыхъ странъ, заступившихъ мѣсто весьма немногочисленныхъ старыхъ; кромѣ восьми здѣсь названныхъ, въ рубрику „прочія" вошли, напр., Британская Индія, Португальскія колоніи Восточной Африки, Санъ Доминго, Мексика и Австралія.

Остальные пищевые продукты не даютъ сколько-нибудь важныхъ примѣровъ приспособленія путемъ привлеченія новыхъ пунктовъ экспорта. Наиболѣе важные изъ неупомянутыхъ еще продуктовъ, именно мясо, сало и свинина съ англійской точки зрѣнія совершенно не затронуты войною, такъ какъ обычные ихъ рынки, Южная Америка и Австралія, оставались по прежнему открытыми. Но война оказала сильное вліяніе на запасы мяса въ другомъ отношеніи, а именно усиленіемъ потребленія его въ англійскихъ войскахъ, а, судя по нѣкоторымъ даннымъ, отчасти и во французскихъ. Вслѣдствіе этого почувствовался недостатокъ въ мясѣ, что и затруднило нѣсколько удовлетвореніе нуждъ мирнаго населенія Англіи, такъ что англійскій министръ

торговли Runciman въ концѣ іюня 1915 года объявилъ, что каждый обыватель долженъ сократить свое потребленіе мяса на 2 фунта въ мѣсяцъ (The Times, 26 іюня 1915 г.). Но это уже приспособленіе иного типа, чѣмъ то, о которомъ идетъ у насъ рѣчь. Надо однако сказать, что Соединенные Штаты, которые въ эту войну успѣли показать себя чуть не неистощимыми, доставили въ Англію больше охлажденной по особому способу говядины (Chilled-Beef —не слѣдуетъ смѣшивать съ замороженной: Frozen Beef) и почти двойное противъ прошлаго года количество свинины (Bacon и Hams). Увеличеніе мясного импорта изъ Соединенныхъ Штатовъ, вмѣстѣ съ абсолютно бо́льшимъ, но относительно меньшимъ увеличеніемъ ввоза изъ Канады, не только покрыло убыль отъ прекращенія подвоза изъ Россіи, но даже значительно увеличило общее количество поступленія свинины. Иначе обстояло дѣло съ масломъ и яйцами, по отношенію къ которымъ отрѣзанность Россіи сыграла большую роль; на импортѣ яицъ сказалась также изоляція Австріи и Германіи. Можно было бы ожидать, что скандинавскія страны покроютъ эту убыль, но этого не случилось, отчасти вслѣдствіе ограниченія вывоза, отчасти, очевидно, вслѣдствіе еще бо́льшаго недостатка товаровъ въ Германіи. Весь англійскій ввозъ поэтому сократился, по крайней мѣрѣ, на то количество, которое ввозили отрѣзанныя страны, что для яицъ обозначаетъ потерю почти половины ввоза (уменьшеніе съ 21,94 до 11,57 милл. great hundreds [1]) въ первый годъ войны). Впрочемъ, это зависѣло отчасти и отъ другихъ причинъ, какъ будетъ указано ниже.

Что касается другихъ товаровъ, то, по скольку рѣчь идетъ объ Англіи, слѣдуетъ имѣть въ виду, конечно, только тѣ, которые ввозились изъ Россіи, Германіи, Австріи и Бельгіи. Что касается недочета въ фабрикатахъ,—въ видѣ значительнаго количества получавшихся ранѣе нѣмецкихъ и бельгійскихъ товаровъ, то онъ возмѣщался не посредствомъ обращенія за этими товарами къ новымъ странамъ, но инымъ путемъ. Въ качествѣ примѣра подвоза изъ новыхъ странъ можно указать на blooms & billets (вальцованное желѣзо и сталь съ квадратнымъ разрѣзомъ), которые обыкновенно получались изъ Германіи и Бельгіи, теперь же ввозятся въ Англію изъ Соединенныхъ Штатовъ. Ввозъ этихъ продуктовъ оттуда въ 1915 г. увеличился въ десять разъ. Изъ другихъ металловъ въ отрѣзанныхъ войною странахъ, въ частности, также въ Германіи и Бельгіи, Англія покупала, главнымъ образомъ, цинкъ. Ввозъ послѣдняго изъ Соединенныхъ Штатовъ также увеличился во много разъ, чѣмъ однако удалось покрыть въ 1914 г. лишь поло-

[1]) Great hundred = 120 штукъ.

вину образовавшагося недочета; для 1915 г. распредѣленіе по странамъ еще неизвѣстно. Изъ сырыхъ текстильныхъ товаровъ война повліяла только на импортъ льна, главными поставщиками котораго являлись Россія и Бельгія. Въ теченіе войны обѣимъ этимъ странамъ временами удавалось кое-что вывозить; кромѣ того, Нидерланды и Франція до нѣкоторой степени пополняли образовавшійся недочетъ, но въ большей своей части послѣдній оставался все-таки непокрытымъ. Однако гораздо важнѣе названныхъ группъ лѣсные товары въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ, и положеніе дѣла съ ними должно быть поэтому обрисовано нѣсколько подробнѣе.

Довести ввозъ рубленаго и пиленаго лѣса до нормальныхъ размѣровъ, можно сказать, не удалось. Между тѣмъ, спросъ на этотъ товаръ, нужно думать, не уменьшился во время войны, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, когда онъ требуется. Главнымъ поставщикомъ его являлась Россія, и недостатокъ поэтому былъ чувствителенъ. Для менѣе значительной группы рубленаго товара, за исключеніемъ свай (pitprops), уменьшеніе ввоза въ первый годъ войны, по даннымъ англійской статистики, составило почти половину (46,2%) вслѣдствіе сокращенія ввоза изъ Россіи и Германіи; несмотря на то, что русскій вывозъ въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ войны былъ только на одну четверть ниже, чѣмъ въ тѣ же мѣсяцы предыдущаго года, здѣсь не получилось никакого равновѣсія. Нѣсколько лучше обстояло дѣло съ пиленымъ товаромъ. Ввозъ этого товара, считая шпалы, упалъ въ первый годъ войны на 1,94 милл. вагоновъ (loads), т. е. почти на треть (31,5%) противъ цифры 1913/14 года. Отчасти это уменьшеніе ввоза можно объяснить меньшимъ ввозомъ шпалъ (slipers), что было вполнѣ естественно въ виду сократившейся постройки желѣзныхъ дорогъ. Детальное изслѣдованіе, изъ какихъ именно странъ сократился ввозъ, затрудняется отсутствіемъ необходимыхъ статистическихъ данныхъ, но все же очевидно, что уменьшеніе ввоза изъ Россіи (на 2,20 милл. вагоновъ) было до извѣстной степени восполнено увеличеніемъ ввоза изъ Швеціи и Норвегіи (но не изъ Канады). Наконецъ, что касается третьей подгруппы пиленаго и рубленаго товара, именно свай (pitprops), то повышенный спросъ на него во время войны не могъ предотвратить уменьшеніе ввоза на 1,10 милл. вагоновъ (на 33,1%). Но это уменьшеніе упало почти всецѣло на пять первыхъ мѣсяцевъ войны; послѣ того началось уравненіе, при чемъ между прочимъ Швеція значительно увеличила свой экспортъ (въ общей сложности —т. е. не только въ Англію—на 56,3% въ первую половину 1915 г., по шведскимъ даннымъ).

Если такимъ образомъ пиленый и рубленый товаръ,

вообще говоря, представляетъ примѣръ недочетовъ экономическаго приспособленія во время войны, то совершенно иначе обстоитъ дѣло съ древесной массой, что отчасти объясняется тѣмъ, что задача въ данномъ случаѣ была легче, такъ какъ пробѣлъ, образовавшійся вслѣдствіе перерыва торговыхъ сношеній съ Германіей и Россіей, былъ гораздо меньшій. Многочисленныя затрудненія, съ которыми пришлось бороться этой индустріи въ Швеціи, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка воды и сѣры, казалось бы должны были помѣшать Англіи пополнить свой ввозъ; но по отношенію къ тому сорту древесной массы, которая ввозилась изъ Россіи и Германіи, именно, по отношенію къ целлюлозѣ, дѣйствительность не оправдала опасеній. Равновѣсіе въ англійскомъ ввозѣ не только было вполнѣ достигнуто, но въ первый годъ войны въ немъ оказался даже излишекъ. И этимъ Англія обязана всецѣло Швеціи и Норвегіи, которыя однѣ лишь увеличили свой ввозъ, первая въ абсолютныхъ числахъ почти вдвое противъ Норвегіи. Результатъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Ввозъ въ Англію сухой целлюлозы (химической древесной массы).

Августъ—іюль (въ тоннахъ).

	1913/14 г.	1914/15 г.	Увелич. (+) или уменьш. (—)
Изъ Германіи	43,185	613	— 42,572
„ Россіи	38,096	18,320	— 19,776
„ прочихъ странъ“ (между прочимъ, изъ Австро-Венгріи)	8,298	2,918	— 5,380
„ Норвегіи	53,817	83,990	+ 30,173
„ Швеціи	244,076	305,127	+ 61,051
Итого . . .	387,472	410,968	+ 23,496

Ввозъ древесной массы, если взять всѣ виды ея, нѣсколько уменьшился (на $1^3/_4\%$), въ зависимости отъ умень-

шенія ($7^1/_2$%) ввоза механической массы; хотя эта послѣдняя масса не получалась изъ отрѣзанныхъ войною странъ, но причиной уменьшенія ввоза ея, вѣроятно, явилось сокращеніе спроса, что само по себѣ весьма возможно, такъ какъ сокращеніе количества объявленій и пр. могло уменьшить потребленіе газетной бумаги въ большей степени, чѣмъ оно увеличилось вслѣдствіе расширенія розничной продажи, вызванной сенсаціями войны.

Разсмотримъ здѣсь же и ввозъ бумаги въ Англію, хотя послѣдняя представляетъ продуктъ обрабатывающей промышленности, а уравненіе между спросомъ и предложеніемъ такого рода продуктовъ достигается и инымъ путемъ, помимо нахожденія новыхъ рынковъ. Въ обыкновенное время главными поставщиками бумаги для Англіи являлись сѣверныя страны, Швеція и Норвегія; но и Германія играла не менѣе важную роль, чѣмъ Швеція, также и другія отрѣзанныя теперь страны—Бельгія и Россія—имѣли свое значеніе. Для тѣхъ родовъ бумаги, о ввозѣ которыхъ англійская ежемѣсячная статистика даетъ свѣдѣнія, мы имѣемъ такія цифры:

Ввозъ бумаги въ Англію.

Августъ—іюль (въ центнерахъ).

	1913/14 г.	1914/15 г.	Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—).	
Изъ Германіи . .	1,590,125	19,446	— 1,570,679	
„ Бельгіи . .	431,708	84,708	— 337,000	— 2,130,474
„ Россіи . . .	222,950	70,164	— 152,786	
„ Швеціи . .	1,811,367	1,741,358	— 60,009	
„ Ньюфаундленда	864,076	895,680	+ 31,604	
„ Соединенныхъ Штатовъ . .	101,773	202,227	+ 100,454	+ 426,544
„ Норвегіи . .	2,345,135	2,561,237	+ 216,102	
„ проч. странъ (между проч. изъ Голландіи)	523,169	601,553	+ 78,384	
Итого . .	7,890,303	6,186,373	— 1,703,930	

Равновѣсіе, видимо, далеко не было достигнуто. Тѣ страны, которыя усилили свой ввозъ—Норвегія, Соединенные Штаты, Нидерланды и Ньюфаундлендъ—дали увеличеніе въ общей сложности лишь на 426,544 центнеровъ, — меньше, чѣмъ сократился ввозъ изъ Россіи и Бельгіи; пробѣлъ же, образовавшійся вслѣдствіе прекращенія ввоза изъ Германіи, такимъ образомъ остался вовсе не восполненнымъ. Довольно страннымъ можетъ показаться уменьшеніе ввоза изъ Швеціи, но тутъ рѣшающую роль сыграли тѣ факторы, о которыхъ мы упоминали, говоря о ввозѣ древесной массы, но которые не могли тамъ вызвать уменьшенія. Надо прибавить, что паденіе ввоза бумаги изъ Швеціи относится всецѣло къ первому полугодію войны, за второе же полугодіе наблюдается значительное повышеніе.

Общее сокращеніе ввоза бумаги въ Англіи было нѣсколько больше, чѣмъ показываютъ приведенныя цифры, относящіяся лишь къ нѣкоторымъ сортамъ ея, и достигало почти 2 милл. центнеровъ, при чемъ распредѣлялось довольно равномѣрно по отдѣльнымъ родамъ бумаги. Но бумага отличается отъ прочихъ товаровъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, тѣмъ, что она составляетъ предметъ производства въ самой Англіи, и для нея равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ достигается еще ограниченіемъ вывоза. Хотя это и относится, по настоящему, къ дальнѣйшей части нашего изложенія, однако мы приведемъ здѣсь и это уравненіе. Цифры получаются слѣдующія (въ центнерахъ):

	1913/14 г.	1914/15 г.	Увелич. (+) или уменьш. (—)
Ввозъ	12,767,024	10,803,265	— 1,963,759
Вывозъ	3,626,073	2,863,999	+ 762,074
Внутри страны . . .	9,140,951	7,939,266	— 1,201,685

Такимъ образомъ, сокративъ свой вывозъ, страна получила для собственныхъ нуждъ 762 тыс. центнеровъ, тогда какъ увеличеніе ввоза изъ неотрѣзанныхъ войною странъ дало ей, какъ мы видѣли, лишь 427 т. центнеровъ.

Статистическое изслѣдованіе англійскаго ввоза слѣдовало бы дополнить такимъ же изслѣдованіемъ для Германіи, но

по указаннымъ выше причинамъ это невозможно. Насколько Германія приспособилась къ военнымъ условіямъ, воспользовавшись для полученія товаровъ новыми путями и для закупки ихъ—новыми рынками, мы рѣшительно ничего не знаемъ. Мы знаемъ лишь о двухъ вещахъ, представляющихъ меньшій интересъ, а именно, кое что объ организаціи упавшаго до минимума ввоза и о томъ, что значительное количество товаровъ ей удалось получить помимо торговли. Что касается перваго, то, должно быть, всѣмъ извѣстно, что въ Германіи организовано огромное количество—свыше пятидесяти—„Kriegsrohstoffgesellschaften“ и „Rohstoffabrechnungsstellen“; это—частныя предпріятія, цѣль которыхъ, въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ отдѣломъ сырыхъ произведеній при военномъ министерствѣ, завѣдывать и распредѣлять по отдѣльнымъ заводамъ и фабрикамъ имѣющіеся запасы. Важнѣйшими между этими обществами были: Kriegsmetallgesellschaft, Kriegschemikalien-Aktiengesellschaft и, самое замѣчательное изъ всѣхъ ихъ, Kriegsgetreidegesellschaft. Гораздо менѣе извѣстно Zentraleinkaufgesellschaft (первоначально называющееся Reichseinkauf), которое, главнымъ образомъ, завѣдуетъ самыми закупками за границей и потому именно находитъ нежелательнымъ, чтобы о немъ много говорили. Несомнѣнно, что особенно черезъ это послѣднее общество происходитъ коммерческое приспособленіе Германіи, достигающее широкихъ размѣровъ, но детали котораго составляютъ глубокую тайну. Интересно отмѣтить и другой пріемъ германскаго „приспособленія“, осуществлявшійся чисто военнымъ путемъ, именно при помощи конфискаціи запасовъ въ завоеванныхъ провинціяхъ, при чемъ иногда помогалъ счастливый случай, какъ это было напримѣръ осенью 1914 года, когда скудный подвозъ шерсти былъ пополненъ захватомъ двухъ важныхъ пунктовъ шерстяного производства, Roubaix-Tourcoing на западѣ и Лодзи—на востокѣ. Было бы слишкомъ долго перечислять все то, что пріобрѣтено Германіей въ провинціяхъ Бельгіи и Сѣверной Франціи съ ихъ интенсивной промышленностью. Въ городахъ одной только Сѣверной Франціи, какъ говорятъ, конфисковано товаровъ на сумму въ одинъ милліардъ франковъ, при чемъ это были не только сырые продукты, какъ напр. шерсть, пряжа, хлопчатая бумага, кожи, металлы и пр., но и продукты обрабатывающей промышленности. Такъ, напр., въ Лиллѣ были найдены большіе запасы военной аммуниціи, которые, въ качествѣ французскаго государственнаго имущества, само собой разумѣется, были признаны собственностью завоевателя. Въ Антверпенѣ, по даннымъ бельгійскаго правительства, было захвачено на 13 милл. франковъ хлопчатой бумаги, на 11 милл. каучука, на 6 милл. шерсти, на 10 милл. кожи и т. д. Кромѣ того, по свѣдѣніямъ изъ германскихъ источниковъ, тамъ

было найдено болѣе или менѣе значительное количество растительнаго масла, зерна, джута, льна, пеньки и т. д.; другіе товары, по германскимъ свѣдѣніямъ, захвачены въ прочихъ бельгійскихъ городахъ [1]). Но какъ бы велики ни были количества захваченныхъ товаровъ, можно сказать навѣрное, что ихъ хватило не надолго для удовлетворенія германскихъ нуждъ, и что послѣднія, безъ сомнѣнія, въ гораздо большей степени удовлетворялись менѣе шумной работой Zentraleinkaufsgesellschaft и другихъ подобныхъ организацій. Намъ остается еще нѣсколько подробнѣе изслѣдовать, гдѣ же предѣлъ этой формы приспособленія путемъ привлеченія новыхъ странъ для закупки товаровъ. Что она не распространяется на всю область міровой торговли, это вытекаетъ уже изъ предшествующаго изложенія. По отношенію къ тѣмъ странамъ ввоза, которыя сами отрѣзаны, это не требуетъ объясненія; но относительно тѣхъ странъ, торговыя сношенія которыхъ могутъ происходить безпрепятственно, такое объясненіе представляется не лишнимъ.

Основная причина недостатка въ подвозѣ та, что міровая производительность сама стала недостаточной. Въ такомъ положеніи оказываются прежде всего товары, на общее поступленіе которыхъ не можетъ быть оказано воздѣйствіе въ короткіе промежутки времени. Сюда относится бо́льшая часть продуктовъ земли, сборъ которыхъ происходитъ въ опредѣленные сроки и количество которыхъ между двумя сборами поэтому вполнѣ опредѣленное. Во время этихъ промежутковъ цѣны — этотъ великій регуляторъ экономической жизни,—почти безсильны повліять на ихъ поступленіе. Если въ такое время какая-либо изъ странъ, производящихъ данный продуктъ, окажется отрѣзанной и, стало быть, не можетъ идти въ счетъ, какъ это было съ Россіей по отношенію къ зерну, или поднимется вдругъ спросъ на товаръ, благодаря войнѣ, какъ это случилось напр. съ шерстью и кожей, то несоотвѣтствіе между предложеніемъ и спросомъ становится фактомъ, который не въ силахъ устранить торговля.

Въ обычное время, конечно, и въ такихъ случаяхъ не было бы основанія говорить о несоотвѣтствіи между предложеніемъ и спросомъ; если при помощи цѣнъ въ такое время нельзя было бы увеличить предложеніе, то цѣны воз-

---

[1]) Otto Brandt, Die deutsche Industrie im Kriege 1914/1915 (Berlin Heymann 1915), стр. 84 и сл. Эта книга представляетъ самое полное изъ извѣстныхъ мнѣ изслѣдованій положенія германской промышленности во время войны, главнымъ образомъ, въ первое полугодіе войны; тамъ находится также подробный отчетъ о военно-промышленныхъ обществахъ (стр. 70—79). Объ этихъ послѣднихъ см. также Arthur Dix, Wirtschaftliche Kriegsorganisationen (Deutsche Wirtschaftszeitung 15 мая 1915 г.).

становили бы равновѣсіе другимъ путемъ, а именно ограничивъ или прекративъ спросъ. Но во время войны дѣло не всегда происходитъ такъ просто, потому что на нѣкоторые продукты спросъ продолжается, какова бы ни была на нихъ цѣна; и, пока они не замѣнены другими, ихъ потребленіе совершенно не зависитъ отъ цѣнъ. По мѣрѣ того какъ государство, которое, вообще, гораздо меньше, чѣмъ отдѣльная личность, согласуетъ свое потребленіе съ экономическими условіями, беретъ для своихъ надобностей все большее количество продуктовъ, вліяніе цѣнъ на спросъ становится все слабѣе и это сказывается на многихъ предметахъ первой необходимости для всего населенія. Иначе трудно объяснить напр. тотъ фактъ, что необычайное повышеніе цѣнъ въ Англіи на многіе припасы, особенно на сахаръ и зерно, не повело къ болѣе сильному, пониженію спроса, чѣмъ какое обнаруживаютъ вышеприведенныя цифры, касающіяся ввоза. Для солдатъ, конечно, нѣтъ никакихъ основаній уменьшать свое потребленіе; напротивъ, гораздо болѣе широкіе, чѣмъ обычно, размѣры ихъ потребленія, въ соединеніи съ расточительностью, царящей въ войскахъ, о чемъ много говорилось въ англійской печати—да и трудно ея избѣжать при военномъ и всякомъ другомъ коммунизмѣ—должны были повести къ колоссальнымъ расходамъ. Труднѣе составить себѣ представленіе о размѣрахъ гражданскаго потребленія въ Англіи; но неоднократное увеличеніе жалованья чернорабочимъ, при прямой или косвенной поддержкѣ государства, по общему признанію, повело къ тому, что эти рабочіе, въ общемъ, могутъ сохранять свои прежнія условія жизни и имъ не было надобности сокращать свое потребленіе въ зависимости отъ фактическаго уменьшенія мірового поступленія нужныхъ товаровъ. Какъ все это отзывается на финансированіи войны, будетъ сказано ниже; но вліяніе на міровое потребленіе относится къ теперешней нашей темѣ. Если происходитъ общее уменьшеніе предложенія,—а таковое, если не имѣло мѣста по отношенію къ пшеницѣ, то наблюдалось въ отношеніи многихъ другихъ продуктовъ—то потребленіе, очевидно, должно приспособляться къ этому. Такъ какъ нѣкоторыя изъ воюющихъ странъ, прежде всего Англія, готовы платить какую-угодно цѣну, то отсюда слѣдуетъ, что нейтральныя страны, которыя обыкновенно этого не дѣлаютъ, остаются ни съ чѣмъ. Такимъ образомъ, уже по этой причинѣ недостатокъ такого рода товаровъ не распространяется равномѣрно по всему міру, какъ это было бы при обыкновенныхъ условіяхъ, но наоборотъ, распредѣляется очень неравномѣрно.

Сказанное относится къ тѣмъ продуктамъ природы, количество которыхъ не можетъ быть немедленно увеличено или уменьшено. Впрочемъ, и по отношенію къ нимъ по

истеченіи перваго года, а то и ранѣе, такъ какъ сборъ хлѣбовъ происходитъ нѣсколько разъ въ теченіе года, положеніе можетъ существенно измѣниться. По отношенію же ко всѣмъ продуктамъ обрабатывающей промышленности, а также и многимъ сырымъ произведеніямъ, каковы всѣ произведенія рудной и горной промышленности, съ самаго начала не существуетъ абсолютнаго предѣла для увеличенія производства. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не можетъ быть рѣчи о медленномъ, естественномъ процессѣ созрѣванія, напротивъ, въ существенныхъ чертахъ производство все время находится подъ контролемъ человѣческой воли. Поэтому здѣсь установленіе цѣнъ непосредственно вліяетъ и на предложеніе; увеличившійся недостатокъ въ такого рода продуктахъ, происходитъ ли онъ отъ отрѣзанности страны, или отъ повышенія спроса, вызываетъ совершенно автоматически и увеличеніе предложенія. Это и наблюдалось на всемъ земномъ шарѣ въ теченіе всего перваго года войны, какъ и предусматривала политическая экономія, когда еще никто не думалъ о міровой войнѣ.

Конечно, быстрое увеличеніе количества и этихъ продуктовъ можетъ встрѣтить затрудненія, но затрудненія иного рода, чѣмъ тѣ, съ какими приходится считаться въ производствахъ, требующихъ участія силъ природы. Современная промышленность требуетъ медленно созидаемыхъ и впослѣдствіи долго функціонирующихъ сооруженій, и это могло причинить непреодолимыя препятствія къ удовлетворенію внезапно измѣнившагося спроса. Въ дѣйствительности, однако, какъ это сейчасъ будетъ выяснено, эти затрудненія оказались менѣе значительными, чѣмъ думали, и производство продуктовъ обрабатывающей промышленности встрѣтило довольно слабое препятствіе съ этой стороны. Само собой понятно, конечно, что препятствіе становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше пробѣлъ, который необходимо пополнить. Выше были приведены примѣры, когда такой пробѣлъ образуется вслѣдствіе закрытія наиболѣе важныхъ въ томъ или иномъ случаѣ рынковъ; но то же самое положеніе создается при быстромъ и рѣзкомъ повышеніи спроса.

Наряду съ этимъ имѣется еще, притомъ гораздо болѣе важный, предѣлъ для приспособленія, путемъ подвоза недостающихъ товаровъ съ новыхъ рынковъ—предѣлъ, имѣющій одинаковое значеніе какъ для продуктовъ природы, такъ и для фабрикатовъ,—это то, что производство многихъ продуктовъ ограничивается лишь нѣкоторыми опредѣленными странами. Строго говоря, это наблюдается по отношенію ко всѣмъ продуктамъ, такъ какъ вѣдь пшеница шведская, сѣверо-американская и аргентинская—весьма различныя вещи, также какъ и американскій, индійскій и еги-

петскій хлопокъ, не говоря уже о шведской, испанской и люксембургской желѣзной рудѣ. По этому въ обыкновенное время только до извѣстной степени можно довольствоваться подвозомъ изъ одной страны, за отсутствіемъ подвоза изъ другой. Но во время войны не приходится ничѣмъ брезговать, и если въ обычное время шведскіе мукомолы неохотно брали шведскую пшеницу, въ виду довольно слабаго въ ней содержанія глютина, то теперь, во время войны, насколько извѣстно, идетъ въ дѣло всякая пшеница, которую только можно достать. То же самое, навѣрно, происходило со всѣми продуктами и во всемъ мірѣ, когда вообще замѣна оказывается технически возможной. Но бываютъ случаи, представляющіе гораздо болѣе значительныя затрудненія, а именно, когда производство не только извѣстнаго сорта товара, но всего товара почти всецѣло ограничено опредѣленной страной, и страна эта отрѣзана на все время войны. Такая „монополія“—какъ часто выражаются, хотя и не совсѣмъ правильно,—принадлежитъ Германіи по отношенію къ натуральному калію и ко множеству другихъ еще болѣе важныхъ теперь, во время войны, химическихъ продуктовъ, которые необходимы какъ для красокъ и медикаментовъ, такъ и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ. Хотя исключительное положеніе, какое Германія занимала въ производствѣ этихъ продуктовъ, очень мало зависѣло отъ естественныхъ условій, все-таки чрезвычайно трудно заполнить пробѣлъ, который теперь образовался. Во всякомъ случаѣ нейтральныя страны, которыя вообще стараются пополнить убыль въ товарахъ, образовавшуюся вслѣдствіе прекращенія обычнаго подвоза изъ отрѣзанныхъ странъ, едва ли справятся съ данной задачей. Чтобы судить о томъ, какое количество подобныхъ товаровъ исчезло изъ англійскаго ввоза, приведемъ нѣкоторыя данныя относительно смолистыхъ красокъ („Dyes and Dye Stuffs obtained from Coal Tar“ въ статистикѣ), столь необходимыхъ для изготовленія потребныхъ для войны тканей.

Ввозъ этихъ красокъ въ первый годъ войны, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, составлялъ (съ августа по іюль):

въ 1913/14	365,134	центнеровъ
„ 1914/15	39,070	„
Уменьшеніе на	326,064	центнеровъ или на 89,3%,

т. е. за первый годъ войны ввозъ сократился почти на девять десятыхъ. За послѣдніе мѣсяцы (іюль—октябрь 1915 г.) онъ прекратился совершенно. Точно также цѣна на ввозимое въ небольшомъ количествѣ искусственное индиго въ 1915 г. поднялась съ 3 ф. стерл. 4 шилл. до 11 ф. стерл. 8 шилл.

за центнеръ, т. е. увеличилась болѣе, чѣмъ втрое. Многіе изъ другихъ химическихъ продуктовъ показываютъ также сильное количественное сокращеніе, хотя въ большинствѣ случаевъ и не въ такой степени, какъ смолистыя краски.

Затрудненія, съ которыми связано обращеніе за товарами къ новымъ странамъ, увеличиваются еще, хотя и не въ одинаковой для всѣхъ степени, отъ общей необезпеченности подвоза; для отрѣзанныхъ же странъ этотъ путь и вовсе недоступенъ.

Изъ сказаннаго очевидно, что привлеченіе къ поставкѣ новыхъ странъ не въ состояніи покрыть всего того недостатка въ товарахъ, который является слѣдствіемъ перерыва въ обычныхъ торговыхъ сношеніяхъ и увеличенія спроса. Для этой цѣли должно быть также реорганизовано собственное производство страны, и притомъ не только на крайній случай, но и потому, что это факторъ величайшей важности.

На первый взглядъ, такое рѣшеніе вопроса представляется гораздо болѣе простымъ, чѣмъ то, о которомъ шла рѣчь выше. Вѣроятно, многіе въ воюющихъ странахъ видятъ прямую выгоду для своей страны въ „прекращеніи заграничной конкурренціи“ и, навѣрное, разсчитываютъ, воспользовавшись счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, восполнить образовавшійся пробѣлъ путемъ „предоставленія работы“ собственнымъ сынамъ и дочерямъ, чего будто-бы не можетъ быть, если товары будутъ привозиться съ новыхъ рынковъ. Всѣ эти весьма обычныя разсужденія стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. За немногими исключеніями, продукты составляютъ цѣль всякой экономической дѣятельности, и отсутствіе продуктовъ поэтому всегда само по себѣ является народнохозяйственной потерей. Объ отсутствіи же спроса на трудъ не можетъ быть рѣчи, какъ это показано въ предыдущей главѣ. При нормальныхъ условіяхъ, вопросъ объ иностранномъ или собственномъ производствѣ, вообще говоря, рѣшается просто: нужно самимъ производить то, что труднѣе ввозить, и ввозить то, что труднѣе производить. Прекращеніе внѣшнихъ торговыхъ сношеній нерѣдко, дѣйствительно, приводитъ къ тому, что внутреннее производство становится выгоднымъ, гдѣ оно не было такимъ до этого времени. Такое же дѣйствіе производитъ вздорожаніе фрахтовъ и увеличеніе риска по транспортированію. Товары, которые въ обычное время доставлялись изъ-за границы, становятся совершенно недоступными или гораздо менѣе доступными, чѣмъ раньше, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ внутреннее производство оказывается при данныхъ условіяхъ наиболѣе выгодной альтернативой для полученія товаровъ, оно выступаетъ на сцену. Нельзя, слѣдовательно, думать, что со-

кращеніе ввоза всегда означаетъ невозможность получить товаръ изъ новаго мѣста; иногда оно означаетъ только то, что, послѣ того какъ самый выгодный способъ полученія товара сдѣлался недоступнымъ, наиболѣе выгоднымъ путемъ оказалось производство его у себя дома. Что касается Англіи, положеніе которой по статистическимъ соображеніямъ составляетъ главный предметъ настоящей главы, то для нея пополненіе импорта собственнымъ производствомъ имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, по отношенію къ произведеніямъ обрабатывающей промышленности, почему эти послѣднія и были оставлены нами въ сторонѣ при изслѣдованіи статистическихъ данныхъ по ввозу. Какъ было указано въ концѣ первой главы, именно эта форма приспособленія, судя по всему, породитъ потомъ, при переходѣ къ экономіи мирнаго времени, больше всего затрудненій.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ, конечно, представиться желательнымъ болѣе сильное расширеніе внутренняго производства даже дальше тѣхъ предѣловъ, которые диктуются простымъ коммерческимъ разсчетомъ, т. е. соображеніемъ, что внутреннее производство представляетъ наиболѣе выгодную форму полученія даннаго товара. Это можетъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется капиталъ и рабочая сила, предназначавшіеся для производства, которое изъ-за войны вдругъ потеряло свой raison d'être, напримѣръ, для производства товаровъ, вывозившихся въ непріятельскую или другую отрѣзанную теперь страну, при чемъ однородные товары оказываются нужными для собственнаго потребленія. Въ такомъ случаѣ можно получить свободныхъ рабочихъ и свободныя сооруженія, которыя, быть можетъ, только такимъ образомъ и могутъ быть использованы. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ это было напр. съ текстильнымъ и металлическимъ производствомъ въ Англіи, задача представляется очень простою и обращеніе къ внутреннему производству не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній. Если же дѣло идетъ о совершенно разныхъ производствахъ, то наличность свободныхъ рабочихъ рукъ и орудій не можетъ уже быть аргументомъ, и едва ли есть смыслъ изготовлять у себя дома, напримѣръ, бумагу въ большемъ, чѣмъ прежде количествѣ, хотя бы въ странѣ и ощущалась безработица, но безработица, скажемъ, среди рабочихъ шелковаго производства. Впрочемъ, мы уже знаемъ, что въ дѣйствительности безработицы въ воюющихъ странахъ нѣтъ, что, наоборотъ, въ нихъ наблюдается почти повсемѣстный недостатокъ рабочихъ рукъ. Поэтому тамъ прилагаются всѣ усилія, чтобы получить возможно большее количество продуктовъ изъ-за границы: таможенныя пошлины по большей части исчезли, и каждая партія товара—въ особенности нужнаго для войны, доставляемая извнѣ, встрѣчается съ радостью. Въ резуль-

татѣ ходячее представленіе о ввозныхъ товарахъ, какъ о чемъ то подозрительномъ и опасномъ, все больше теряетъ силу. Война и въ этомъ случаѣ помогла уясненію истиннаго смысла экономической жизни.

Задачи, которыя предстоитъ разрѣшить внутреннему производству, огромны, даже при наличности самыхъ благопріятныхъ условій для ввоза, какія только возможны во время войны. Особый интересъ, съ точки зрѣнія приспособленія, представляетъ при этомъ только что указанный переходъ отъ вывоза къ внутреннему сбыту. Такой переходъ можно очень хорошо прослѣдить по даннымъ англійской статистики, относящимся къ двумъ большимъ отраслямъ индустріи,—къ желѣзному и текстильному производствамъ.

Что касается текстильнаго производства, то большую задачу представили прежде всего шерстяные товары (шерстяная пряжа и очески, шерстяныя и войлочныя ткани): съ одной стороны, это — одинъ изъ самыхъ сложныхъ узловъ всей міровой торговли; а съ другой—ни одинъ изъ текстильныхъ товаровъ не получилъ такого значенія для войны, какъ грубое солдатское сукно. Англія для Европы является одновременно и самымъ крупнымъ поставщикомъ шерсти и самымъ крупнымъ покупателемъ ея. Причина этого — необычайная спеціализація даннаго производства. Въ мирное время Англія ввозила шерсть изъ Бельгіи, Франціи и Германіи, грубые сорта суконъ изъ Германіи и множество тонкихъ тканей изъ Франціи; въ то же время она въ большихъ размѣрахъ вывозила сама и шерсть (главнымъ образомъ валеную) и ткани всякаго рода, даже въ тѣ же самыя страны. Понятіе о сложности положенія мы получаемъ уже изъ общихъ цифръ стоимости англійскаго вывоза и ввоза шерстяныхъ товаровъ въ 1913 г.:

	Шерсть.	Ткани.	Всего.
Вывозъ	7,572,830 ф. ст.	25,978,907 ф. ст.	37,676,687 ф. ст. [1])
Ввозъ	3,532,656 „ „	6,957,790 „ „	10,490,446 „ „

Этотъ сложный международный обмѣнъ, основанный на спеціализаціи производства, совершенно разстроенъ войной; Германія исчезла вовсе съ рынка, и какъ поставщикъ, и какъ покупатель; Франція и Бельгія, въ сущности, тоже устранены, такъ какъ ихъ текстильные округа перешли въ руки германцевъ. Поэтому перемѣщеніе производства съ обслуживанія экспорта на покрытіе внутреннихъ потребностей должно было произойти въ Англіи само собой. Насколько это удалось, видно изъ нижеслѣдующихъ таблицъ; первая изъ нихъ относится къ пряжѣ, вторая—къ тканямъ, а третья показываетъ ввозъ и вывозъ всѣхъ издѣлій шерстяной промышленности, приведенныхъ къ единицѣ по ихъ стоимости.

[1]) Въ томъ числѣ чесаная шерсть, такъ наз. tops, составляющая важный предметъ вывоза для текстильнаго производства Англіи.

Вывозъ и ввозъ шерстяной пряжи и очесокъ

въ тысячахъ фунтовъ.

Августъ—іюль.	Вывозъ.	Ввозъ.
1913/14 г.	52,829	29,877
1914/15 г.	10,993	1,858
Уменьшеніе . . .	41,836	28,019

Вывозъ и ввозъ шерстяныхъ и войлочныхъ тканей [1])

въ тысячахъ ярдовъ.

Августъ—іюль.	Вывозъ		Ввозъ.
	a) общая сумма.	b) не считая армій во Франціи.	
1913/14 г.	193,369	193,369	67,052
1914/15 г.	140,518	115,938	10,348
Уменьшеніе . .	52,851	77,431	56,704

Вывозъ и ввозъ шерстяной пряжи и шерстяныхъ тканей [2])

въ фунтахъ стерлинговъ.

Августъ—іюль.	Вывозъ		Ввозъ.
	a) общая сумма.	b) не считая армій во Франціи.	
1913/14 г.	35,568,102	35,568,102	10,669,526
1914/15 г.	25,172,699	19,881,582	2,101,922
Уменьшеніе . .	10,395,403	15,686,520	8,567,604

[1]) Не включены трикотажные товары, ковры и т. п.

[2]) Считаны всѣ шерстяныя издѣлія (за исключеніемъ лишь самой шерсти).

Отсюда видно, что рѣзкое сокращеніе ввоза въ первый годъ войны нашло себѣ противовѣсъ въ еще болѣе сильномъ пониженіи вывоза, такъ что количество пряжи и тканей, оставшихся внутри страны могли быть уже этимъ путемъ значительно увеличены. Въ дѣйствительности увеличеніе было гораздо больше, чѣмъ показываютъ приведенныя въ послѣдней табличкѣ цифры общей стоимости ввоза и вывоза, такъ какъ эта стоимость для года войны опредѣлена по болѣе высокимъ цѣнамъ, чѣмъ для предыдущаго мирнаго года. Если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, это повышеніе цѣнъ, составлявшее въ грубыхъ числахъ около 25%, а съ другой—то, что производство страны почти вдвое больше ея экспорта, то найдемъ, что въ результатѣ указанныхъ измѣненій во внѣшней торговлѣ Англія имѣла шерстяныхъ издѣлій приблизительно на $10^1/_2$ милл. ф. ст. или почти на одну восьмую больше спроса мирнаго времени, что не такъ мало. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что вмѣстѣ съ тѣмъ мало пригодныя для военнаго времени французскія тонкія ткани были замѣнены болѣе подходящими англійскими, но, съ другой стороны, болѣе грубыя нѣмецкія сукна пришлось возмѣстить англійскими изъ чесаной шерсти.

Но потребности мирнаго времени, конечно, ничто въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ хаки, грубыхъ форменныхъ пальто, одѣялъ и другихъ шерстяныхъ вещей, въ которыхъ нуждаются теперь арміи державъ согласія, и изготовленіе которыхъ лежитъ на Англіи. Казалось бы, что удовлетворить эту потребность не трудно странѣ, которая издавна идетъ впереди всѣхъ другихъ въ шерстяномъ производствѣ; но на дѣлѣ оказалось далеко не такъ. Не говоря уже о недостаткѣ красильныхъ веществъ, сырыхъ матеріаловъ и рабочихъ рукъ, крайняя спеціализація самаго производства причинила большія затрудненія. Такъ, огромная индустрія Бредфордскаго округа, обслуживавшая, главнымъ образомъ, экспортъ, оказалась не въ состояніи тотчасъ же перейти къ выработкѣ грубыхъ шерстяныхъ издѣлій, спросъ на которыя внезапно возросъ до огромныхъ размѣровъ. Задача приспособленія, выступившая здѣсь на очередь, особенно типична для всей проблемы, хотя она и встала въ очень тяжелой формѣ, такъ какъ раздѣленіе труда въ текстильной промышленности Англіи было проведено строже, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ или какой-либо другой отрасли промышленности. Судя по всему, задача, въ общемъ, была разрѣшена успѣшно и быстро, хотя военнымъ властямъ, особенно вначалѣ, и приходилось мириться съ нѣкоторыми отступленіями отъ дѣйствующихъ предписаній. О легкости, съ какою преодолѣвались трудности спеціализаціи, можно судить по тому, что даже въ этомъ производствѣ съ его крайне развитой спеціализаціей, оказалось возможнымъ употребить

оставшихся безъ занятій рабочихъ другой отрасли текстильнаго дѣла, именно, хлопчатобумажной, которые и были переведены изъ Ланкашейра въ West Riding въ Іоркшейрѣ. Въ началѣ, вѣроятно, казалось немыслимымъ поставить прядильщиковъ и ткачей съ хлопчатобумажной фабрики на шерстяную. Въ сравненіи съ этимъ, меньшій интересъ представляло то, что бельгійскіе ткачи, какъ 600 лѣтъ тому назадъ, явились въ Англію на помощь шерстяному производству. Всѣ эти факты служатъ яркой иллюстраціей той приспособляемости капитала и труда — „mobility of capital and labour", которой мы уже касались въ предыдущей главѣ и о которой будетъ еще рѣчь ниже.

Большая трудность, съ которою пришлось бороться въ Англіи изъ-за недостатка анилиновыхъ и другихъ смолистыхъ красокъ, поскольку это касается военнаго платья, была, повидимому, устранена фабрикаціей такъ наз. сѣрныхъ красокъ. Эти послѣднія легко добываются изъ нѣкоторыхъ полупродуктовъ, изготовлявшихся въ Англіи и въ мирное время, и потому могли быть получены и примѣнены въ шерстяномъ производствѣ, послѣ того какъ удалось сдѣлать ихъ безвредными для животныхъ тканей, чего не знали раньше [1]). Вопросъ о краскахъ потерялъ поэтому довольно скоро то угрожающее значеніе, которое онъ, повидимому, имѣлъ вначалѣ, какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи.

Хотя у насъ нѣтъ такого же полнаго матеріала, чтобы судить о приспособленіи германской шерстяной промышленности, но можно думать, что это приспособленіе по меньшей мѣрѣ было настолько же успѣшно, какъ и въ Англіи. Задача здѣсь была легче въ томъ отношеніи, что производство въ мирное время было направлено на болѣе грубыя матеріи, и ввозъ поэтому былъ менѣе необходимъ; но, съ другой стороны, эта промышленность здѣсь менѣе развита, и соотвѣтственное увеличеніе производства должно было оказаться болѣе труднымъ.

Прочія отрасли текстильнаго производства въ данномъ случаѣ представляютъ меньшій интересъ, такъ какъ спросъ на ихъ продукты во время войны значительно сократился. Зато тѣмъ болѣе важными представляются желѣзное и другія металлическія производства. Эти отрасли промышленности имѣютъ преимущественное значеніе въ дѣлѣ изготовленія оружія, и къ нимъ прежде всего было приковано вниманіе во время войны. Пережитая ими эволюція также очень замѣчательна.

---

[1]) О приспособленіи англійской шерстяной мануфактуры срв. также: G. K. Carter, Clothing the Allies' Armies (Economic Journal, мартъ 1915 г., стр. 97—103).

Что касается прежде всего желѣзнаго производства, то его международное положеніе было одинаково съ положеніемъ шерстяной индустріи, если не считать, что руководящая роль Англія въ этой области пострадала больше. Въ 1913 году вывозъ изъ Англіи желѣза и стали, а также издѣлій изъ нихъ составлялъ около 5 милл. тоннъ, на сумму $54^1/_2$ милл. ф. ст., тогда какъ ввозъ равнялся $2^1/_5$ милл. тоннъ, на сумму $15^1/_4$ милл. ф. ст. Почти половина ввоза приходилась на Германію, кромѣ того, около четверти ввозилось изъ Бельгіи; стало быть, три четверти ввоза теперь оказываются недоступными. Англійское производство вмѣсто обслуживанія вывоза было обращено на удовлетвореніе внутренняго потребленія, и Англія получила такимъ путемъ значительное количество металла, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Вывозъ и ввозъ желѣза и стали, а также издѣлій изъ нихъ въ тоннахъ [1]).

Августъ—іюль.	Вывозъ.		Ввозъ.
	a) общая сумма.	b) не считая армій во Франціи.	
1913/14 г.	4,733,997	4,733,997	2,310,997
1914/15 г.	2,933,707	2,702,545	893,337
Уменьшеніе . .	1,800,190	2,031,352	1,417,660

Вывозъ сократился гораздо значительнѣе, чѣмъ ввозъ, и въ Англіи осталось желѣза и стали сравнительно съ мирнымъ годомъ, на 382 т. тоннъ, а если не считать армій во Франціи, то даже на 614 т. тоннъ больше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Въ данномъ случаѣ задача заключалась въ колоссальномъ производствѣ товаровъ, которые въ мирное время изготовлялись лишь на немногихъ заводахъ, и необходимость въ расширеніи промышленности поэтому нигдѣ не была такъ значительна, какъ здѣсь. Къ сожалѣнію, ни въ одной области не наблюдается такой скрытности, какъ въ этой, и потому возможность иллюстрировать цифрами

[1]) Сюда не вошли „cutlery“ и „hardware“, т. е. продукты производства Бирмингама и Шеффильда. Принятъ въ расчетъ предназначенный для армій во Францію новый вывозъ углового, балочнаго и фасоннаго желѣза, а также листового желѣза.

эту эволюцію очень невелика [1]). Но, несмотря на всю таинственность, все же можно сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія, не лишенныя значительнаго интереса для правильнаго пониманія экономической жизни. Приведемъ два-три такихъ примѣра для Германіи, Англіи и Канады.

Прежде всего укажемъ наглядный и интересный общій обзоръ совѣтника Рихарда Фрейнда, помѣщенный въ Frankfurter Zeitung и касающійся Германіи въ ранній періодъ войны [2]).

„Большія и малыя предпріятія, не имѣвшія ранѣе ничего общаго съ выдѣлкой оружія, съ изумительной быстротой и знаніемъ дѣла направили свою дѣятельность на поставку капсюлей и гранатъ. Неслыханный спросъ на колючую проволоку былъ удовлетворенъ такъ, что наскоро устроили нужныя машины и тѣмъ доставили хорошій заработокъ множеству рабочихъ. Даже нѣкоторыя изъ игрушечныхъ производствъ, которыя сильно упали вслѣдствіе закрытія вывоза, оказалось возможнымъ приспособить къ выдѣлкѣ капсюлей; шляпныя и касторовыя фабрики съ успѣхомъ принялись изготовлять шляпы и форменныя фуражки изъ кастора вмѣсто кожи, сохраняя такимъ образомъ заработокъ своимъ кадрамъ рабочихъ. Многочисленныя предпріятія по производству готоваго платья, и притомъ не только мужского, но и дамскаго, перешли на фабрикацію военной одежды. Зонтичныя фабрики изъ своего большого запаса непромокаемыхъ матерій стали изготовлять куртки, въ которыхъ очень нуждались войска, сидѣвшія въ окопахъ. Электрическіе заводы дали металлическія пуговицы, велосипедныя фабрики—желѣзныя кровати для лазаретовъ, фабрики швейныхъ машинъ—шрапнель, рояльныя—патронныя гильзы, каруселныя—бараки; химическіе заводы специализировались на изготовленіи аптекарскихъ товаровъ и фармацевтическихъ препаратовъ, бумажныя—на выдѣлкѣ бумажныхъ мѣшковъ взамѣнъ джутовыхъ; даже мастерскія по выдѣлкѣ дѣтскихъ колясокъ стали работать на войну. Въ Рейнской провинціи учреждены были спеціальныя школы для шитья соломенныхъ шляпъ, такъ какъ выдѣлка ихъ прекратилась вслѣдствіе оккупаціи Бельгіи; корзинщицы стали дѣлать корзины для амуниціи и находили значительный сбытъ своимъ произведеніямъ. Всѣ суконныя фабрики принялись за изготовленіе военныхъ суконъ, одѣялъ и т. д.“.

Судя по всему, въ центральныхъ государствахъ къ концу 1914 года ощущался большой недостатокъ въ оружіи, угрожавшій, какъ казалось, прекратить военныя операціи. Однако, благодаря организаціи германскихъ механическихъ заведеній, произошла полная реорганизація производства, слѣдствіемъ чего было то, что германскія военныя власти съ того времени имѣли съ избыткомъ запасъ оружія вплоть до лѣта 1915 г. Еще замѣчательнѣе переворотъ, происшедшій

---

[1]) Американская торговая статистика по экспорту такого рода почти не даетъ возможности отдѣлить выдѣлку оружія отъ прочей металлической промышленности; такъ какъ военная и мирная часть индустріи соприкасаются въ противоположныхъ направленіяхъ—въ этомъ именно и состоитъ перемѣщеніе—, то цифры являются весьма плохимъ руководствомъ для измѣренія общаго расширенія производства для военныхъ цѣлей, хотя тенденція во многихъ случаяхъ выступаетъ очень ясно.

[2]) Взято изъ указанной выше книги Брандта, стр. 68.

въ химической промышленности Германіи, когда, можно сказать, изъ ничего было создано производство азота, послѣ того какъ отсутствіе чилійской селитры угрожало лишить Германію селитряной кислоты и вообще матеріала для изготовленія пороха и взрывчатыхъ веществъ.

Успѣхи, достигнутые германцами въ этой области, несомнѣнно весьма велики, какъ въ отношеніи техники, такъ и въ отношеніи организаціи и экономическаго результата, но такого же рода превращенія имѣли мѣсто во всѣхъ воюющихъ странахъ, а также въ нейтральныхъ странахъ, снабжающихъ ихъ военными припасами. Кризисъ въ производствѣ оружія наступилъ въ Англіи, какъ извѣстно, гораздо позднѣе, чѣмъ въ Германіи, но былъ прекращенъ мало помалу въ теченіе лѣта и осени 1915 г.; то же самое наблюдается повсемѣстно. Въ Англіи, напримѣръ, для изготовленія оружія служатъ велосипедныя фабрики, во Франціи—автомобильныя, въ Швейцаріи—часовыя. Въ Канадѣ и СоединенныхъШтатахъ произошло такое же приспособленіе разнаго рода, особенно въ механическихъ заведеніяхъ, прежде всего въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ—200 такихъ заведеній въ одной Канадѣ въ началѣ 1915 г. занимались выдѣлкой оружія. Извѣстная National Cash Register Company въ Dayton, Ohio, лѣтомъ 1915 г. объявляла напр. въ Цюрихѣ, что ей было предложено на очень выгодныхъ условіяхъ взять на себя поставку оружія, но что она отказалась отъ этого, въ виду того, что личный составъ ея принадлежитъ къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ. Точно такая же, чисто баснословная способность къ изготовленію военныхъ матеріаловъ въ заведеніяхъ, предназначенныхъ для совершенно другихъ цѣлей, наблюдается повсюду, хотя, къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о подробностяхъ этого дѣла. Наиболѣе полныя, дошедшія до меня свѣдѣнія содержатся въ журналѣ American Machinist и касаются не Соединенныхъ Штатовъ, но Канады; они представляютъ настолько большой интересъ, что мы приведемъ изъ нихъ здѣсь тѣ мѣста, которыя не имѣютъ чисто техническаго характера.

Одинъ изъ издателей American Machinist нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ говорилъ съ однимъ изъ служащихъ на большомъ металлическомъ заводѣ, человѣкомъ съ большими свѣдѣніями и опытомъ.—Слыхали ли вы,—спросилъ издатель,—что въ Канадѣ дѣлаютъ патронныя гильзы на столярныхъ верстакахъ и такъ называемыхъ bulldozers?—Я слыхалъ объ этомъ,—отвѣчалъ служащій,—но съ трудомъ могу повѣрить этому. Весьма возможно, что двѣ-три такія операціи въ самой грубой формѣ были сдѣланы на подобныхъ машинахъ, но вся эта затѣя представляется мнѣ невозможной.—Этими словами онъ, очевидно, высказалъ мнѣніе 99 изъ 100 лицъ, хорошо знакомыхъ съ такого рода работой.

На самомъ дѣлѣ въ мастерскихъ желѣзной дороги Canadian—Pacific въ Angus эти, повидимому, непригодныя для даннаго дѣла машины употребляются для всѣхъ прессовальныхъ операцій, кромѣ прессованія

дна и сжиманія, при чемъ не только получаются фабрикаты высокаго качества, но и выпускъ ихъ скоро будетъ доведенъ до максимальной цифры 3000 гильзъ въ день. Къ этому надо прибавить, что среди рабочихъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы раньше работалъ въ прессовальныхъ заведеніяхъ или имѣлъ какую-либо подобную практику.

Въ другихъ статьяхъ сообщается, что эти, на первый взглядъ, непригодныя машины даютъ результатъ съ точностью до 0,001 дюйма, тогда какъ въ мирное время допускается отклоненіе въ 0,004 дюйма. Въ журналѣ говорится далѣе о примѣненіи всякаго рода машинъ въ другихъ мастерскихъ. Такъ примѣняются почти всѣ машины для выдѣлки инструментовъ отъ автоматическихъ до простыхъ токарныхъ станковъ.—Даже фрезерные станки употребляются для сверленія и обтачиванія 15 и 18 фунтовыхъ англійскихъ гранатъ, хотя среди машинъ, которыя можно было бы считать пригодными для этой цѣли, онѣ занимаютъ послѣднее мѣсто.—Еще въ одной статьѣ дѣлается такой выводъ, что всѣ эти факты ясно показываютъ наше полное незнаніе того, что мы въ состояніи сдѣлать, пока нужда не заставитъ [1]).

Въ рядѣ статей о новомъ оружейномъ производствѣ въ самой Англіи, помѣщенныхъ въ The Times (14, 16, 19 и 27 августа 1915 г., а также въ Engineering Supplement за августъ 1915 г.), также содержатся нѣкоторыя—однако болѣе скудныя—свѣдѣнія, которыя всѣ безъ изъятія указываютъ то же самое. Такъ напр. говорится (19 августа) о расширеніи оружейнаго производства въ самомъ центрѣ шерстяной промышленности, о которомъ мы уже упоминали здѣсь, West Riding въ Іоркшайрѣ. Отчасти поддержкой ему служитъ крупная текстильномашинная промышленность, которая сосредоточена на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, что и текстильная. Но въ главномъ пунктѣ производства чесаной шерсти и всей іоркшайрской промышленности вообще, въ Бредфордѣ, не оказалось въ распоряженіи никакихъ подобныхъ мастерскихъ; тѣмъ не менѣе и отсюда сообщается фактъ, который не можетъ не вызвать удивленія, что заведеніе для расчесыванія шерсти было превращено въ мастерскую для изготовленія гранатъ.

Мы такъ подробно остановились на этихъ фактахъ, потому, что они иллюстрируютъ одно изъ немногихъ вызванныхъ войною явленій, противорѣчащихъ общепринятымъ выводамъ экономической науки. Въ то же время, какъ это ни странно, оно могло бы служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ теоріи стараго, такъ наз. классическаго направленія, идущаго въ разрѣзъ современной теоріи. Всѣ эти факты показываютъ, какъ уже отчасти было упомянуто выше, что не только рабочая сила, но и недвижимый, вложенный въ техническія сооруженія капиталъ обладаютъ подвижностью, противорѣчащей всѣмъ предположеніямъ послѣдняго времени. Ученіе объ экономическихъ отношеніяхъ въ современной промышленности и прежде всего трестахъ и аналогичныхъ имъ явленіямъ, въ значительной степени опирается

[1]) American Machinist 1915, стр. 449, 473, 493, 745 и сл. 845 и сл., 869.

на инертность основного капитала, на невозможность использованія напр. сахарнаго завода на что-либо другое, кромѣ фабрикаціи сахара, или желѣзодѣлательнаго завода на что-либо другое, кромѣ выплавки чугуна и выдѣлки полосового желѣза. Этимъ и объяснялось ослабленіе свободной конкурренціи въ настоящее время и возникновеніе монопольныхъ организацій. Такъ какъ основной капиталъ инертенъ, то, съ одной стороны, считалось невозможнымъ при невыгодной конъюнктурѣ измѣнить производство; и предпріятія продолжали по все болѣе и болѣе низкой цѣнѣ выпускать на рынокъ только тѣ товары, для выработки которыхъ было предназначено ихъ оборудованіе; это приводило къ чрезмѣрно сильной конкурренціи, что, въ свою очередь, выдвинуло объединеніе и монополію. Съ другой стороны, та же инертность основного капитала предохраняла отъ возникновенія новой конкурренціи, такъ какъ существующія промышленныя заведенія, устроенныя для другихъ цѣлей, не могли быть обращены на производство, которое было монополизировано; устройство же новыхъ заведеній требовало долгаго времени и большихъ издержекъ. Такимъ образомъ, современные экономисты, опираясь на факты, доказывающіе ошибочность старой экономической теоріи о перемѣщеніи капитала, почти поголовно пришли къ заключеніямъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ прежнимъ ученіемъ о безусловномъ господствѣ свободной конкурренціи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда монополія не создается путемъ вмѣшательства государства. Тѣ, кто смотрѣли на свободную конкурренцію, какъ на единственно правильную основу экономической организаціи—они встрѣчаются преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ, этой странѣ монополій,—вынуждены были поэтому встать на точку зрѣнія, совершенно непонятную для сторонниковъ старыхъ воззрѣній и нѣсколько странную даже для насъ, а именно они считали необходимымъ принуждать промышленниковъ къ конкурренціи, когда тѣ сами предпочитали образовывать монопольныя организаціи. Таковы выводы, основанные, по крайней мѣрѣ въ теоріи, на малой подвижности основного капитала.

Было бы преждевременнымъ на основаніи опытовъ войны, сразу отказаться отъ той точки зрѣнія, которая выработалась при изученіи всей эволюціи въ современной крупной промышленности и на основаніи неоспоримыхъ экономическихъ фактовъ, которые едва ли могутъ быть объяснены какимъ-нибудь другимъ образомъ. Опытъ войны самъ по себѣ важенъ въ томъ отношеніи, что давленіе, подобное тому, которое напр. оказываетъ на промышленность нейтральныхъ странъ спросъ на оружіе, рѣдко когда имѣетъ себѣ полную аналогію въ мирное время. Но существеннаго различія тутъ нѣтъ, и эти новые опыты безспорно проли-

ваютъ свѣтъ на экономическія силы, дѣйствующія также при нормальныхъ условіяхъ. То, что произошло, не сводилось къ непредвидѣнной возможности перемѣстить вложенный въ опредѣленныя предпріятія капиталъ, такъ какъ въ смыслѣ надежности помѣщенные капиталы не обманули ожиданій. Вмѣсто этого, какъ показываютъ предыдущіе примѣры, удалось приспособить уже готовыя машины и существующія сооруженія къ цѣлямъ, не имѣвшимъ почти ничего общаго съ прежними; оказалось, такимъ образомъ, что спеціализація имѣетъ гораздо меньшее значеніе для производства, чѣмъ думали, и вслѣдствіе этого во многихъ отношеніяхъ произошло какъ бы скрытое перемѣщеніе капитала. Еще нагляднѣе, чѣмъ перемѣщеніе капитала, сказалось перемѣщеніе рабочихъ силъ; въ этомъ отношеніи результаты еще болѣе превзошли всякія ожиданія, и не только въ воюющихъ странахъ, но и въ Америкѣ.

Причины этихъ явленій станутъ ясными только послѣ подробнаго разсмотрѣнія, какъ экономическихъ, такъ и техническихъ условій; кромѣ того, прежде чѣмъ дѣлать какія-либо широкія заключенія, необходимо выждать вліяніе мира на эти перемѣны. Но уже и теперь, кажется, достаточно ясно, что главной причиной является нѣкоторая тенденція въ современной промышленности, на которую до сихъ поръ обращалось слишкомъ мало вниманія. Правда, промышленность все болѣе и болѣе спеціализируется, постоянно появляются новыя спеціальныя машины и создаются новые спеціальные процессы производства для выработки различныхъ товаровъ и различныхъ ихъ сортовъ. Но параллельно съ этимъ идетъ такое объединеніе различныхъ техническихъ процессовъ, которое облегчаетъ перемѣщеніе рабочей силы въ надлежащіе пункты, а также и самую реорганизацію производства. Насколько я понимаю, этому содѣйствуютъ три фактора: общая двигательная сила, единство машинной техники и разнообразіе тѣхъ продуктовъ, которые могутъ быть получены изъ одного и того же сырого матеріала—послѣднее даетъ возможность перемѣщать центръ тяжести производства безъ измѣненія сырья, служащаго его основой. Это въ техническомъ отношеніи крайне элементарное объясненіе, собственно говоря, есть только слабый намекъ на необходимость пересмотра экономической проблемы промышленности въ направленіи совершенно противоположномъ тому, которому привыкли слѣдовать въ послѣднее десятилѣтіе. Конечно, многое въ этомъ отношеніи еще будетъ провѣрено послѣ войны: но весьма вѣроятно, что новыя открытія въ области приспособляемости основного капитала и рабочей силы усилятъ извѣстныя тенденціи въ развитіи міровой промышленности, согласно съ приведенной выше американской цитатой: „мы никогда не знаемъ, что мы въ состояніи сдѣлать, пока не попробуемъ“.

Всеобщая перестройка производства, вызванная войной, особенно въ воюющихъ странахъ, выдвинула трудно разрѣшимую политико-экономическую проблему. Многіе виды промышленности, ставшіе необходимыми или желательными благодаря войнѣ, оказались очень выгодными при теперешней отрѣзанности, но и только благодаря ей. Если они закрѣпостятъ капиталъ, какъ это обыкновенно бываетъ, то бо́льшая часть его легко можетъ оказаться неприбыльной послѣ заключенія мира. Вопросъ теперь въ томъ: стоитъ ли, по заключеніи мира, поддерживать производства, необходимыя во время войны и которыя тогда окажутся невыгодными? Наиболѣе яркимъ примѣромъ можетъ служить производство красильныхъ веществъ въ Англіи, которое въ ближайшемъ будущемъ ни по качеству, ни по цѣнѣ не сможетъ конкуррировать съ той же отраслью промышленности въ Германіи, но которое, съ другой стороны, является чрезвычайно нужнымъ въ данный моментъ; какъ извѣстно, въ Англіи теперь образовалось общество, поддерживаемое правительствомъ, для обезпеченія этой промышленности. Въ такомъ же положеніи находится новая германская азотная промышленность, которую хотятъ поддерживать и послѣ войны,—главнымъ образомъ, изъ-за опасенія конкурренціи со стороны чилійской селитры, — путемъ введенія казенной азотной монополіи; германское правительство уже внесло въ рейхстагъ соотвѣтствующій законопроектъ, который однако еще не одобренъ. Аналогичный примѣръ представляетъ также наша собственная фабрикація сушенаго картофеля, оказавшаяся хорошимъ подспорьемъ при недостаткѣ у насъ зерна, когда нужно было пополнить запасъ зернового хлѣба съ помощью картофеля, количество котораго въ то же время увеличилось вслѣдствіе запрещенія винокуренія. Здѣсь также вопросъ сводится къ тому, что сушеный картофель, который въ мирное время можетъ найти себѣ примѣненіе только въ качествѣ кормового средства, никогда не будетъ выпускаться на рынокъ по той же дешевой цѣнѣ, какъ маисъ при безпошлинномъ ввозѣ; вполнѣ естественно поэтому возникнетъ вопросъ о возстановленіи пошлинъ на маисъ или о какой-либо другой подобной мѣрѣ. То же самое надо сказать объ усиленномъ производствѣ у насъ яровой пшеницы, которая въ этомъ году была такъ желательна въ цѣляхъ увеличенія сбора зерна; она имѣла бы, вѣроятно, большое значеніе, при томъ условіи однако, что и на будущее время остались бы въ силѣ такія же цѣны на пшеницу, какія были весной 1915 года.

Этотъ вопросъ нельзя смѣшивать съ вопросомъ о томъ, что́ нужно дѣлать, чтобы на случай новой войны заблаговременно запастись нужнымъ товаромъ. Этотъ новый вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ пятой главѣ; тамъ и будетъ

указано, что не слѣдуетъ въ видахъ будущей войны заводить мало выгодное само по себѣ производство. Теперь же насъ занимаетъ другое обстоятельство: насколько нынѣшнее военное положеніе предрѣшаетъ сохраненіе производства и въ такое время, когда оно станетъ уже невыгоднымъ? На это мы отвѣтимъ, что нужда не знаетъ никакихъ законовъ, и что, стало быть, при нуждѣ приходится прибѣгать къ методу леченія, отъ котораго больному завтра будетъ въ сто разъ хуже, но зато сегодня онъ станетъ на ноги. Но, если у насъ имѣются различныя средства для того, чтобы стать на ноги сегодня, а такъ бываетъ обыкновенно, то при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, то средство должно считаться наилучшимъ, которое меньше всего вреда принесетъ на слѣдующій день. Вообще, народное хозяйство меньше теряетъ отъ единовременныхъ значительныхъ расходовъ, чѣмъ отъ введенія и закрѣпленія такого рода производства, которое причинитъ убытки на долгое время; такой убытокъ происходитъ отъ всякой промышленности, которая въ теченіе долгаго времени производитъ товары по болѣе высокой цѣнѣ, чѣмъ того требуетъ ввозъ. Не нужно руководствоваться тѣмъ соображеніемъ, что невыгодно по заключеніи мира сносить дорого стоющія сооруженія, возведенныя во время войны; они сослужили службу во время войны, и будутъ ли они снесены послѣ ея окончанія или нѣтъ, съ экономической точки зрѣнія они теряютъ цѣну, разъ только выдѣлываемый при ихъ помощи товаръ можетъ быть полученъ дешевле изъ другого источника. Временная организація, даже и дорого стоящая, заслуживаетъ поэтому предпочтенія передъ постояннымъ предпріятіемъ, хотя бы и обезпеченнымъ покровительственнымъ тарифомъ или поддержкой государства, но которое само по себѣ невыгодно. Это особенно касается производства смолистыхъ красокъ въ Англіи: здѣсь это не только вопросъ о цѣнѣ, но и о качествѣ—вопросъ о возможности держать производство наравнѣ съ безпрерывнымъ техническимъ прогрессомъ въ данной области. Судя по отзывамъ спеціалистовъ, такая возможность предполагаетъ высшее развитіе научной технической школы, которая въ Англіи, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, далеко еще не находится на должной высотѣ; упорное пристрастіе къ красильнымъ веществамъ собственнаго производства можетъ поэтому очень неблагопріятно повліять на самое качество текстильныхъ товаровъ, относительно которыхъ первенствующая роль Англіи еще не поколеблена [1]).

---

[1]) Интересно, что, начиная со среднихъ вѣковъ и до временъ Елизаветы, а отчасти и еще долѣе, Англія была обязана вывозить шерстяныя ткани „in grey“, т. е. некрашенными, чтобы ихъ высокія качества не пострадали отъ неумѣлой окраски; искусствомъ окрашивать ткани славились въ то время, между прочимъ, фламандцы.

Но то, что въ такой рѣзкой формѣ наблюдается въ этомъ случаѣ, примѣнимо также и къ другимъ производствамъ; премія за изготовленіе сушенаго картофеля или плата за яровую пшеницу во время войны должны быть очень высоки, и тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія вводить постоянную пошлину на маисъ или повышать пошлину на пшеницу. Въ свою очередь, азотная промышленность въ Германіи показываетъ, какъ легко можетъ возникнуть новая индустрія на военныя нужды безъ всякихъ гарантій на процвѣтаніе въ мирное время; и когда задумываешься надъ тѣмъ, въ какихъ размѣрахъ государство одной своей властью создаетъ и поддерживаетъ военную промышленность при теперешнихъ ненормальныхъ условіяхъ, то желаніе считать будущее обезпеченіе промышленности необходимымъ условіемъ ея возникновенія во время войны производитъ подчасъ впечатлѣніе безсмысленнаго упорства.

Ясно, что даже реорганизація производства, какъ бы замѣчательны ни были достигнутые ею результаты, не въ состояніи, на ряду съ указанными выше мѣропріятіями достигнуть полнаго приспособленія. И такъ какъ всѣ рессурсы со стороны предложенія, вопреки всему, оказались недостаточными, остается одно: спросъ долженъ подчиниться измѣнившемуся положенію вещей и съ своей стороны тоже приспособиться. Это приспособленіе спроса обычное явленіе, достигающее такихъ размѣровъ, что возстанавливается равновѣсіе между предложеніемъ и спросомъ: вѣдь, на самомъ дѣлѣ спросъ можетъ быть удовлетворенъ лишь въ размѣрѣ наличнаго товара. Но тѣ способы, которыми спросъ измѣняется подъ давленіемъ уменьшенія предложенія, могутъ быть очень различны.

Прежде всего остановимся на измѣненіяхъ въ спросѣ на сырье, когда обычный сырой матеріалъ по той или другой причинѣ оказывается недоступнымъ. Ввиду того, что этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ реорганизаціей самаго производства, нѣсколько указаній на этотъ счетъ были даны уже раньше; въ болѣе подробномъ же изложеніи нѣтъ надобности, такъ какъ самый принципъ совершенно ясенъ. Особенно въ Германіи замѣна одного матеріала другимъ, судя по всему, произошла въ огромныхъ размѣрахъ, прежде всего въ металлическомъ производствѣ, гдѣ не только мѣдь для изготовленія орудій и снарядовъ была замѣнена спеціальной сталью, но и эту послѣднюю, требующую примѣси многихъ, съ большимъ трудомъ получаемыхъ теперь металловъ (хрома, марганца и др.), пришлось замѣнить другими металлами; между прочимъ, сообщается—насколько достовѣрно, мы не знаемъ—, что бризантные снаряды большею частью выдѣлываются прямо изъ литого желѣза вмѣсто прессованной спеціальной стали. Въ новыхъ электрическихъ про-

водахъ мѣдь большею частью была замѣнена желѣзомъ въ непромокаемой оболочкѣ изъ бумаги или другого матеріала. Керосинъ отчасти замѣненъ другими освѣтительными матеріалами, резина различными металлическими сплавами и т. д. Выше мы упоминали о бумагѣ, какъ замѣнѣ джута (на мѣшки); но этотъ во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно удобный матеріалъ во время войны служитъ также многимъ другимъ цѣлямъ, отчасти для одежды и обуви (подошвы, чулки и нижнее бѣлье), отчасти въ походныхъ лазаретахъ и лагерахъ для набивки матрасовъ, подушекъ и одѣялъ, далѣе, вмѣсто простынь и полотенецъ, наконецъ, въ видѣ ваты и бинтовъ, какъ перевязочное средство [1]). Въ другомъ лагерѣ воюющихъ такихъ перемѣнъ не было уже потому, что отрѣзанность отъ источниковъ ввоза играла тамъ гораздо меньшую роль. Характерно, однако, что натуральный индиго, который былъ почти вытѣсненъ нѣмецкимъ искусственнымъ, вновь вошелъ въ употребленіе въ Англіи, благодаря отрѣзанности Германіи; за семь первыхъ мѣсяцевъ 1915 г. ввозъ индиго, по количеству, увеличился болѣе, чѣмъ въ десять разъ (съ 1,550 центнеровъ до 16,312); въ то же время цѣна поднялась въ 4—5 разъ (съ 12 ф. ст. до 55½ ф. ст. за центнеръ), такъ что стоимость всего ввоза въ пятьдесятъ разъ превышаетъ стоимость ввоза за то же время въ 1914 г. и приближается къ одному милліону фунтовъ стерлинговъ (906,666) за эти нѣсколько мѣсяцевъ.

Гораздо болѣе интереса въ принципіальномъ отношеніи представляютъ измѣненія самаго потребленія. Онѣ произошли по двумъ причинамъ, изъ которыхъ одна насъ сейчасъ преимущественно интересуетъ. Первая и самая важная причина та, что потребленіе для обыкновенныхъ цѣлей пришлось сократить въ пользу военныхъ надобностей. Поэтому уменьшается та доля національныхъ поступленій, которая предназначена для частнаго потребленія, вслѣдствіе чего наименѣе необходимые въ данный моментъ товары—къ которымъ относится также множество средствъ производства—требуются гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно, а иногда даже и вовсе не требуются; потребленіе сокращается въ цѣломъ, и это сокращеніе распредѣляется крайне неравномѣрно по отдѣльнымъ товарамъ. Этимъ сокращеніемъ потребленія въ концѣ концовъ оплачиваются военныя издержки, какъ это подробнѣе будетъ объяснено въ надлежащемъ мѣстѣ; но не отсюда происходитъ приспособленіе, о которомъ мы теперь говоримъ. Сейчасъ насъ занимаетъ то измѣненіе потребленія, которое обусловливается тѣмъ, что товара нельзя получить вовсе, или нельзя получить въ достаточномъ количествѣ, или нельзя получить по прежней цѣнѣ.

---

1) Brandt, выше цитир. соч., стр. 80 и сл.

Средствомъ борьбы при этого рода измѣненіяхъ является, и во время войны и во время мира, прежде всего установленіе цѣнъ. Повышеніе цѣнъ, съ одной стороны, дѣлаетъ транспортированіе и производство болѣе выгодными, чѣмъ они раньше были, съ другой стороны, заставляетъ людей съ небольшими средствами ограничивать или прекращать потребленіе вздорожавшихъ (или наиболѣе вздорожавшихъ) товаровъ и по мѣрѣ надобности замѣнять ихъ другими.

По этому можно было бы до нѣкоторой степени изучить измѣненіе потребленія, руководствуясь цифрами цѣнъ и количества, взятыми изъ торговой статистики, хотя отсутствіе столь же точныхъ свѣдѣній объ измѣненіи производства данной страны мѣшаетъ возсозданію полной картины измѣненій. Когда ввозъ уменьшается, а цѣны остаются тѣми же, то мы въ правѣ думать, что приспособленіе выразилось въ измѣненіи спроса, въ свою очередь вызвавшемъ сокращеніе ввоза; въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, мы имѣемъ примѣръ сокращенія потребленія въ зависимости отъ перваго изъ двухъ указанныхъ факторовъ—необходимости сбереженій. Наоборотъ, когда сокращеніе ввоза идетъ рука объ руку съ поднятіемъ цѣнъ, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что, наоборотъ, сокращеніе ввоза вызвало измѣненіе въ потребленіи, и что въ данномъ случаѣ сказывается дѣйствіе второй изъ указанныхъ причинъ.

Надо однако сказать, что при разсмотрѣніи этого вопроса не всегда можно основываться на цѣнахъ, выраженныхъ въ денежныхъ единицахъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этой задачи наталкиваешься на очень трудныя теоретическія проблемы. Такъ, при увеличеніи количества денегъ въ странѣ повышеніе цѣнъ на товары не вызываетъ уменьшенія въ спросѣ по той простой причинѣ, что покупательныя средства населенія въ цѣломъ увеличились въ большей пропорціи, чѣмъ произошло повышеніе цѣнъ. Съ другой стороны, общее повышеніе цѣнъ—которое въ обыкновенныхъ случаяхъ служитъ выраженіемъ увеличенія количества денегъ—можетъ дѣйствительно привести къ сокращенію спроса на товары, если только это повышеніе цѣнъ зависитъ не отъ увеличенія количества денегъ, но отъ уменьшенія количества товаровъ. Правильнѣе поэтому будетъ въ общемъ повышеніи цѣнъ различать двѣ части—одну, зависящую отъ увеличенія количества денегъ, и другую, зависящую отъ уменьшенія количества товаровъ, и только эту послѣднюю принимать въ разсчетъ при установленіи цѣнъ на отдѣльные товары [1]). Однако сдѣлать это очень трудно,

[1]) Эта общая формулировка имѣетъ цѣлью, съ точки зрѣнія установленія цѣнъ, подтвердить взгляды проф. Давидсона, развиваемые имъ по различнымъ поводамъ въ Ekonomisk Tidskrift въ статьяхъ: Нѣчто о понятіи цѣнности денегъ, 1906, стр. 460 и сл., и Объ устойчивости цѣнности денегъ, 1909, стр. 1 сл.)

если не невозможно; и потому слѣдуетъ, имѣя въ виду англійскія цифры, о которыхъ здѣсь будетъ идти рѣчь, обратить вниманіе на первые пять мѣсяцевъ войны, когда общій уровень цѣнъ въ Англіи, въ сущности, былъ еще непоколебленъ. На основаніи таблицъ журнала Economist можно расчитать, что средній уровень цѣнъ съ августа по декабрь 1914 г. только на 3,20% былъ выше уровня цѣнъ за тѣ же мѣсяцы годъ тому назадъ, тогда какъ соотвѣтственное повышеніе за семь послѣднихъ мѣсяцевъ перваго года войны, съ января по іюль 1915 г., было огромно, именно не менѣе 24,84%.

Разсматривая тѣ продукты, ввозъ которыхъ особенно сильно сократился и которые нельзя было пополнить при помощи внутренняго производства, мы находимъ, что они всѣ безъ исключенія показываютъ увеличеніе цѣны, и притомъ не только во второмъ періодѣ, съ января по іюль 1915 г., когда цѣнность денегъ была непоколеблена, но уже въ первомъ періодѣ, съ августа по декабрь 1914 г., несмотря на сравнительно умѣренное паденіе цѣнности денегъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что соотношеніе между повышеніемъ цѣны и уменьшеніемъ ввоза не представляетъ какой либо правильности; въ частности, мы находимъ—какъ уже отмѣчено было выше—сильное, даже бѣшенное поднятіе цѣнъ на нѣкоторые припасы, ввозъ которыхъ лишь незначительно уменьшился или вовсе не уменьшился. Все это видно изъ слѣдующей таблицы:

Измѣненія въ количествѣ ввоза и въ цѣнѣ припасовъ въ Англіи въ первый годъ войны.

\+ *процентное* увеличеніе } противъ цифры за тотъ же періодъ
— „ уменьшеніе } въ предыдущемъ году.

	Августъ—декабрь 1914 г.		Январь—іюль 1915 г.	
	Количество.	Цѣна.	Количество.	Цѣна.
Общій уровень цѣнъ.	—	+ **3,20**	—	+ **24,84**
Пшеница немолотая.	+ 10,38	+ 14,96	— 9,09	+ 66,78
Мясо всѣхъ сортовъ	+ 10,08	+ 25,11	+ 2,11	+ 37,05
Рыба свѣжая	— 38,11	+ 7,60	— 37,26	+ 71,82
„ соленая и въ консервахъ	— 16,17	+ 14,90	+ 9,60	+ 5,48
Масло	— 13,38	+ 9,30	— 11,16	+ 19,45
Маргаринъ	— 3,23	+ 2,14	+ 17,26	+ 7,74
Сыръ	+ 3,40	+ 10,87	+ 26,92	+ 34,47
Яйца	— 40,72	+ 25,03	— 52,75	+ 27,30
Сахаръ рафинадъ	— 12,44	+ 85,95	— 55,61	+ 82,21
„ сырецъ	+ 41,65	+103,76	+ 0,67	+102,44

Несмотря ни на какія старанія, цифры эти въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не поддаются истолкованію и нѣкоторыя черты обусловившаго ихъ процесса пока приходится считать необъяснимыми. Но въ общемъ картина ясна. Всѣ продукты, за исключеніемъ маргарина, показываютъ въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ болѣе сильное поднятіе цѣнъ сравнительно съ общимъ уровнемъ, и это свидѣтельствуетъ объ увеличеніи ихъ недостатка, т. е. показываетъ, что недостаточность ввоза въ данномъ случаѣ служила причиной уменьшенія потребленія, а не наоборотъ. Любопытно повышеніе цѣны на яйца, ввозъ которыхъ упалъ на 40% слишкомъ, а цѣна поднялась на 25%, и на мясо, гдѣ значительно меньшее сокращеніе ввоза (на 10%) подняло цѣну настолько же, какъ на яйца. Однако къ цифрамъ, касающимся мяса, слѣдуетъ относиться осторожно, вслѣдствіе упомянутой уже неточности статистики. Замѣтимъ также, что болѣе дорогое консервированное мясо отчасти замѣнило мороженое мясо, которое теперь идетъ въ войска, стоящія во Франціи. Уменьшеніе ввоза масла и рыбы, свѣжей, соленой и въ консервахъ, также повлекло за собой въ эти первые пять мѣсяцевъ сильное повышеніе цѣнъ, однако меньшее сравнительно съ сокращеніемъ ввоза. Въ теченіе дальнѣйшихъ семи мѣсяцевъ, съ января по іюль 1915 г., повышеніе цѣнъ сравнительно съ общимъ уровнемъ, идетъ значительно слабѣе для всѣхъ этихъ товаровъ, кромѣ свѣжей рыбы; рѣзкое уменьшеніе добычи послѣдней въ мѣстныхъ промыслахъ, вѣроятно, играло еще болѣе рѣшающую роль, чѣмъ сокращеніе ввоза; цѣны на яйца почти не поднялись, несмотря на продолжавшееся сокращеніе ввоза.

Слабое повышеніе цѣны на соленую рыбу въ 1915 г.— на самомъ дѣлѣ даже уменьшеніе цѣны, если принять въ разсчетъ паденія цѣнности денегъ,—объясняется увеличившимся поступленіемъ товара.

Что касается повышенія цѣнъ на такіе товары, какъ пшеница и сахаръ, ввозъ которыхъ количественно или вовсе не уменьшился, или уменьшился незначительно, сравнительно съ повышеніемъ цѣны, то трудность объясненія этого факта не въ повышеніи цѣнъ, какъ таковомъ—для сахара оно подробно объяснено выше, для пшеницы достаточнымъ объясненіемъ служатъ фрахты и пр.—но въ томъ, что спросъ на товары не уменьшился при такомъ сильномъ измѣненіи цѣнъ; для пшеницы это относится особенно къ январю—іюлю 1915 г., когда цѣна на нее повысилась чуть не въ три раза больше, чѣмъ общій уровень цѣнъ [1]). Другими словами,

[1]) До нѣкоторой степени это сильное повышеніе цѣнъ можно приписать сокращенію ввоза, которое однако отчасти уравновѣшивалось увеличеніемъ ввоза муки. Какъ уже было указано выше, общій ввозъ пшеницы за первый годъ войны почти таковъ же, какъ и годъ тому назадъ.

относительно этихъ товаровъ наблюдается слабое вліяніе повышенія цѣнъ на спросъ—недостатокъ „эластичности", какъ обыкновенно выражаются экономисты,—такъ что ввозъ продолжается, несмотря на повышеніе цѣнъ; ясно что здѣсь сыграло свою роль вмѣшательство государства. Что касается пшеницы, то нужно имѣть въ виду и значительный запасъ товара, такъ что количество ввоза и количество потребленія—двѣ различныя вещи; это можно видѣть изъ того, что два первые мѣсяца второго года войны, августъ и сентябрь 1915 г., показываютъ сильное паденіе цифръ ввоза и, несмотря на это, паденіе цѣнъ (среднее пониженіе на 7,35 и 10,6% за январь—іюль). Изъ этого можно заключить, что потребленіе пшеницы, очевидно, нѣсколько уменьшилось, хотя, судя по всему, и не такъ сильно, какъ можно было бы ожидать въ виду бѣшеннаго повышенія цѣнъ.

Кромѣ уменьшенія потребленія, можно въ извѣстныхъ случаяхъ наблюдать переходъ потребленія съ одного товара на другой. Такъ напр. характерно, что въ первый годъ войны сокращеніе ввоза масла въ Англію (504,000 центн.) почти равняется увеличенію ввоза сыра (380,000 центн.) и маргарина (132,000 центн.), вмѣстѣ взятыхъ; вслѣдствіе этого маргаринъ незначительно повысился въ цѣнѣ, а съ своей стороны маргаринъ, очевидно, вызвалъ увеличеніе потребленія сыра, при чемъ цѣна на сыръ повысилась значительно больше, чѣмъ на масло. Уменьшеніе ввоза мяса и свѣжей рыбы можетъ объяснить, почему не уменьшился ввозъ пшеницы: отсутствіе мяса было причиной того, что потребленіе хлѣба, несмотря на высокія цѣны, уменьшилось сравнительно мало, при чемъ, благодаря замѣнѣ бѣлковъ гораздо болѣе дешевыми по сравненію съ ихъ питательностью углеводами, общее уменьшеніе питательности, надо полагать, было небольшое. Однако, въ виду той роли, какую играетъ хлѣбъ въ бюджетѣ людей съ небольшимъ достаткомъ, такое измѣненіе было бы невозможно безъ одновременнаго увеличенія общихъ расходовъ, что и было достигнуто при содѣйствіи государства, какъ уже сказано на стр. 53.

Все это до нѣкоторой степени объясняетъ то ограниченіе и измѣненіе потребленія, которое создается благодаря повышенію цѣнъ. Ясно, что установленіе правильныхъ цѣнъ во время войны связано съ гораздо большими трудностями, чѣмъ въ нормальное время, почему этотъ процессъ и нуждается въ помощи извнѣ, которая можетъ быть ему оказана безъ ущерба для его собственныхъ, необычайно важныхъ функцій. Къ этимъ вспомогательнымъ средствамъ относится прежде всего запрещеніе вывоза, какъ противовѣсъ отрѣзанности страны. Удерживая въ странѣ то, что въ ней имѣется, правительство тѣмъ самымъ направляетъ внутреннее потребленіе отъ того, что обыкновенно ввози-

лось, къ тому, что обыкновенно вывозилось. Въ мирное время въ закрытіи вывоза не представляется надобности. пробѣлъ, образующійся тогда благодаря вывозу, вызываетъ повышеніе цѣнъ, которое въ свою очередь приводитъ къ ввозу, но послѣдній то какъ разъ и бываетъ затрудненъ во время войны. На первый взглядъ можетъ показаться, что вызванное отсутствіемъ ввоза повышеніе цѣнъ внутри страны, и безъ содѣйствія какихъ-либо запрещеній, было-бы въ состояніи задержать вывозъ. Но при военномъ положеніи это вовсе нельзя считать вѣрнымъ или даже вѣроятнымъ, такъ какъ повышеніе цѣнъ въ другой странѣ, ввозъ въ которую еще сильнѣе затрудненъ, можетъ оказаться еще больше. Всѣмъ извѣстно, что напр. въ такомъ положеніи находится Швеція по отношенію къ Россіи и Германіи. Поэтому-то невозможно избѣжать запрещеній вывоза, какъ бы ни было обоюдоостро это оружіе и какъ ни трудно осуществить эти запрещенія, о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ седьмой главѣ.

Интересы потребленія нуждаются въ государственной поддержкѣ и во многихъ другихъ отношеніяхъ,—особенно же необходима во время войны освѣдомленность населенія о томъ, какъ перестроить систему потребленія такъ, чтобы наилучшимъ образомъ были удовлетворены жизненныя его потребности. Конечно, у потребителя, вообще говоря, есть довольно опредѣленное тяготѣніе къ тому или другому товару, какъ средству для удовлетворенія различныхъ нуждъ; но этотъ наилучшій съ „субъективной“ точки зрѣнія способъ удовлетворенія „объективно“—въ смыслѣ питательности, отопленія, гигіеничности, прочности и т. п.—можетъ дать худшій результатъ, какъ это и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Цѣны сами по себѣ не въ состояніи достаточно видоизмѣнить „субъективные“ вкусы или, лучше сказать, спросъ, который люди склонны предъявлять по тому или иному поводу. Когда недостатокъ въ предметахъ первой необходимости такъ великъ, какъ это легко можетъ случиться во время войны, тогда освѣдомленіе населенія о томъ, какъ лучше всего бороться съ нуждой, становится особенно необходимымъ—хотя это вовсе не значитъ, чтобы въ этомъ не было потребности въ другое время. Однако въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ и простое освѣдомленіе недостаточно; тогда остается одно—прямое вмѣшательство государства, которое и распредѣляетъ, что и сколько можетъ потреблять каждый отдѣльный человѣкъ изъ необходимыхъ, но получаемыхъ въ недостаточномъ количествѣ товаровъ.

Цѣны, въ качествѣ регулятора потребленія, болѣе или менѣе автоматически дѣйствуютъ теперь, какъ и всегда.—Нѣсколько хуже дѣйствуетъ этотъ регуляторъ только тамъ, гдѣ прибѣгаютъ къ максимальнымъ цѣнамъ. Но сознатель-

ныя и цѣлесообразныя правительственныя мѣры были примѣняемы за время войны въ очень различномъ объемѣ въ различныхъ странахъ. Попытки создать болѣе раціональный спросъ и наилучшимъ образомъ использовать имѣющіеся запасы, какъ извѣстно, болѣе всего имѣли успѣха въ Германіи, и это вполнѣ понятно: не только подобная задача наилучшимъ образомъ можетъ быть разрѣшена такимъ народомъ, какъ нѣмцы, съ ихъ техникой, дисциплиной, планомѣрностью и сильною властью; но и потребность въ этомъ болѣе всего чувствовалась въ странѣ, гдѣ отрѣзанность въ большей степени затрагивала нужды населенія, и притомъ нужды болѣе существенныя, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Наиболѣе систематическое изображеніе мѣръ, принятыхъ для регулированія потребленія жизненныхъ припасовъ въ Германіи, представляетъ извѣстный коллективный трудъ, изданный проф. Эльцбахеромъ—Eltzbacher, Die deutsche Volksernährung und der englische Aushungerungsplan (Braunschweig, Vieweg, 1915; 196 стр.). Изъ приведенныхъ тамъ цифръ можно заключить, что въ нормальное время почти ровно 25% годового потребленія Германіи, принимая во вниманіе питательность продуктовъ, покрывались излишкомъ ввоза (т. е. ввоза за вычетомъ вывоза) [1]). Частный комитетъ, издавшій это сочиненіе, не мало содѣйствовалъ выработкѣ необходимаго при данныхъ условіяхъ плана дѣйствій. Въ ряду относящихся сюда мѣръ нужно прежде всего отмѣтить запрещеніе вывоза сахара, въ цѣляхъ замѣны этимъ богатымъ углеводами продуктомъ недостающихъ бѣлковыхъ веществъ какъ въ пищѣ населенія, такъ и въ кормѣ скоту. Надо сказать, что основная мысль упомянутой книги, въ которой господствуетъ физіологическая точка зрѣнія, сводится къ необходимости болѣе широкаго развитія непосредственнаго растительнаго питанія, чѣмъ предупреждается потеря питательности, происходящая оттого, что растительная пища превращается въ мясо или свинину и лишь въ этомъ видѣ потребляется населеніемъ съ большимъ ущербомъ для питанія. Однако мѣры въ этомъ направленіи едва ли могли имѣть мѣсто въ Германіи въ первый годъ войны, такъ какъ въ это время тамъ именно ощущался недостатокъ въ хлѣбѣ, между тѣмъ какъ мясо и свинину можно было имѣть чуть ли не въ избыткѣ, особенно въ концѣ перваго года, когда значительное количество свиней было обречено на убой, въ силу особаго предписанія германскаго Союзнаго Совѣта [2]). Въ 1915 году сдѣланы были значительныя преобразованія въ хлѣбной промышленности,

[1]) Сл. prof. Olof Hammarsten: Om folknäringsfrågan i Tyskland under kriget (О питаніи народонаселенія въ Германіи во время войны, Upsala 1915), а также Svensk Tidskrift 1915, стр. 235 и сл.

[2]) Brandt, цитир. соч., стр. 96 и сл., 246 и сл.

согласно заключенію Эльцбахерскаго комитета, и ликвидацію урожая 1915 года можно поэтому считать началомъ реорганизаціи продовольственной системы въ Германіи, о чемъ свидѣтельствуетъ также изданное въ октябрѣ 1915 г. распоряженіе о „мясопустныхъ“ дняхъ—то, что въ Англіи въ эпоху меркантилизма называлось государственнымъ постомъ (Political Lent). Мы не имѣемъ возможности, за отсутствіемъ статистическихъ данныхъ, составить себѣ ясное представленіе о реорганизаціи продовольственнаго дѣла въ Германіи. Надежды, возлагавшіяся на эту реорганизацію въ трудѣ Эльцбахера, навѣрно, оказались сильно преувеличенными. Какъ бы то ни было, Германіи предстояло проявить совершенно исключительную способность приспособленія въ данномъ случаѣ, и она такъ или иначе справилась съ этой задачей.

Изъ сказаннаго видно, какимъ образомъ общественный организмъ реагируетъ на умышленныя и неумышленныя посягательства на него, обусловленныя войною, или — если вмѣсто физіологической метафоры взять физическую — какимъ образомъ экономическій аппаратъ, расшатанный войной, ищетъ себѣ и находитъ новый центръ тяжести, дающій ему возможность удовлетворять матеріальнымъ потребностямъ, въ порядкѣ ихъ важности и возможно дешевымъ способомъ, т. е. съ возможно меньшими жертвами. Сначала примѣняются простѣйшіе способы и затѣмъ болѣе сложные, по мѣрѣ того какъ первые оказываются недостаточными; въ концѣ концовъ, всегда и почти вездѣ удается найти тотъ или иной выходъ изъ затруднительнаго положенія.

До сихъ поръ мы говорили лишь о тѣхъ измѣненіяхъ въ потребленіи, которыя происходили подъ давленіемъ разстройства экономической жизни, и не касались тѣхъ, которыя зависѣли отъ уменьшенія средствъ къ существованію, обусловленнаго отчасти сокращеніемъ производства, отчасти тѣмъ, что большая часть продуктовъ идетъ на войну. Считаемъ нелишнимъ, руководствуясь англійской и американской торговой статистикой, остановиться и на этой второй категоріи измѣненій въ системѣ потребленія, о которой уже было упомянуто выше, но которая еще не была разсмотрѣна подробно. Критеріемъ, въ данномъ случаѣ, какъ уже было упомянуто, могутъ служить: сокращеніе потребленія и одновременное паденіе цѣнъ. При этомъ мы встрѣчаемъ въ данномъ направленіи двѣ различныхъ группы явленій: съ одной стороны, уменьшеніе или прекращеніе спроса на средства производства, поскольку они не служатъ цѣлямъ войны; съ другой стороны, сокращеніе частнаго потребленія товаровъ, не являющихся предметами первой необходимости.

Что касается спроса на средства производства, то уменьшеніе его можно наблюдать на каждой страницѣ торговой

статистики. Особенно замѣтно это на машинахъ. Вывозъ машинъ изъ Англіи за первый годъ войны сократился по вѣсу болѣе, чѣмъ наполовину (52,38%). Значеніе этого факта, въ смыслѣ уменьшенія мірового спроса на машины, станетъ понятно только тогда, кода мы примемъ во вниманіе, что германскій вывозъ, обычная стоимость котораго немного ниже англійскаго (612 милл. кронъ противъ 668 милл. кронъ), можно сказать, совершенно прекратился, и что то же самое наблюдалось во многихъ другихъ странахъ Европы, съ менѣе значительнымъ экспортомъ, каковы Бельгія, Франція и Австро-Венгрія. Единственная страна, которая, повидимому, могла бы восполнить этотъ пробѣлъ, это — Соединенные Штаты; но ея статистика показываетъ обратное: за время съ іюля 1914 по апрѣль 1915 г. мы видимъ тамъ уменьшеніе вывоза сельско-хозяйственныхъ орудій, машинъ и рабочихъ инструментовъ болѣе, чѣмъ на одну треть (35,24% по стоимости). Это значитъ, другими словами, что міровой спросъ на новыя машины во время войны сократился по меньшей мѣрѣ на сумму, соотвѣтствующую третьей части нормальнаго вывоза Соединенныхъ Штатовъ, половинѣ вывоза Англіи и большей части вывоза Германіи, Бельгіи, Франціи и Австро-Венгріи, въ общей сложности—на сумму около 1.600 милл. кронъ.

На самомъ дѣлѣ сокращеніе во много разъ больше, такъ какъ внутренній спросъ на машины и прежде всего въ странахъ съ большимъ экспортомъ машинъ тоже сократился, и ихъ механическія заведенія перешли на военную индустрію, какъ это было указано выше. Потоки словъ и чернилъ, пролитые въ Англіи по поводу „the capture of german trade“, исходятъ обыкновенно изъ статической теоріи, которая учитъ, что вся внѣшняя торговли представляетъ опредѣленную величину, которая и дѣлится между участвующими въ ней странами. Въ дѣйствительности же тѣ цѣли, которымъ при нормальныхъ условіяхъ удовлетворяетъ внѣшняя торговля, теперь по большей части отсутствуютъ и, слѣдовательно, дѣлить или перехватить нечего. У народовъ просто-напросто нѣтъ средствъ для увеличенія ихъ промышленныхъ сооруженій; а если бы и были средства, то промышленники въ большинствѣ случаевъ избѣгали бы дѣлать это, такъ какъ экономическое положеніе послѣ войны откроетъ, быть можетъ, такія неожиданныя перспективы, какихъ никогда не знала промышленная жизнь.

Подробное изученіе данныхъ англійской и американской статистики по вывозу машинъ наглядно показываетъ, что уменьшился спросъ именно на средства производства. Сокращеніе вывоза швейныхъ и пишущихъ машинъ сравнительно умѣренное, а вывозъ изъ Англіи, напр., текстиль-

ныхъ машинъ—по этой статьѣ господствующее положеніе Англіи осталось незыблемымъ—сократился, по вѣсу, почти на двѣ трети (66,23%); что касается земледѣльческихъ машинъ—въ данномъ случаѣ особенно сильно повліяла отрѣзанность Россіи—то сокращеніе англійскаго вывоза составляетъ 82,98% для моторовъ и 81,01% для прочихъ машинъ, т. е. экспортъ почти прекратился [1]). Въ то же время вывозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ изъ Америки, по стоимости, также сократился почти на три четверти (72,45%), такъ что причина—уменьшеніе спроса—совершенно ясна. Такую же тенденцію можно прослѣдить и въ прочихъ отрасляхъ металлической промышленности, особенно въ производствѣ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ. Англійскій вывозъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ (главнымъ образомъ, рельсъ) въ первый годъ войны, правда, понизился меньше, чѣмъ ожидали, именно, на какихъ-нибудь двѣ пятыхъ (38,99%); но, помимо прекращенія германскаго вывоза, уменьшеніе вывоза Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ случаѣ было значительно больше, чѣмъ въ Англіи, а именно, для рельсъ около двухъ третей (65,98%, по вѣсу) и для вагоновъ семь десятыхъ (70,83%, по стоимости). Дѣло слишкомъ ясно, чтобы нуждаться въ дальнѣйшемъ освѣщеніи статистическими данными.

Не такъ легко освѣтить пониженіе спроса на предметы потребленія, не относящіеся къ разряду первой необходимости. Что касается, въ частности, Англіи, то здѣсь раздаются всеобщія и вполнѣ справедливыя жалобы на то, что населеніе почти ничего не дѣлаетъ для пополненія огромныхъ пробѣловъ въ національныхъ доходахъ, которые причиняетъ война. Въ журналѣ The Economist въ свое время (31 іюля 1915 г.) дана была небольшая справка объ увеличеніи ввоза значительнаго числа совсѣмъ или отчасти ненужныхъ вещей въ первомъ полугодіи 1915 г. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться, что въ теченіе всего перваго года войны увеличился количественно ввозъ—для внутренняго потребленія—такихъ товаровъ, какъ чай (3%), кофе (15%) и, главнымъ образомъ, какао (35%), далѣе, спиртныхъ напитковъ (15%), табаку (5½%), апельсиновъ (16%), банановъ (15%) и много другого въ томъ же родѣ. Не зная, какое количество подобныхъ предметовъ идетъ на продовольствіе войскъ, нельзя, конечно, судить о степени участія гражданскаго населенія въ этомъ усиленномъ потребленіи предметовъ роскоши; но что и оно сыграло свою роль въ увеличеніи ввоза, объ этомъ можно заключать по аналогіи съ нѣкоторыми фактами, указанными въ одной изъ цитированныхъ выше статей The Times объ оружейномъ производствѣ.

---

[1]) Вездѣ, гдѣ это не оговорено, данныя относятся къ вѣсу.

„Интересный фактъ, свидѣтельствующій о всеобщемъ оживленіи промышленности (въ Бирмингамѣ): даже торговля дешевыми драгоцѣнностями процвѣтаетъ въ исключительной степени. Работницы покупаютъ себѣ сами и получаютъ въ подарокъ отъ своихъ поклонниковъ драгоцѣнности въ небываломъ доселѣ количествѣ“ [1]).

Этотъ фактъ, представленный въ качествѣ отраднаго симптома послѣ тринадцати мѣсяцевъ войны, лучше всего объясняетъ намъ, почему приспособленіе потребленія къ требованіямъ войны шло такъ медленно въ Англіи. Безспорно, нѣчто подобное можно наблюдать и въ другихъ странахъ, хотя надо сказать, что шведская торговая статистика не обнаруживаетъ подобнаго роста ввоза предметовъ роскоши, какъ приведенныя англійскія статистическія данныя. Ростъ потребленія предметовъ роскоши въ такихъ странахъ, гдѣ этому не мѣшаетъ отрѣзанность, находится въ тѣсной связи съ развитіемъ спекуляціи, которую порождаетъ война въ соединеніи съ неразумными мѣропріятіями государства. Масса людей въ короткое время и безъ всякаго труда наживаютъ огромныя деньги, и было бы нелѣпо думать, что они станутъ пользоваться ими, какъ слѣдуетъ. Если невозможно предотвратить разстройства, вызывающія спекуляцію, путемъ разумнаго направленія экономической жизни со стороны государства, то остается одно: какъ можно скорѣе отобрать у спекулянтовъ легко доставшіеся имъ капиталы; поэтому введеніе военнаго налога и сильное увеличеніе налога на предметы роскоши—въ широкомъ смыслѣ слова—кромѣ обезпеченія государственной кассы доходами, имѣютъ еще и это другое назначеніе, что и было принято во вниманіе при составленіи англійскаго бюджета въ концѣ сентября 1915 года [2]).

Однако было бы ошибкой думать, что потребленіе, вообще, осталось нечувствительно къ требованіямъ войны. Это было бы совершенно невозможно, потому что должны же откуда-то явиться средства для оплаты войны. Въ Германіи потребленіе должно было сжаться, уже въ силу отрѣзанности страны и въ большей части всего міра наблюдается то же явленіе, хотя и по разнымъ причинамъ. Въ Англіи также, безъ сомнѣнія, происходитъ сокращеніе потребленія по многимъ важнымъ статьямъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, касающихся жизненныхъ припасовъ, хотя значительной доли этихъ послѣднихъ, а также предметовъ роскоши сокращеніе и не коснулось. Однако найти цифровое выраженіе для этихъ измѣненій гораздо труднѣе, чѣмъ можно было бы ожидать. Впрочемъ, американская статистика вывоза отражаетъ въ общихъ чертахъ тѣ превращенія, которымъ подвергается міровая экономія

[1]) Birmingham versus Krupp's. The Busy Midlands (The Times 27 авг. 1915 г.).

[2]) Ср. C. F. Bickerdike, On Paying for War by Loans, въ Economic Journal, сент. 1915 г.

въ настоящій моментъ. Вывозъ взрывчатыхъ веществъ, химическихъ продуктовъ, аэропланов, автомобилей, колючей проволоки, сбруи и другихъ кожаныхъ товаровъ, шерстяныхъ товаровъ и продуктовъ металлической промышленности во много разъ увеличился, тогда какъ вывозъ предметовъ промышленнаго оборудованія, какъ было указано выше, а также и разнаго рода предметовъ роскоши: мѣховыхъ издѣлій, спиртныхъ напитковъ, табаку, велосипедовъ, моторныхъ лодокъ, часовъ, произведеній искусствъ, музыкальныхъ инструментовъ, фотографическихъ принадлежностей, кинематографическихъ лентъ и т. д.—соотвѣтственно уменьшился. Еще болѣе яркую картину такого урѣзыванія мірового потребленія предметовъ не первой необходимости даетъ англійская статистика по статьѣ хлопчатобумажныхъ товаровъ.

Эти товары во многихъ отношеніяхъ составляютъ особую группу. Теперь, во время войны, они отличаются отъ шерстяныхъ издѣлій прежде всего тѣмъ, что значеніе ихъ для войскъ, судя по всему, сравнительно невелико. Кромѣ того, если ихъ нельзя назвать предметами роскоши, то они не составляютъ и предметовъ первой необходимости, потому что большія группы населенія, безъ особенныхъ затрудненій, могутъ на этотъ, либо другой годъ ограничить покупку такого рода вещей; можно отказаться отъ пополненія запаса, довольствуясь болѣе частой починкой и стиркой наличнаго. Статистика этихъ товаровъ, играющихъ, какъ извѣстно, огромную роль въ англійской промышленности въ мирное время, составляетъ предметъ упомянутаго выше весьма цѣннаго изслѣдованія проф. S. J. Chapman и Mr. David Kemp (въ Journal of Royal Statistical Society, мартъ 1915 г.), обнимающаго пять первыхъ мѣсяцевъ войны. Выводъ, къ которому приходятъ авторы этого сочиненія, тотъ что вывозъ сократился на 40% по сравненію съ послѣднимъ пятилѣтіемъ. Правда. это пятилѣтіе отличалось довольно высокой, въ общемъ, конъюнктурой, такъ что 40% этого сокращенія зависѣли не только отъ войны, но и отъ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, дѣйствіе которыхъ сказались еще до начала войны. На счетъ войны, по разсчетамъ названныхъ авторовъ, приходится всего 24% уменьшенія вывоза. Сокращеніе англійскаго производства послѣ августа 1914 г. составляло 30%, а какъ слѣдствіе войны, только 20%.

Chapman и Kemp, вѣроятно, нѣсколько переоцѣнили вліяніе конъюнктуръ, такъ какъ они положили въ основу своихъ разсчетовъ низкую конъюнктуру 1908—1909 г.г., которая, повидимому, была ниже той, которая наблюдалась въ теченіе 1913 г. и отразилась на статистикѣ вывоза хлопчатобумажныхъ товаровъ весною 1914 г.; но ихъ предсказаніе относительно быстраго повышенія хлопчатобумажнаго вывоза въ 1915 г. въ значительной степени оправдалось. Сильное пониженіе въ первые мѣсяцы войны было типическимъ явленіемъ экономи-

ческаго разстройства, которое вовсе не было показателемъ уменьшенія мірового спроса или вообще длительнаго вліянія войны. Цифры 1915 г., напротивъ, указываютъ уже на длящееся вліяніе войны и представляютъ поэтому особенный интересъ.

Сокращеніе англійскаго вывоза за время отъ 1913—14 по 1914—15 г.г. по двумъ важнѣйшимъ статьямъ было слѣдующее (въ процентахъ):

		Пряжа.	Ткани.
Уменьшеніе:	августъ—декабрь	% 48,03	42,50
»	январь—іюль	% 13,34	30,89
»	августъ—іюль.	% 27,05	35,66

Еще большій интересъ представляетъ въ данномъ случаѣ превышеніе вывоза надъ ввозомъ или чистый вывозъ. Такъ какъ ввозъ по сравненію съ вывозомъ вообще незначительный, почти прекратился, то чистый вывозъ уменьшился не такъ сильно, какъ валовой. Въ слѣдующей таблицѣ приводятся данныя о чистомъ вывозѣ—также въ абсолютныхъ числахъ, чтобы показать, насколько огромна сумма,—причемъ принята во вниманіе третья, гораздо менѣе важная группа хлопчатобумажныхъ товаровъ. [1])

Вывозъ хлопчатобумажныхъ товаровъ изъ Англіи за исключеніемъ ввоза.

	1913/14 гг.	1914/15 гг.	Уменьшеніе.	%
а) **Хлопчатобумажная пряжа** (въ фунтахъ):				
Августъ—декабрь. . . .	81,846,000	43,864,274	37,981,726	46,41
Январь—іюль	125,488,941	114,816,830	10,672,111	8,50
Августъ—іюль . . .	207,334,941	158,681,104	48,653,837	23,47
б) **Хлопчатобумажныя ткани** (въ ярдахъ).				
Августъ—декабрь. . . .	2,801,191,629	1,626,097,164	1,175,094,465	41,95
Январь—іюль.	4,015,102,030	2,798,233,362	1,216,868,668	30,31
Августъ—іюль . . .	6,816,293,659	4,424,330,526	2,391,963,133	35,09
в) **Флаги, носовые платки и шали** (въ ярдахъ).				
Августъ—декабрь. . . .	33,974,300	14,865,400	19,108,900	56,25
Январь—іюль.	50,954,100	30,074,700	20,879,400	40,98
Августъ—іюль . . .	84,928,400	44,940,100	39,988,300	47,08

[1]) Англійскій фунтъ равенъ 0,45 килограма; ярдъ—0,9 метра. Третья группа не составляетъ предмета ввоза и, слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ одинакова.

Если предположить, что внутренній спросъ на хлопчатобумажные товары въ Англіи не измѣнился, то послѣдняя таблица даетъ вѣрное изображеніе уменьшенія мірового спроса на хлопчатобумажные товары. Во всѣхъ группахъ замѣчается большая разница между первыми пятью и слѣдующими семью мѣсяцами.

Уменьшеніе чистаго вывоза въ этомъ послѣднемъ періодѣ даетъ достаточно вѣрное представленіе о сокращеніи потребленія хлопчатобумажныхъ товаровъ, вызванномъ самой войной, такъ какъ вліяніе очень низкой конъюнктуры уже учтено въ цифрахъ 1914 г., съ которыми сравниваются въ данномъ случаѣ цифры за семь мѣсяцевъ 1915 г. Остается сдѣлать нѣсколько важныхъ поправокъ. Подобно шерстянымъ товарамъ, хотя въ гораздо меньшей степени, часть вывоза въ 1915 году, вѣроятно, пошла на войска, стоящія во Франціи; это вытекаетъ изъ сильно увеличивающагося экспорта туда. Но это имѣетъ серьезное значеніе только для пряжи. Если исключить экспортъ ея во Францію, то чистый вывозъ за время съ января по іюль уменьшится болѣе, чѣмъ на 20 милл. фунтовъ (94,113,330 ф.), и разница по сравненію съ тѣми же мѣсяцами предыдущаго года составитъ уже не 8,50%, а 25%, т. е., окажется въ три раза больше. Для тканей такъ же точно нужно вычесть немного болѣе 141 милл. ярдовъ, что понизитъ цифру за время съ января по іюль 1915 до 1,358,273,268 ярдовъ и уменьшеніе вывоза тканей выразится въ такомъ случаѣ въ 33,83%, т. е., въ противоположность пряжѣ, цифрой, лишь немногимъ большей, чѣмъ показываетъ вышеприведенная таблица.

Гдѣ-то между двумя только что названными цифрами— 25,00% и 33,83%—и вѣроятно, ближе къ послѣдней, чѣмъ къ первой, должна находиться цифра уменьшенія мірового гражданскаго потребленія хлопчатобумажныхъ товаровъ подъ вліяніемъ войны, т. е. пониженіе должно составлять около одной трети. Англія, конечно, только одна изъ многихъ производящихъ странъ, но она самая главная среди нихъ; она также одна изъ многихъ вывозящихъ странъ, но внѣ всякаго сравненія самая крупная среди нихъ. Изъ прочихъ странъ одна изъ главныхъ, именно Германія, не только совершенно исчезла въ качествѣ вывозящей страны, но и внутреннее потребленіе ея, безъ сомнѣнія, сократилось гораздо болѣе, чѣмъ на одну треть, вслѣдствіе недостатка сырого хлопка и необходимости употреблять весь имѣющійся запасъ его на изготовленіе взрывчатыхъ веществъ. Предписанное Союзнымъ Совѣтомъ ограниченіе гражданскаго потребленія хлопка, повидимому, вызвано именно этимъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, занимающихъ по вывозу третье мѣсто, вывозъ хлопчатобумажныхъ тканей упалъ, хотя и меньше, чѣмъ въ Англіи (на 13,51% съ іюля 1914 по апрѣль 1915 г.); однако американскій вывозъ хлопчатобумажныхъ товаровъ со-

ставляетъ лишь около $^1/_{12}$ англійскаго и не играетъ поэтому рѣшающей роли въ міровой экономіи. То же самое слѣдуетъ сказать и о прочихъ вывозящихъ странахъ, главнымъ образомъ, о Японіи, Индіи и Италіи, теперешней вывозъ которыхъ неизвѣстенъ. Поэтому не будетъ большой ошибкой, если мы скажемъ, что общее сокращеніе мірового потребленія хлопчатобумажныхъ товаровъ составляетъ одну треть противъ нормы, если считать за таковую потребленіе при пониженной конъюнктурѣ, какая наблюдалась передъ началомъ войны. Какое значеніе имѣетъ это ограниченіе потребленія для всего міра, невозможно сказать съ увѣренностью; но нѣкоторое представленіе объ этомъ можно получить, исходя изъ цифры стоимости англійскаго производства, хотя и эта цифра только приблизительна. На основаніи данныхъ англійской статистики производства [1]), можно опредѣлить эту стоимость приблизительно въ 235 милл. ф. ст.; если къ этому прибавить хотя бы 30% на торговые и транспортные расходы, съ которыми увеличивается стоимость хлопчатобумажныхъ издѣлій, дошедшихъ до потребителей, то получимъ цифру свыше 300 милл. ф. ст. Судя по числу веретенъ, на Англію приходится безъ малаго одна треть мірового производства [2]); если принять во вниманіе, что стоимость англійскаго производства по отношенію къ числу веретенъ, навѣрное, гораздо выше средней, такъ что по стоимости оно составляетъ во всякомъ случаѣ не меньше, какъ третью часть мірового производства, то въ цѣломъ послѣднее, а слѣдовательно, и міровое потребленіе хлопчатобумажныхъ товаровъ можно оцѣнить въ 900 милл. ф. ст. Третья часть этой суммы составляетъ 300 милл. ф. ст., въ каковой суммѣ и выражается по приблизительному, конечно, подсчету—сокращеніе потребленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ экономія, достигаемая такимъ путемъ и дающая средства для веденія войны. И это по одной только этой статьѣ.

Можно, конечно, подумать, что сокращеніе вывоза и соотвѣтственное сокращеніе производства, съ одной стороны, машинъ, орудій и т. д., а съ другой—предметовъ гражданскаго потребленія не первой необходимости зависѣли не отъ уменьшенія спроса, какъ мы предполагали, а отъ уменьшенія возможностей производства, т. е. что въ основѣ тутъ было уменьшеніе предложенія, а не уменьшеніе спроса. Однако, это совершенно невозможно, и доказательствомъ служитъ то, о чемъ уже было упомянуто выше, а именно, что цѣны на эти товары показываютъ устойчивость или пониженіе, и это, при общемъ

---

[1]) Ср. Chapman и Kemp, стр. 164.

[2]) Въ Apercus statistiques internationaux 1908, табл. 218, цифра для Европы, Соединенныхъ Штатовъ, Японіи, и Индіи, вмѣстѣ взятыхъ (1907), составляетъ ок. 120 милл. веретенъ, изъ которыхъ на Англію приходится 50,7 милл.; по всей вѣроятности, прочія страны съ того времени поднялись болѣе, чѣмъ Англія.

повышеніи уровня цѣнъ, означаетъ, то, что уменьшеніе спроса явилось въ данномъ случаѣ причиной, а уменьшеніе предложенія—слѣдствіемъ [1]).

Изученіе данныхъ торговой статистики даетъ нѣкоторое основаніе думать, что сбереженія въ пользу войны образуются не столько путемъ сокращенія частнаго потребленія, сколько путемъ пріостановки въ созданіи капиталовъ, служащихъ для гражданскихъ цѣлей. Ближайшій выводъ отсюда, предлагаемый въ такой же гипотетической формѣ, какъ и самое предположеніе,—тотъ, что война еще не оказала достаточно сильнаго давленія на экономическій уровень населенія земного шара. Повидимому, остается еще широкая возможность использованія, въ случаѣ нужды, того, что въ другое время «сберегается», т. е., употребляется для расширенія производства. Шаткость нашего вывода обусловливается тѣмъ, что онъ основанъ на данныхъ о внѣшней торговлѣ, а не на данныхъ о производствѣ. Такъ какъ послѣдніе въ большинствѣ своихъ отраслей работаютъ почти во всѣхъ странахъ, главнымъ образомъ, на внутренній спросъ, то мы и не знаемъ дѣйствительнаго положенія вещей. Однако кажется невѣроятнымъ, чтобы внѣшняя торговля испытывала меньше затрудненій, чѣмъ внутреннее производство,—скорѣе наоборотъ—и наше предположеніе имѣетъ, повидимому, свою цѣну.

На ряду съ сокращеніемъ потребленія, несомнѣнно, наблюдается и другое явленіе, а именно, люди живутъ своимъ капиталомъ, т. е.—какъ это было указано во главѣ второй—потребляютъ имѣющееся имущество (запасы товаровъ, лѣсные матеріалы, скотъ) или не возмѣщаютъ той порчи, которой подвергаются основныя части капитала при употребленіи ихъ или даже и безъ этого. Послѣднимъ, вѣроятно, и объясняется до извѣстной степени сокращеніе торговли предметами промышленнаго оборудованія (машинами, желѣзнодорожнымъ матеріаломъ) и т. д.

Къ вопросу о реорганизаціи промышленной жизни, поскольку эта реорганизація обусловлена необходимостью покрывать военныя издержки, т. е. находится въ связи съ финансированіемъ войны, мы вернемся въ шестой главѣ.

Въ видѣ же заключенія къ настоящей, непомѣрно растянувшейся главѣ, слѣдовало бы остановиться на общемъ измѣненіи въ объемѣ міровой торговли подъ вліяніемъ войны. Однако разрѣшеніе этой задачи представляется намъ невозможнымъ. Англійскія и американскія данныя для этого недостаточны, такъ какъ они не охватываютъ всего разнообразія, какое наблюдается въ отдѣльныхъ странахъ,—отъ полнаго прекращенія внѣшней торговли до значительнаго увеличенія ея. Англійскія

---

[1]) См. напр., цифры въ цитированномъ сочиненіи M-r Rosendaum (Journ. of Royal Stat. Soc., іюль 1915 г., стр. 512, 531).

данныя, кромѣ того, менѣе удовлетворительны, въ качествѣ общихъ цифръ, чѣмъ какъ показатели измѣненія въ отдѣльныхъ группахъ товаровъ, такъ какъ данныя по ввозу и вывозу для нуждъ государства въ значительной части ихъ отсутствуютъ. Положиться на американскія свѣдѣнія также трудно, такъ какъ мы не можетъ судить о томъ, относится ли сильное повышеніе цифры вывоза и къ количеству товаровъ или только къ ихъ стоимости. Это послѣднее обстоятельство можетъ повести къ ошибкамъ, избѣгнуть которыхъ можно лишь путемъ весьма сложныхъ вычисленій.

Вмѣсто того, чтобы производить подобныя вычисленія за весь первый годъ войны,—при общей скудости матеріала—мы воспользуемся цифрами, вычисленными для первыхъ девяти мѣсяцевъ войны (отъ августа 1914 г. по апрѣль 1915 г.), приведенными въ цитированной нами выше статьѣ г-на Розенбаума. На основаніи данныхъ англійской торговой статистики, сокращеніе торговли подъ вліяніемъ войны въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ, по его разсчетамъ, выражается для Англіи въ слѣдующихъ цифрахъ:

чистый ввозъ. 10%
вывозъ 39%

Однако эти цифры нуждаются въ поправкахъ, если пользоваться ими для характеристики внѣшней торговли за весь первый годъ войны, такъ какъ ввозъ уже въ апрѣлѣ 1915 г. достигъ большихъ размѣровъ (помимо стоимости), чѣмъ въ томъ же мѣсяцѣ предыдущаго года, и съ тѣхъ поръ держался, какъ можно думать, на нормальномъ уровнѣ. Въ то же время наблюдалось постепенное сокращеніе вывоза въ теченіе перваго года войны. Можно предположить, что сокращеніе ввоза за весь первый годъ войны составляло около 5%—если, какъ сказано, ввозъ съ мая по іюль 1915 г. держался на нормальномъ уровнѣ;—и сокращеніе вывоза за то же время составило около 38%, если въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ онъ оставался на томъ же уровнѣ, что и въ январѣ—апрѣлѣ 1915 года.

Но цифры сами по себѣ говорятъ немного. Чтобы составить себѣ болѣе ясное представленіе о размѣрахъ измѣненія, нужно изслѣдовать, насколько мы должны углубиться въ прошлое, чтобы найти аналогію такому пониженію внѣшней торговли Англіи. Дѣло затрудняется тѣмъ, что данныя англійской торговой статистики никогда не были основаны на какомъ либо неизмѣнномъ уровнѣ цѣнъ, что совершенно необходимо для достиженія точности сопоставленія. Намъ не остается поэтому ничего другого, какъ переработать офиціальныя данныя при помощи измѣненій общаго уровня цѣнъ (на основаніи извѣстныхъ цифръ Mr. Sauerbeck). Путемъ этихъ вычисленій, которыя могутъ быть только приблизительными (что мы и просимъ имѣть въ виду), мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Сумма чистаго ввоза Англіи въ 1913 г., уменьшенная на 5%, достигаетъ 626 милл. ф. ст.; она занимаетъ середину между цифрою 1912 г., 633 милл. ф. ст., и цифрою 1911 г., 613½ милл. ф. ст. Что касается вывоза (внутреннихъ издѣлій), то цифра 1913 г., уменьшенная на 38%, составляетъ 320 милл. ф. ст., чему соотвѣтствуетъ цифра 1900 г. 330 милл. ф. ст. и почти такая же цифра 1899 г., тогда какъ цифра 1898 г. равна 310 милл. ф. ст.

Такимъ образомъ, во ввозѣ Англіи не наблюдается сколько-нибудь замѣтнаго пониженія—если же принять во вниманіе ввозъ за счетъ правительства, а также дары колоній, то получается, напротивъ, значительное количественное увеличеніе; вывозъ же сократился до той суммы, которая наблюдалась въ концѣ 1890-хъ годовъ.

Конечно, было бы большимъ рискомъ искать въ этихъ цифрахъ того, чего онѣ не могутъ дать, т. е. представленія о размѣрахъ міровой торговли, и если мы всетаки дѣлаемъ это, то только для того, чтобы найти какую-нибудь, хотя бы самую приблизительную точку опоры нашимъ представленіямъ. Данныя ввоза не имѣютъ для насъ значенія, такъ какъ въ этомъ отношеніи Англія занимаетъ совершенно исключительное положеніе. Но данныя вывоза Англіи являются далеко не маловажнымъ показателемъ удовлетворенія общаго мірового спроса; и то, что они указываютъ на время около 1900 г., наталкиваетъ на извѣстныя гипотетическія заключенія. Именно съ послѣднихъ годовъ XIX столѣтія нужно считать начало того мощнаго экономическаго подъема, который съ небольшими колебаніями продолжался до 1913—14 г. г. Результатами этого подъема и оплачиваются тѣ векселя, которые учитываетъ міровая война.

Однако, если мы желаемъ смотрѣть на англійскія данныя ввоза, какъ на показатель общаго сокращенія въ удовлетвореніи мірового спроса, то лучше придерживаться тѣхъ суммъ, которыя характеризуютъ положеніе послѣ того, какъ миновали потрясенія, вызванныя началомъ войны. Основываясь на уменьшеніи 1915 г. въ 34%, мы получимъ сумму вывоза въ 347 милл. ф. ст., которая нѣсколько выше цифры 1901 г., въ 340 милл. ф. ст. (по простому расчету). Если бы, исходя изъ этого сопоставленія, мы пожелали составить себѣ представленіе о степени давленія войны на экономическій уровень, то должны помнить то, о чемъ было сказано выше, а именно, что это давленіе сказывается прежде всего на капиталѣ, замедляя его образованіе и возстановленіе, и уже потомъ на потребленіе, заставляя его сокращаться. Но для опредѣленія экономическаго уровня человѣчества теперь, во время самой войны, важно именно потребленіе. Несмотря на неслыханные расходы, война, повидимому, не смогла еще понизить его до того уровня, на ко-

торомъ оно находилось до послѣдняго экономическаго подъема;— повидимому, мы еще до этого не дошли.

Такое заключеніе является скорѣе результатомъ общаго впечатлѣнія отъ изслѣдованія экономическихъ матеріаловъ войны, чѣмъ объективно доказуемымъ предположеніемъ.

Было бы интересно также сравнить вызванное войной сильное пониженіе съ ритмически повторяющимися періодами упадка экономической жизни, такъ называемыми низкими конъюнктурами. Начало войны совпало съ первымъ годомъ такого рода низкой конъюнктуры, хотя и очень слабо выраженной; втеченіе 1913 г., въ большинствѣ случаевъ осенью, кризисъ наступилъ совершенно незамѣтно, и вліяніе его стало обнаруживаться въ мирные мѣсяцы 1914 г. Поэтому пониженіе во время войны отчасти слѣдуетъ отнести на счетъ низкой конъюнктуры, т. е. оно могло бы имѣть до извѣстной степени мѣсто и помимо войны. Выше мы привели преувеличенный расчетъ проф. Chapman, по которому сокращеніе англійскаго вывоза хлопчатобумажныхъ товаровъ въ первые пять мѣсяцевъ войны не менѣе, чѣмъ на $^2/_5$, зависѣло отъ низкой конъюнктуры. Для промышленной жизни, въ цѣломъ, также какъ и для внѣшней торговли, такой расчетъ преувеличенъ. Но дать болѣе точный разсчетъ очень трудно, такъ какъ колебаніе уровня цѣнъ, всегда сопровождающее смѣну конъюнктуръ („кризисъ"), дѣлаетъ цифры стоимости, выражаемыя въ деньгахъ, совершенно непоказательными по отношенію къ количественному измѣненію. Какъ уже указано, мы не располагаемъ возможностью общія цифры англійской торговой статистики привести къ одному уровню цѣнъ.

Нѣсколько лучшій матеріалъ даетъ шведская торговая статистика, такъ какъ Коммерцъ-коллегія, въ виду неудовлетворительности данныхъ о стоимости, въ каждомъ отчетѣ переводитъ окончательныя цифры сообразно среднимъ цѣнамъ предыдущаго года для каждаго товара въ отдѣльности. Изслѣдуя послѣдній случай низкой конъюнктуры 1907—1909 г.г., по отношенію къ шведской внѣшней торговлѣ, мы получаемъ пониженіе, почти совершенно одинаковое и для ввоза и для вывоза, а именно на 6,17 и 6,07% по отношенію къ цифрамъ 1907 г. Вѣроятно, это можно считать болѣе или менѣе вѣрнымъ выраженіемъ вліянія низкой конъюнктуры на размѣры внѣшней торговли. Въ такомъ случаѣ это означало бы, что война отражается на внѣшней торговлѣ, а, можетъ быть, и на удовлетвореніи спроса, приблизительно въ пять-шесть разъ тяжелѣе, чѣмъ низкая конъюнктура.

Принимая во вниманіе размѣры міровой войны, надо сказать, что такое вліяніе слѣдуетъ признать умѣреннымъ. И независимо отъ того, вѣрны ли эти цифры или нѣтъ, изученіе вліянія войны на экономическую жизнь приводитъ къ убѣжденію, что оно гораздо слабѣе, чѣмъ можно было ожидать, и что со-

временная экономическая организація выдержала испытаніе. Но, какъ уже указано въ предыдущей главѣ, предстоитъ еще болѣе тяжкое испытаніе: приспособиться къ миру.

Теперь, послѣ того какъ мы разсмотрѣли экономію міровой войны въ ея цѣломъ, сначала принципіально, а затѣмъ конкретно, пора перейти къ изслѣдованію отдѣльныхъ проблемъ, основываясь до извѣстной степени на добытыхъ уже результатахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Золото и война; финансовая готовность къ войнѣ.

Мы, люди нынѣшняго вѣка, привыкли мыслить всѣ матеріальныя цѣнности въ формѣ денегъ, и до извѣстной степени такъ было всегда, какъ это видно напр. изъ шведскихъ областныхъ законовъ. Это представляетъ большое удобство, но необходимо всегда помнить, что деньги—не что иное, какъ только символъ матеріальныхъ цѣнностей. Но для людей, безъ экономической—какъ и безъ научной—подготовки очень естественно «принять облако за Юнону», т. е. въ символѣ видѣть главное и презирать или не замѣчать той реальности, которая стоитъ за символомъ. При такомъ взглядѣ на «деньги» или монетный металлъ (золото и серебро), имъ придается самодовлѣющее значеніе:—съ одной стороны, онѣ предпочитаются тому, въ чемъ мы дѣйствительно нуждаемся, а съ другой стороны, онѣ признаются полезными даже и въ томъ случаѣ, когда на нихъ почему-либо нельзя получить тѣхъ товаровъ, символомъ которыхъ онѣ служатъ. Этотъ глубоко вкоренившійся предразсудокъ—Мидасовское понятіе о золотѣ, которое часто, но совершенно неправильно называли меркантилизмомъ—составляетъ одну изъ труднѣйшихъ преградъ, которыя приходится преодолѣвать экономической наукѣ въ борьбѣ съ ходячими представленіями. И подобно многимъ другимъ экономическимъ предразсудкамъ, онъ пріобрѣтаетъ особенную силу во время войны. Не подлежитъ сомнѣнію, что многіе простодушные люди, даже, быть можетъ, большая часть, въ различныхъ странахъ, слова бывшаго англійскаго министра финансовъ о рѣшающемъ значеніи «серебряныхъ пуль» на войнѣ понимаютъ буквально, т. е. что они, не шутя, считаютъ запасы золота и серебра рѣшающими для побѣды или пораженія.

Этотъ или подобный ему взглядъ получилъ классическое выраженіе въ знаменитомъ изреченіи, которое гласитъ, что

для войны нужны только три вещи: деньги, деньги и деньги. Изъ всего, что можно сказать объ экономіи войны въ наше время, эта мысль наиболѣе далека отъ истины. При всей своей парадоксальности, изреченіе имѣло опредѣленный смыслъ въ тѣ времена, когда оно возникло, т. е. когда война была ремесломъ: тогда можно было достать за деньги самое необходимое для войны—солдатъ; съ другой стороны, общепринятыя платежныя средства («деньги») были тогда гораздо менѣе доступны, чѣмъ теперь, такъ какъ и въ администраціи и въ промышленной жизни по большей части господствовало еще натуральное хозяйство. Поэтому нѣмецкій историкъ экономистъ, проф. Эренбергъ, отчасти правъ, говоря, что въ тѣ времена у государей доходы были натуральные, а расходы денежные; во время войны этотъ контрастъ становился еще рѣзче и естественно приводилъ къ тому взгляду, который пережилъ самого себя въ знаменитомъ изреченіи. Для современной войны, въ матеріальномъ отношеніи, конечно, тоже нужны три вещи, только совсѣмъ другія: нужны солдаты, военный матеріалъ и жизненные припасы. Если все это можно и должно достать за деньги, то нужны деньги; но, если во-первыхъ, ихъ можно достать другимъ путемъ, то деньги не необходимы, и во-вторыхъ, если ихъ нельзя достать за деньги, то послѣднія совсѣмъ не нужны.

Эти два положенія слишкомъ ясны сами по себѣ, чтобы ихъ можно было оспаривать; но многіе склонны отрицать ихъ практическое значеніе, такъ какъ большинству людей деньги представляются, съ одной стороны, какъ условіе для полученія всего остального, съ другой стороны, какъ средство для пріобрѣтенія всѣхъ другихъ матеріальныхъ вещей. На самомъ дѣлѣ, ни то ни другое не оправдывается, при извѣстныхъ условіяхъ, и во время войны этотъ взглядъ оправдывается еще меньше, чѣмъ въ обыкновенное время. Это и будетъ темой нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Что касается перваго положенія, то характерной чертой экономіи нынѣшней войны является то, что массы силъ и средствъ тратятся на нее совершенно безвозмездно; другими словами, война обнаруживаетъ рѣшительный переходъ къ натуральному хозяйству. Сюда относится прежде всего воинская повинность, которая даромъ отдаетъ въ распоряженіе государства живую силу. Переходъ отъ системы вербовки ко всеобщей воинской повинности, дѣйствительно, представляетъ нѣчто противоположное тому направленію, которое обыкновенно считается типическимъ для современнаго экономическаго развитія, а именно представляетъ переходъ отъ денежнаго хозяйства къ натуральному. Однако къ натуральному хозяйству во время войны относится не только воинская повинность, но отчасти также и право реквизиціи матеріальныхъ цѣнностей, которое война неизбѣжно влечетъ за собой. Для удобства, государство, большею частію, въ той или иной формѣ платитъ при реквизиціи мате-

ріальныхъ цѣнностей; но очевидно, что недостатокъ „денегъ“ никогда не можетъ помѣшать правительству воспользоваться во время войны средствами своихъ подданныхъ для удовлетворенія неотложныхъ государственныхъ нуждъ. То же самое можетъ случиться и съ имуществомъ оккупированныхъ странъ. Послѣднимъ по времени яркимъ примѣромъ этого можетъ служить Болгарія во время Балканской войны 1912—1913 г.г., когда товары внутри страны были реквизированы безъ всякой (прямой или косвенной) уплаты за нихъ, кромѣ простыхъ реквизиціонныхъ квитанцій на весьма значительную сумму около 300 милл. франковъ [1]). Намъ нѣтъ никакой необходимости изслѣдовать условія выпуска бумажныхъ денегъ или государственныхъ долговыхъ обязательствъ, которыми обыкновенно оплачиваются реквизируемыя цѣнности,—ясно и безъ этого, что война обходится своими средствами для покрытія нуждъ, не прибѣгая къ посредничеству денегъ.

Однако въ этомъ пунктѣ проницательный читатель можетъ сдѣлать намъ вѣское возраженіе, которое можно формулировать такъ: если военно-обязанный отдаетъ свою рабочую силу даромъ въ распоряженіе государства, и если то же самое дѣлаютъ прочіе граждане, предоставляя свои матеріальныя средства, то это нисколько не мѣняетъ того основного факта, что, какъ самъ военно-обязанный, такъ и его семья, и тѣ крестьяне и пр., чьи запасы реквизируются, должны жить, и что, слѣдовательно, государству приходится такъ или иначе поддерживать ихъ и во всякомъ случаѣ, хотя бы косвенно, платить деньги за пользованіе ихъ средствами. Это возраженіе вполнѣ основательно, поскольку имѣется въ виду, что въ странѣ (или оккупированной области) должно имѣться достаточное количество жизненныхъ припасовъ, какъ для войскъ, такъ и для гражданскаго населенія; но оно совершенно невѣрно, поскольку предполагается, что тѣ или другія нужды должны быть удовлетворены непремѣнно при помощи «денегъ». Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей необходимости. У крестьянъ и пр. должно быть, по возможности, сохранено то, въ чемъ они нуждаются для поддержанія своего хозяйства, какъ это и предписывается обыкновенно въ реквизиціонныхъ законахъ; довольствіе призванныхъ на войну выдается всегда натурой, содержаніе же ихъ семействъ вовсе не должно зависѣть отъ денегъ въ какой бы то ни было формѣ.

Отсюда слѣдуетъ, что во время войны, въ большей степени, чѣмъ это бываетъ обыкновенно, можно удовлетворять нужды и совершать сдѣлки, не прибѣгая къ какимъ-либо особеннымъ платежнымъ средствамъ. Это состояніе и принято называть натуральнымъ хозяйствомъ. Но, если не считать содержаніе

[1]) Maurice Evesque, Les finances de guerre au XX-e siècle, Paris 1914, стр. 522 и сл., 525, 536.

самихъ солдатъ, такая форма сдѣлокъ составляетъ исключеніе и во время войны, такъ какъ и во время войны расчеты за пріобрѣтаемые товары и за работу большею частію производятся при помощи какого-либо общаго платежнаго средства. Но нужны ли для этого «деньги»? Безусловно да, но только такія, которыя могутъ быть получены въ любомъ количествѣ. И въ этомъ отношеніи ни одна изъ воюющихъ странъ не можетъ пожаловаться на бездѣйствіе станковъ, печатающихъ кредитные билеты. Средства же обмѣна, которыя не могутъ быть получены въ неограниченномъ количествѣ, въ сущности, излишни. Доказательствомъ возможности во время войны обходиться безъ такихъ платежныхъ средствъ служитъ тотъ фактъ, что финансовыя вѣдомства почти во всѣхъ странахъ, словно по общему сигналу, при началѣ войны закрыли свои центральные банки для обмѣна кредитныхъ билетовъ на золото и тѣмъ самымъ изгнали золото изъ внутренняго обращенія. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ говорятъ, расплата золотомъ, сопряженная съ нахожденіемъ звонкой монеты въ рукахъ частныхъ лицъ признавалась даже непатріотичной. Пріостановка размѣна лучше всего показываетъ, что финансовые дѣятели при всемъ своемъ преклоненіи передъ золотымъ тельцомъ, все же не считаютъ, что золото необходимо въ качествѣ платежнаго средства для сдѣлокъ внутри страны. И это вполнѣ правильно, такъ какъ подобныя операціи безъ труда могутъ производиться инымъ путемъ.

Все это вовсе не служитъ оправданіемъ чрезмѣрнаго выпуска билетовъ, влекущаго за собой обезцѣненіе валюты. Цѣлью нашей было только доказать нелѣпость самаго представленія, будто бы для удовлетворенія внутреннихъ нуждъ во время войны необходимъ какой-то особый «денежный» фондъ, т. е. золото. Весьма возможно, что въ такомъ фондѣ желаютъ видѣть обезпеченіе кредитныхъ билетовъ даже и во время войны и на этомъ основаніи отстаиваютъ его; но это совершенно невѣрно. При благопріятныхъ обстоятельствахъ обезпеченіе кредитныхъ билетовъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время можетъ быть достигнуто и безъ всякаго фонда. При неблагопріятныхъ же обстоятельствахъ, въ виду колоссальности суммъ, находящихся въ обращеніи во время войны, даже самый большой золотой фондъ не можетъ служить обезпеченіемъ, какъ это показываетъ опытъ. Какъ это ни странно, но такой чрезвычайный запасъ золота не только не является условіемъ обезпеченія билетовъ, но съ психологической точки зрѣнія служитъ даже препятствіемъ для него. Наличность фонда является для правительства поводомъ къ тому, чтобы фактически отказаться отъ размѣна билетовъ, такъ какъ не хочется рисковать фондомъ, на который общественное мнѣніе склонно смотрѣть, какъ на цитадель финансовой крѣпости. Это лучше всего можно видѣть изъ того любопытнаго и чрезвычайно

важнаго факта, что единственная изъ воюющихъ державъ, которой удалось, въ общемъ, сохранить размѣнъ, именно Англія, является также единственной, гдѣ не было образовано никакого золотого военнаго фонда. Такимъ образомъ, все, что говорилось передъ войной объ этихъ золотыхъ фондахъ, какъ наилучшемъ средствѣ для покрытія военныхъ издержекъ (или части издержекъ), было опровергнуто опытомъ; никто просто не рѣшился употребить эти фонды на подобныя цѣли и, навѣрно, не сдѣлаетъ этого и въ будущемъ.

Казалось бы, трудно не признать справедливости того, что здѣсь сказано. Но тѣ, которые вѣрятъ въ значеніе золота для внутренняго обращенія во время войны, не сознаютъ ошибочности своего взгляда. По общераспространенному представленію, выпускаемыя средства обращенія пріобрѣтаютъ цѣнность, благодаря золотому запасу, лежащему въ центральномъ банкѣ и предназначенному для ихъ обезпеченія, и падаютъ въ цѣнѣ и могутъ вовсе обезцѣниться, если этотъ запасъ не поддерживается на опредѣленномъ уровнѣ. Другими словами, предполагается, что золото обезпечиваетъ внутреннее обращеніе даже тогда, когда само оно не находится въ обращеніи. Но это представленіе невѣрно съ начала до конца. Для примѣра можно сослаться на Францію: хотя эта страна обладала самымъ крупнымъ въ мірѣ золотымъ запасомъ (около $4^1/_5$ милліардовъ франковъ), однако денежное дѣло оказалось тамъ еще болѣе разстроеннымъ, чѣмъ въ какой-либо другой изъ воюющихъ державъ. Такъ напр., французскіе банки въ теченіе долгаго времени выдавали только 5% всѣхъ вкладовъ, которые вкладчики въ нормальное время имѣли право немедленно взять до послѣдняго сантима. Дѣло объясняется очень просто.

Прежде всего обыватель не можетъ знать, какъ великъ золотой запасъ; и если онъ даже довѣряетъ свѣдѣніямъ центральныхъ банковъ, не подлежащимъ общественному контролю, то во всякомъ случаѣ онъ находится въ полномъ невѣдѣніи относительно тѣхъ центральныхъ банковъ, которые прекратили свои еженедѣльные отчеты, какъ это было съ австрійскимъ банкомъ и въ первый періодъ войны съ французскимъ. Между тѣмъ публика по-прежнему продолжала и продолжаетъ принимать билеты и этихъ банковъ. Далѣе: если золото и имѣется въ банкѣ и публика знаетъ объ этомъ, то еще неизвѣстно, будетъ ли оно находиться тамъ при окончаніи войны. Оно можетъ вѣдь быть предназначено для тѣхъ обязательствъ, которыя подлежатъ уплатѣ еще до наступленія того момента, когда нужно будетъ возстановить размѣнъ. Переводъ золота, который производится теперь напр., изъ французскаго и русскаго государственнаго банковъ въ англійскій банкъ или въ германскій государственный банкъ изъ австрійскаго и т. д., можетъ продолжаться или идти обратно и такимъ образомъ теперешній золотой запасъ можетъ потерять всякое значеніе для публики, которая

(кромѣ Англіи) не будетъ получать золота въ теченіе неопредѣленнаго времени. Наконецъ, самое главное съ принципіальной точки зрѣнія: если бы даже и явилось «недовѣріе» къ билетамъ, они все равно продолжали бы находиться въ обращеніи по той простой причинѣ, что государство не можетъ оставаться безъ платежныхъ средствъ, а никакихъ другихъ не имѣется. Мало того, на цѣнность ихъ по отношенію къ товарамъ можетъ повліять не сомнѣніе въ ихъ будущемъ выкупѣ, но только ихъ количество и быстрота обращенія по отношенію къ числу операцій, осуществляемыхъ при помощи билетовъ. Наиболѣе извѣстнымъ доказательствомъ этого положенія, такъ называемой количественной теоріи, могутъ служить старые непогашаемые австрійскіе бумажные гульдены, которые вначалѣ соотвѣтствовали опредѣленной суммѣ серебромъ, но впослѣдствіи, въ виду ихъ ограниченнаго количества по сравненію съ увеличивающимся обращеніемъ, стали стоить дороже своей номинальной цѣны, такъ что публика теряла бы при размѣнѣ al pari. Такимъ образомъ, и опытъ показываетъ, что стоимость этихъ билетовъ совершенно не зависѣла отъ золотого запаса. Если только соблюдать надлежащее ограниченіе въ выпускѣ билетовъ, то золотой запасъ для нихъ не имѣетъ никакого значенія во внутреннемъ обращеніи.

Итакъ; представленіе о томъ, что для внутренняго обращенія билетовъ необходимъ опредѣленный золотой запасъ, совершенно не выдерживаетъ критики. Это должно бы быть ясно уже изъ того факта, что отношеніе между количествомъ выпущенныхъ билетовъ и золотымъ запасомъ въ мирное время представляетъ огромныя колебанія — 100% покрытія въ Англіи до 60% въ Германіи и Франціи и 50% въ Голландіи—безъ всякаго вліянія на обращеніе билетовъ или на кредитъ страны. Насколько сильна слѣпая вѣра въ совершенно произвольныя въ сущности и часто измѣняемыя нормы обезпеченія, въ этомъ приходится убѣждаться на каждомъ шагу. Такъ, напр., недавно ревизіонная комиссія шведскаго риксдага, требуя увеличенія золотого запаса, ссылалась на то, что это сдѣлало бы возможнымъ выпускъ въ военное время вдвое большаго количества билетовъ сравнительно съ суммой фонда (Отчетъ ревизіонной комиссіи 1914 г., стр. 62 и сл.); но комиссія упустила изъ виду, что государственному банку въ 1914 г. однимъ росчеркомъ пера было предоставлено право удвоить выпускъ непокрытыхъ билетовъ на случай войны, и что безъ сомнѣнія также можетъ быть допущено дальнѣйшее расширеніе его эмиссіоннаго права (какъ это указалъ и членъ конторы государственныхъ долговъ Эстбергъ, въ связи съ даннымъ предложеніемъ, тамъ-же стр. 363). Фактически всѣ воюющія страны—не исключая и Англіи—отмѣнили всякое ограниченіе выпуска билетовъ законодательнымъ путемъ, хотя отчасти въ такой формѣ, которая все еще обнаруживаетъ стремленіе считаться съ ложными пред-

ставленіями, старательно внушаемыми публикѣ. Такъ, напр., Германія формально придерживается правила, что билеты государственнаго банка „покрываются“ на одну треть, но для этого можетъ служить не только золото, но и поступающіе въ банкъ билеты государственныхъ ссудныхъ кассъ; другими словами, государство, дозволяя ссуднымъ кассамъ выдавать ссуды, даетъ возможность центральному банку увеличивать выпускъ билетовъ на сумму въ три раза большую, чѣмъ ссуда. Лицемѣрность такого образа дѣйствій не подлежитъ сомнѣнію: государство получаетъ возможность по своему усмотрѣнію расширить выпускъ билетовъ, дѣлая видъ, что оно ограничиваетъ его. Пора бы, кажется, покончить съ ложными представленіями, которыя приводятъ къ подобнымъ мѣрамъ. А ужъ если нельзя никакъ обойтись безъ этой эксплоатаціи человѣческаго невѣжества, то примѣръ Германіи показываетъ, что достигнуть этого можно, и не прибѣгая къ помощи золотого запаса, а гораздо болѣе дешевымъ способомъ.

Все, что здѣсь было сказано о ненужности военнаго золотого запаса для внутренняго обращенія, относится также и къ сохраненію золотого фонда для случаевъ, когда состояніе вексельнаго курса требуетъ вывоза золота, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Единственный аргументъ, часто выдвигаемый и представляющій, повидимому, извѣстное значеніе, заключается въ томъ, что золотой фондъ необходимъ для обезпеченія размѣна билетовъ въ будущемъ. Мы уже указали, какую слабую гарантію даетъ онъ самъ по себѣ обладателямъ билетовъ въ извѣстный моментъ; но скажемъ больше: онъ совсѣмъ не нуженъ для данной цѣли. Если валюта не обезцѣнена (т. е. общее количество билетовъ не слишкомъ велико), выкупъ билетовъ вызываетъ лишь кратковременный отливъ золота, который можетъ наступить вслѣдствіе неясности положенія въ переходный моментъ. Если же билеты обезцѣнены, то и тогда нѣтъ никакой надобности держать золото въ резервѣ въ теченіе всей войны, такъ какъ, съ открытіемъ вновь мірового рынка, золото можетъ быть привлечено путемъ самыхъ разнообразныхъ кредитныхъ формъ (при помощи векселей, обязательствъ государственнаго казначейства, облигацій и т. д.) Сохраненіе золотого фонда, какъ гарантія для будущаго размѣна билетовъ всего менѣе имѣетъ смыслъ въ такой странѣ, какъ Швеція, гдѣ золото никогда не находилось въ обращеніи. То золото, которое здѣсь поступаетъ въ обращеніе, быстрѣе возвращается въ банкъ, чѣмъ выходитъ изъ него, если только банкъ умѣетъ внушить увѣренность въ сохраненіи размѣна билетовъ.

Значитъ ли это, что внутреннее обращеніе, вообще, не нуждается ни въ какомъ попеченіи во время войны? Конечно, нѣтъ; наоборотъ, ничто не можетъ такъ быстро парализовать промышленную жизнь страны, какъ крушеніе внутренняго кредита, что и наблюдается въ нынѣшнюю войну во Франціи. Оши-

бочность обычнаго взгляда на дѣло, слѣдовательно, не въ томъ, что придавалось слишкомъ большое значеніе внутреннему обращенію, но въ томъ, что думали—или въ нѣкоторыхъ случаяхъ только дѣлали видъ, что думаютъ—служить ему мѣрами, которыя не отвѣчаютъ цѣли. Хотя это будетъ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ темы, мы всетаки изложимъ вкратцѣ наше мнѣніе о тѣхъ мѣрахъ, какія необходимы для правильнаго удовлетворенія внутренней потребности въ деньгахъ.

Для внутренняго обращенія и кредита прежде всего нужно одно—довѣріе. Уже во вступительной главѣ мы привели метафору Беджгота: паника (или, какъ говорятъ теперь, кризисъ) есть родъ нервнаго разстройства, и по правиламъ медицины нужно остерегаться дѣйствовать на него изморомъ. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это означаетъ, что недовѣріе, возникающее въ тревожныя времена, должно быть немедленно разсѣяно путемъ изысканія достаточныхъ платежныхъ средствъ для удовлетворенія всѣхъ тѣхъ, кто пользуется кредитомъ. У каждаго дѣльца есть долги и денежныя претензіи; и какъ бы солидно ни было его предпріятіе при нормальныхъ условіяхъ, оно можетъ лопнуть, если его должники обманутъ его, или если онъ не будетъ имѣть кредита, составляющаго одно изъ нормальныхъ условій существованія его предпріятія. Промышленная жизнь похожа на нитку жемчуга: стоитъ выпасть одной жемчужинѣ—и вся нитка разсыплется. Парализованіе кредита представляетъ поэтому большую опасность, до которой никогда не слѣдуетъ доводить, но которая легко можетъ наступить во время кризиса: всѣ чувствуютъ шаткость своего положенія и стараются спасти свою шкуру, нажимая на другихъ и тѣмъ самымъ подготовляя свою собственную гибель. Съ индивидуальной точки зрѣнія, такой образъ дѣйствій вполнѣ понятенъ: если я не буду дѣлать этого, когда всѣ другіе спасаются, кто какъ можетъ, то я не избѣгну своей участи. Паника, захватывающая частные банки, и ограниченіе ими кредита, даютъ еще больше жертвъ, чѣмъ такой же способъ дѣйствій отдѣльнаго предпринимателя. Но и эта паника при данныхъ условіяхъ является, въ сущности, неизбѣжной, такъ какъ вызывается тѣмъ, что встревоженные вкладчики требуютъ возврата своихъ вкладовъ. Это—критическій моментъ для центральныхъ кредитныхъ организацій страны, когда на нихъ возлагается задача, гораздо болѣе серьезная, чѣмъ въ обыкновенное время: правильно поставленный центральный банкъ въ такое время становится фокусомъ всей промышленной жизни страны, чѣмъ онъ очень рѣдко бываетъ въ нормальное время.

Что же тогда дѣлать? Объявить, что недовѣріе имѣетъ законныя основанія? Это и было сдѣлано у насъ и въ большей части другихъ странъ—въ болѣе скромномъ масштабѣ въ Испаніи, Голландіи и Германіи—путемъ объявленія мораторія. Извѣстный англійскій знатокъ банковскаго дѣла Hartley Withers (въ своей

книгѣ War and Lombard Street) говоритъ, что, если бы спросить обыкновеннаго лондонскаго дѣльца (City-man) въ іюлѣ 1914 г., что такое мораторій, то онъ отвѣтилъ бы: «это огромное вымершее чудовище, мохнатое и съ двумя клыками», и лишь немногіе проницательные люди сказали бы, что это «способъ, практикующійся въ экономически отсталыхъ странахъ для того, чтобы стереть разницу между моимъ и твоимъ». Мы безъ колебаній можемъ присоединиться къ принципіальной части этого послѣдняго мнѣнія. Мораторій гласитъ: ваши должники не могутъ платить своихъ долговъ—поэтому и вы освобождаетесь отъ уплаты вашимъ кредиторамъ; и если бы даже въ силу какого-либо необъяснимаго случая та или другая изъ вашихъ просроченныхъ претензій была удовлетворена, вы все-таки освобождаетесь отъ выполненія вашихъ собственныхъ обязательствъ. Болѣе дѣйствительное средство для объявленія несостоятельнымъ цѣлаго народа—и всѣхъ народовъ—трудно придумать; и, конечно, нашлось немало людей, которые изо всѣхъ силъ противились прекращенію этой аркадской идилліи, освобождавшей каждаго на законномъ основаніи отъ уплаты своихъ долговъ. Не будетъ ничего страннаго въ томъ, если къ этому простому до геніальности средству будутъ взывать всякій разъ, когда страну постигнетъ какой-либо экстра-ординарный экономическій недугъ; въ данномъ случаѣ этотъ, почти поголовный мораторій, свидѣтельствуетъ только о невѣроятной приспособляемости экономической жизни; но не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ, можетъ быть, на долгое время подорваны самыя основы того права, на которомъ зиждется всякая здравая промышленная жизнь.

То, что нужно было сдѣлать для удовлетворенія потребностей внутренняго обращенія во время войны, прямо противоположно тому, что было для этого сдѣлано. Вмѣсто провозглашенія всеобщаго недовѣрія къ платежной состоятельности дѣловыхъ людей, слѣдовало съ самаго начала энергичными мѣрами разсѣять это недовѣріе. И это было прямой задачей центральнаго банка. Единственной экстраординарной мѣрой, которая могла понадобиться для этого, было расширеніе эмиссіоннаго права центральнаго банка. Получивъ это право, или даже ранѣе, банкъ долженъ былъ тотчасъ же сообщить частнымъ банкамъ о своей готовности переучитывать, въ неограниченномъ размѣрѣ и по умѣренно увеличенному проценту, весь доброкачественный вексельный матеріалъ, который они пожелали бы ему предложить, и выразить надежду, что частные банки, съ своей стороны, откроютъ кредитъ своимъ кліентамъ въ обыкновенномъ размѣрѣ. Прочія формы кредита можно было съ удобствомъ превратить въ вексельный кредитъ для облегченія переучета,—а также безъ всякихъ колебаній разрѣшить возвратъ всѣхъ вкладовъ (до сберегательныхъ кассъ включительно) на обычныхъ условіяхъ, на что имѣлись бы достаточныя средства

въ видѣ билетовъ центральнаго банка. Частные банки передали бы тогда этотъ пароль дальше, своимъ кліентамъ; каждая кредитоспособная личность въ свою очередь почувствовала бы себя вполнѣ обезпеченной, и довѣріе распространилось бы сверху до низу съ такою же быстротой, съ какою теперь распространяется недовѣріе. Какъ уже сказано въ первой главѣ, очевидно, что такая тактика избавила бы отъ необходимости пріостановить размѣнъ кредитныхъ билетовъ, хотя это и не такъ уже важно, какъ думаютъ нѣкоторые, для странъ, которыя не являются крупными кредитными посредниками. Въ первой главѣ было также указано, что это ученіе провѣрено на опытѣ цѣлымъ рядомъ англійскихъ кризисовъ: изъ четырехъ случаевъ, когда англійскій банкъ получалъ отъ правительства разрѣшеніе расширить свое, закономъ установленное эмиссіонное право, въ трехъ случаяхъ одного этого разрѣшенія было достаточно для прекращенія паники—въ новыхъ кредитныхъ билетахъ не оказалось надобности, лишь только стало ясно, что въ случаѣ нужды они могутъ быть получены.[1]).

Этимъ бѣглымъ обзоромъ основъ организаціи внутренняго обращенія въ военное время мы заканчиваемъ вопросъ о потребности въ деньгахъ для внутреннихъ цѣлей. Сущность нашихъ разсужденій, въ примѣненіи къ интересующей насъ проблемѣ, можно свести къ слѣдующему: поскольку страна во время войны вынуждена пользоваться своими собственными средствами, ей необходимо одно—чтобы эти средства (солдаты, военный матеріалъ и жизненные припасы) имѣлись въ достаточномъ количествѣ, чтобы удовлетворять настоятельнымъ нуждамъ, какъ самой войны, такъ и гражданскаго населенія. Для того, чтобы эти средства могли служить своимъ цѣлямъ, необходима возможно лучшая организація промышленной жизни. Главнымъ моментомъ здѣсь является приспособленіе кредитнаго дѣла къ условіямъ войны, и поэтому отнюдь нельзя сказать, что кре-

[1]) Такъ какъ мы не имѣемъ въ виду въ настоящей книгѣ входить въ подробное обсужденіе кредитной проблемы, то мы и не станемъ изслѣдовать, въ какой мѣрѣ война вызываетъ потребность въ какихъ-либо новыхъ, особыхъ военно-кредитныхъ учрежденіяхъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно хорошо знать, насколько существующія кредитныя предпріятія въ состояніи удовлетворять новымъ потребностямъ, возникающимъ во время войны благодаря мобилизаціи и разстройствамъ въ промышленной жизни; но весьма вѣроятно, что и въ Швеціи окажется нужнымъ создать нѣчто подобное нѣмецкимъ Darlehenskassen (отказавшись отъ тѣхъ курьезныхъ способовъ, которые практикуются тамъ для изысканія средствъ).

Мы не будемъ также касаться вопроса о необходимости мораторія въ отдѣльныхъ странахъ, въ зависимости отъ объявленія мораторія и прекращенія платежей въ другихъ странахъ. Однако ясно, что внѣшній мораторій въ данномъ случаѣ необходимъ, но и только. Мораторіи для лицъ, взятыхъ на войну или пострадавшихъ отъ нея, которые судебнымъ порядкомъ въ широкомъ размѣрѣ разрѣшены также и въ Германіи, гдѣ не было объявлено общаго мораторія, лучше было бы замѣнить обычными формами кредита въ томъ направленіи, какъ это указано въ текстѣ.

дитная проблема не имѣетъ никакого значенія для воюющей страны, которая всецѣло предоставлена самой себѣ. Что же касается большей или меньшей наличности въ странѣ того средства обмѣна, которое не нужно для сдѣлокъ внутри страны, ни въ мирное время, ни во время войны—именно золота, то можно сказать, что оно не имѣетъ ровно никакого значенія.

Такимъ образомъ, мы старались показать, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ можно обойтись безъ золота, для того, чтобы доставить воюющей странѣ средства для веденія войны и для продовольствія населенія. Остается посмотрѣть на вопросъ съ другой стороны, а именно, не является ли золото безполезнымъ для пріобрѣтенія необходимаго. Это ставитъ передъ нами новую проблему.

Послѣ сказаннаго ясно, что потребность въ такихъ деньгахъ, которыя не могутъ быть получены въ любомъ количествѣ, ощущается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится производить платежи за предѣлами страны, когда международныя дѣловыя сдѣлки продолжаются и во время войны. Платежныя средства, признанныя международными, имѣютъ значеніе только для международныхъ платежей—это само собой ясно, хотя и непонятно для огромнаго множества людей. Такъ какъ всѣ разсужденія о военно-финансовой подготовкѣ передъ началомъ настоящей войны касались, главнымъ образомъ, этого вопроса, то вполнѣ умѣстно будетъ разсмотрѣть его сначала съ точки зрѣнія тѣхъ предположеній, которыя при этомъ дѣлались, и потомъ посмотрѣть, въ какой мѣрѣ новый способъ экономическаго веденія войны заставилъ измѣнить эти расчеты. Итакъ, прежде всего слѣдуетъ остановиться на томъ, какія деньги нужны воюющей странѣ, если міровая торговля и міровой кредитъ продолжаютъ безпрепятственно дѣйствовать даже и во время войны.

Международныя платежныя средства не нужны правительству для пріобрѣтенія того, что имѣется въ собственной странѣ или въ оккупированной области: но они нужны для оплаты того, что приходится пріобрѣтать въ другихъ странахъ. Или проще: нужно имѣть средства для оплаты ввоза страны въ военное время. Ввозъ въ мирное время играетъ очень видную роль въ современной экономической жизни. Въ большей части странъ стоимость ввоза за одинъ только годъ во много разъ превышаетъ сумму всего золотого запаса въ центральномъ банкѣ данной страны. Такъ, напр., ввозъ 1913 года величайшей изъ торговыхъ странъ, Великобританіи, составлялъ около 14 милліардовъ кронъ, при золотомъ запасѣ около 0,7 милліарда т. е. въ одну двадцатую общей суммы ввоза. Такимъ образомъ, если бы было выпущено все имѣющееся золото и центральный банкъ былъ оставленъ совершенно пустымъ на будущее время, то и тогда была бы оплачена такимъ путемъ лишь ничтожная доля ввоза. Можно также считать общеизвѣстнымъ, что оплата заграниц-

ныхъ товаровъ, по большей части, производится совсѣмъ другимъ путемъ—за счетъ вывоза, фрахтовыхъ прибылей, доходовъ на помѣщенные за границей капиталы и пр. и пр. Если считалось необходимымъ именно въ военное время принятіе особыхъ мѣръ для пріобрѣтенія „денегъ“, т. е. средствъ для платежей за границу, то именно потому, что война, обычно, нарушаетъ равновѣсіе между ввозомъ и средствами для его оплаты. Какъ было указано во второй главѣ, война сильно понижаетъ общіе результаты обычной экономической дѣятельности, благодаря отчасти отвлеченію рабочихъ силъ, отчасти обращенію производства на военныя цѣли, отчасти разстройству хозяйственной жизни. Правда, происходитъ сокращеніе обычнаго потребленія, но въ то же время и чревычайное увеличеніе расходовъ на военныя надобности. Все это можетъ имѣть мѣсто и при сохраненіи безпрепятственныхъ международныхъ сношеній и обычныхъ условій международной расплаты. Разстройство же международныхъ сношеній и расчетовъ еще больше ухудшаетъ положеніе воюющей страны, увеличивая ея издержки на внѣшнюю торговлю. Такъ, напр., вліяніе повышенныхъ фрахтовъ выражается въ вздорожаніи ввозныхъ товаровъ въ странѣ назначенія, хотя бы въ странѣ отправленія они и не поднялись въ цѣнѣ [1]). Результатомъ этого бываетъ для воюющихъ странъ «неблагопріятный разсчетный балансъ», т. е. перевѣсъ дебета надъ кредитомъ по ихъ заграничнымъ операціямъ и это превышеніе пассива должно быть чѣмъ нибудь покрыто. Надо сказать, что такія положенія бываютъ иногда и въ мирное время—въ Швеціи, напр., регулярно въ началѣ каждаго года, когда вывозъ по большей части прекращается, ввозъ же продолжается,—но это не причиняетъ особыхъ хлопотъ. Балансъ сводится путемъ внѣшняго займа, т. е. путемъ отсрочки заграничныхъ платежей. Ничего другого не ожидали и не могли ожидать и во время войны. Большая часть войнъ послѣдняго столѣтія въ значительной степени оплачивалась путемъ внѣшнихъ займовъ.

Нужно замѣтить, что займы лишь въ исключительныхъ случаяхъ дѣлаются „деньгами“, т. е. золотомъ; они почти всегда производятся товаромъ. Когда, напр., Швеція, предпринимая постройку желѣзныхъ дорогъ, дѣлаетъ заемъ на французскомъ рынкѣ, то было бы нелѣпо, если бы она сначала привезла золото для того, чтобы потомъ вновь отсылать его въ уплату за рельсы или другіе товары, необходимые для постройки; заемъ осуществляется путемъ постепеннаго ввоза нужныхъ товаровъ; это значитъ, что Швеція получаетъ товары въ кредитъ, конечно, долгосрочный и, надлежаще обезпечен-

[1]) На ряду съ этимъ, происходитъ увеличеніе дохода отъ фрахтовъ. Но надо замѣтить, что значительная, вѣроятно, даже большая часть повышенной оплаты фрахтовъ, не приноситъ дохода странѣ, а даетъ чистый убытокъ, благодаря аваріямъ судовъ, замедленіямъ въ пути, простоямъ, повышенію цѣны на уголь и и. д.

ный. То же самое происходитъ и во время войны, и потому въ прежнее время очень часто, если не всегда, можно было наблюдать, какъ во время войны экстраординарный вывозъ товаровъ неизбѣжно приводилъ къ „вывозу капитала“, т. е. къ разрѣшенію займа странѣ, дѣлающей заказъ. И въ нынѣшнюю войну, которая вообще даетъ гораздо меньше примѣровъ такого рода, сравнительно со многими предшествующими войнами послѣдняго столѣтія, подобные займы дѣлаются все чаще и чаще по мѣрѣ хода войны, особенно для расплаты съ самымъ крупнымъ міровымъ поставщикомъ въ настоящее время—Соединенными Штатами. Между прочимъ, Швеція довольно рано сдѣлала небольшой заемъ (на хлѣбъ); позже, какъ извѣстно, главные изъ теперешнихъ покупателей, Англія и Франція, сдѣлали большіе займы для оплаты военнаго матеріала и жизненныхъ припасовъ—другими словами, товары были получены ими въ кредитъ.

Такимъ образомъ, мы все болѣе убѣждаемся въ томъ, что золото во время войны не представляется чѣмъ-то необходимымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что роль его даже въ заграничныхъ платежахъ уже въ прежнія войны уступила по своему значенію кредиту на міровомъ рынкѣ.

Поэтому финансовая подготовка, при условіяхъ, какія наблюдались въ прежнія войны, должна была прежде всего заключаться въ обезпеченіи внѣшняго кредита страны. Все, что могло показать способность страны найти выгодное примѣненіе занятымъ за границей средствамъ и, слѣдовательно, легко и вполнѣ добросовѣстно выполнить принятыя на себя обязательства, было вмѣстѣ съ тѣмъ и оборонительной мѣрой величайшей важности въ томъ смыслѣ, что располагало иностранныхъ капиталистовъ даже и во время войны кредитовать страну. Но одного этого было недостаточно, такъ какъ война можетъ совершенно измѣнить экономическое положеніе страны. Поэтому правильная организація обороны и успѣшное веденіе кампаніи также способствовали заключенію займовъ, какіе были необходимы въ условіяхъ войнъ прежняго типа для снабженія воюющихъ странъ иностранными товарами.

Но и за всѣмъ тѣмъ, при условіи безпрепятственнаго международнаго денежнаго обращенія, было вполнѣ понятно стремленіе заранѣе обезпечить себя средствами на случай внѣшняго столкновенія. Дѣло въ томъ, что время, непосредственно слѣдующее за началомъ войны, представляетъ обыкновенно особенныя затрудненія по изысканію средствъ, необходимыхъ для заграничныхъ платежей. Съ одной стороны, переходъ страны отъ мирной организаціи къ военной, вызываетъ разстройство въ ея хозяйственной жизни, которое сильно вліяетъ на производство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на вывозъ, такъ что потребность въ экстраординарныхъ платежныхъ средствахъ даетъ въ это время сильно себя чувствовать; съ другой

стороны, моментъ для внѣшняго займа не особенно благопріятенъ, пока у кредиторовъ еще нѣтъ никакихъ точекъ опоры для сужденія о военныхъ перспективахъ данной страны. Поэтому, если въ такое время является возможность, безъ всякихъ особенныхъ мѣръ, располагать международными платежными средствами, то это представляетъ рѣшительную выгоду.

Теперь спрашивается, какъ организовать такого рода финансовую подготовку, при условіи свободныхъ международныхъ сношеній? Для этого представлялись подходящими три средства: золотой фондъ, запасъ легко сбываемыхъ или краткосрочныхъ заграничныхъ бумагъ (обязательствъ государственнаго казначейства, торговыхъ векселей) и, наконецъ, текущій счетъ за границей. До войны полагали, что предпочтеніе должно быть отдано золоту, какъ самому вѣрному средству, хотя, съ другой стороны, это приводило къ потерѣ процентовъ. Нѣсколько выгоднѣе былъ бы заграничный вкладъ—но такъ какъ пришлось бы держать его на текущемъ счету, то размѣръ процента не могъ бы высокимъ. Вообще же, считалось удобнымъ располагать средствами въ странѣ съ крупнымъ вывозомъ или въ странѣ, валюта которой даже во время войны сохраняла бы высокій курсъ; при этомъ имѣли въ виду, главнымъ пбразомъ, Соединенные Штаты, какъ единственное капиталистически сильное государство, стоявшее, повидимому, внѣ всякихъ возможныхъ политическихъ конфликтовъ въ Европѣ. Въ концѣ концовъ, наиболѣе выгодный и удобной мѣрой изъ всѣхъ, считалось пріобрѣтеніе иностранныхъ цѣнныхъ бумагъ.

Такого взгляда держался и шведскій Государственный банкъ и Контора государственныхъ долговъ, независимо отъ всякихъ военныхъ проблемъ; рискъ тутъ заключался только въ возможности войны съ страною, бумаги которой имѣлись въ рукахъ, и въ трудности ихъ сбыта при этомъ условіи.

Насколько нынѣшняя война измѣнила это представленіе о финансовой подготовкѣ? Этотъ вопросъ, для удобства, можно расчленить на два: первый—о возможности вообще финансовой подготовки и о средствахъ къ ея осуществленію; второй—о наличности условій, требующихъ такой подготовки.

Можно сказать, что война, особенно въ тѣхъ областяхъ, которыя подпали подъ контроль военной власти, а также спеціальнаго законодательства и суда, нанесла международной кредитной организаціи гораздо болѣе сильный ударъ, чѣмъ расчитывали сторонники военно-финансовой подготовки.

Прежде всего явилось запрещеніе платежей подданнымъ непріятельской страны. Благодаря этому распоряженію масса иностранныхъ векселей потеряли свою силу даже въ рукахъ подданныхъ нейтральныхъ странъ. Если бы вспыхнула война между данной страной, напр. Швеціей и страной, которая ей должна (напр. Англіей или Германіей), то такая участь постигла бы всѣ англійскія и германскія бумаги, успѣвшія перейти въ швед-

скія руки; только случайно и за спиной у правосудія можно было бы продать такія бумаги черезъ нейтральныя страны. Ясно, что ихъ уже нельзя было бы считать свободнымъ кассовымъ резервомъ, необходимымъ для войны. Уже это одно исключало возможность мало-мальски надежной военно-финансовой подготовки при помощи иностранныхъ бумагъ. Если бы вмѣсто этого данная страна имѣла иностранные вклады и ей пришлось бы воевать съ той страной, гдѣ они находятся, то, съ точки зрѣнія военной подготовки, эти средства также были бы совершенно потеряны, какъ бы ни старались обезпечить ихъ примѣненіе во время войны. Изданіе законовъ, запрещающихъ платежи подданнымъ непріятельской страны, разрушило множество общепринятыхъ представленій, въ родѣ того, что частная собственность въ непріятельской странѣ остается неприкосновенной даже и во время войны, тогда какъ государственная собственность конфискуется. Правда, при этомъ продолжаетъ существовать нѣкоторая разница, такъ какъ частное имущество только подвергается секвестру въ данный моментъ, тогда какъ государственное имущество конфискуется, но, съ точки зрѣнія военной готовности, никакой разницы нѣтъ, такъ какъ и то и другое имущество изъято изъ пользованія владѣльца на все время войны.

А затѣмъ остается еще вопросъ, что причинило больше затрудненій: этотъ ли умышленный разгромъ международнаго кредита или мораторій съ его чисто оборонительными цѣлями? Вліяніе моратория было гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ вліяніе запрещенія платежей, такъ какъ онъ распространялся не только на подданныхъ непріятельскихъ странъ, но и на всѣхъ кредиторовъ внутри страны и внѣ ея. При такихъ законодательныхъ мѣрахъ, всѣ попытки обезпечить военно-финансовую готовность при помощи иностранныхъ вкладовъ или бумагъ должны считаться безнадежными. Закрытіе всѣхъ биржъ, которое явилось почти неизбѣжнымъ дополненіемъ къ мораторію, но которое могло сдѣлаться необходимымъ даже и независимо отъ него, чрезвычайно затруднило быструю реализацію цѣнныхъ бумагъ. Еще больше пострадали отъ моратория въ нѣкоторыхъ случаяхъ солидные вкладчики банковъ. Такъ вкладчикамъ французскихъ банковъ, какъ уже было упомянуто, пришлось удовольствоваться полученіемъ 5% или одной двадцатой части тѣхъ вкладовъ, которые были ими внесены до востребованія. Банковское дѣло въ Америкѣ на этотъ разъ оказалось въ лучшемъ положеніи, чѣмъ во Франціи. Но это не даетъ гарантій, что въ случаѣ такой войны, какъ нынѣшняя, Швеція немедленно получитъ въ свое распоряженіе тѣ суммы, которыя она много лѣтъ держитъ въ американскихъ банкахъ и на которыхъ изъ году въ годъ много теряетъ, благодаря низкому проценту, который онѣ приносятъ.

Послѣ сказаннаго мы имѣемъ право утверждать, что въ заграничныхъ обязательствахъ никакъ нельзя видѣть вѣрнаго

источника для полученія платежныхъ средствъ на случай войны. Надежды, возлагавшіяся на этотъ источникъ, можно сказать, ниспровергнуты нынѣшней войной. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мѣры, предпринятыя Швеціей, оказались выгодными для нея на этотъ разъ, потому что, ни мы, ни Соединенные Штаты не участвуемъ въ войнѣ (за что, конечно, нельзя было бы заранѣе поручиться), а также и потому, что банковское дѣло въ Америкѣ на этотъ разъ оказалось въ лучшемъ состояніи, чѣмъ во время кризиса 1907 г. (чего тоже нельзя было знать заранѣе). Но изъ этого нельзя заключать, что подобныя мѣры будутъ выгодны и въ другой разъ.

Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что всѣ предлагавшіяся ранѣе мѣры съ цѣлью обезпечить страну первоклассными иностранными обязательствами, безполезны. Недостатка въ англійской и американской валютѣ, бывшаго одною изъ главныхъ причинъ сильнаго повышенія векселънаго курса на Лондонъ и Нью-Іоркъ въ первый періодъ войны, нужно постараться избѣгнуть въ другой разъ: это было бы вполнѣ нормальной мѣрой, которая ничего не будетъ стоить и въ случаѣ новой великой войны, по всей вѣроятности, можетъ принести намъ большую пользу [1]). Но никакой дѣйствительной гарантіи подобныя мѣры не даютъ. То же самое можно сказать и о текущихъ счетахъ за границей, которые сопряжены, сверхъ того, съ потерей процентовъ.

Такимъ образомъ, мораторій и запрещеніе платежей подданнымъ непріятельской страны чрезвычайно затруднили военно-финансовую подготовку. Но зато этими военно-экономическими мѣрами оказалась разрѣшенной одна изъ трудныхъ проблемъ военно-финансовой политики. Мы имѣемъ въ виду текущіе платежи по заграничнымъ долгамъ, въ частности, по иностранному финансированію промышленныхъ предпріятій.

Мораторій и запрещеніе платежей дали такое рѣшеніе этого вопроса, которое можно сравнить съ яйцомъ Колумба. Становится даже совѣстно, что никому не пришла въ голову такая геніально-простая мысль: не платить долговъ, тѣмъ болѣе, что безчисленное множество частныхъ должниковъ—хотя и съ очень сомнительной репутаціей—показали первый примѣръ организаціи такого рода національно-экономической самозащиты. Какъ бы то ни было, сдѣлано было чрезвычайно интересное открытіе, котораго никто и не подозрѣвалъ до войны, а именно, что опасность при началѣ войны заключается

[1]) Извѣстно, что иностранные векселя, на сумму ок. 30 милл. кронъ, находившіеся въ Конторѣ государственныхъ долговъ при началѣ войны, оказались гораздо болѣе полезными для насъ, чѣмъ 7¼ милл. кронъ золота лежавшіе тамъ въ то же время. Первые были проданы Государственному банку и были для него значительнымъ подспорьемъ, хотя и не такимъ большимъ, какъ если бы валюта была другой національности; золото же, насколько мнѣ извѣстно, и донынѣ лежитъ подъ спудомъ.

не въ томъ, что страна должна за границу, а въ томъ, что ей должны оттуда. Страной, наиболѣе пострадавшей при началѣ войны изъ-за своихъ иностранныхъ кліентовъ, оказалась Англія, гдѣ такъ наз. акцептаціонныя камеры въ огромномъ количествѣ акцептовали векселя за счетъ иностранныхъ торговыхъ домовъ и теперь оказались не въ состояніи выполнить свои обязательства, такъ какъ ихъ иностранные должники не выполнили своихъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было принятіе цѣлаго ряда чрезвычайно неудачныхъ мѣръ, которыя, между прочимъ, поставили государство въ необходимость гарантировать, можно сказать, всѣ иностранные векселя, какіе имѣлись въ странѣ.

Считаемъ преждевременнымъ говорить о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть опытъ нынѣшней войны. Несомнѣнно однако, онъ не ухудшитъ въ другой разъ положенія иностраннаго кредита въ тревожное время передъ началомъ войны, такъ какъ подобный кредитъ оказался опаснымъ для того, кто его даетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ служить сильнымъ доводомъ противъ того, чтобы основывать финансовую подготовку къ войнѣ на такого рода обязательствахъ, которымъ грозитъ отказъ въ оплатѣ въ рѣшительный моментъ.

Остается вопросъ о золотѣ, какъ объ одномъ изъ средствъ для обезпеченія финансовой готовности на случай войны. Оправдало ли оно возлагавшіяся на него надежды? На этотъ вопросъ можно съ увѣренностью отвѣтить: нѣтъ, и въ доказательство этого достаточно сослаться на то, что всегда служитъ хорошимъ мѣриломъ исправности международнаго платежнаго механизма, именно, на вексельный курсъ. Въ немъ, конечно, могутъ происходить и постоянно происходятъ даже при обычныхъ условіяхъ колебанія въ зависимости отъ состоянія расчетнаго баланса, но отклоненія отъ курса al pari не превышаютъ издержекъ на потерю процента, фрахты и страхованіе при перевозкѣ золота. Если колебанія сильнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по этимъ издержкамъ, то это означаетъ, что золото не выполняетъ своего нормальнаго назначенія, въ качествѣ главнаго регулятора международныхъ платежей. Извѣстно всему свѣту, какъ обстоитъ это дѣло во время войны. Въ то время какъ обычныя колебанія не выходятъ за предѣлы $^1/_2\%$ въ томъ и другомъ направленіи, курсъ нѣмецкой марки въ Швеціи (когда я пишу эти строки) на 19,5% и русскаго рубля на 38,8% ниже паритета, курсъ-же фунта стерлинговъ на 7,4% выше и курсъ доллара на 9,4% выше паритета. Что бы ни говорили о перевозкѣ золота во время войны, во всякомъ случаѣ нельзя отрицать значенія этихъ данныхъ, и тѣ, кто любитъ ссылаться на опытъ, не могутъ не признать его въ данномъ случаѣ.

Фіаско, которое потерпѣло золото, въ качествѣ международнаго платежнаго средства, объясняется, съ одной стороны, недостаткомъ желанія, а съ другой—недостаткомъ умѣнья финансоваго вѣдомства заставить золото выполнять свою нормальную функцію.

Что касается желанія, то крайне характернымъ въ этомъ случаѣ является мнѣніе, высказывавшееся у насъ, а именно, что вывозъ золота „слѣдуетъ считать признакомъ финансовой безпомощности". Въ сущности, это равносильно отрицанію всякаго значенія золотого запаса. Пока онъ остается въ центральномъ банкѣ, онъ не имѣетъ никакой цѣны. Единственное его назначеніе лежать въ банкѣ и ждать того времени, когда его употребятъ въ дѣло, и между тѣмъ этого послѣдняго назначенія ему и не даютъ выполнить. Значеніе золотого запаса бываетъ максимально во время войны, когда и вывозъ и займы затруднены, и золото, слѣдовательно, получаетъ особенное значеніе, въ качествѣ международнаго платежнаго средства; но именно въ такое время обнаруживается желаніе дѣйствовать такъ, какъ будто золотого запаса не существуетъ. Другими словами, золото—это фетишъ, который не выполняетъ никакой практической функціи, и, какъ говоритъ J. M. Keynes въ одной изъ цитированныхъ нами статей (Economic Journal, дек. 1914 г., стр. 662), при такомъ отношеніи къ нему остается одно: изъ всего золота, находящагося въ странѣ, отлить столбъ и на вершинѣ его помѣстить фигуру кассира центральнаго банка; если бы у кого нибудь явилось опасеніе за экономическое благополучіе страны, то одного взгляда на этотъ столбъ будетъ достаточно, чтобы успокоить зрителя; если же средство не поможетъ, то можно сказать, что это зависитъ только отъ того, что столбъ недостаточно высокъ. Словно въ подтвержденіе этой каррикатуры, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода въ свѣтъ статьи Keynes, самый выдающійся изъ русскихъ финансистовъ, графъ Витте, объявилъ, что русскіе финансы нуждаются въ одномъ—въ увеличеніи золотого запаса. Между тѣмъ Россія уже до этого обладала чуть ли не самымъ большимъ запасомъ золота, что однако не помѣшало сильному паденію курса рубля, сравнительно съ валютой другихъ странъ, и утратѣ имъ доброй пятой доли своей цѣнности по отношенію къ чистой золотой валютѣ фунтовъ или долларовъ, поддерживаемой сравнительно небольшимъ, но за то подвижнымъ золотымъ запасомъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, люди науки должны бороться съ ложными представленіями, а что нежеланіе вывозить золото, при неблагопріятномъ вексельномъ курсѣ, основывается на ложномъ представленіи, кажется очевиднымъ. Но долгъ науки, можетъ быть, также и въ томъ, чтобы, ведя самую энергичную борьбу съ ложными понятіями, въ то же время указывать и средства, которыя по возможности парализовали бы вредное вліяніе невѣжественныхъ представленій. Въ данномъ случаѣ предразсудокъ

всецѣло касается золотого запаса центральнаго банка, и не столько даже его абсолютной суммы или суммы относительной, по сравненію съ обращеніемъ билетовъ, сколько его увеличенія или уменьшенія. Не то наполняетъ чувствомъ гордости и надежды каждое нѣмецкое сердце, что германскій государственный банкъ располагаетъ $2^1/_2$ милліардами марокъ золотомъ—каждая изъ двухъ непріятельскихъ странъ, Франція и Россія, имѣютъ гораздо больше,—но то, что золотой запасъ съ каждой недѣлей возрасталъ на нѣсколько милліоновъ. Съ другой стороны, Россія и Франція всячески стараются примириться съ уменьшеніемъ ихъ золотого запаса, чего требуетъ финансированіе войны черезъ Англію и Америку, и увѣрить себя въ прочности своего финансоваго положенія. И эти увѣренія оказываются нужными не потому, что золотой запасъ послѣ отлива золота сталъ особенно малъ—онъ, какъ сказано, всетаки самый большой въ мірѣ,—но только потому, что онъ сократился. Весьма возможно, что всѣ воюющія страны въ концѣ концовъ должны будутъ придти къ убѣжденію, что вывозъ золота—единственный способъ уравновѣсить исключительно неблагопріятный расчетный балансъ, но это убѣжденіе можетъ явиться и дать свои плоды лишь послѣ тяжелой душевной борьбы.

При томъ же ослѣпленіи, которое царитъ теперь въ умахъ финансистовъ и въ публикѣ, увеличеніе золотого запаса центральнаго банка представляется совершенно безсмысленнымъ. Къ этому запасу, за состояніемъ котораго всѣ могутъ слѣдить по еженедѣльнымъ отчетамъ, если и рѣшатся прибѣгнуть для какой бы то ни было цѣли, то лишь въ качествѣ крайняго средства. Если золото, дѣйствительно нужно въ качествѣ резерва на случай войны, то его лучше хранить за предѣлами центральнаго банка, и при томъ не только до войны, но, главнымъ образомъ, во время самой войны. Для публики не имѣетъ никакого значенія, лежитъ ли въ центральномъ банкѣ золота на 100, 115, 130 или 150 милліоновъ, и было бы совершенно безполезно, при началѣ войны, увеличивать этотъ запасъ переводомъ туда военнаго фонда: всѣ стали бы въ такомъ случаѣ исходить въ своихъ разсужденіяхъ изъ болѣе высокой цифры,—и только. Поэтому, если считать, что золотой запасъ можетъ быть полезенъ на случай войны, то его нужно держать совершенно отдѣльно,—ибо въ такомъ лишь случаѣ его можно будетъ, не вызывая безпокойства въ публикѣ, употребить во время войны для той цѣли, для которой оно предназначено, а именно вывезти его въ случаѣ нужды за предѣлы страны. Даже слабая защита подобныхъ уловокъ, употребляемыхъ для цѣлей, которыя должны бы осуществляться открыто и безбоязненно, не представляетъ, конечно, никакого удовольствія; но все же это лучше, чѣмъ не дѣлать ничего для достиженія цѣли, тѣмъ болѣе, что это обходится ничуть не дешевле.

Переходимъ теперь къ другому вопросу, а именно: можно ли заставить золото во время войны выполнять свои нормальныя функціи въ качествѣ международнаго платежнаго средства?

Намъ нѣтъ, конечно, надобности говорить, что если страна не въ состояніи вывозить золото, то она можетъ быть экономически совершенно парализована, даже если у нея имѣются золотыя горы въ запасѣ. Это бываетъ при полной блокадѣ. Такого рода блокадъ настоящая война, въ сущности, не знаетъ; но зато всѣ пути сдѣлались небезопасны, благодаря захватамъ судовъ, минамъ и подводнымъ лодкамъ, и при томъ не только для непріятельскихъ, но и для нейтральныхъ судовъ. Это, безспорно, причиняетъ непредвидѣнныя затрудненія для вывоза золота, хотя одно время они нѣсколько переоцѣнивались. Въ началѣ войны Англія предусмотрительно воздержалась отъ ввоза того золота, которое она имѣла получить изъ Южной Африки и Соединенныхъ Штатовъ: англійскому банку дано было право включить въ свой балансъ и то золото, которое было внесено на его счетъ въ Капштатѣ и Оттавѣ: причиной этого было, конечно, желаніе избѣгнуть опасностей перевозки. Однако послѣ того можно было наблюдать случаи пересылки очень значительныхъ партій золота, напр. въ Англію изъ Россіи, Франціи и скандинавскихъ странъ, въ Соединенные Штаты изъ Англіи и Франціи, въ Голландію, Данію и Швецію изъ Германіи. Если и нельзя сказать, что пересылка золота можетъ происходить такъ же свободно, какъ въ мирное время, то все-таки совершенно ясно, что отсутствіе желанія служило гораздо большимъ препятствіемъ для нея, чѣмъ отсутствіе возможности. Кромѣ того, послѣ трехъ мѣсяцевъ войны, началось осторожное примѣненіе новаго метода, первымъ примѣромъ котораго была вышеупомянутая мѣра англійскаго банка: золото стали вносить на счетъ другой страны (главнымъ образомъ, Англіи) или въ соотвѣтствующую миссію, или въ собственный (напр. норвежскій) центральный банкъ. Этотъ способъ, конечно, непримѣнимъ въ тѣхъ странахъ, между которыми можетъ вспыхнуть война, такъ какъ золото, принадлежащее непріятельской странѣ, на основаніи господствующаго нынѣ военно-экономическгго принципа, будетъ неминуемо секвестровано. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ эта мѣра можетъ имѣть свое значеніе, помогая золоту выполнять его нормальную функцію.

Но это еще не рѣшаетъ проблемы, и намъ остается разсмотрѣть послѣдній и самый важный пунктъ вопроса о военно-финансовой подготовкѣ.

Всѣ, безъ сомнѣнія, помнятъ разсказъ о томъ, какъ изнуренный голодомъ путникъ находитъ въ пустынѣ мѣшокъ, который, какъ онъ ожидаетъ, наполненъ финиками, и съ горькимъ чувствомъ разочарованія бросаетъ его, такъ какъ онъ оказывается набитымъ золотомъ и жемчугомъ. Эта исторія, которая послужила назиданіемъ для многихъ поколѣній учащейся молодежи,

заключаетъ въ себѣ не только нравственный урокъ, но и добрую порцію національной экономіи. Она показываетъ, какую малую цѣнность представляютъ деньги, когда на нихъ нельзя получить того, что намъ нужно, и иллюстрируетъ, слѣдовательно, второе изъ двухъ положеній, выставленныхъ въ началѣ этой главы. Золото пріобрѣтаетъ цѣнность для страны не потому, что его можно вывозить и что оно вывозится, а потому, что на него можно получить въ обмѣнъ все необходимое для войны. Именно здѣсь и сказывается крупный дефектъ военно-финансовой подготовки: при болѣе или менѣе полной невозможности для многихъ странъ ввоза товаровъ совершенно безразлично, какія существуютъ возможности для перевозки золота. Всѣ воюющія, а также и всѣ нейтральныя страны, какъ мы знаемъ, страдаютъ отъ недостатка большаго или меньшаго количества товаровъ не потому, что у нихъ нѣтъ денегъ для уплаты за нихъ, но потому, что товаровъ нельзя получить за деньги.

Другими словами, коммерческая отрѣзанность сильно уменьшаетъ значеніе военно-финансовой готовности, даже при наличности доброй воли и здраваго смысла у финансовыхъ дѣятелей.

Такимъ образомъ, самый дѣйствительный способъ обезпечить матеріальное существованіе народа во время войны,—это, минуя всѣ промежуточныя инстанціи, въ видѣ платежныхъ средствъ и т. д., обезпечить страну самыми продуктами. Матеріальная или, вообще, экономическая готовность къ войнѣ гораздо болѣе необходима, чѣмъ финансовая. Если вѣрно, что запасъ золота въ 15 милліоновъ кронъ въ Конторѣ государственныхъ долговъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ оказаться полезнымъ во время войны, то совершенно очевидно, что запасъ необходимыхъ для войны, но не производимыхъ внутри страны продуктовъ на ту же сумму имѣетъ неизмѣримо большее значеніе: такимъ путемъ уже въ началѣ войны страна будетъ имѣть то, въ чемъ она нуждается, и чего она, можетъ быть, никогда не получитъ, если вмѣсто этого будетъ копить золото. Было бы поэтому вполнѣ резонно, если бы тѣ, кто хлопочетъ о золотомъ резервѣ, какъ мѣрѣ, обезпечивающей военную готовность, проявили побольше рвенія, для созданія такого резерва въ видѣ продуктовъ. Но это относится уже къ вопросу о военно-экономической подготовкѣ, о которой мы и будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Въ заключеніе же считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ въ отвѣтъ на возраженіе, которое многіе, вѣроятно, хотѣли бы сдѣлать, читая эту главу.

Въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ кажется чрезвычайно страннымъ утверждать, будто бы деньги не нужны во время войны, когда мы видимъ неслыханный ростъ военныхъ бюджетовъ и милліардные займы, подобныхъ которымъ не знаетъ исторія. Но, если хорошенько вникнуть въ дѣло, то не трудно

увидѣть, что эти денежныя суммы, для того чтобы служить нуждамъ войны или гражданскаго населенія, должны соотвѣтствовать продуктамъ, и что эти продукты должны либо находиться въ собственной странѣ, либо получаться изъ-за границы. Если въ странѣ нѣтъ продуктовъ, но они могутъ быть получены изъ другихъ странъ, то золото, безспорно, можетъ сослужить службу. Но, если продукты имѣются или могутъ быть получены внутри страны, то возникаетъ только чисто технической вопросъ: въ какой формѣ правительство желаетъ ихъ получить. То или иное рѣшеніе этого вопроса, конечно, во многихъ отношеніяхъ вліяетъ на весь характеръ промышленной жизни, но совершенно безсильно по отношенію къ недостатку въ странѣ нужныхъ продуктовъ. Съ этой точки зрѣнія, колоссальные военные займы Германіи имѣютъ, конечно, большое значеніе, отчасти, какъ выраженіе исключительнаго довѣрія германскаго народа къ своему правительству, отчасти также, какъ форма, въ которой имѣющіеся въ странѣ запасы и производительныя силы отдаются въ распоряженіе правительства; но означенные займы не даютъ никакихъ указаній на способность Германіи отстоять свое положеніе. Во всякомъ случаѣ не трудно представить себѣ отрѣзанную воюющую державу, которая въ состояніи заключать какіе угодно внутренніе займы, но не въ состояніи при всемъ томъ продолжать войну ни на одинъ день долѣе по той причинѣ, что матеріальныя цѣнности, соотвѣтствующія суммамъ займовъ, не могутъ быть непосредственно потребляемы или обращаемы на военныя цѣли. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, нужно смотрѣть не на деньги, а на то, что за нихъ можно купить.

Болѣе подробное разсмотрѣніе проблемы финансированія будетъ дано въ седьмой главѣ, но мы считали нужнымъ коснуться здѣсь предварительно основного пункта его, чтобы была ясна связь съ послѣдующимъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Экономическая подготовка войны; запасы продуктовъ и торговая политика.

О томъ, чѣмъ современная міровая война съ экономической точки зрѣнія отличается отъ войнъ, предшествовавшихъ ей въ теченіе послѣднихъ столѣтій, уже много разъ говорилось въ предыдущемъ изложеніи, такъ что теперь этотъ вопросъ можно считать выясненнымъ. Но вытекающія отсюда слѣдствія нельзя еще признать выясненными до конца. Изъ того факта, что война теперь, какъ и во времена континентальной системы, направлена прямо на экономическую организацію врага, на международный кредитъ и, прежде всего, на международную тор-

говлю, вытекаетъ, что: а) экономическая подготовленность къ войнѣ, если она должна принести пользу, прежде всего должна быть матеріальной, а не финансовой, б) что эта подготовленность получила гораздо большее значеніе, чѣмъ прежде, и в) что въ большой войнѣ она имѣетъ значеніе не только для воюющихъ странъ, но и для нейтральныхъ.

Первое изъ этихъ заключеній вытекаетъ въ качествѣ прямого слѣдствія изъ вышесказаннаго, а третье знакомо намъ по собственному горькому опыту; въ отношеніи же второго пункта слѣдуетъ особенно подчеркнуть, что теперь дѣла принимаютъ совершенно иной оборотъ, чѣмъ можно было ожидать до нынѣшней войны. Дѣйствительная блокада всегда по международному праву признавалась законной мѣрой для изолированія страны; но таковая для Швеціи, напримѣръ, не имѣла бы большого значенія, такъ какъ, чтобы достичь совершенной отрѣзанности ея, потребовалась бы одновременно война съ державами господствующими въ Сѣверномъ и Балтійскомъ морѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, или война съ Норвегіей или одновременная блокада и этой страны. Для современнаго политическаго состоянія Европы и, насколько можно предвидѣть, для состоянія ея въ ближайшемъ будущемъ такое положеніе въ высшей степени неправдоподобно. Опытъ современной войны, между тѣмъ, показалъ, насколько отрѣзанность страны можетъ быть полной безъ всякой блокады, если только попрать такъ называемое международное право, и въ какой чрезвычайной степени подобная изоляція затруднитъ подвозъ продуктовъ даже для нейтральныхъ странъ. Поэтому экономическая или матеріальная подготовленность къ войнѣ по своей важности должна быть поставлена наравнѣ съ военной подготовленностью; безъ поддержки, которую даетъ экономическая подготовленность самой военной оборонѣ, а равно и существованію мирнаго населенія, страна можетъ оказаться беззащитной даже при наилучшей организаціи обороны. Правда, эта экономическая защита въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ можетъ оказаться ненужной или невѣрно направленной; но вѣдь такъ бываетъ со всѣми планами на будущее, однако ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ считать это доводомъ противъ оборонительныхъ мѣръ. Особенно, если принять во вниманіе бѣдственное положеніе нейтральныхъ странъ, когда онѣ лишены экономической подготовки къ войнѣ, то можно предположить, что такая подготовка должна бы вызвать сочувствіе даже въ отрицателяхъ обороны: вѣдь и они признаютъ же право народа имѣть пищу и одежду во время міровой войны, какъ бы они ни смотрѣли на его право имѣть отечество.

Естественно, что настоящее коренное измѣненіе международныхъ отношеній должно вызвать большія измѣненія во взглядахъ касательно торговой политики. Старый споръ между протекціонизмомъ и свободной торговлей, когда онъ

стоялъ на отвлеченно научной почвѣ, касался, собственно говоря, вопроса о немъ, содѣйствуютъ или, напротивъ, мѣшаютъ развитію общей производительности страны или національному благосостоянію таможенные тарифы. Какъ уже было выяснено во вступительной главѣ, опытъ войны не вноситъ никакого измѣненія въ научный выводъ въ этой области; но можно, однако, предположить, что онъ поведетъ къ новымъ методамъ въ торговой политикѣ. Иными словами: даже если считать протекціонизмъ заранѣе осужденнымъ, какъ постоянный экономическій режимъ, направленный къ достиженію возможнаго увеличенія запаса цѣнностей, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ допустить, что таможенный тарифъ нуженъ въ интересахъ защиты, въ силу его способности поддерживать существованіе народа во время войны. Если наша мысль вѣрна, то ущербъ, причиняемый народному хозяйству, по мнѣнію фритредеровъ, таможеннымъ тарифомъ, не можетъ служить доводомъ противъ его введенія, такъ какъ вредъ таможенныхъ тарифовъ возмѣстится большею безопасностью, въ которой окажется страна на случай войны. Однимъ словомъ, ввозныя пошлины являются, при такой точкѣ зрѣнія, какъ бы расходами на оборону.

Всѣ эти простыя соображенія уже и раньше заставляли многочисленныхъ приверженцевъ таможенныхъ тарифовъ, какъ у насъ, такъ, пожалуй еще больше въ воюющихъ странахъ, разсматривать опыты настоящей войны, какъ подтвержденіе полезности современной континентальной торговой политики, быть можетъ, лишь съ той оговоркой, что они считаютъ необходимымъ ея дальнѣйшее развитіе. Неудивительно, что этотъ взглядъ теперь, во время войны, можетъ найти себѣ послѣдователей даже среди фитредеровъ, число которыхъ и безъ того было не очень велико. Недостаточная послѣдовательность мыслей, отличающая въ большинствѣ случаевъ сужденія современнаго общества въ сферѣ экономическихъ вопросовъ, достигаетъ особенныхъ размѣровъ въ области торговой политики; это даетъ намъ поводъ изслѣдовать, дѣйствительно ли дѣло такъ просто, какъ его обыкновенно представляютъ.

1.

Война показала все значеніе экономическаго самодовлѣнія, т. е. достаточнаго запаса необходимыхъ товаровъ внутри страны; но слово самодовлѣніе слѣдуетъ принимать съ ограниченіемъ, особенно въ двухъ отношеніяхъ.

Прежде всего надо остерегаться мнѣнія, что экономическое самодовлѣніе можетъ быть достигнуто только посредствомъ столь большого внутренняго производства, чтобы оно покрывало нужды страны. Это не такъ; нужно одно: чтобы запасъ товара

былъ доступенъ внутри страны, а этого можно достигнуть также инымъ путемъ, а не только туземнымъ производствомъ. Этотъ другой путь состоитъ въ заготовленіи запасовъ; что такимъ путемъ во многихъ случаяхъ можетъ быть удовлетворена нужда, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Весь вопросъ въ томъ, который изъ этихъ путей — образованіе запасовъ или производство—лучше и дешевле ведетъ къ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, легко указать на случаи, когда изготовленіе предметовъ туземнаго производства въ достаточномъ количествѣ совершенно немыслимо, и тогда запретительная торговая политика будетъ безсмыслицей. Въ этомъ отношеніи особенно яркимъ примѣромъ можетъ служить Швеція. Одной изъ нашихъ важнѣйшихъ потребностей, которая теперь не можетъ быть покрыта внутреннимъ производствомъ, является потребность въ топливѣ; однако ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не предложитъ ввести на каменный уголь столь высокую пошлину, чтобы внутренняя добыча его увеличилась въ 16 разъ противъ прежняго, или же чтобы добываніе торфа смогло бы замѣнить весь иностранный уголь. Нелѣпость подобной мысли показываетъ, что мы совершенно не можемъ думать объ организаціи всей нашей промышленности такъ, чтобы она ставила насъ внѣ зависимости отъ иноземныхъ продуктовъ. То же можно сказать о необходимыхъ намъ минералахъ или металлахъ (мѣдь, олово, свинецъ и т. п.) и, въ нѣсколько меньшей степени, о сырьѣ для текстильной промышленности, какъ хлопокъ и джута. Другой сырой продуктъ для текстильной промышленности, шерсть, также входитъ въ эту категорію; хотя разведеніе овецъ въ такомъ количествѣ, которое обезпечило бы намъ необходимую шерсть, и не невозможно, но, вѣроятно, очень немногіе стали бы рекомендовать подобную перестройку нашего сельскаго хозяйства. Образованіе запаса иностранныхъ товаровъ должно, поэтому, быть по крайней мѣрѣ дополненіемъ къ торговой политикѣ, стремящейся къ самодовлѣнію страны.

Конечно, въ экономическихъ вопросахъ всегда возможны недоразумѣнія; поэтому слѣдуетъ прибавить, что только-что сказанное вовсе не является возраженіемъ противъ болѣе совершеннаго использованія нашихъ собственныхъ рессурсовъ. Такъ, напр., остается только привѣтствовать увеличеніе у насъ производства хлѣба посредствомъ улучшенныхъ методовъ, независимо отъ стремленія къ самодовлѣнію. Равнымъ образомъ весьма желательно, чтобы имѣющіеся въ странѣ большіе источники силы, свѣта и тепла, которыми можно пользоваться съ выгодой, такъ же были утилизированы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы могли бы удовлетворить большей части нашихъ нуждъ внутри страны не только безъ вреда для народнаго хозяйства, но даже съ пользой для него. Сказанное выше имѣло лишь цѣлью предостеречь отъ такого скачка въ ходѣ мыслей, который прямо распространялъ положеніе о необходимости внутренняго произ-

водства на такіе случаи, когда оно не могло быть предпринято безъ жертвъ для народнаго хозяйства.

Имѣя въ виду только-что приведенный примѣръ о нашемъ спросѣ на топливо, мы поймемъ, что бываютъ случаи, когда извѣстный спросъ гораздо выгоднѣе удовлетворяется посредствомъ образованія товарныхъ складовъ, чѣмъ усиленнымъ развитіемъ внутренняго производства товара, приносящимъ экономическій убытокъ. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ вычисленія, вполнѣ возможно установить, какой путь выгоднѣе или, правильнѣе говоря, дешевле.

Расходъ на содержаніе запасовъ, конечно, вычислить не очень трудно. Мы не станемъ дѣлать здѣсь цифрового подсчета; но само собой разумѣется, что расходъ, главнымъ образомъ, чисто процентный, а именно на скопленіе запаса товара и помѣщеніе для него. Сверхъ того, легко себѣ представить, что возобновленіе запасовъ посредствомъ продажи стараго товара и закупки новаго, которое въ извѣстной мѣрѣ окажется необходимымъ, можетъ въ худшемъ случаѣ принести убытокъ; но, съ другой стороны, эта дѣятельность, при умѣломъ веденіи, можетъ оказаться и доходною, и, во всякомъ случаѣ, строгое ограниченіе возможности риска отнюдь не исключается. Наконецъ, прибалятся еще нѣкоторые административные расходы, которые, однако, въ сравненіи съ общимъ расходомъ, о которомъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ признать незначительными.

Если мы теперь посмотримъ на вторую половину дилеммы, а именно на національно-экономическій расходъ, произведенный на искусственно созданную посредствомъ повышенія таможеннаго тарифа промышленность, то этотъ расходъ состоитъ изъ разницы между суммой, за которую товаръ можно было бы ввозить, и суммой, израсходаванной на его производство. Здѣсь снова можно указать на каменный уголь, какъ на лучшій примѣръ. Помимо этого ясно національно-экономическаго убытка, замѣчается кромѣ того еще нѣчто, что по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ назвать неудобствомъ, а именно, вызванное пошлиною повышеніе цѣнъ даже на ту часть производства, которая смогла бы существовать помимо таможеннаго тарифа, что прежде всего отзовется на земледѣліи въ смыслѣ повышенія земельной ренты по всей линіи.

Безъ сомнѣнія, бываютъ случаи, когда эти расходы на созданіе новой отрасли производства или на развитіе уже имѣющейся отрасли будутъ ниже расходовъ на склады; и тогда не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что слѣдуетъ предпочесть. Но можно, кажется, съ увѣренностью утверждать, что подобные случаи будутъ рѣдки, что, иными словами, таможенный тарифъ, не превышающій расходовъ на склады, рѣдко будетъ достаточнымъ для созданія промышленности. Предположимъ, что намъ, помимо уже существующаго, не обложеннаго таможенною пошлиною производства, нужно ежегодно извѣстнаго товара въ

количествѣ, ввозъ котораго обойдется въ 10 мил. кронъ. Если мы будемъ держать такой запасъ и предположимъ, что постройка склада будетъ стоить 2 мил. кронъ, то при 5% ренты, и, предположивъ, что прочіе расходы по складу обойдутся въ 1% стоимости товара, товаръ обойдется въ 10.700,000 кр. въ годъ. Слѣдовательно, за эту цѣну продуктъ долженъ производиться въ странѣ, т. е. пошлина въ 7% должна быть достаточной, чтобы не пришлось предпочесть созданіе складовъ; но кромѣ того, при таможенномъ тарифѣ, присоединяется, еще то неудобство, что повышеніе цѣнъ ложится и на уже существующее производство, если таковое имѣются.

Окажется, видимо, не очень много случаевъ, когда существующая таможенная пошлина можетъ быть защищаема или предложеніе о введеніи новой пошлины можетъ быть мотивировано необходимостью самодовлѣнія страны съ точки зрѣнія военной подготовленности. Но если дѣло дѣйствительно склоняется въ пользу таможеннаго тарифа, то слѣдуетъ безъ колебаній ввести его.

Можно было бы, пожалуй, возразить, что внутреннее производство обезпечиваетъ страну на какое угодно время впередъ, запасы же, напротивъ, лишь на ограниченное время. Но это слѣдуетъ признать двойнымъ недоразумѣніемъ. Прежде всего, гораздо труднѣе перемѣстить внутреннее производство, чѣмъ запасы; и товары поэтому отъ превратностей войны могутъ подвергнуться большей опасности въ первомъ случаѣ, чѣмъ во второмъ. Хорошо извѣстно, съ какими трудностями пришлось бороться Франціи, когда ея наиболѣе важный промышленный округъ, особенно желѣзодѣлательное и текстильное производства попали въ руки врага; и легко представить себѣ, какъ затруднилось бы удовлетвореніе нашихъ собственныхъ нуждъ отъ нашествія въ Сконе въ отношеніи хлѣба и отъ нашествія въ Норботтенъ въ отношеніи гидроэлектрической энергіи (особенно для желѣзныхъ дорогъ). Во вторыхъ,—и это, быть-можетъ, еще важнѣе, наличность запасовъ, достаточныхъ, напр., на первый годъ войны, даетъ возможность подумать о созданіи внутренняго производства, для котораго имѣются техническія условія, даже если оно не существовало въ мирное время, такъ какъ въ немъ тогда не было необходимости. Изложенное выше въ третьей главѣ показало, съ какой неслыханной легкостью произошло приспособленіе производства; ясно, что требуется лишь время, чтобы провести его.

Въ данное время, конечно, трудно сказать, въ какомъ объемѣ можно предпринимать заготовленіе запасовъ, на подходящихъ условіяхъ; но практическое разрѣшеніе вопроса будетъ подробнѣе освѣщено во второмъ отдѣлѣ данной главы. Для Швеціи, напримѣръ, содержаніе запаса угля на 1 годъ является необходимостью, которая, разумѣется, должна быть обезпечена; а если окажется это возможнымъ, то не встрѣтитъ препятствій

и устройство складовъ другихъ необходимыхъ товаровъ. Это, однако, еще не значитъ, что, напримѣръ, Англія будетъ въ состояніи держать на складѣ $^4/_5$ своею годового спроса на хлѣбъ, около 600 мил. тоннъ пшеницы; это кажется по меньшей мѣрѣ невозможностью; и еще въ большей степени это относится къ $44^1/_2\%$ спроса на мясо (около 75 мил. тоннъ), 53% спроса на масло и къ большимъ или меньшимъ количествамъ другихъ продуктовъ, ежегодно ввозимыхъ на британскіе острова [1]). Но можно спокойно утверждать—и въ этомъ суть дѣла, о которой всегда забываютъ,—что еще большею невозможностью, чѣмъ одинъ изъ этихъ случаевъ или даже всѣ вмѣстѣ взятые, будетъ для Англіи задача самой произвести все необходимое для жизни, если, конечно, она не пожелаетъ уменьшить свое населеніе вдвое или даже еще болѣе; ибо расходы на изготовленіе жизненныхъ продуктовъ, или, что то же самое, та масса производствъ, которыя придется уничтожить, чтобы снабдить земледѣліе, поставленное такимъ образомъ и созданное съ неслыханными расходами, необходимымъ количествомъ капитала и рабочей силы, совершенно исключаютъ плотность населенія, сколько-нибудь приближающуюся къ той, которая существуетъ въ современной Англіи. То, что здѣсь сказано касательно Англіи, въ болѣе слабой степени примѣнимо почти ко всѣмъ западно-европейскимъ странамъ, не исключая, конечно, и Германіи и Швеціи [2]). О Швеціи мы поговоримъ нѣсколько подробнѣе ниже, здѣсь же укажемъ на положеніе въ Германіи.

Въ Германіи, несмотря на аграрный таможенный тарифъ, который едва-ли можетъ быть еще повышенъ, ввозъ всѣхъ жизненныхъ припасовъ, за непосредственно предшествовавшіе войнѣ годы, доходилъ почти до $^1/_4$ спроса, считая по количеству калорій. Ея потребность въ ввозѣ пшеницы (т. е. неттоимпортъ), ничтожная до введенія аграрнаго протекціонизма (немного больше 30 мил. тоннъ въ 1879 г. и едва 5 мил. тоннъ въ 1880 г.), въ послѣдніе два года достигла приблизительно 177,5 мил. тоннъ, или около 26% общаго потребленія. Несомнѣнно, что этотъ, съ точки зрѣнія самодовлѣнія страны, невыгодный результатъ отчасти самъ является слѣдствіемъ аграрнаго протекціонизма, благодаря тому, что одинъ изъ актовъ нѣмецкой аграрной политики, а именно экспортная премія (Einfuhrschein или свидѣтельство о вывозѣ) вызвалъ большой экспортъ ржи, кото-

---

[1]) Цифровыя данныя по Royal Comission on Supply of Food and Raw Material in Time of War, Report стр. 5 (Cd. 2643; 1905); это среднія цифры для 1898—1902 г.г.

[2]) Слѣдующія вычисленія для Германіи основаны на данныхъ офиціальной статистики (Statistisches Handbuch и Statistisches Jahrbuch) и, въ извѣстной намъ цитированномъ выше извѣстномъ трудѣ: Die deutsche Volksernährung unh der englische Aushungerungsplan. Въ Германіи относящіеся сюда вопросы служатъ предметомъ постоянныхъ споровъ; см. напр., статью G. Fröhlich'a въ Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung 1912: Deutsche Volksernährung im Kriege.

рый безъ нужды увеличилъ зависимость и отъ ввоза, и отъ вывоза [1]). Если считать всякое зерно за единицу, то необходимая цифра общаго ввоза въ урожайный годъ (1913), будетъ только около 5½ % общаго спроса. Можно, поэтому, безъ сомнѣнія, представить себѣ аграрный тарифъ, который, не премируя, подобно германской, экспорта, создалъ бы положеніе, приближающееся къ самодовлѣнію страны. Но съ другой стороны нужно замѣтить, что развитіе Германіи не даетъ какого нибудь основанія предполагать, что нѣчто подобное осуществимо. Дѣло въ томъ, что Германія купила свое сравнительно достаточное внутреннее производство зерна цѣною еще большей зависимости отъ ввоза въ отношеніи другихъ продуктовъ земледѣлія. Такъ, напр., ежегодный ввозъ ячменя выше 300 мил. тоннъ нетто, немного менѣе половины (47%) общаго спроса; для кормовыхъ продуктовъ ввозъ опредѣлялся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ 40% спроса [2]); для домашнихъ животныхъ (лошадей, рогатаго скота и свиней) избытокъ ввоза поднялся съ 12½ мил. марокъ въ 1880 г. до 221 мил. марокъ въ 1913 г., а для мяса и сала съ 16 мил. до 58 мил. марокъ.

Для большинства западноевропейскихъ странъ въ настоящее время было бы безнадежнымъ предпріятіемъ пробовать, при помощи аграрнаго тарифа, болѣе или менѣе сноснаго для продовольственной жизни населенія, создать достаточное производство всѣхъ жизненныхъ продуктовъ въ мирное время внутри страны. Про всѣ эти страны, въ данное время, какъ и про Англію, хотя и въ меньшей степени, можно утверждать, что ихъ теперешнее населеніе не сможетъ существовать на мирный свой бюджетъ, если оно будетъ принуждено кормиться исключительно доходностью своихъ родныхъ земель.

Изъ факта, что при существующихъ условіяхъ трудно себѣ представить достаточное внутреннее производство жизненныхъ продуктовъ и что стремящаяся къ такой цѣли торговая политика является, слѣдовательно, нелѣпостью, — нельзя, однако, прямо заключать, что существующій аграрный тарифъ можно упразднить безъ ущерба для военной подготовленности. Именно потому, что созданіе складовъ, безъ сомнѣнія, ограничено, хотя предѣлы ихъ еще не вполнѣ намъ извѣстны, слѣдуетъ считать опаснымъ поставить себя въ бо́льшую зависимость отъ этой системы, чѣмъ это необходимо при теперешнемъ аграрномъ тарифѣ въ данное и въ будущее время, имѣя въ виду ростъ національныхъ доходовъ, который повышаетъ спросъ на жизненные продукты въ такомъ темпѣ, что земледѣліе не можетъ поспѣвать за нимъ.

---

[1]) Въ вышеприведенныя цифры входитъ также и мука, переведенная въ немолотый товаръ посредствомъ прибавленія ⅓. Отсчетъ на посѣвы, разумѣется, при вычисленіи процентовъ не производился.

[2]) Fröhlich, Op. cit., стр. 589.

Нѣкоторые моменты, конечно, дѣлаютъ пониженіе въ аграрномъ тарифѣ съ точки зрѣнія подготовленности къ войнѣ менѣе опаснымъ въ Швеціи, чѣмъ гдѣ бы то ни было. А именно, у насъ имѣется избытокъ всѣхъ легко портящихся жизненныхъ припасовъ, образованіе складовъ для которыхъ было бы сопряжено съ почти непреодолимыми трудностями; недостающіе намъ продукты сводятся главнымъ образомъ къ одному, легко сохраняемому, товару — хлѣбу. Защищать именно этотъ продуктъ посредствомъ пошлинъ, нѣтъ достаточнаго основанія.

Къ этому присоединяется еще слѣдующее. Существующій аграрный тарифъ далеко не въ такой степени полезенъ земледѣльцамъ, въ какой онъ могъ бы быть, если бы промышленный тарифъ былъ ниже, болѣе ограниченъ или же даже совсѣмъ отсутствовалъ. Это прямо или косвенно касается всѣхъ промышленныхъ пошлинъ, но особенно это замѣтно въ отношеніи къ пошлинамъ на желѣзо, машинныя и текстильныя издѣлія. Пересмотръ таможеннаго тарифа на промышленные товары, поэтому, уже самъ по себѣ былъ бы большимъ подспорьемъ для земледѣлія; и если бы мы теперь сочли существующій аграрный тарифъ реально достаточнымъ, т. е. если бы необходимые при этихъ условіяхъ запасы хлѣба оказалось возможнымъ создать, то пониженіе тарифа на промышленные товары вызвало бы такое сокращеніе расходовъ по земледѣлію, что одновременно или заранѣе можно было бы формально понизить аграрный таможенный тарифъ.

Такъ какъ это какъ разъ весьма желательно съ точки зрѣнія военной подготовленности, какъ это подробнѣе будетъ показано въ дальнѣйшемъ, то не исключена возможность пониженія и аграрнаго тарифа.

Нельзя, однако, отрицать того, что именно опытъ войны далъ аграрному тарифу нѣкоторое оправданіе, котораго онъ не имѣлъ раньше, и что пониженіе нынѣшняго дѣйствительнаго таможеннаго тарифа на хлѣбъ было бы опасно. Эти новыя данныя, видимо, наводятъ на мысль, которую кажется можно подкрѣпить и другими вѣскими доводами, что реформа пошлинъ въ нашей странѣ должна исходить отъ пересмотра промышленнаго тарифа, а не отъ аграрныхъ пошлинъ [1]).

Это приводитъ насъ къ вопросу объ удобствѣ промышленныхъ пошлинъ съ точки зрѣнія военной подготовленности. На этотъ вопросъ можно было бы кратко отвѣтить слѣдующимъ образомъ: единичныя пошлины оправдываются съ точки зрѣнія

---

[1]) Все сказанное объ аграрныхъ пошлинахъ, а равно и о пошлинахъ вообще, касается только нормальныхъ мѣръ, — т. е. такихъ, которыя обусловливаютъ извѣстное направленіе въ производствѣ страны. Совершенно независимъ отъ этого вопросъ о случайномъ введеніи или отмѣнѣ пошлинъ или воспрещеніи вывоза въ ненормальныхъ положеніяхъ, въ особенности во время самой войны; дѣло въ томъ, что подобныя условія незначительно вліяютъ на направленіе производства при нормальныхъ условіяхъ. Вопросъ этотъ выхо-

военной подготовленности, если созданіе складовъ не можетъ имѣть мѣста или если оно окажется дорогимъ, но въ большинствѣ случаевъ онѣ будутъ совершенно безсмысленны или прямотаки убыточны для данной цѣли.

Слѣдуетъ замѣтить, что слово самодовлѣніе по отношенію къ военной подготовленности употреблялось и должно употребляться въ гораздо болѣе ограниченномъ значеніи, чѣмъ это дѣлается въ таможенныхъ вопросахъ; и это является вторымъ ограниченіемъ этого выраженія, которое необходимо помнить. Идеалъ, къ которому стремится теперешняя протекціонистическая торговая политика,—самодовлѣніе въ смыслѣ собственнаго производства большинства всѣхъ тѣхъ продуктовъ, которые народъ вообще производитъ при нормальныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ это, не имѣетъ ничего общаго съ военной подготовленностью; она требуетъ достаточнаго количества лишь того, безъ чего народъ не можетъ обойтись. Мало того, что во время войны потребленіе излишнихъ товаровъ должно сильно упасть; съ точки зрѣнія національной экономіи, желательно также, чтобы производство такихъ товаровъ сократилось въ возможно большей степени, такъ какъ большое расходованіе для военныхъ нуждъ несовмѣстимо съ потребленіемъ излишнихъ товаровъ. При такихъ условіяхъ, очевидно, гораздо лучше не производить этихъ, во время войны, излишнихъ товаровъ, а въ мирное время ввозить ихъ изъ-за границы. Такимъ образомъ, мы избѣжимъ большей части трудностей, вытекающихъ изъ приспособленія производства при переходѣ на военное положеніе.

Съ этой точки зрѣнія, таможенный тарифъ современнаго нѣмецкаго и шведскаго типовъ является наиболѣе неудобнымъ. Онъ разбиваетъ таможенную охрану на безчисленное множество товаровъ и создаетъ тѣмъ самымъ наиболѣе разностороннее производство, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія военной подготовленности требуется, напротивъ, вполнѣ достаточное и сконцентрированное производство небольшого количества товаровъ немногихъ сортовъ. Этому мѣшаетъ таможенная такса въ 1325 рубрикъ. Возьмемъ, напримѣръ, группу VIII шведской таможенной таксы: „Растительныя вычески животныхъ и сдѣланные изъ нихъ товары“. Для военной подготовленности необходимо, пожалуй, не болѣе 50 текстильныхъ товаровъ, нѣсколько сортовъ грубаго сукна и шерсти, болѣе простые бумажные товары и

дитъ изъ рамокъ данной работы, и мы касаемся его лишь для того, чтобъ имѣть лишній случай подчеркнуть нелѣпость общихъ торгово-политическихъ выводовъ въ какомъ бы то ни было направленіи изъ подобныхъ случайностей. Что же въ частности касается теперешняго свободнаго ввоза хлѣба, то можно заранѣе счесть это правильнымъ; въ то время, какъ всѣ стараются понизить естественно поднявшіяся цѣны на хлѣбъ, нельзя думать о сохраненіи таможеннаго тарифа, цѣлью котораго и является повышеніе цѣнъ. Тѣмъ не менѣе это временное упраздненіе тарифа не имѣетъ значенія для вопроса о нормальной пошлинѣ на хлѣбъ.

другіе матеріалы для бѣлья, шляпы, грубыя ткани для ковровъ и мѣшковъ, матеріалы для канатовъ и нѣсколько другихъ товаровъ. Между тѣмъ таможенная такса обнимаетъ здѣсь почти 300 рубрикъ, при чемъ каждая состоитъ изъ нѣсколькихъ сортовъ товара, обложеннаго, за немногими исключеніями, пошлинами. Въ лабиринтѣ, какой представляетъ собою современная таможенная такса, неспеціалисту никогда не разобраться; достаточно будетъ привести отзывъ спеціалиста по таможенной техникѣ К. Г. Ветерлунда, находящаго что „новая таможенная такса поддерживаетъ усиленную охрану внутренняго производства не только прямымъ повышеніемъ пошлинъ, но также и въ значительномъ количествѣ случаевъ тѣми затрудненіями и проволочками, какія будутъ возникать при ввозѣ“. [1]) Чрезмѣрно развитый проктеціонизмъ, приведшій къ этому, является образцомъ таможеннаго обложенія, подрывающаго военную подготовленность.

Съ точки зрѣнія военной подготовленности требуется, слѣдовательно, полный пересмотръ нашей таможенной таксы. Поддерживать посредствомъ таможенной охраны всѣ производства заразъ—это совершенно анологично пріему Мюнхгаузена вылѣзать изъ трясины, таща себя за вихоръ. Таможенная защита какого-нибудь производства оплачивается потребителемъ въ видѣ болѣе высокой цѣны товара, а защита всѣхъ видовъ производства оплачивается всѣмъ населеніемъ [2]). Другими словами: каждая отдѣльная таможенная защита уменьшается въ дѣйствительности, благодаря наличности остальныхъ; мы даемъ одною рукою и беремъ другую. Не можетъ быть, поэтому, сомнѣнія, что до безконечности раздробленное обложеніе въ высокой степени уменьшаетъ поддержку, предназначенную для тѣхъ отраслей промышленности, которыя имѣютъ значеніе съ точки зрѣнія военной подготовленности. На это уже указывалось относительно земледѣлія, но быть можетъ оно еще важнѣе относительно промышленности; ибо промышленный таможенный тарифъ, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, наиболѣе высокъ для дорогихъ товаровъ и сортовъ, между тѣмъ какъ военная подготовленность обыкновенно требуетъ простыхъ и грубыхъ про-

[1]) По вопросу о таможенныхъ и торговыхъ договорахъ см. „Sveriges Industriförbunds Smaskrifter“ № 5. Стокг. 1911., стр. 23.

[2]) Не развивая здѣсь всей теоріи торговой политики, предостережемъ лишь отъ вывода отъ вышесказаннаго, что пошлины на практикѣ не имѣютъ вліянія на промышленную жизнь. Всегда найдутся большія отрасли промышленности, не обложенныя пошлиною, или которыя не могутъ извлечь пользы изъ пошлины (большинство вывозной промышленности). Они, слѣдовательно, много даютъ, и ничего не получаютъ. Благодаря тому дорожаетъ ихъ производство, и они несмотря на свое политико-экономическое значеніе, глохнутъ. На ихъ мѣстѣ, благодаря таможенной охранѣ, возникаютъ новыя отрасли, ненужныя съ политико-экономической точки зрѣнія, или существующія расширяются дальше тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ они выгодны. Это общеизвѣстное разсужденіе показываетъ, что страна благодаря таможенной охранѣ получаетъ меньше, чѣмъ платитъ; остатокъ дохода растрачивается благодаря неэкономичному направленію производства.

дуктовъ. Несомнѣнно, нѣсколько сотъ промышленныхъ пошлинъ слѣдовало бы вычеркнуть; тѣмъ самымъ повысилась бы защитная сила остальныхъ пошлинъ и, слѣдовательно, и ихъ военная цѣлесообразность.

Итакъ, самодовлѣніе означаетъ достаточное количество товара, покрывающаго внутренній спросъ страны, но во-первыхъ, не обязательно, чтобы это количество производилось внутри страны; во-вторыхъ, серьезнымъ препятствіемъ ему служитъ вызванное таможеннымъ тарифомъ производство всего того, что не представляется неизбѣжно необходимымъ въ военное время.

Не являясь опорой для современной торгово-политической системы, военная подготовленность требуетъ, слѣдовательно, прежде всего мѣропріятій совершенно особаго рода (товарные склады), а съ другой стороны, коренной переработки дѣйствующаго нынѣ такъ называемаго солидарнаго тарифа въ систему таможеннаго обложенія, касающагося ограниченнаго числа необходимыхъ товаровъ.

До сихъ поръ вниманіе исключительно обращалось на ввозъ, и не только въ данномъ трудѣ, но и въ публичныхъ диспутахъ. Но всякій, кто посвятитъ данной проблемѣ нѣсколько минутъ вниманія, непремѣнно замѣтитъ, что торговая политика, основанная на самодовлѣніи въ широкомъ смыслѣ слова, вредно отзывается на вывозѣ.

Капиталъ и рабочіе, примѣняемые для производства того, что намъ самимъ необходимо, если одновременно не будетъ повышена производительность и работоспособность, должны привлекаться изъ такихъ частей страны, гдѣ производится то, что необходимо другимъ странамъ. Отрицать это—значитъ отрицать принципъ идентичности. Дѣло обстоитъ совершенно просто: предназначенные для вывоза товары, именно благодаря тому, что они не находятъ сбыта внутри страны, не въ состояніи извлекать пользу изъ созданнаго, благодаря таможенному обложенію, повышенія цѣнъ, въ то время какъ они одновременно цѣликомъ несутъ свою долю таможенной охраны другихъ товаровъ. Слѣдовательно ихъ расходы по производству увеличиваются, но продажныя ихъ цѣны въ то же время не поднимаются. Несмотря на все то, что дѣлается въ протекціонистскихъ странахъ для оживленія вывоза, все же онъ не достигаетъ того объема, какъ при отсутствіи таможенной охраны. Никакая таможенная такса не могла бы, при вывозѣ предметовъ промышленности, способствовать возмѣщенію убытковъ, приносимыхъ тарифомъ на машины или жизненные продукты.

Въ дѣйствительности самодовлѣніе въ широкомъ смыслѣ слова предполагаетъ также прекращеніе не только ввоза, но и вывоза. Нельзя также оспаривать, что вывозъ съ точки зрѣнія военной подготовленности сопряженъ съ большими трудностями, что могутъ подтвердить въ наши дни Германія и Швеція. Однако, слѣдуетъ помнить, что эти трудности, несмотря на все

болѣе внѣшняго свойства, чѣмъ трудности, связанныя съ ввозомъ. Если страна имѣетъ достаточно товара, чтобы выдержать войну, то главная трудность разрѣшена. Если производства товаровъ вывоза тогда бездѣйствуютъ, то эта очень стѣснительно и обременительно, такъ какъ рабочая сила не такъ легко можетъ быть обращена на другія задачи; но фактъ остается фактомъ: можно существовать и безъ вывоза. Такимъ образомъ произвести перемѣщенія, которыя дали бы наилучшій результатъ въ подобномъ положеніи, будетъ лишь вопросомъ организаціи, хотя и труднымъ, и, какъ намъ извѣстно, война показала, какъ блестяще подобная задача можетъ быть разрѣшена.

Такимъ образомъ, здоровый инстинктъ заставляетъ, съ одной стороны, видѣть центръ тяжести военной подготовленности въ ввозѣ, съ другой, отвергать замѣну вывоза производствомъ для внутренняго сбыта. Вообще вѣрно, что страна, имѣющая возможность производить извѣстные товары для вывоза, уменьшаетъ свой національный доходъ, т. е. понижаетъ продуктивность своихъ производительныхъ силъ, если она употребляетъ ихъ на производство для внутренняго сбыта товаровъ такихъ, на изготовленіе которыхъ у нея имѣется менѣе шансовъ. Но если это вѣрно вообще, то въ частности это вѣрно относительно Швеціи, такъ какъ сила ея состоитъ въ производствѣ цѣнныхъ товаровъ, которые рѣдко могутъ найти большой сбытъ въ небольшомъ районѣ, но которые въ небольшомъ количествѣ требуются во всѣхъ странахъ. Когда народъ съ такой наклонностью — на чемъ она основана, безразлично, такъ какъ наличность ея въ данномъ случаѣ неоспорима — обращается къ внутреннему сбыту, вмѣсто вывоза, слѣдствіемъ бываетъ то, что или она сама употребляетъ свои предметы роскоши въ такихъ случаяхъ, когда можно было бы обойтись болѣе дешевымъ товаромъ, или ея производительныя силы получаютъ неподходящее примѣненіе.

На это могутъ возразить, что ближайшимъ слѣдствіемъ войны въ области торговой политики, вѣроятно, будетъ усиленіе системы отрѣзанности, и что мы поэтому должны стремиться къ уменьшенію вывоза. Первая половина этого положенія, повидимому, много имѣетъ за себя; такая тенденція наблюдается теперь и въ Англіи и въ Германіи, даже если и нельзя торопиться съ выводами. Что же касается второй половины положенія, то, во всякомъ случаѣ, она не можетъ служить опроверженіемъ сказаннаго. Даже если бы слѣдствіемъ этого лозунга были новыя преграды для нашего вывоза, которыя зависятъ отъ совершенно не поддающихся учету политическихъ комбинацій, то это не даетъ намъ ни малѣйшаго повода еще болѣе затруднять вывозъ. Другими словами: повышая пошлины, наши покупатели тѣмъ самымъ будутъ давать тѣмъ отраслямъ шведской промышленности, которыя работаютъ для внутренняго сбыта, относительный перевѣсъ надъ тѣми, которыя рабо-

таютъ для вывоза; и первымъ не потребуется поэтому никакой усиленной охраны или иной помощи, чтобы достигнуть того преобладанія, какого требуетъ измѣнившееся міровое положеніе. Это относится къ тѣмъ моментамъ торговой политики, невниманіе къ которымъ больше всего вредитъ дѣлу, и которые заключаются въ томъ, что стѣсненіе извѣстной отрасли промышленности само по себѣ дѣлаетъ другую отрасль болѣе выгодной и поэтому автоматически дѣйствуетъ на ея оживленіе такимъ же образомъ, какъ и пошлина. Цѣль пошлины достигается въ такихъ случаяхъ помимо нея самой.

Вопросъ въ томъ, не будутъ ли длительные экономическіе убытки отъ войны состоять въ разрушеніи международной экономической связи. Разрушеніе матеріальныхъ вещей во время войны ничто, въ сравненіи съ міровымъ товарооборотомъ, какъ уже было указано выше; и даже потеря продуктовъ труда многихъ милліоновъ людей въ нѣсколько лѣтъ, а также гибель человѣческихъ жизней, съ чисто матеріальной точки зрѣнія, можетъ быть возмѣщена сравнительно быстро при умѣломъ веденіи дѣла. Но если послѣ войны не наступитъ прочный—по человѣческимъ понятіямъ — миръ, если дѣловыя сношенія между народами не будутъ застрахованы отъ такихъ потрясеній, какія причинила имъ современная міровая война, то можно опасаться, что въ особенности большія державы устроятся такъ, чтобы самимъ или въ кругу союзныхъ съ ними державъ запасаться всѣмъ необходимымъ. Убытки, причиненные этимъ, не могутъ быть измѣрены посредствомъ цифровыхъ данныхъ международной торговой статистики, но состоятъ въ громадномъ увеличеніи расходовъ, какъ слѣдствіи того, что товары не производятся тамъ, гдѣ ихъ легче всего производить. Эти моменты будутъ, видимо, играть значительно большую роль, чѣмъ вся міровая торговая политика; таможенное обложеніе ни въ коемъ случаѣ нельзя считать сколько-нибудь надежнымъ средствомъ для предотвращенія ввоза, но конфискація заграничныхъ поступленій купца или потопленіе его грузовъ могутъ дѣйствовать достаточно терроризирующимъ образомъ. Если мы спросимъ себя, на чемъ основывается безпримѣрное экономическое развитіе послѣдняго столѣтія, то отвѣтомъ будетъ: безусловно, на той системѣ международнаго экономическаго довѣрія, на которомъ построена міровая экономія. Но въ такомъ случаѣ длительная утрата этого довѣрія, если она произойдетъ, повлечетъ за собою соотвѣтствующій регрессъ въ развитіи. Однако, несмотря на это, торговая политика будетъ и дальше придерживаться той же тенденціи, особенно, если Англія постарается вытѣснить нѣмецкіе товары съ ихъ главнѣйшаго рынка *).

*) Сравн. K. G. Wetterlund: Handelspolitiken och Kriget. (Торговая политика и война, Sveriges Industriförbunds Smaskrifter № 11. Стк г. 1915), а также и мою статью Sveriges ekonomiska oberoende (Шведская торговая независимость, Svensk Tidskrift 1915, т. 6).

Если опасность общей войны будетъ продолжаться, то результатомъ этого, очевидно, явится рѣшительный упадокъ въ общемъ экономическомъ благосостояніи мира; и мы поймемъ всю близорукость того взгляда, будто бы экономическое положеніе отдѣльныхъ странъ находится внѣ общей связи. Ясно, однако, все это должно убѣдить каждую отдѣльную страну дальнѣйшими мѣрами не причинить себѣ большого ущерба при такомъ ходѣ дѣлъ, чѣмъ это необходимо.

Въ конечномъ итогѣ требованія военной подготовленности къ международный торговлѣ сводятся къ слѣдующему: нужно, насколько это возможно, такъ приготовиться къ войнѣ, чтобы можно было выдержать ее безъ особой нужды; но въ мирное время не слѣдуетъ устраивать свою промышленную жизнь такъ, какъ если бы война продолжалась вѣчно.

2.

Такъ какъ образованіе запасовъ товаровъ во многихъ случаяхъ съ политико-экономической точки зрѣнія обходится дешевле, чѣмъ внутреннее производство, создающее самодовлѣніе, то было бы кстати болѣе точно изслѣдовать, насколько широко подобная мѣра должна примѣняться, и какъ слѣдуетъ представить себѣ ея практическое разрѣшеніе въ нашей собственной странѣ, принимая во вниманіе, конечно, также и другія рѣшенія. Въ этомъ вопросѣ — съ точки зрѣнія военной подготовленности наиболѣе важномъ и трудномъ — слѣдовало бы нѣсколько выйти изъ границъ основной проблемы.

Уже раньше было указано, что отрѣзанность страны не можетъ быть проведена до конца, и до извѣстной степени всѣ страны должны надѣяться на свои флоты, а равно и на способность торговли находить выходы, гдѣ это только возможно. По всѣмъ вѣроятіямъ Англіи предстоитъ въ будущемъ, какъ и до сихъ поръ, искать главную опору именно въ такой политикѣ, для другихъ же странъ ее придется скорѣе всего держать въ резервѣ въ виду тѣхъ многочисленныхъ трудностей, которыхъ никогда нельзя предовратить заранѣе, потому что ихъ трудно предвидѣть.

Въ одномъ отношеніи слѣдуетъ обязательно полагаться на случай, а именно въ отношеніи запасовъ для длительной войны; но, какъ мы уже знаемъ, образованіе складовъ на большой періодъ военнаго времени непригодно для большинства товаровъ, такъ какъ необходимо считаться и съ приспособленіемъ производства. На какое время мы бы ни разсчитывали, оно всегда будетъ произвольно; болѣе, чѣмъ на годъ, трудно запастись большинствомъ товаровъ, но дѣло обстоитъ совершенно иначе для иностранныхъ сырыхъ продуктовъ, съ одной стороны, и для товаровъ, которые послѣ нѣкоторой подготовки можно произ-

водить внутри страны — съ другой. Далѣе невозможно, какъ только что было указано, приготовиться ко всѣмъ неожиданностями. Если, напримѣръ, плохой урожай совпадетъ съ отрѣзанностью, какъ это было въ 1914 г. съ кормовыми хлѣбами, то слѣдуетъ прибѣгнуть, къ эластичности спроса на злаки, которая, безспорно, существуетъ, а также воспользоваться большимъ избыткомъ вывозимыхъ раньше животныхъ пищевыхъ веществъ, и, въ крайнемъ случаѣ—какъ теперь въ Германіи,—уменьшить количество скота, подлежащаго убою. Воюющія страны единогласно признаются, что никогда нельзя, не дѣлавъ опыта, заранѣе знать, на что государство способно.

Дальше, что касается вопроса, какіе именно товары слѣдуетъ считать необходимыми для войны, то очень трудно кому бы то ни было, кромѣ цѣлой комиссіи техниковъ, дать исчерпывающій отвѣтъ. Такая комиссія и работаетъ въ данное время у насъ. Не-техникъ же, напротивъ, долженъ, хотя бы въ общихъ чертахъ уяснить себѣ и другимъ, какой товаръ собственно слѣдуетъ считать необходимымъ. Тутъ нельзя и не должно думать о созданіи условій того же производства, что и въ мирное время; какъ ни поверни дѣло, это все-таки и безцѣльно, и невозможно. Часть производства въ мирное время работаетъ на такія внутреннія нужды, которыя населеніе не можетъ удовлетворять во время войны, а другая часть работаетъ для вывоза, который тогда можетъ быть прекращенъ; обѣ категоріи должны въ такомъ случаѣ въ значительной степени сократиться. Это съ точки зрѣнія спроса. Столь же ясно дѣло обстоитъ и съ точки зрѣнія производства. Очень большая часть работоспособнаго населенія страны занята на войнѣ или работаетъ для военныхъ нуждъ, такъ что для нормальной мирной промышленности не хватаетъ силъ. Само собой разумѣется, что нельзя отягощать промышленную жизнь страны складами сырыхъ товаровъ, чтобы и во время войны поддерживать производство мирнаго времени; но слѣдуетъ идти дальше. Что касается государства, то цѣль его должна всецѣло ограничиваться экономическимъ самодовлѣніемъ въ указанномъ выше смыслѣ, а оно обнимаетъ двѣ или, если угодно, три отрасли: а) все необходимое для веденія самой войны; б) все необходимое для существованія мирнаго населенія, но не болѣе; в) все необходимое для средствъ сообщенія, обслуживающихъ первыя двѣ группы. Если отдѣльныя промышленныя предпріятія или организаціи хотятъ идти дальше и заботиться, напримѣръ, о нашемъ большомъ спросѣ на сырые товары вывозной промышленности, то это, пожалуй, и допустимо, хотя съ увѣренностью этого утверждать нельзя, не зная заранѣе хода войны; но необходимымъ для счастливаго окончанія войны оно, во всякомъ случаѣ, быть не можетъ, что, однако, безусловно правильно относительно трехъ названныхъ группъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что значительная часть производства, работающаго въ обычное время

для вывоза, можетъ замѣнять во время войны отсутствующій ввозъ, у насъ, напримѣръ, въ области металлургіи; и о притокѣ сырого матеріала для подобной промышленности нужно, слѣдовательно, позаботиться.

Если мы захотимъ теперь составить себѣ конкретное представленіе о томъ, что представляетъ собою подобная экономическая подготовленность, лучше всего взять за исходную точку цѣнный рефератъ, недавно читанный Коммерціи Совѣтникомъ Гуннаромъ Дилльнеромъ на Съѣздѣ Промышленнаго Союза (Industriförbundet) 8 Декабря 1914 г. (напечатано въ Industriens krigsberedskab № 12 изд. Союза). Часть сырыхъ товаровъ, которыхъ онъ касается, какъ то: сѣра и сѣрнокислый натрій для производства древесной массы, или осиновыя бревна и хлористый калій для спичечныхъ фабрикъ, относится къ производствамъ, почти безцѣннымъ для войны. Но большинство оговоренныхъ имъ товаровъ относится къ болѣе или менѣе необходимымъ, а большая часть къ абсолютно необходимымъ продуктамъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить металлы, а именно мѣдь, олово и свинецъ, между тѣмъ какъ англійское литое кровельное желѣзо для машинной промышленности, безъ сомнѣнія, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть замѣнено далеко не равнымъ ему по качеству шведскимъ кровельнымъ желѣзомъ; пистоны для добыванія руды и марганецъ для приготовленія спеціальной стали; почти всѣ сырые товары прядильной промышленности (шерсть, юфть, хлопокъ и красящія вещества), а дубильныя вещества для другой, важной для обмундированія, промышленности и т. п. Фосфатъ и сѣра недостаютъ для производства искусственнаго удобренія, а недостатокъ въ селитрѣ (или селитровой—кислотѣ) для производства снарядовъ является однимъ изъ наиболѣе важныхъ пробѣловъ.

Мы бы значительно вышли за предѣлы, какъ удѣляемаго здѣсь этому вопросу мѣста, такъ и нашей компетенціи, если бы стали излагать въ деталяхъ различныя предложенія, касающіяся этого пестраго склада товаровъ, и другихъ предложеній, не касающихся непосредственно промышленности. Не-спеціалистъ не можетъ судить о томъ, какія возможности представитъ внутреннее производство даже при устойчивости цѣнъ; но кажется, что при достаточной предпріимчивости значительная часть этихъ товаровъ легко и безъ особой охраны можетъ быть добыта въ странѣ; въ особенности же это наводитъ на мысль о производствѣ селитры, которое, при имѣющейся у насъ водяной силѣ, могло бы удастся почти такъ же хорошо, какъ и въ Норвегіи, и значительно легче, чѣмъ въ Германіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это невозможно, можно безспорно прибѣгать къ таможенному тарифу, въ особенности, если это касается товаровъ, не представляющихъ большой цѣнности, но-тѣмъ не менѣе, какъ это часто бываетъ, необходимыхъ; въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ только забывать, что одновременно необхо-

димо удалить многочисленныя, съ точки зрѣнія военной подготовленности, а равно и съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, вредныя пошлины. Къ сожалѣнію, однако, значительная часть необходимыхъ товаровъ, какъ уже сказано выше, не можетъ быть успѣшно производима въ Швеціи. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ испробовать ту или иную форму образованія запасовъ. Большинство относящихся сюда отраслей промышленности, которыя необходимы для военной подготовленности, относится къ группѣ а), т. е. къ тѣмъ, которыя прямо удовлетворяютъ военныя нужды. Поэтому возможно, какъ это и указывается Дилльнеромъ, привести склады въ соотвѣтствіе съ потребностями арміи, такъ чтобы, напр., фирмы, принимающія на себя казенныя поставки, обязывались имѣть опредѣленные минимальные запасы сырыхъ продуктовъ и подчиняться въ этомъ отношеніи извѣстному контролю. При этомъ государство или народное хозяйство неизбѣжно понесетъ расходы по храненію запасовъ, такъ какъ продажная цѣна естественно поднимется, благодаря подобному обязательству, даже если образованіе запасовъ окажется выгоднымъ для поставщика; но все-таки это слѣдуетъ считать практическимъ разрѣшеніемъ задачи. Безъ сомнѣнія существуютъ и другія возможности, но здѣсь не мѣсто углубляться въ этотъ вопросъ.

Зато большой интересъ для широкой публики представляетъ разсмотрѣніе способа обращенія съ тѣми немногими продуктами, которые имѣютъ жизненное значеніе для всего народа. Такихъ товаровъ—въ нашемъ перечнѣ они не были упомянуты—для Швеціи найдется не болѣе четырехъ: уголь, иное топливо, машинныя масла и, что всего важнѣе, хлѣбъ.

Прежде всего, что касается угля и другого топлива,—машинныя масла не требуютъ особаго разсмотрѣнія, достаточно лишь указать на нихъ—то уголь, добываемый у насъ въ Сконе, въ лучшемъ случаѣ не покрываетъ десятой части нашего нормальнаго спроса; что же касается торфа, то въ виду повторяющагося крушенія возлагаемыхъ на него ожиданій, публика привыкла относиться нѣсколько скептически къ этому дѣлу,—естественное настроеніе не-спеціалистовъ при невыясненности дѣла.

Не стоитъ приводить детали разбираемой проблемы, а равно и вопроса о горючихъ маслахъ, такъ какъ маленькая брошюра инженера Дилльнера является исчерпывающей. Потребность въ ввозѣ угля, напротивъ того, остается неоспоримымъ фактомъ, несмотря на всѣ использованные до сихъ поръ внутренніе источники и несмотря на расширенное примѣненіе водяной силы. Въ одномъ отношеніи вопросъ объ углѣ, судя по всему, является еще болѣе важнымъ, во время войны, чѣмъ въ мирное время: нельзя вѣдь на самомъ дѣлѣ подвергать стратегически важныя желѣзныя дороги, каковы норландскія, опасности быть отрѣзанными отъ станцій электрической энергіи; такъ какъ всѣ спо-

собы проведенія энергіи легко поддаются порчѣ, то придется во время войны перейти къ созданію двигательной силы на мѣстахъ, т. е. къ примѣненію паровой силы на локомотивахъ и къ сооруженію центральныхъ паровыхъ двигателей для электрической энергіи, какъ то уже указано въ упомянутой брошюрѣ. Съ другой стороны, слѣдуетъ напомнить, что большая часть угольнаго потребленія изчезаетъ во время войны, а именно для всѣхъ производствъ, которыя во всякомъ случаѣ пріостанавливаются; согласно тому, что мы говорили раньше, слѣдуетъ еще разъ подчеркнуть, что государство никакъ не должно нести другихъ расходовъ для образованія складовъ топлива, кромѣ тѣхъ, которые необходимы для войны и населенія въ военное время.

Принимая во вниманіе повышенный спросъ на топливо, обусловленный самою войною, особенно же при предположеніи перехода къ паровой силѣ или къ паро-электрической энергіи на желѣзныхъ дорогахъ, трудно сказать безъ подробнаго изслѣдованія, насколько это уменьшитъ общій спросъ на топливо по сравненію со спросомъ мирнаго времени. Но весьма вѣроятно, что спросъ, дѣйствительно, сократится. Часть этого неизбѣжнаго спроса можетъ быть удовлетворена дровами, какъ это и было въ теперешней войнѣ, но конечно не весь, и въ большинствѣ случаевъ эта замѣна оказалась неудобной съ точки зрѣнія результата. Военная подготовленность, между тѣмъ, не можетъ разсчитывать на уменьшеніе общаго спроса, но ставитъ вопросъ ребромъ о насущной потребности въ иностранномъ топливѣ: 1) для флота, включая вспомогательные крейсера и другіе мобилизованные пассажирскіе и торговые пароходы, 2) для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ прямого и косвеннаго стратегическаго значенія, 3) для военныхъ автомобилей и 4) для военной промышленности, поскольку она не можетъ обойтись одними дровами. Такимъ образомъ рѣшеніе задачи въ принципѣ дано. Военныя учрежденія должны, конечно, сами обзавестись запасомъ для своихъ прямыхъ надобностей, а равно и казенныя желѣзныя дороги; частныя желѣзныя дороги, имѣющія стратегическое значеніе, должны въ той или другой формѣ обезпечить себя топливомъ, но несравненно лучше, чѣмъ въ настоящее время, и обязанность казенныхъ поставщиковъ держать на складѣ извѣстные товары должна распространяться также на топливо.

Хотя вопросъ военной подготовленности промышленности и путей сообщенія является весьма важнымъ и сложнымъ, онъ все-таки уступаетъ въ своемъ значеніи для народа и народнаго хозяйства въ цѣломъ вопросу о пищевыхъ продуктахъ въ военное время. Это является почти единственной необходимой потребностью для мирнаго населенія въ не очень продолжительную войну; жилище, одежда и т. п. могутъ, если это окажется необходимымъ, употребляться дольше нормальнаго времени, и не

представляютъ поэтому какихъ-либо дѣйствительныхъ затрудненій. Но тѣмъ болѣе ужасна нужда, возникающая при прекращеніи притока жизненныхъ продуктовъ.

Необходимо, чтобы въ моментъ объявленія войны мы имѣли внутри страны достаточно жизненныхъ продуктовъ, чтобы весь народъ могъ, хотя бы съ трудомъ, продержаться до тѣхъ поръ, пока не удастся трансформировать производство или пока не окончится война. Этотъ видъ самодовлѣнія нѣчто совершенно иное, чѣмъ суевѣрная мечта о томъ, чтобы вывозъ былъ больше, чѣмъ ввозъ и т. п. Вывозъ или невывозъ—это не имѣетъ въ данномъ вопросѣ никакого значенія; важно только, чтобы мы имѣли то, безъ чего мы не можемъ обойтись. Конечно, можно было бы разсуждать такъ, что если мы имѣемъ въ мирное время достаточно большой экспортъ, то оставшіеся въ странѣ предметы вывоза могутъ замѣнить прекращенный вывозъ. Но это возможно только при счастливой случайности, напр., если предметы вывоза и ввоза принадлежатъ къ той же отрасли производства. Такъ напр. крупный вывозъ ржи въ Германіи, созданный посредствомъ экспортной преміи, въ состояніи самъ по себѣ отчасти замѣнить прекратившійся ввозъ пшеницы, но конечно только въ томъ случаѣ, если онъ уже не имѣлъ мѣста; при возникновеніи войны къ концу года, рожь была бы уже вывезена, между тѣмъ какъ соотвѣтствующее количество пшеницы еще не было бы доставлено. Еще труднѣе, если продукты болѣе различны, чѣмъ рожь и пшеница; въ крайнемъ случаѣ рожь, пожалуй, можно было бы замѣнить ячменемъ, но едва ли овсомъ. Наконецъ, бываетъ, что ввозъ касается сырого продукта, необходимаго для производства предмета вывоза, и тогда они, конечно, не могутъ замѣнять другъ друга — напр. у насъ привозныя кормовыя средства, съ одной стороны, и экспортное масло, мясо и т. п. съ другой.

Наше современное положеніе въ области производства жизненныхъ продуктовъ, строго говоря, можетъ дать приверженцамъ выгоднаго торговаго баланса большое удовлетвореніе. Если сложить вмѣстѣ группы торговой статистики „Скотъ“, „Пищевые продукты изъ мяса“, „Хлѣбъ и продукты изъ него“ и прибавить сюда группу „Жмыхи, сѣно и солому“ и т. п., и, наконецъ, „Искусственное удобреніе“, то мы получимъ для ввоза въ 1913 году цифру въ почти 135. милл. кронъ и для вывоза $110^1/_2$ милл. кронъ. Разница будетъ слѣдовательно $24^1/_2$ милл. кронъ—это согласно статистикѣ; въ дѣйствительности разница значительно меньше, такъ какъ расходы на заграничный фрахтъ отчасти не входятъ въ стоимость вывоза, а въ стоимость ввоза, отчасти же данныя по вывозу менѣе полны, чѣмъ данныя по ввозу. Даже если мы возьмемъ большую разницу (34 милл.) въ 1912 г., то ее нельзя признать подавляющей, и вполнѣ возможно, что существуетъ тенденція къ равновѣсію.

Но именно тутъ оказывается, что торговый балансъ почти

не имѣетъ значенія съ точки зрѣнія военной подготовленности. Увеличивающееся равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ не увеличило самодовлѣнія, скорѣй даже напротивъ, а именно, увеличилась зависимость отъ ввоза въ отношеніи хлѣба и кормовыхъ продуктовъ, одновременно съ усиленіемъ вывоза продуктовъ сельскаго хозяйства. Если мы хотимъ узнать, въ какой степени мы находимся въ зависимости отъ ввоза для удовлетворенія нашего спроса на хлѣбъ, то лучше всего взять среднее число послѣднихъ пяти лѣтъ.

Оказывается, что изъ всего спроса на пшеницу ввозится почти половина (200.000 тоннъ), и ржи $12^{1}/_{20}\%$ общаго спроса (90.000 тоннъ), въ общей сложности около 300.000 тоннъ или добрая четверть ($25^{1}/_{20}\%$) спроса; овесъ и ячмень въ нормальные годы не требуютъ никакаго ввоза, въ то время какъ кукуруза ввозится вся (63.500 тоннъ въ среднемъ со времени отмѣны пошлинъ), жмыхи почти всѣ (161.000 тоннъ), клевера около третьей части (66.000 тоннъ) и большая часть кормовыхъ остальныхъ веществъ (20.500 тоннъ).

Иными словами, положеніе слѣдующее. Мы въ значительной степени зависимъ отъ мірового рынка въ нашемъ потребленіи жизненныхъ продуктовъ, значительно больше чѣмъ, напр., Германія; но это зависитъ совсѣмъ не отъ того, что мы производимъ сравнительно съ потребленіемъ меньше продуктовъ земледѣлія, чѣмъ Германія,—на самомъ дѣлѣ происходитъ обратное—но отъ того, что мы, производимъ относительно гораздо больше для вывоза.

Многіе, вѣроятно, будутъ склонны усмотрѣть въ этомъ строгую критику развитія нашего земледѣлія. Но мы вовсе не имѣемъ этого въ виду. Какъ бы это ни казалось страннымъ для нѣкоторыхъ, слѣдуетъ признать крайне желательнымъ, чтобы народъ и отдѣльныя отрасли промышленности посвятили себя тому производству, которое оказывается выгоднымъ, а изъ послѣднихъ тому, которое выгоднѣе другихъ. Всякій другой способъ дѣйствій означалъ бы плохое примѣненіе скромныхъ производительныхъ силъ страны. Напротивъ, необходимо уяснить себѣ положеніе и сдѣлать правильные изъ него выводы.

Что же слѣдуетъ дѣлать въ такомъ случаѣ? Небезполезно будетъ разсмотрѣть различныя возможности.

Легче всего, казалось бы, переустройство всей системы земледѣлія. Какъ только что было сказано, это между тѣмъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если другое направленіе производства, по крайней мѣрѣ, столь же выгодно, какъ и настоящее. Въ данное время, какъ извѣстно, происходитъ горячій споръ, начавшійся въ Даніи, между приверженцами современной системы, опирающейся главнымъ образомъ на продукты скотоводства, съ одной стороны, и, представителями системы, полагающей центръ тяжести въ культурѣ злаковъ, а въ исключи-

тельныхъ условіяхъ рекомендующей даже „чистое“ земледѣліе безъ скотоводства. Слѣдуетъ надѣяться, что ближайшіе годы внесутъ ясность въ экономическія выкладки этихъ двухъ альтернативъ, чему могли бы оказать большое содѣйствіе земледѣльческія бухгалтерскія организаціи; но слѣдуетъ еще разъ подчеркнуть, что въ видахъ военной подготовленности нельзя прибѣгать къ переустройству производства: это хорошо только въ томъ случаѣ, если оно выгодно и съ политико-экономической точки зрѣнія. Военную подготовленность можно обезпечить инымъ и болѣе дешевымъ способомъ.

Кромѣ подобнаго перехода отъ продуктовъ скотоводства къ культурѣ злаковъ можно думать о видоизмѣненіяхъ въ самой области культуры злаковъ, напримѣръ, переходъ отъ солодоваго ячменя къ яровой пшеницѣ, особенно въ Сконе. Но, безъ сомнѣнія, даже и это представляетъ трудности; здѣсь слѣдуетъ отмѣтить только то, что нѣтъ никакихъ основаній поощрять производство ячменя или даже поддерживать его въ прежнемъ объемѣ особыми государственными мѣропріятіями, если бы благодаря изданію законовъ о трезвости или по другимъ причинамъ, спросъ на ячмень для пивоваренія сократился.

Если, слѣдовательно, переустройство собственно земледѣльческаго производства врядъ ли можно считать мѣрою, требуемой въ цѣляхъ военной подготовленности, все-таки найдутся люди, которые пожелали бы обезпечить нашъ спросъ на хлѣбъ за счетъ другихъ производствъ, другими словами, посредствомъ повышеннаго таможеннаго тарифа. Но неосновательность этого съ политико-экономической точки зрѣнія уже достаточно разъяснена въ предыдущемъ отдѣлѣ.

Совсѣмъ другимъ и, со всѣхъ точекъ зрѣнія, гораздо болѣе благопріятнымъ рѣшеніемъ было бы поднятіе производства хлѣба, сдѣлавъ его болѣе интенсивнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это такъ можетъ быть; такъ это дѣйствительно было въ теченіе всего послѣдняго столѣтія, и до сихъ поръ производство хлѣба увеличивается, даже въ значительно большей степени, нежели возрастаетъ количество населенія; на человѣка эта цифра 1901—1910 г. была равна 144 кгр., противъ 93 кгр. въ 1801—1820 г. Но потребленіе на жителя возросло значительно больше, такъ что недостатокъ въ 11 клгр. на человѣка 1801—1820 г. отвѣчаетъ недостатку въ 55 кгр. за 1901—1910 г., что означаетъ повышеніе недохвата въ самомъ потребленіи (не считая сѣмянъ) отъ $12^1/_2\%$ до почти $30^1/_2$. Несомнѣнно, что увеличеніе сбора будетъ продолжаться и въ будущемъ; вопросъ лишь въ томъ, сможетъ ли это повышеніе лучше, чѣмъ до сихъ поръ, идти наравнѣ съ ростомъ потребленія. Съ значительной степенью вѣроятности можно отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, не только апріорно—хотя даже подобный отвѣтъ не былъ бы лишенъ значенія въ этомъ случаѣ,—но и на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій. Въ цѣнномъ

рефератѣ на съѣздѣ земледѣльцевъ въ 1915 г., теперь изданномъ въ видѣ брошюры [1]), помѣщикъ г. Седерхольмъ разслѣдовалъ возможное повышеніе хлѣбнаго производства на 10 лѣтъ впередъ. Правда, онъ нашелъ, что путемъ увеличенія площади посѣва озимыхъ хлѣбовъ (т. е. практически говоря хлѣба), разведенія лучшихъ сортовъ и поднятія культуры, можно было бы увеличить осенній урожай хлѣбовъ до 14.200,000 тоннъ (приблизительно 28 кгр. на жителя, при современной плотности населенія), что, по его вычисленію должно, если не покрыть весь спросъ, то уменьшить недостатокъ до 15%. Получается вполнѣ удовлетворительное положеніе [2]).

Однако Седерхольмъ ничуть не скрываетъ въ своемъ докладѣ, что въ дѣйствительности для такого увеличенія площади посѣва озимыхъ хлѣбовъ нѣтъ экономическихъ данныхъ, и что оно, поэтому, мало вѣроятно; вѣроятное развитіе будетъ, поэтому, совершенно инымъ. А именно, если исключить часть увеличенія, которая приходится на увеличеніе площади посѣва, то остаются лишь 4.300,000 тоннъ (едва 8 кгр. на человѣка при настоящей плотности населенія); и это увеличеніе едва въ состояніи поспѣвать за увеличеніемъ потребленія, каково оно было въ послѣднія десятилѣтія.

Такимъ образомъ, остается созданіе складовъ, какъ съ политико-экономической точки зрѣнія наиболѣе дешевое и, съ точки зрѣнія военной подготовленности, наиболѣе надежное рѣшеніе вопроса. Можно сказать, что никакая другая мѣра далеко не имѣетъ такого же значенія для нашей обороны въ грядущія трудныя времена, и ни одинъ пробѣлъ въ нашей подготовленности не обезцѣнилъ бы всей остальной обороны такъ, какъ именно этотъ. Исполненіе задачи, что касается жизненныхъ припасовъ, облегчается тѣмъ, что единственный недостающій намъ жизненный продуктъ довольно легко можно сохранять—значительно легче, чѣмъ мясо и свинину. Прежде, чѣмъ будетъ разрѣшенъ этотъ жизненный вопросъ, едва ли можно думать само по себѣ о желательномъ созданіи склада кормовыхъ продуктовъ, который, впрочемъ, всегда слѣдуетъ строго ограничивать въ виду возможности истребленія скота.

Многіе, вѣроятно, думаютъ, что запасъ, равный годовому импорту хлѣба,—очень дорогое предпріятіе. Ясно, что онъ дѣйствительно будетъ кое-что стоить, но расходъ самъ по себѣ еще не долженъ запугивать. Если исходить изъ цѣны 150 кронъ за тонну, что для нормальнаго времени слѣдуетъ признать

---

[1]) G. Sederholm: Möjligheten or vart jorbruk att tillgodose landets brödsädesbehof. (Способность нашего земледѣлія удовлетворить хлѣбному спросу страны. Стк. 1915).

[2]) Цифры, очевидно, слишкомъ благопріятны, такъ какъ расчетъ сдѣланъ на основаніи данныхъ послѣднихъ урожайныхъ лѣтъ, когда недохватокъ равнялся лишь 25%. Также не совсѣмъ ясно, принятъ ли во вниманіе приростъ населенія.

вполнѣ достаточнымъ, то, имѣя въ виду годовое потребленіе, это составитъ капиталъ на храненіе хлѣба въ 45.000,000 кронъ. Если къ этому прибавить еще треть этой суммы на постройки и т. п., что, по шведскимъ условіямъ, слѣдуетъ считать вполнѣ достаточнымъ, то общая затрата капитала дойдетъ до 60.000,000 кронъ. При 5% годовой рентѣ это будетъ равняться годовому расходу въ 3.000,000 кронъ, что едва ли можно признать чрезмѣрно великой суммой въ виду важности дѣла, особенно если вспомнить, какъ рѣшительно риксдагъ въ 1915 году ассигновалъ 15.000,000 кронъ для образованія золотого фонда въ Конторѣ погашенія государственныхъ долговъ, хотя польза отъ этого далеко не можетъ быть такъ же велика, какъ отъ склада хлѣба на ту же сумму. Склады хлѣба, какъ и золотые фонды, не могутъ образовываться сразу, но, во всякомъ случаѣ, они заслуживаютъ значительнаго предпочтенія передъ дальнѣйшимъ увеличеніемъ золотого запаса.

Ближайшимъ вопросомъ будетъ теперь слѣдующій: въ какомъ видѣ слѣдуетъ устраивать склады зерна. Можно вѣдь представить себѣ различныя разрѣшенія вопроса, но разсмотрѣніе ихъ всѣхъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Сохраненіе зерна, особенно на болѣе долгое время,—мѣра, требующая довольно обширныхъ техническихъ сооруженій для осушки и сохраненія сооруженій, возникшихъ особенно въ извѣстныхъ, даже и у насъ иногда встрѣчающихся, хранилищахъ или силосахъ. Уже это отчасти можетъ затруднить вопросъ, а введенные у насъ теперь амбары изъ листоваго желѣза кажутся даже прямо неудачнымъ изобрѣтеніемъ.

Кромѣ того, склады хлѣба, предназначенные для употребленія не ранѣе опредѣленнаго срока, легко могутъ залежаться и испортиться. Старые казенные склады въ нашей странѣ дали въ этомъ отношеніи плачевные опыты въ томъ смыслѣ, что большая часть запаса оказалась, при ликвидаціи складовъ, испорченной. Вѣрнѣйшій способъ преодолѣть эту большую трудность, дѣлающую все предпріятіе иллюзорнымъ, состоитъ въ томъ, чтобы вообще не откладывать опредѣленнаго запаса хлѣба въ видѣ военнаго резерва, но создавать этотъ резервъ, опредѣляя извѣстное минимальное количество, ниже котораго запасъ не долженъ падать. Этотъ запасъ хлѣба былъ бы тогда по своему характеру одинаковъ съ прочими резервами; въ промышленной жизни только непосвященный думаетъ, что, напримѣръ, резервный фондъ въ акціонерномъ предпріятіи составляетъ индивидуально опредѣляемые вклады, между тѣмъ, какъ дѣловой человѣкъ знаетъ, что этимъ обозначается только превышеніе притоковъ надъ основнымъ капиталомъ и т. п., превышеніе до указаннаго количества. Мысль содержать опредѣленные запасы въ резервѣ на самомъ дѣлѣ противорѣчитъ той перемѣщаемости, которая отличаетъ организацію современныхъ предпріятій. Въ данномъ случаѣ должны быть очевидными

и преимущества содержанія подобнаго подвижного или текущаго резерва; чтобы такимъ образомъ осуществить постепенное потребленіе всего хлѣба, даже того, который составляетъ военный резервъ, его пускаютъ также въ оборотъ для удовлетворенія нормальнаго рыночнаго спроса; и этимъ, кажется, въ значительной степени предотвращается опасность порчи запасовъ. Никакой хлѣбъ не долженъ, слѣдовательно, какъ говорятъ англичане, быть „earmarked“, т. е. предназначеннымъ для военнаго запаса, но эту задачу долженъ исполнять запасъ опредѣленный не индивидуально, а лишь количественно.

Изъ этого далѣе слѣдуетъ, что военный резервъ хлѣба трудно оборудовать, если нѣтъ возможности соединить его съ такими складами хлѣба, которые обслуживаютъ обычныя нужды рынка. Зданія для складовъ съ приспособленіями для транспорта и т. п., а также и охрана запасовъ, также окажутся значительно дешевле, если это дѣло удастся вести въ связи съ образованіемъ складовъ хлѣба для другихъ цѣлей.

Такимъ образомъ, все указываетъ на рѣшеніе, освобождающее государство отъ возложенія на себя этой задачи, которую оно навѣрное выполнило бы очень плохо; и мы всѣ, конечно, будемъ рады избавиться отъ новаго „хлѣбнаго вѣдомства“ съ непрерывно растущимъ штатомъ чиновниковъ. Съ другой стороны ясно, что запасы для военной цѣли требуютъ расходовъ, которыхъ никто не приметъ на себя безвозмездно; и помощь государства, поэтому, несмотря на все, конечно, неизбѣжна. Расходы состоятъ, главнымъ образомъ, въ потерѣ процентовъ съ капитала, затраченнаго отчасти на закупку заготовляемаго хлѣба, а отчасти на постройки; къ этому надо прибавить сравнительно незначительные расходы на содержаніе склада. Форма рѣшенія вопроса, которую во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать наилучшей при современныхъ условіяхъ, та, чтобы государство разрѣшало безпроцентные займы такимъ коммунамъ, обществамъ, корпораціямъ или предпріятіямъ (торговымъ организаціямъ земледѣльцевъ, элеваторамъ въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, или мельницамъ), которыя пожелаютъ исполнить поставленныя государствомъ для созданія складовъ хлѣба требованія и подчиниться строгому государственному контролю съ безусловнымъ исполненіемъ этихъ требованій. Если возникнетъ нѣчто подобное предложенной королемъ государственной комиссіи для экономической военной подготовленности, что можно считать рѣшеннымъ, судя по заключенію риксдага, то данный вопросъ будетъ одной изъ главныхъ задачъ этого учрежденія. Государство должно имѣть полную гарантію займа, — напр. гарантію банковъ, — и, кромѣ того, право скупать запасы во время войны или военной опасности по установленнымъ цѣнамъ.

Слѣдующимъ вопросомъ является, будутъ-ли склонны взять на себя такую задачу тѣ, которые по другимъ побужденіямъ желаютъ содержать склады хлѣба или уже создали таковые.

Это кажется вполнѣ вѣроятнымъ. Такъ какъ расходъ на зданія, считая за тонну хлѣба, оказывается значительно ниже при большихъ складахъ, чѣмъ при маленькихъ, то безпроцентный заемъ, отвѣчающій не только военному резервному запасу, но также и части расходовъ на помѣщенія, значительно облегчитъ стоимость сооруженія зданій, такъ какъ часть расходовъ на постройку, падающая на остальной запасъ хлѣба, тогда можетъ быть ниже, чѣмъ если бы зданіе было создано лишь для этого послѣдняго. Даже наличность самого военнаго запаса представляетъ значительную выгоду, предполагая, что при этомъ имѣется въ виду только содержаніе извѣстнаго минимальнаго количества; конечно, это количество никогда не можетъ быть употреблено такъ, чтобы запасъ былъ меньше минимума, но благодаря тому, что запасъ не будетъ предназначенъ для какой нибудь спеціальной цѣли, всегда будетъ возможность взять извѣстнаго качества хлѣбъ, который при случаѣ можетъ потребоваться, но который не всегда легко можно будетъ добыть, и замѣстить этотъ хлѣбъ равнымъ количествомъ, но другого качества, не требуемаго въ данный моментъ. Это должно значительно облегчить обезпеченіе рынка, особенно же въ зимніе мѣсяцы, когда привозъ болѣе глютинозной заграничной пшеницы затрудненъ. Можно представить себѣ дѣло примѣрно въ слѣдующемъ видѣ. До шведскаго сбора хлѣбовъ на складѣ имѣется лишь иностранный хлѣбъ. Затѣмъ, въ теченіе зимы, онъ послѣдовательно обмѣнивается на шведскій товаръ, который, такимъ образомъ, заполняетъ складъ до весны, когда начинается болѣе оживленное судоходство, и онъ, въ свою очередь, замѣняется привознымъ хлѣбомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ наличностъ складовъ будетъ имѣть значеніе для земледѣльцевъ, давая имъ возможность дѣлать склады хлѣба и тѣмъ самымъ значительно упрочивая цѣны на хлѣбъ, которыя въ данное время очень зависятъ отъ поступленій въ склады у меньшинства покупателей, которые вообще могутъ закупать большія партіи. Какъ уже много разъ было указано, и какъ ясно само собой, удовлетворительныя условія осушки и транспорта способствуютъ улучшенію качества товара; американскій хлѣбъ выигрываетъ благодаря тому, что онъ можетъ лежать на складѣ извѣстное время.

Въ противоположность тому, что обычно предполагаютъ, но что легко опровергнуть цифровымъ примѣромъ, наличность такихъ запасовъ не будетъ въ дальнѣйшемъ имѣть вліянія на нормальный ввозъ, который будетъ продолжаться, не увеличиваясь и не уменьшаясь.

Было бы легко изложить еще другія рѣшенія этого вопроса, такъ какъ таковыя имѣются въ довольно большомъ количествѣ. Но они кажутся въ общемъ менѣе надежными; это, между прочимъ, касается многихъ на первый вглядъ раціональныхъ предложеній, сдѣланныхъ англійской комиссіи—Royal Commission in

Supply of Food and Raw Material in Time of War (1915), гдѣ весь вопросъ обстоятельно обсуждался, что однако не приблизило его рѣшенія [1]). Набросанное здѣсь предложеніе несомнѣнно требуетъ дальнѣйшаго обсужденія и съ нимъ нельзя медлить, такъ какъ весьма возможно, что какъ разъ время послѣ окончанія войны, когда освободятся запасы русскаго хлѣба, будетъ благопріятно для закупки зерна, если къ тому времени окажутся въ порядкѣ организація и помѣщенія. И ясно, что новая война не должна застигнуть насъ врасплохъ столь же неподготовленными въ этомъ отношеніи, какъ это было на сей разъ.

Въ данномъ вопросѣ, какъ и въ другихъ частяхъ нашего изложенія, мы столь же мало принимали во вниманіе то, что въ обиходѣ называется политикой, но что правильнѣе слѣдуетъ назвать уступками партійнымъ классовымъ или личнымъ предразсудкамъ и интересамъ. Вполнѣ возможно, что подобные моменты могутъ создавать большія преграды для возможнаго рѣшенія данной проблемы; военная подготовленность, мельницы, пошлины, элеваторы и т. д. — все это, способно затемнить вопросъ, дать случай политиканамъ различныхъ лагерей поставить свои спеціальные интересы выше благосостоянія страны. Мы не имѣемъ въ виду разсматривать, какъ въ данномъ вопросѣ преодолѣть эти, нами же созданныя, препятствія; но значеніе вопроса столь велико, что слѣдуетъ принять большинство проектовъ, обезпечивающихъ военную обезпеченность. Одинъ изъ нихъ, предложенный доцентомъ Нильсомъ Волиномъ въ «Svensk Tidskrift» (1915), состоитъ въ введеніи элеваторовъ для земледѣльцевъ, основанныхъ на такъ называемыхъ вывозныхъ свидѣтельствахъ, но съ компенсаціей въ видѣ полнаго освобожденія отъ пошлины для кормовыхъ хлѣбовъ и пониженія номинальнаго тарифа на пшеницу, рожь и солодовый ячмень. Какъ уже было сказано, экспортная премія, подобная свидѣтельству о вывозѣ, сама по себѣ всегда вредна для военной подготовленности и потому ни въ коемъ случаѣ нежелательна; но если она является единственной возможностью созданія собственныхъ элеваторовъ землевладѣльцами, которые препятствовали бы тому, чтобы раз-

---

[1]) Наиболѣе интереснымъ изъ предложенныхъ англійской комиссіи проектовъ является малоразработанный и поверхностный, но оригинальный (отчетъ комиссіи т. III, стр. 327, сравн. т. I, стр. 51 слѣд. 87, 106), предлагающій создать запасной резервъ, посредствомъ обложенія особой пошлиной такой пшеницы, которая нѣкоторое время не сохранялась на складахъ страны. Это бы заставило потребителя уплатить проценты издержекъ на склады (съ соотвѣтствующей возможностью повышенія цѣнъ на мѣстный хлѣбъ). Эта мѣра однако, по наиболѣе пріемлемому объясненію, предполагаетъ, что государство строитъ склады—какъ-бы таможенные магазины — и безпошлинно вывозитъ запасы. Если вдуматься глубже, планъ оказывается болѣе остроумнымъ, чѣмъ выгоднымъ; но разбирать, отъ чего это зависитъ, завело бы насъ слишкомъ далеко.

смотрѣнная въ данной главѣ организація всецѣло попала въ руки не пользующихся довѣріемъ въ земледѣльческихъ кругахъ мукомоловъ, то съ нею можно, пожалуй, примириться. Если бы одновременно оказалось возможнымъ произвести компенсирующее пониженіе пошлинъ на хлѣбъ, то это рѣшеніе смогло бы примирить самые противоположные интересы. Съ точки зрѣнія военной подготовленности главная трудность будетъ заключаться въ ограниченіи тенденціи вывознаго свидѣтельства къ увеличенію зависимости отъ иностраннаго привоза.

Такимъ образомъ мы освѣтили вопросъ о дѣйствительной экономической военной подготовленности, отчасти болѣе детально, чѣмъ остальныя, затронутыя здѣсь проблемы. Практическое примѣненіе требуетъ все-таки еще значительно большей разработки проблемы, хотя нѣкоторыя части и не подлежатъ огласкѣ [1])

ГЛАВА VI.

Финансированіе войны.

Чтобы понять, какъ обстоитъ дѣло, бываетъ иногда полезно прослѣдить такое изложеніе дѣла, изъ котораго хорошо видно, какъ оно не обстоитъ. Этому требованію удовлетворяетъ нижеслѣдующая цитата, передающая мнѣніе, которое можно слышать почти во всѣхъ кругахъ и которое особенно часто высказывается оффиціально. Дѣло касается объясненія поразительной способности Германіи выдерживать тягость настоящей войны:

„Насильственный переходъ къ существовавшему раньше лишь въ теоріи положенію „изолированнаго государства“ сдѣлалъ насъ непобѣдимыми въ финансовомъ отношеніи. Ибо все, что мы имѣемъ въ смыслѣ финансовыхъ силъ, почти полностью остается внутри страны. Разница только въ томъ, что оно переходитъ изъ рукъ въ руки, и въ особенности широкимъ и быстрымъ потокомъ течетъ отъ государства къ частнымъ лицамъ. Если бы война стоила намъ около милліарда марокъ въ мѣсяцъ, то сумма перваго военнаго займа ($4^1/_2$ милліарда) въ $4^1/_2$ мѣсяца была бы возвращена народному хозяйству. Она, такимъ образомъ, почти всецѣло снова находится въ его распоряженіи. Тѣ же самыя средства могутъ, такимъ образомъ, браться государствомъ для его нуждъ съ опредѣленными интервалами. Нужно только позаботиться о быстротѣ и замкнутости этого оборота тогда война прокормитъ себя въ теченіе почти неограниченнаго времени“ [1]).

---

[1]) Части этой главы были опубликованы въ Ekonomisk Tidskrift (1914, № 12) и Svensk Tidskrift (1915 № 2). Наше изложеніе было разработано до опубликованія цѣннаго труда профессора Hermann Levy: „Vorratswirtschaft und Volkswirtschaft“ (Организація складовъ и народное хозяйство, Берлинъ, 1915), отчасти ставящаго вопросъ такъ же, какъ и мы.

[1]) Германъ Шумахеръ, Deutschlands Stellung in der Weldwirtschaft, въ коллективномъ трудѣ „Deutschland ünd der Weltkrieg“. изд. O. Hintze, Meinecke, Oncken u Schuhmacher. (Leipzig Berlin, 1915), стр. 126. Формулировка въ данномъ отрывкѣ черезчуръ недвухсмыслена, чтобы ее не понять, и въ остальныхъ частяхъ интереснаго труда проф. Шумахера нельзя отыскать какого-либо намека на иное толкованіе. Трудно повѣрить, чтобы одинъ изъ наиболѣе

Съ ясностью заслуживающей полнаго одобренія, здѣсь говорится, что если только брать все необходимое для войны внутри страны, то сумма постянно возвращается обратно и ею всегда можно располагать, такъ что война не влечетъ за собою почти никакихъ — расходовъ. Финансированіе войны становится удивительно простой проблемой. Нужно лишь имѣть въ своемъ распоряженіи необходимое количество денегъ для первыхъ мѣсяцевъ войны; потомъ эта сумма немедленно возвращается. Разсуждая логически, слѣдуетъ сказать, что возвращеніе денегъ въ народное хозяйство въ сущности представляется излишнимъ; вѣдь получатели денегъ въ видѣ жалованья, уплаты за товары и т. п. постоянно снова принуждены предоставлять ихъ въ распоряженіе государства, и они могли бы проще съ самаго начала оставить сумму государству, которое бы финансировало ею войну въ теченіи неопредѣленнаго времени.

Здѣсь не можетъ быть даже реторическаго вопроса о томъ, такъ ли это; настолько нелѣпа эта точка зрѣнія, если мы продумаемъ ее до конца. Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ подробнѣе ее проанализировать, ибо она заключаетъ въ себѣ два момента, которые могутъ ввести профана въ заблужденіе; исходя изъ критики этого двойного недоразумѣнія, мы сможемъ, какъ уже было указано, дойти до правильнаго представленія, какъ финансированіе дѣйствительно происходитъ.

Первый моментъ въ этомъ ходѣ мысли тотъ, что финансированіе войны будто бы облегчается полученіемъ товаровъ внутри страны. Фактически дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ; финансированіе при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ облегчаться неограниченно и во всѣхъ случаяхъ облегчается въ значительной степени, если товары не нужно брать внутри страны. Что значитъ съ точки зрѣнія финансированія, т. е. уплаты, ввозъ товаровъ? Это значитъ, что ввозимые товары уплачиваются находящимися внутри страны товарами, которые, слѣдовательно, вывозятся, или что они вообще не оплачиваются непосредственно, но, вмѣсто того, въ томъ или иномъ видѣ получаются въ кредитъ. Если товары получаются внутри страны, возможность кредита совершенно исключается. Государство, конечно, можетъ взять ихъ отъ поданныхъ въ какомъ ему угодно видѣ; но страна или, какъ предпочитаютъ выражаться экономисты, народное хозяйство, всегда должно восполнить образовавшійся пробѣлъ. Если товары берутся внутри страны, то собственные рессурсы страны составляютъ абсолютный предѣлъ для ея выносливости, въ то время какъ въ противномъ случаѣ рессурсы

выдающихся академическихъ ученыхъ Германіи въ этой области могъ впасть въ такое фундаментальное заблужденіе, и весьма возможно, что онъ въ дѣйствительности думалъ что-то другое. Но нельзя отрицать того, что игнорированіе теоретическихъ основъ политической экономіи часто приводило видныхъ нѣмецкихъ ученыхъ къ подобнымъ невѣрнымъ выводамъ.

другихъ странъ также въ неограниченной степени могутъ способствовать оплатѣ войны. Какъ будетъ показано ниже, это и дѣлается во все возрастающей степени даже со стороны Германіи, изоляція которой далеко не такъ совершенна, какъ это представлено въ цитатѣ. Вотъ что нужно замѣтить касательно второй возможности, что товары при ввозѣ не оплачиваются непосредственно. Что же касается первой возможности, что ввезенные товары оплачиваются вывозомъ своихъ товаровъ— почему бы такое примѣненіе ихъ оказалось дороже, чѣмъ ихъ прямое употребленіе? Въ дѣйствительности оно оказывается гораздо дешевле. Если товары вывозятся, это именно и означаетъ, что страна получаетъ, благодаря обмѣну предметовъ вывоза на другіе товары, больше, чѣмъ сколько бы она ихъ получила, производя послѣдніе сама. Въ противномъ случаѣ, никогда бы не возникло никакого экспорта. Если народъ принужденъ самъ производить все ему необходимое, то технически это иногда оказывается возможнымъ, если нація обладаетъ исключительной нѣмецкой предпріимчивостью; но это никогда не будетъ стоить дешево. Напротивъ, вопросъ о стоимости слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ совершенно оставлять въ сторонѣ; важно лишь, чтобы товары дѣйствительно производились. Такъ дѣло обстоитъ съ примѣненіемъ сахара въ видѣ корма, съ новымъ производствомъ селитры, съ выработкой спеціальной стали, замѣняющей мѣдь, съ примѣненіемъ электромеханическихъ мастерскихъ или игрушечныхъ фабрикъ для производства оружія и т. д. Все это можно назвать грандіознымъ—но отнюдь не дешевымъ. Производительныя силы страны получили бы гораздо лучшее примѣненіе, если бы сахаръ, электрическія машины и т. п. можно было вывозить, и ввозить мѣдь, кормовые продукты и т. п.; и пропорціонально этому облегчилось бы финансированіе.

Мнѣніе, что финансированіе войны выигрываетъ отъ отрѣзанности страны, противорѣчитъ дѣйствительности; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и германское правительство прекрасно понимаетъ это, такъ какъ оно не пропускаетъ ни одного случая добывать товаръ изъ-за границы. Но какъ же тогда дѣло обстоитъ съ выгодой „кругообращенія“ займа? Это второй моментъ, который можно предположить независимо отъ перваго, если только быть послѣдовательнымъ. Ибо, если бы хоть часть занятыхъ внутри страны средствъ была употреблена на покупку иностранныхъ товаровъ, прибыль все-таки косвенно вернулась бы къ гражданамъ своей страны, какъ возмѣщеніе за вывезенные товары, которыми, въ концѣ концовъ, уплачиваются ввезенные товары. Дѣло можно пояснить примѣромъ. Предположимъ, что европейское государство сдѣлало военный заемъ, употребленный на покупку металла для вооруженія. Въ одномъ случаѣ этимъ металломъ будетъ мѣдь, купленная въ Америкѣ, въ другомъ случаѣ это какая нибудь замѣна мѣди, внутри страны. Въ первомъ случаѣ страна уплачи-

ваетъ за мѣдь векселемъ или чекомъ на центральный банкъ, гдѣ средства, добытыя путемъ займа, лежатъ на счету даннаго государства. Американскій продавецъ мѣди получаетъ вексель и предъявляетъ его въ своемъ банкѣ, который, въ свою очередь, продаетъ его американскому покупателю, напр., прядильныхъ товаровъ европейскаго изгототовленія? Этотъ американскій покупщикъ отсылаетъ вексель обратно продавцу прядильныхъ товаровъ, который получаетъ на него валюту въ своемъ центральномъ банкѣ. Это въ первомъ случаѣ. Во второмъ случаѣ вексель непосредственно безъ передачи поступаетъ къ мѣстному продавцу спеціальной стали или другого металла, замѣняющаго собой мѣдь, и тотъ получаетъ за вексель валюту въ центральномъ банкѣ. Въ чемъ же состоитъ разница между обоими случаями? Конечно, не въ томъ, что одинъ разъ деньги получаетъ иностранецъ, а другой разъ туземецъ, а только въ томъ, что экспортный фабрикантъ, изготовляющій текстильный товаръ, получаетъ сумму въ одномъ случаѣ, а поставщикъ государства, изготовитель спеціальной стали, въ другомъ. Если послѣднее является важнымъ моментомъ, позволяющимъ войнѣ питать себя неопредѣленное время, то этому же требованію отвѣчаетъ и второй случай.

Предположимъ, что даннаа страна имѣетъ ввозъ, но никакого (или незначительный) вывозъ, что является обычнымъ опасеніемъ „первобытнаго человѣка,“ то вслѣдствіе этого ввозъ вообще не будетъ оплачиваться непосредственно; это значитъ, что въ данномъ примѣрѣ Америка отдаетъ свой товаръ въ кредитъ, и это, конечно, не можетъ затруднить финансированіе.

Если данное кругообращеніе вообще существуетъ, то оно, слѣдовательно, существуетъ всегда. Но такъ ли это?

Если бы это дѣйствительно было такъ, то получающій уплату отъ государства не нуждался бы вообще въ какой либо уплатѣ. Посмотримъ, куда направляются государственные платежи. Часть уходитъ на прямое вознагражденіе за исполненную работу; если рабочій долженъ жить, то онъ чѣмъ нибудь долженъ питаться, почему и трудно ожидать, что онъ будетъ имѣть возможность отдавать свое вознагражденіе назадъ государству въ видѣ займа. Другая часть уходитъ на содержаніе солдатскихъ семей; объ этой части слѣдуетъ сказать то же самое. Третья часть идетъ на уплату за жизненные продукты и кормъ, реквизированный у крестьянъ и помѣщиковъ; чтобы они могли продолжать вести земледѣліе, они должны покупать удобреніе, кормъ, земледѣльческія орудія и т. п., а равно платить рабочимъ и работницамъ. Четвертая часть выплачиваетса промышленнымъ предпріятіямъ въ вознагражденіе за ихъ продукты; чтобы платить жалованье своимъ рабочимъ, уплачивать за покупку сырыхъ продуктовъ и т. п. они должны воспользоваться тѣмъ, что даетъ продажа ихъ товаровъ.

Съ другой стороны, если государство получаетъ валюту за

свои платежи, то ясно, что оно также получаетъ кое-что отъ продавцовъ. Полученное отъ продавцовъ никогда не возвращается; оно съѣдается, тратится на стрѣльбу, снашивается и т. п. Когда все это съѣдено, растрачено на стрѣльбу или изношено, государство должно добывать новые товары того же рода и должно потому снова обращаться къ тѣмъ же или къ другимъ продавцамъ; это продолжается до тѣхъ поръ, пока идетъ война и пока можно что нибудь получать. Алхимія, превращающая съѣденную арміей пищу, сношенную одежду и разстрѣлянные снаряды въ новые предметы того же рода еще не изобрѣтена. Для этого нужно, чтобы солдаты сами создавали новые товары того же рода, какъ употребленный ими, или же другіе продукты, на которые можно было бы вымѣнять первые; но этого не бываетъ. Война не промышленность; война „не питаетъ“ ни себя ни кого-нибудь другого, ея дѣло совсѣмъ другого рода.

И пока это такъ, „кругообращеніе“ слѣдуетъ считать чрезвычайно опаснымъ экономическимъ заблужденіемъ.

Правда, что можно говорить объ извѣстномъ кругооборотѣ, особенно касательно оружія, быть можетъ, даже и въ отношеніи платья. Разстрѣлянные патроны и пр. тщательно сберегаются и употребляются снова въ дѣло; равнымъ образомъ, вѣроятно, можно въ ограниченномъ количествѣ снова пускать въ обращеніе аммуницію или матеріалъ для нея. Но это не можетъ ни мало способствовать тому, чтобы уже уплаченный заемъ „оказался снова въ распоряженіи“ для уплаты новаго займа. Все, что можно сдѣлать, это нѣсколько уменьшить расходы государства, такъ чтобы добытыхъ посредствомъ займа средствъ хватило на большее время.

Неужели же въ разбираемомъ общераспространенномъ нами представленіи нѣтъ ни крупицы истины? Да, въ ученіи о „кругообращеніи“ ея нѣтъ; оно является типичнымъ примѣромъ того, какъ опасны поверхностныя экономическія разсужденія. Напротивъ того, представленіе о финансовой цѣнности отрѣзанности содержитъ въ себѣ, конечно, въ совершенно искаженномъ видѣ, крупицу истины. Она заключается въ томъ, что бережливость увеличивается отъ отрѣзанности; а бережливость одинъ изъ фактовъ военнаго финансированія. Отсутствіе многихъ предметовъ заставляетъ населеніе Германіи ограничивать свое потребленіе т. е. соглашаться на большія, но въ сущности благотворныя жертвы и всѣ сбереженія идутъ на покрытіе военныхъ расходовъ. Это, однако, не слѣдуетъ понимать такъ, что прекратившійся ввозъ можетъ давать что-нибудь для войны; его нѣтъ, и никто не можетъ имъ пользоваться. Но съ точки зрѣнія народнаго хозяйства потребленіе предметовъ ввоза въ дѣйствительности предполагаетъ потребленіе тѣхъ предметовъ вывоза, которыми оплачиваются первые; когда ввозъ прекращается, то производительныя силы, раньше направленныя на производство для вывоза, фактически идутъ на нужды войны

Если люди лишены возможности покупать иностранные пищевые продукты, одежду и предметы роскоши, совершать заграничныя поѣздки и т. п. и если они, разумѣется, не заполняютъ этого робѣла соотвѣтствующими мѣстными товарами — въ такомъ случаѣ ничего не выгадывается — то, слѣдовательно, освобождаются капиталы и рабочая сила для дальнѣйшаго хода войны. Въ дѣйствительности это вынужденное ограниченіе вызываетъ, напр. въ потребленіи хлѣба, въ свою очередь новыя формы сбереженія, несвязанныя непосредственно съ изоляціей, напр. прекращеніе почти всѣхъ дорогостоящихъ формъ общественной жизни. Такимъ образомъ, какъ ниже будетъ показано подробнѣе, почти всѣ различные виды „военныхъ сбереженій“ способствуютъ военному займу.

Съ этой мотивировкой можно, пожалуй, найти частицу истины въ распространенномъ мнѣніи, что Англія оказала отрѣзанностью Германіи услугу послѣдней. Однако, ту же услугу германское правительство могло оказать своему народу безъ помощи какой-либо блокады просто посредствомъ запрещенія ввоза ненужныхъ товаровъ. Въ противоположность теперешнему положенію Германія получила бы тогда всѣ необходимые товары и достигла бы тѣмъ самымъ наилучшаго примѣненія производительныхъ силъ нѣмецкаго народа. Указанная мысль окажется еще вѣрнѣе, если мы скажемъ, что безпрепятственный ввозъ въ Англію, въ соединеніи съ щедрымъ вознагражденіемъ семей солдатъ, а равно и съ общимъ повышеніемъ заработной платы, противодѣйствовалъ развитію крайне необходимой бережливости. Это, конечно, совершенно иное, чѣмъ мысль, будто благодаря изоляціи „почти все, что мы имѣемъ въ смыслѣ финансовыхъ силъ, остается внутри страны“. Эта мысль сродни представленію людей семнадцатаго вѣка о „пользѣ роскоши“, якобы способствующей развитію труда, и извѣстному убѣжденію одного изъ современныхъ писателей, что бо́льшая потребность арміи и потребность населенія въ жизненныхъ продуктахъ способствуютъ образованію капиталовъ *).

1.

Теперь слѣдуетъ посмотрѣть, какъ дѣло обстоитъ съ финансированіемъ съ положительной стороны; въ данномъ отношеніи можно исходить изъ результатовъ четвертой главы. Итакъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что война оплачивается потребленіемъ товаровъ и личными услугами. Остается только разъяснить связь между матеріальными вещами и колоссальными денежными суммами, поглощаемыми финансированіемъ войны.

[1]) См., напр., статью O. Schneider «Die Kriegsfinanzen der europäischen Grossmächte“ (въ Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung 1915, стр. 1371). Эта статья, вмѣстѣ съ болѣе ранней работой того же автора (Kriegssteuern, того же года) дѣйствительно является образцомъ невѣрнаго пониманія проблемы финансированія.

Уже съ самаго начала можно сказать, что денежнымъ суммамъ соотвѣтствуютъ товары, которые или производятся внутри страны или ввозятся изъ-за границы, и поступаютъ въ распоряженіе государства, т. е. исключаются изъ частнаго производства и потребленія. Но, какъ всякая другая связь между деньгами и товаромъ, и эта связъ очень сложна и представляетъ много спорныхъ пунктовъ. Чтобы разъяснить ихъ, удобно съ самаго начала различать два случая, 1) когда страна предоставлена своимъ собственнымъ рессурсамъ, и 2) когда она можетъ получать помощь въ видѣ товаровъ изъ другихъ странъ.

1. Страны, совершенно предоставленной своимъ собственнымъ рессурсамъ, въ данное время, какъ извѣстно, не встрѣчается; но размотрѣніе того, какъ финансировались бы ея военные расходы, значительно способствуетъ выясненію дѣла. Для примѣра можно въ такомъ случаѣ исходить изъ положенія Германіи, исключивъ все то, что связываетъ промышленную жизнь Германіи съ другими странами. Два большихъ, сдѣланныхъ въ теченіе перваго года войны, нѣмецкихъ военныхъ займа составляютъ вмѣстѣ около 13½ милліардовъ марокъ, а вмѣстѣ съ произведеннымъ осенью 1915 г. третьимъ займомъ, сумма доходитъ до 25½ милліардовъ марокъ. Изъ сказаннаго ясно, что здѣсь ни въ коемъ случаѣ не имѣется въ виду оцѣнка финансовой мощи Германіи, но лишь примѣръ, въ дѣйствительности нѣсколько стилизованный, имѣющій цѣлью пояснить ходъ мысли. Большая часть того, что будетъ сказано ниже по поводу этого примѣра касается въ значительно большей степени другихъ странъ, чѣмъ Германію, хотя эта страна избрана нами на основаніи относительной изолированности ея экономической жизни.

Заемъ, сдѣланный въ экономически изолированной Германіи, какъ мы неправильно предполагаемъ, означаетъ, что германское правительство получило право располагать имуществомъ нѣмецкихъ мужчинъ и женщинъ и ихъ трудомъ въ общей стоимости на 13½ или 25½ милліардовъ марокъ. Прежде всего ясно, что правительству не нужно было бы прибѣгать къ займу, чтобы достигнутъ этого; оно могло бы располагать предметами на ту же сумму посредствомъ налоговъ или военной реквизиціи, хотя форма займа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгоднѣе. Это значитъ, что сумма займа, покуда предпосылка объ изолированности страны остается въ силѣ, сама по себѣ не создала новаго рессурса для веденія войны, но открыла лишь удобный способъ отдачи въ распоряженіе правительства уже существующихъ средствъ. Уже это является важнымъ выводомъ, о которомъ, однако, часто забываютъ. Но кромѣ того еще чаще оставляется безъ вниманія другое обстоятельство, а именно, что сумма займа сама по себѣ еще не доказываетъ наличія, въ предполагаемыхъ размѣрахъ, средствъ для веденія войны. Доведя мысль до абсурда, можно сказать, хотя это и не примѣнимо къ положенію какого нибудь современнаго государ-

ства, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ суммы займовъ въ изолированной странѣ могутъ подниматься до безконечности, причемъ однако способность страны продержаться не увеличилась.

Это требуетъ болѣе подробнаго объясненія. Не только подписки на займы, но и покрытіе ихъ происходятъ оченъ быстро, иногда даже заранѣе; и, нельзя ни въ коемъ случаѣ сомнѣваться, что имъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя цѣнности. Но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, отвѣчаютъ ли имъ такія цѣнности, которые можно употребить на веденіе войны. Даже Швеція, имѣетъ въ данное время, по всѣмъ вѣроятіямъ, государственное имущество, отвѣчающее не только 13-ти, но даже 20-ти милліардамъ марокъ [1]), а государственное имущество Германіи, конечно, во много разъ больше, судя по приведенной теперешнимъ германскимъ министромъ финансовъ, экономистомъ Гельферихомъ, цифрѣ въ 300 милліардовъ марокъ за время до 1910 г. Но имущество есть нѣчто такое, что только въ строго ограниченномъ размѣрѣ можетъ быть употреблено на непосредственные расходы и его наличность совершенно безполезна въ данномъ отношеніи. Имущество состоитъ, напримѣръ, въ строеніяхъ, фабрикахъ, копяхъ, въ земельныхъ участкахъ или въ участіи въ оныхъ, напр. въ акціяхъ и облигаціяхъ. Заемъ такого рода ничего не даетъ государству; большинство предметовъ, составляющихъ имущество, не можетъ служить цѣлямъ войны иначе, какъ своимъ доходомъ, которымъ государство можетъ располагать, и не владѣя производительными средствами, и не можетъ располагать, только владѣя послѣдними. Для веденія войны имѣютъ значеніе, какъ сказано, только предметы, готовые для употребленія.

Итакъ, совершенно ясно, что заемъ не уплачивается ни долями имущества, ни годными для потребленія товарами, а лишь деньгами; вопросъ лишь въ томъ, какія реальныя цѣнности имѣютъ за собою эти деньги. Держатель акцій, желающій подписаться на государственныя облигаціи, можетъ пойти въ банкъ, заложить свои акціи и уплатить за государственный заемъ; реальностью, лежащей въ основаніи его подписки, яляется все-таки акція. При нормальныхъ обстоятельствахъ банкъ не могъ бы давать взаймы на большую сумму, чѣмъ отвѣчающая его такъ назыв. оборотнымъ капиталамъ. Этотъ оборотный капиталъ состоитъ въ свободныхъ, не закрѣпленныхъ за кѣмъ-нибудь средствахъ, принадлежащихъ другимъ лицамъ, а именно вкладчикамъ банка; и тогда, при нормальныхъ условіяхъ, въ распоряженіе государства были бы предоставлены эти послѣднія средства, при посредствѣ банка путемъ подписки на заемъ. Въ такомъ случаѣ все обстояло бы благополучно; если бы таковыхъ

[1]) Уже въ 1908 г. шведское національное имущество опредѣлялось въ 14 милліардовъ кронъ.

средствъ не оказалось, не была бы возможна никакая подписка. Но теперь дѣло обстоитъ не такъ, и это зависитъ отъ того, что банки — центральный банкъ или спеціальныя для войны устроенныя кассы—имѣютъ возможность закладывать доходы, не располагая свободными средствами, которыя могли бы быть помѣщены такимъ образомъ. Это происходитъ благодаря новому закону о выпускѣ кредитныхъ билетовъ.

Во всѣхъ воюющихъ странахъ всякое ограниченіе выпуска билетовъ въ дѣйствительности уничтожено. Само по себѣ это еще не имѣло бы большого значенія, если бы былъ сохраненъ обмѣнъ ассигнацій на золото, какъ это до сихъ поръ и было въ Англіи. Ибо обезцѣниваніе билетовъ по отношенію къ золоту, которое, какъ сейчасъ будетъ указано, является слѣдствіемъ черезчуръ большого выпуска кредитныхъ билетовъ, автоматически гонитъ ассигнаціи назадъ въ банкъ для обмѣна на болѣе цѣнное золото, пока подобный обмѣнъ разрѣшенъ; и обмѣнъ, поэтому, является вполнѣ дѣйствительной гарантіей до тѣхъ поръ, пока его можно поддерживать. Благодаря одновременной отмѣнѣ ограничительнаго закона о выпускѣ кредитныхъ билетовъ и обмѣна на золото—въ большей степени даже благодаря лишь послѣднему—создалась возможность выпускать слишкомъ много кредитныхъ билетовъ, т. е. съ современной точки зрѣнія давать взаймы, не трогая оборотнаго капитала [1]). Основной фактъ, о которомъ слѣдуетъ помнить,—это то, что дѣло совсѣмъ не въ стоимости предмета, служащаго обезпеченіемъ займа, а въ общей суммѣ займа. Опасность заключается совсѣмъ не въ томъ, что данный держатель акцій получитъ слишкомъ большую сумму на свои акціи—нѣмецкія кредитныя кассы особенно строги въ этомъ отношеніи,—но въ томъ, что онъ вообще получаетъ деньги, не соотвѣтствующія оборотному капиталу; слѣдовательно, уплата за военный заемъ состоитъ въ томъ, чѣмъ государство не можетъ воспользоваться. Извѣстнымъ въ исторіи достопамятнымъ примѣромъ является выпускъ кредитныхъ билетовъ во Франціи во время великой революціи, выпущенныхъ подъ полное обезпеченіе французскихъ государственныхъ имуществъ, что, однако, не воспрепятствовало паденію

[1]) Понятно это является только возможностью, а не необходимостью. Посредствомъ корректной политики дисконта, ограничивающей потребностей ссудъ повышеніемъ цѣны на заемъ, обращеніе ассигнацій всегда можетъ поддерживаться въ своемъ настоящемъ объемѣ даже и безъ размѣна; тѣмъ самымъ цѣнность денегъ упрочилась бы еще больше, чѣмъ теперь, которая, какъ извѣстно, при нормальныхъ условіяхъ также колеблется въ болѣе продолжительные сроки то въ одномъ, то въ другомъ направленіи. Между тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что именно наличность неразмѣненныхъ ассигнацій способствуетъ неправильной политикѣ дисконта и потому мало надежды на то, что отказъ отъ размѣна сократитъ обращеніе ассигнацій, пока нѣтъ совершенно особыхъ гарантій для этой цѣли. Таковые же въ данное время отсутствуютъ благодаря тому, что денежное дѣло всѣхъ культурныхъ странъ основано на размѣнѣ ассигнацій.

ихъ цѣнности до 1/3 процента ихъ номинальной стоимости (35 сант. за 100 ливровъ или франковъ). Насколько это соотношеніе не принимается во вниманіе и теперь, даже лицами, получившими право сотрудничать въ научныхъ изданіяхъ, трудно себѣ и представить; и фактъ, что паденіе цѣнностей въ такомъ же объемѣ, какъ когда-то французскихъ ассигнацій, въ настоящее время не произошолъ и надо надѣяться, не произойдетъ и въ будущемъ, не исключаетъ того, чтобы принципъ и теперь еще оставался тѣмъ же, какъ и раньше. Во всѣхъ воюющихъ странахъ,—за исключеніемъ однако, въ значительной степени, Англіи,—большая или меньшая часть военнаго займа пополняется ассигнаціями, оплачиваемыми за такіе предметы, которые не имѣютъ значенія для веденія войны.

Возьмемъ, какъ типичный примѣръ, случай, что лицо закладываетъ свои акціи въ одной изъ нѣмецкихъ кредитныхъ кассъ или въ центральномъ банкѣ; касса или банкъ въ такомъ случаѣ сохраняетъ акціи и выдаетъ билеты. Эти билеты вносятся затѣмъ на счетъ государства за военный заемъ; государство получаетъ билеты и выдаетъ свои долгосрочныя долговыя обязательства, государственныя облигаціи. [1]). То, что государство получило за эти долговыя обязательства, является слѣдовательно, другими долговыми обязательствами его собственными или его банка,—государственными или банковыми билетами [2]). Но послѣдніе представляютъ, въ свою очередь, акціи, которыя подписчикъ на заемъ прибережъ для этой цѣли; кредитная касса не можетъ предоставить государству для войны другихъ средствъ и, стало быть, государство дѣйствительно получило за свои долговыя обязательства или облигаціи полную валюту стоимости, но не валюту, которую оно могло бы употребить въ дѣло [3]). Таковъ будетъ ходъ дѣла въ томъ случаѣ, если государство представитъ ассигнаціи для обмѣна въ кредитную кассу—если таковой обмѣнъ вообще будетъ совершаться—какъ это дѣлается, напримѣръ, съ чекомъ на другой банкъ, когда подписка на заемъ происходитъ посредствомъ выдачи такового. Въ сущности дѣло обстоитъ такъ: акціи всегда остаются неприкосновенными, но одной рукой (кредитная касса) даетъ въ заемъ, а другая (государственная касса) принимаетъ, и въ результатѣ—плюсъ минусъ

[1]) Что касается кредитныхъ кассъ, то ихъ примѣненіе для военныхъ займовъ имѣло, большей частью, преходящее значеніе.

[2]) Для большей наглядности мы здѣсь взяли примѣръ съ государственными ассигнаціями. Дѣло почти не мѣняется, если ассигнаціи выпускаются центральнымъ банкомъ, являющимся частнымъ лишь по названію, но имѣющимъ общій съ государствомъ кредитъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ.

[3]) Читатель, безъ сомнѣнія, понимаетъ, что рѣчь идетъ лишь о соотвѣтствіи между данными средствами (акціями) по подписной стоимостью займа, что для этой суммы въ народномъ хозяйствѣ не оставлено ничего, кромѣ именно акцій, и что мы ни въ коемъ случаѣ не предполагаемъ, что государство вступитъ въ обладаніе ими. Какъ разъ невозможность этого и вызываетъ слѣдующій шагъ.

нуль. Поэтому операція до этого пункта остается совершенно безцѣльной. Положеніе мѣняется лишь тогда, когда государство употребляетъ полученные билеты для уплаты за товары, т. е. пускаетъ ихъ въ оборотъ, дѣлаетъ ихъ обращеніе средствомъ. Въ дѣйствительности мы имѣемъ тогда двѣ различныхъ операціи: первая даетъ государству ненужные ему доходы или ничего не даетъ за облигаціи, другая же доставляетъ государству или нужные доходы или товары за ассигнаціи. Для каждой изъ этихъ операцій государство (или, въ послѣднемъ случаѣ, центральный банкъ) должно выдавать извѣстныя долговыя обязательства, но лишь послѣдняя имѣетъ нѣкоторую цѣнность для финансированія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда вообще не прибѣгаютъ къ обезпеченнымъ фондами займамъ (облигаціонный заемъ), а война финансируется непосредственно центральнымъ банкомъ путемъ выпуска ассигнацій, какъ это въ широкихъ размѣрахъ дѣлается во Франціи и въ Россіи, дѣло обстоитъ значительно проще. Здѣсь, конечно, тоже дается заемъ государству со стороны центральнаго банка и затѣмъ выпускаются ассигнаціи, но ясно, что первая операція не имѣетъ значенія; а въ томъ случаѣ, когда государство выпускаетъ ассигнаціи непосредственно, даже нѣтъ никакой операціи [1]). Это, однако, не значитъ, что послѣдній способъ лучше. Напротивъ, онъ опаснѣе, такъ какъ не создаетъ никакихъ преградъ для слишкомъ большого выпуска ассигнацій, какъ это хоть отчасти бываетъ въ первомъ случаѣ, который предполагаетъ со стороны капиталистовъ желаніе закладывать свои имущества въ пользу государства, и со стороны кредитныхъ кассъ желаніемъ выдавать ссуды. Это подтверждается также тѣмъ, что наплывъ ассигнацій, въ отношеніи къ общей суммѣ финансированія, значительно ниже въ Германіи, чѣмъ во Франціи и въ Россіи. Благодаря этому во второмъ случаѣ будетъ значительно труднѣе ликвидировать въ будущемъ лишнее количество выпущенныхъ ассигнацій, по причинамъ, о которыхъ рѣчь впереди.

Остается объяснить, какъ новый выпускъ ассигнацій, какую бы форму онъ ни принялъ, въ концѣ концовъ дѣлаетъ возможнымъ финансированіе, и какъ онъ дѣйствуетъ на экономическую жизнь. Это же совершенно просто.

Съ новымъ выпускомъ билетовъ правительство пріобрѣтаетъ покупательную силу. Но этой вновь созданной покупательной силѣ не соотвѣтствуетъ новое количество товаровъ [2]).

[1]) При финансированіи послѣдняго вида никому не придетъ въ голову считаться съ государственнымъ займомъ у банка и съ количествомъ ассигнацій, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ эти гарантіи безусловно налицо.

[2]) Слѣдуетъ сказать, что нами преднамѣренно оставлены безъ вниманія подробности денежной теоріи, чтобы не излишне загромождать измѣренія. Всякое политико-экономическое разысканіе, спеціально-ученое или популярно-научное должно упрощать проблему, исключая всѣ, не относящіеся къ вопросу, моменты. Если этого нѣтъ, то приходится развертывать всю теорію политической экономіи въ каждомъ спорномъ случаѣ, что совершенно безполезно.

Если опредѣленному количеству товара раньше соотвѣтствовало платежное средство (деньги, ассигнаціи и др. кредитныя средства) на сумму, напр. 10 милліардовъ, и теперь при томъ же количествѣ товара платежныя средства возрастаютъ указаннымъ способомъ, напр. до 12 милліардовъ, то это означаетъ, что каждой единицѣ платежнаго средства соотвѣтствуютъ лишь $^5/_6$ количества товара, которое раньше можно было получить за ту же единицу; если раньше каждая единица платежнаго средства могла купить $^1/_{10}$ милліардную часть количества товара, то теперь она можетъ купить лишь $^1/_{12}$ милліардную часть. Слѣдствіемъ будетъ паденіе цѣнности денегъ, или, что тоже самое, повышеніе общаго уровня цѣнъ. Но благодаря полученію—въ нашемъ примѣрѣ—2 милліардовъ изъ 12 остающихся въ оборотѣ послѣ указанной операціи, государство, несмотря на уменьшеніе цѣнности денегъ (ассигнацій), обезпечило за собою $^1/_6$ часть количества товара въ странѣ и сократило покупную способность населенія до $^5/_6$ прежняго количества. Несмотря на все, данная операція также является финансированіемъ войны, создавая и принудительное сбереженіе средствъ, хотя и въ очень неудачной формѣ, такъ какъ эта мѣра одновременно фальсифицируетъ общее мѣрило цѣнности. Такъ какъ золото не можетъ такимъ же образомъ умножаться и цѣнность его поэтому остается устойчивой, то цѣнность ассигнацій, выраженная въ золотѣ, одновременно падаетъ. Въ отношеніи къ народному хозяйству произошло тоже самое, какъ если бы государство безъ уплаты, посредствомъ военной реквизиціи, изъяло $^1/_6$ часть количества товара, хотя бы стоимость денегъ одновременно понизилась, что не было бы непремѣннымъ слѣдствіемъ второго метода.

Паденіе цѣнности денегъ будетъ въ приведенномъ случаѣ, вѣроятно, значительно больше одной шестой, такъ какъ одновременно съ увеличеніемъ одной части дилеммы—количества денегъ, уменьшается вторая часть — количество товара, отчасти во всемъ мірѣ—благодаря войнѣ, отчасти, въ данномъ случаѣ, ва основаніи отрѣзанности страны. Эта тенденція извѣстнымъ образомъ смягчается тѣмъ, что товары, разсчитанные на будущее постепенное потребленіе—новые заводы скота, склады и пр.—въ большемъ количествѣ выпускаются на рынокъ; это бываетъ только тогда, когда уже острая нужда наступила, и этихъ товаровъ недостаточно для ея устраненія. Увеличеніе количества денегъ въ этомъ отношеніи особенно нежелательна въ военное время. Представимъ себѣ, чтобы только имѣть какую-нибудь цифру для примѣра, что все количество товара, необходимаго государству для войны, приводитъ къ длительному уменьшенію производства товаровъ внутри страны, то мы получимъ слѣдующее исчисленіе. Количество денегъ поднялось съ 10 до 12 милліардовъ, количество товара уменьшилось на $^1/_6$ — скажемъ съ 10 до $8^1/_3$ милліардовъ единицъ. Въ то время

какъ пропорція между товаромъ и деньгами раньше была 10 : 10, она теперь понизилась до $8^1/_3 : 12$, т. е. ок. $30^1/_2\,\%$.

Эта тенденція въ свою очередь уравновѣшивается тѣмъ, что въ отношеніи количества товара увеличивается потребность въ ассигнаціяхъ во время войны, по мѣрѣ того какъ кредитная система ухудшается. Обычныя кредитныя средства, векселя или чеки, все больше отступаютъ на задній планъ; особенно это наблюдается на континентѣ, гдѣ государство, взявшее на себя безчисленныя, ранѣе производившіяся частными лицами операціи, оплачиваетъ ихъ наличными деньгами, т. е. ассигнаціями, которыя тогда замѣняютъ тѣ векселя и т. п., которыми расплачивались бы частныя лица въ соотвѣтствующихъ случаяхъ. Мораторіи, особенно когда они принимаютъ форму закрытія банковъ, побуждаютъ людей самимъ держать свои кассы, вмѣсто того, чтобы предоставлять ихъ въ распоряженіе банка, и уменьшаютъ тѣмъ самымъ количество операцій, которыя данная монета или ассигнація успѣваетъ совершить въ опредѣленный срокъ, т. е. уменьшаютъ скорость обращенія денегъ. Вѣроятно также встрѣчается, въ большинствѣ странъ, настоящее скопидомство т. е. припрятываніе денегъ не для того, чтобы имѣть достаточную кассу, но въ видѣ прямого размѣщенія своихъ доходовъ; апогеемъ этой нелѣпости является припрятываніе подобнымъ образомъ ассигнацій. Каждая изъ этихъ мѣръ создаетъ пробѣлъ въ обращеніи, и это даетъ поводъ къ новому выпуску ассигнацій, такъ что трусливые люди въ дѣйствительности, совершенно не преднамѣренно и, вѣроятно, совсѣмъ противъ своей воли, предоставляютъ государству безпроцентный кредитъ. Особенно при возникновеніи войны, когда обыкновенно скопидомство процвѣтаетъ, возникаетъ крайне затруднительный недостатокъ въ платежныхъ средствахъ, что даетъ государству удобный случай для его первой обычной финансовой операціи для войны. Слѣдствіемъ этой мѣры, какъ и послѣдующихъ въ томъ же родѣ, является предоставленіе въ распоряженіе государства соотвѣтствующей доли въ количествѣ товара. Однако въ данномъ случаѣ, такъ какъ не происходитъ непосредственнаго повышенія цѣнъ, можно только удивляться тому, кто же собственно уступилъ товаръ. Это лица, которыя накопили деньги (монету или ассигнаціи); и когда эти люди впослѣдствіи извлекаютъ изъ чулка накопленное и скупаютъ товары, тогда наступаетъ запоздалое повышеніе цѣнъ; уменьшенная такимъ образомъ за это время цѣнность денегъ является показателемъ того, что слишкомъ осторожные люди остались безъ товаровъ.

Изъ двухъ послѣднихъ примѣровъ вытекаютъ два важныхъ заключенія. Во-первыхъ, финансированіе посредствомъ увеличенія выпуска билетовъ въ ограниченномъ размѣрѣ возможно даже въ странѣ, сохраняющей размѣнъ билетовъ, какъ напр. въ Англіи; новые билеты въ такомъ случаѣ заполняютъ лишь

образовавшійся пробѣлъ въ обращеніи. Но къ этому прибавляется также второе слѣдствіе, а именно, что общее повышеніе цѣнъ возможно даже и въ подобной странѣ, какъ это въ значительной степени и случилось именно въ Англіи, независимо отъ того, что количество денегъ увеличилось, но въ зависимости отъ уменьшенія количества товара. Въ данномъ случаѣ, напротивъ, немыслимъ лажъ на золото—пока билеты могутъ быть обмѣнены на золото; происходитъ лишь общее пониженіе цѣнности, какъ золота, такъ билетовъ по сравненію съ товарами.

Къ этому присоединяется, наконецъ, послѣдній факторъ, что слишкомъ стремительное обращеніе билетовъ нѣкоторое время можетъ происходить даже при наличіи безпрепятственнаго размѣна, такъ какъ все же пройдетъ нѣкоторое время прежде, чѣмъ ассигнаціи снова вернутся въ банкъ для размѣна. И этотъ наплывъ ассигнацій будетъ тѣмъ обильнѣе, чѣмъ меньше стоимость ассигнацій, такъ какъ онѣ въ той же степени проникаютъ въ глубокіе слои населенія, которые не имѣютъ дѣла непосредственно съ банками. Эта опасность для Англіи была уже давно указана въ началѣ войны J. M. Keynes въ его уже цитированной работѣ „The Prospects of Money“ [1]), написанной по поводу мѣръ, предпринятыхъ англійскимъ правительствомъ для борьбы съ кризисомъ въ началѣ войны, и особенно по поводу стремленія частныхъ банковъ использовать его для своихъ цѣлей. Слѣдствіемъ является, въ такомъ случаѣ, невыгодный курсъ векселей и потребность въ золотѣ для вывоза; если таковой затрудненъ, то обмѣнъ ассигнацій, очевидно, частью анулированъ. Но если размѣнъ, въ свою очередь, поддерживается по существу, то ассигнаціи снова становятся равноцѣнными золоту; на продолжительное время ассигнаціи, подлежащія обмѣну, никогда не могутъ падать въ цѣнности сравнительно съ золотомъ. Теперь, осенью 1915 г., Англія послѣдней изъ воюющихъ державъ, пришла къ необходимости поколебать основы своего денежнаго обращенія и тѣмъ самымъ раскрыла двери финансированію посредствомъ выпуска ассигнацій, хотя эта послѣдняя мѣра до сихъ поръ еще не примѣнялась въ большихъ размѣрахъ.

Прежде чѣмъ мы покончимъ съ этимъ видомъ финансированія, необходимо разъяснить еще одинъ вопросъ, а именно отношеніе золотого запаса къ новому выпуску ассигнацій, ибо этотъ моментъ обычно играетъ главную роль въ тѣхъ сообщеніяхъ, разсчитанныхъ на возбужденіе массъ, и исходящихъ время отъ времени изъ воюющихъ странъ. Постановленіе о покрытіи ассигнацій преслѣдуютъ лишь одну цѣль: гарантировать размѣнъ.

---

[1]) Economic Journal, december стр. 615—620. См. также очень пессимистическую работу проф. L. S. Nicholson'a: „The Abandonment of the gold Standard“ въ Quarterly Review, апр. 1915, стр. 409—23.

Такъ какъ ассигнаціи теперь нигдѣ не размѣниваются, то лицо, воображающее, что разумъ управляетъ экономическими соображеніями людей, можетъ предположить, что эти предписанія потеряли всякое значеніе. Въ дѣйствительности такъ, что постоянно ссылаются по покрытіе. Въ какой степени это оправдывается или, правильнѣе говоря, нуждается въ оправданіи съ точки зрѣнія будущаго размѣна ассигнацій, разсматривать здѣсь не будемъ—вопросъ этотъ уже разработанъ въ четвертой главѣ. Здѣсь слѣдуетъ только подчеркнуть, что это ничего не доказываетъ въ отношеніи поддержанія цѣнности денегъ, иначе говоря: въ смыслѣ соотношенія цѣнности денегъ и товара, или въ третьей формулировкѣ: въ отношеніи отсутствія финансированія вслѣдствіе усиленнаго выпуска безразмѣнныхъ ассигнацій. Конечно, вполнѣ правильно, что ассигнаціи, выпущенныя на мѣсто равнаго количества изъятаго изъ обращенія золота, ни въ коемъ случаѣ не понижаютъ цѣнности денегъ; но, если даже предположить, что собранное центральными банками золото дѣйствительно изъято изъ обращенія—то это совсѣмъ не то, что золотой запасъ, процентно не уменьшенный. Если мы теперь отрѣшимся отъ другихъ платежныхъ средствъ и предположимъ, что страна увеличила свой оборотъ ассигнацій съ 2 до 4 милліардовъ, то сохраненіе золотого покрытія напр. въ 40% означаетъ, что золотой фондъ усилился на 800 милліоновъ, съ 800 до 1600 милліоновъ, выпускъ же ассигнацій на 2000 милліоновъ, т. е. въ $2^1/_2$ раза больше. Цѣнность денегъ тогда также должна упасть, даже если количество товара не уменьшилось, а тѣмъ болѣе если оно на дѣлѣ уменьшилось.

Сама по себѣ подобная мѣра не встрѣтитъ на пути своемъ никакихъ препятствій и ее можно продолжать въ данномъ направленіи сколько угодно разъ, тѣмъ болѣе что методы подобнаго рода, какъ мы видѣли, автоматически, хотя крайне неуклюже приводятъ къ требуемому сбереженію т. е. къ тому же, что сдѣлала бы и простая реквизиція товара. Пока страна имѣетъ достаточно средствъ для продолженія войны, послѣдняя не должна прекращаться въ силу экономическихъ причинъ; лучшимъ доказательствомъ этого являются французскіе асигнаты, достигшіе апогея въ примѣненіи бумажныхъ денегъ для финансированія войны. Но и они и многочисленные примѣры изъ шведской исторіи, начиная денежными знаками Герца, въ эпоху Карла XII, показываютъ, какую глубокую и тяжелую путаницу въ общественной жизни порождаетъ искусственныя колебанія цѣнности денегъ.

Система финансированія войны посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ еще настолько распространена, что трудно сказать, какъ скоро послѣ возстановленія мира можно будетъ привести Европу къ нормальнымъ денежнымъ отношеніямъ, если будутъ примѣнены вѣрныя средства. Во всякомъ случаѣ не под-

лежитъ никакому сомнѣнію, что потребуются сильныя мѣры. Формы подобнаго „оздоровленія“ могутъ быть разсмотрѣны здѣсь въ видѣ заключенія изъ всего сказаннаго.

Разница между обоими видами финансированія посредствомъ выпуска ассигнацій ясно выступитъ при послѣдующей реорганизаціи. Въ первомъ случаѣ, при облигаціонномъ займѣ съ выпускомъ ассигнацій въ качествѣ надстройки—короче говоря при нѣмецкомъ способѣ—основаніемъ всего, какъ мы знаемъ, служатъ займы, сдѣланные въ государственныхъ кредитныхъ кассахъ или въ центральномъ банкѣ отъ частныхъ лицъ, которыя посредствомъ этихъ займовъ дѣйствительно становятся одновременно и государственными заемщиками (кредитныхъ кассъ или—прямо или косвенно—государственнаго банка) и кредиторами (государственной кассы). Надо думать, что эти лица желаютъ какъ можно скорѣе избавиться отъ своего долга, что происходитъ или такимъ путемъ, что они или сами сберегаютъ деньги и этимъ выплачиваютъ свой заемъ, или же находятъ покупщиковъ для своихъ облигацій, послѣ чего заемъ оплачивается накопленной покупщикомъ покупательными средствами. Если заемъ былъ сдѣланъ въ кредитныхъ кассахъ, а не въ государственномъ банкѣ, то этому процессу способствуетъ то, что кредитныя кассы подлежатъ ликвидаціи вскорѣ послѣ окончанія войны, что должно побуждать къ такимъ сбереженіямъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что дѣло будетъ обязательно идти такъ благополучно, лишь бы организація способствовала этому. Государство, которое одновременно является и заимодавцемъ (посредствомъ кредитныхъ кассъ) и заемщикомъ, берущимъ взаймы при условіи этихъ вспомогательныхъ факторовъ и ихъ осуществленія, получаетъ, конечно, валюту за тѣ облигаціи, которыя оно пустило въ оборотъ въ качествѣ заемщика. Эта валюта можетъ быть легко примѣнена для выкупа излишка неоплаченныхъ билетовъ; облигаціонный долгъ остается тогда не уменьшеннымъ, но билетами долгъ уничтожается, и денежное дѣло снова въ порядкѣ. При второй формѣ—способѣ, который можно назвать франко-русскимъ, хотя онъ фактически и все чаще употребляется и въ Германіи, дѣло не можетъ происходить такъ просто; автоматическое возстановленіе валюты въ данномъ случаѣ не имѣетъ мѣста. Но конечно, имѣется много положительныхъ средствъ, къ помощи которыхъ можно прибѣгнуть въ данномъ случаѣ, напр. новый выпускъ облигацій, которымъ выкупаются ассигнаціи, что превращаетъ неустойчивый ассигнаціонный долгъ въ фондовый облигаціонный.

Теперь пора перейти къ другому методу финансированія, заключающемуся въ облигаціонныхъ займахъ подъ другія обезпеченія, чѣмъ непригодныя для войны имущества.

Какъ это ни странно, но опредѣлить положительно, что именно государство получаетъ за свои облигаціи при данномъ

раціональномъ методѣ финансированія, довольно трудно. Что это не „деньги“, ясно изъ всего предыдущаго—это было бы сугубой безсмыслицей. Назвать это «капиталомъ» значило бы для большинства читателей замѣнить дѣйствительное объясненіе непонятнымъ или туманнымъ словомъ, не говоря уже о томъ, что примѣнимость этого слова въ данномъ случаѣ довольно сомнительна. Ближе къ истинѣ ведетъ, несомнѣнно, отвѣтъ, естественно вытекающій изъ предшествующаго положенія: такъ какъ рѣчь идетъ не о непригодныхъ для войны запасахъ, то нужно имѣть въ виду, именно тѣ, которые годны для войны. Но этотъ отвѣтъ все же не исчерпываетъ истины и даже главнѣйшей ея части. Нормальный облигаціонный заемъ, подобно всякому другому нормальному займу, даетъ возможность заемщику использовать другіе запасы, кромѣ уже существующихъ, имѣющихъ значеніе для намѣченной цѣли (въ данномъ случаѣ для войны); онъ даетъ ему также возможность направить часть производительныхъ силъ страны, отвѣчающую величинѣ займа, на производство подобныхъ запасовъ; онъ даетъ увѣренность въ томъ, что такая значительная доля этихъ силъ не будетъ употреблена для какой-нибудь иной цѣли. Это вопросъ о такъ называемомъ образованіи капитала, вопросъ о томъ, каково чисто конкретное значеніе понятія бережливости — такъ какъ вѣдь все время рѣчь идетъ именно о бережливости, и ни какое иное слово не опредѣляетъ такъ точно то, что получаетъ заемщикъ. Но вопросъ все-таки очень теменъ, даже не смотря на попытку разъяснить его этимъ словомъ; поэтому желательно дальнѣйшее объясненіе.

Предположимъ, что лицо имѣетъ такъ называемаго годового дохода 50.000 кронъ (франковъ или марокъ). Это значитъ, что оно имѣетъ право пріобрѣтать товары въ общемъ на данную сумму. Если же оно не дѣлаетъ этого, а потребляетъ товара, напр., только на 40.000 кронъ, то говорятъ, что оно сберегаетъ 10.000. Куда же дѣваются, въ такомъ случаѣ, товары, отъ которыхъ онъ отказался? Если бы онъ потреблялъ настолько же меньше и откладывалъ 10.000 кронъ, то какъ мы теперь знаемъ, результатомъ было бы измѣненіе въ уровнѣ цѣнъ и въ покупной силѣ денегъ, благодаря чему всѣ деньги, пущенныя въ оборотъ, были бы въ состояніи скупить весь товарный запасъ; въ дѣйствительности ничто не было бы сбережено, такъ какъ остальное человѣчество (или правильнѣе, остальная часть народа) могло бы на свои деньги скупить и использовать даже то, отъ чего отказалось данное лицо. Между тѣмъ „сберегатель“ или „капиталистъ“ такъ не поступаютъ, а вкладываютъ свои сбереженія сразу же, по мѣрѣ, ихъ накопленія, въ банкъ. Наивные люди, а иногда и кое-кто изъ экономистовъ, понимаютъ это въ томъ смыслѣ, «что капиталъ накопляется въ банкахъ» и т. п. Что товары, отвѣчающіе накопленнымъ средствамъ, не скопляются въ банкахъ, совершенно ясно; во всякомъ случаѣ, трудно пред-

ставить себѣ, куда въ такомъ случаѣ банки дѣваютъ колоссальные, соотвѣтствующіе вкладамъ, запасы. Если предположить, что банки копятъ самыя деньги, получилось бы то же положеніе, что и въ только что затронутомъ вопросѣ о скопидомствѣ частныхъ лицъ. Но не слѣдуетъ опасаться того, что банки пустятся въ столь разорительныя для нихъ предпріятія; такъ какъ имъ приходится платить ренту вкладчикамъ и кромѣ того имѣть цѣлый рядъ расходовъ по веденію дѣла, то они, конечно, пожелаютъ сами получать доходъ посредствомъ размѣщенія капиталовъ.

Какъ скоро средства дѣйствительно взяты взаймы или, вообще говоря, отданы въ чье-нибудь распоряженіе—посредствомъ эмиссіи, финансированія или какимъ нибудь инымъ образомъ—сейчасъ же, конечно, при ихъ помощи будетъ предъявленъ спросъ на какіе нибудь предметы. Заемщики банка или другіе кліенты покупаютъ на нихъ, т. е. въ дѣйствительности на деньги нашего „сберегателя“ или товары или же „услуги“, т. е. рабочую силу, и примѣняютъ ихъ либо въ своемъ производствѣ, либо какимъ нибудь инымъ образомъ. Въ буквальномъ смыслѣ и здѣсь ничто не скоплено, ибо матеріальные предметы могутъ быть физически сохранены въ крайне ограниченномъ количествѣ—вспомнимъ, напр., какъ безконечно мало осталось матеріальныхъ предметовъ, произведенныхъ хотя-бы полстолѣтія назадъ. Итакъ, „сберегатель“ при посредствѣ банка, отказался отъ потребленія и тѣмъ самымъ сознательно предоставилъ другимъ возможность распоряжаться товарами и услугами соотвѣтственной цѣнности. Этотъ процессъ происходитъ еще проще, хотя въ меньшемъ согласіи съ тѣмъ, что является нормой въ данное время, если мы представимъ себѣ „сберегателя“ владѣльцемъ собственнаго развивающагося предпріятія; вмѣсто того, чтобъ покупать товары для своего собственнаго потребленія, онъ вкладываетъ ихъ въ дѣло, т. е. покупаетъ все необходимое для предпріятія.

Этотъ послѣдній видъ лучше всего объясняетъ, какъ происходитъ финансированіе въ отношеніи войны. Граждане отказываются отъ товаровъ и услугъ на всю ту цѣнность, которой они располагаютъ, и предоставляютъ свое право на эту индивидуально неопредѣленную часть производительныхъ силъ страны и рессурсовъ подъ проценты государству; въ этомъ фактически и состоитъ оплата военнаго займа.

Изъ этого, между тѣмъ, явствуетъ, какъ неуловимы предметы, предоставляемые въ распоряженіе государства. Дѣло въ томъ, что частный сберегатель не передаетъ государству товары, которые при другихъ обстоятельствахъ онъ употребилъ бы самъ. Вѣдь было бы безсмыслицей говорить о томъ, какіе товары онъ потреблялъ бы, если бы онъ не копилъ, такъ какъ пожалуй онъ этого и самъ не знаетъ; съ другой стороны, очень возможно, что онъ употреблялъ бы именно то, что государству совершенно не нужно. Такимъ образомъ, частнымъ лицомъ весьма рѣдко

передается государству имѣющійся въ наличности запасъ; это есть передача индивидуально неопредѣленныхъ производительныхъ силъ, которыя, при отсутствіи сбереженія, употреблялись бы на полученіе одного товара, а теперь примѣняются къ производству другого. При отсутствіи сбереженія, онѣ пошли бы, можетъ быть, на изготовленіе элегантнаго платья или красивой обстановки, тогда какъ теперь онѣ употребляются на изготовленіе военной амуниціи или аэроплановъ, хотя, конечно, вполнѣ возможно, что примѣненіе въ обоихъ случаяхъ будетъ, болѣе или менѣе, одинаковое, напр., на роскошные автомобили и автомобили военные, на кушанья для большихъ обѣдовъ и консервы для окоповъ.

Такимъ образомъ вкратцѣ разъяснено, какъ происходитъ сбереженіе и по скольку оно полезно для войны. Но, быть можетъ, еще не совсѣмъ ясно, чѣмъ отличается эта вторая корректная форма финансированія отъ первой, основывающейся на усиленномъ выпускѣ ассигнацій. Въ одномъ отношеніи разница, однако, совершенно ясна. Капиталъ—выраженный въ деньгахъ—предоставленный теперь въ распоряженіе государства, имѣетъ при корректномъ финансированіи ту же цѣнность, какую данный капиталъ имѣлъ раньше, т. е. онъ обезпечивается извѣстнымъ количествомъ экономическихъ силъ или запасовъ; между тѣмъ тотъ же номинальный капиталъ при финансированіи посредствомъ усиленнаго выпуска ассигнацій не имѣетъ никакого обезпеченія и пріобрѣтаетъ цѣнность—однако, по сравненіи съ первымъ случаемъ значительно меньшую—только тѣмъ, что отнимаетъ уже у имѣющихся билетовъ часть обезпечивающихъ ихъ производительныхъ силъ и источниковъ. Въ этой очевидной разницѣ заключено, однако, и болѣе глубокое различіе. При корректномъ финансированіи кое-что сберегается для войны благодаря тому, что много людей (сберегателей) преднамѣренно сокращаютъ свое потребленіе; при финансированіи посредствомъ выпуска ассигнацій возникаетъ крайне нерасчетливое и безсистемное сбереженіе, благодаря тому, что граждане, не будучи въ состояніи сами ни прибавить ни убавить ни гроша, получаютъ меньшую валюту за свои деньги, при чемъ одни теряютъ большую, другіе меньшую часть своего дѣйствительнаго дохода, и никакъ нельзя сказать, что больше всего помогаютъ дѣлу тѣ, кто можетъ или кто хочетъ.

Разница между двумя методами сводится, слѣдовательно, къ разницѣ между строго обдуманнымъ и безсистемнымъ образомъ дѣйствія.

Естественно предположить также иную разницу: между предшествующимъ и послѣдующимъ сбереженіемъ; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ себѣ представить, что сберегатель сначала копитъ, а затѣмъ отдаетъ накопленное государству, въ то время какъ при усиленномъ выпускѣ ассигнацій сбереженія происходятъ позже, какъ результатъ государственныхъ закупокъ. Это, однако,

ошибочно. Сбереженіе предполагаетъ мгновенное перенесеніе экономическихъ силъ для новаго примѣненія; а въ такомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о какомъ либо раньше или позже. Рабочая сила и т. п., которыя сберегатель могъ-бы использовать, не остается въ бездѣйствіи, пока найдутъ, какое примѣненіе получатъ сбереженныя средства, но примѣняется непрерывно; въ такомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о нахожденіи сбереженія на складѣ. Съ другой стороны, нельзя — когда дѣло касается случая съ усиленнымъ выпускомъ ассигнацій—дѣлать сбереженія заднимъ числомъ, сберегать то, что уже взято государствомъ, ибо вѣдь оно должно уже существовать, когда государство его получаетъ. Разница, между тѣмъ, заключается въ вышеуказанномъ, а именно въ томъ, что въ первомъ случаѣ съ самаго начала извѣстно, что дѣлается, въ то время какъ во второмъ случаѣ можно къ своему величайшему изумленію обнаружить, что у васъ меньше, чѣмъ вы ожидали.

Сбереженіе не надо понимать въ смыслѣ припрятыванія матеріальныхъ вещей, напротивъ, это сокращеніе собственнаго потребленія со стороны сберегателя, что вызываетъ переведеніе производительныхъ силъ на другой предметъ. Эти силы, слѣдовательно, постоянно находятся въ работѣ. Изъ этого также слѣдуетъ что сбереженія отдѣльныхъ лицъ, размѣстившихъ средства въ банкахъ, ничуть не помогаютъ корректному финансированію. А именно, банки, съ своей стороны, снова отдаютъ деньги взаймы; если бы они не сдѣлали этого, то, какъ мы уже видѣли, они этимъ тоже ничего не помогли бы. Слѣдовательно недостаточно только много сберегать; необходимо также, чтобы накопленное не направлялось въ другое русло; въ такомъ случаѣ оно большей частью оказывается потерянымъ для военныхъ цѣлей. Иными словами, война требуетъ не только усиленія рессурсовъ, но также и уменьшенія спроса изъ-за сбереженія или воздержанности. Правильнѣе выражаясь, обѣ эти стороны являются альтернативами. Для военныхъ цѣлей необходимо, чтобы освободился большій производительный результатъ, и это происходитъ или тѣмъ путемъ, что народъ въ значительной степени сокращаетъ свое частное потребленіе, или же тѣмъ путемъ, что излишекъ, остающійся отъ частнаго потребленія, въ меньшемъ, чѣмъ обычно, количествѣ поступаетъ въ частное распоряженіе для основанія новыхъ предпріятій—строительныхъ, промышленныхъ и путей сообщенія. Лучше всего, конечно, если оба способа будутъ дѣйствовать одновременно.

Чтобы имѣть правильное представленіе о трудности финансированія войны, необходимо помнить, что весь этотъ процессъ протекаетъ на основѣ уменьшенія общаго производства, или, какъ обыкновенно выражаются, уменьшеннаго національнаго дохода. Благодаря тому, что очень большая часть населенія находится подъ ружьемъ, а въ изолированной странѣ еще благодаря тому, что производительныя силы страны получаютъ

менѣе выгодное примѣненіе, чѣмъ обыкновенно, во время войны вообще можно получать меньше продуктовъ. Сбереженіе, которое ограничилось бы только уменьшеніемъ потребленія, не дало бы, такимъ образомъ, почти ничего для финансированія войны. Для этого нужно потуже затянуть поясъ или же использовать вторую изъ только что названныхъ альтернативъ, т. е. сокращенное использованіе частнаго капитала. Между тѣмъ раньше было разъяснено, что изоляція въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣйствительно вынуждаетъ къ особой бережливости путемъ освобожденія силъ, обычно производящихъ товары вывоза, которыми обыкновенно оплачивается прекратившійся нынѣ ввозъ.

Такимъ представляется намъ корректное финансированіе, въ томъ случаѣ, если нужно съ самаго начала направить экономическую дѣятельность страны къ новымъ, военнымъ цѣлямъ, вмѣсто удовлетворенія частнаго потребленія или образованія частныхъ капиталовъ. Хотя это, т. е. созданіе настоящихъ рессурсовъ, безъ сомнѣнія, составляетъ главное дѣло, все же не слѣдуетъ забывать другой возможности, значительно упрощающей финансированіе, а именно, перенесеніе уже имѣющихся рессурсовъ отъ частныхъ лицъ для цѣлей войны или государства. Это, въ общемъ, совпадаетъ съ такъ называемымъ освобожденіемъ капиталовъ, т. е. съ ихъ примѣненіемъ для непосредственнаго потребленія вмѣсто дальнѣйшаго производства, напр., убой стада свиней или порча электрической арматуры для использованія мѣди. Сюда же относится и простое приспособленіе производства къ такимъ работамъ, которыя поддерживали бы предметы капитала въ неприкосновенности. Въ этомъ видѣ — въ формѣ освобожденныхъ капиталовъ — дѣло происходитъ такъ, что даже государственное имущество въ извѣстной степени употребляется для войны, а не только государственный доходъ, къ которому всецѣло относится сбереженіе. Ниже будетъ подробно разъяснено, какъ все это происходитъ; здѣсь только важно отмѣтить связь съ особымъ видомъ финансированія. На самомъ дѣлѣ мы теперь подошли вплотную къ первому изъ разобранныхъ въ этой главѣ видовъ, а именно къ „нѣмецкому“, съ закладомъ прочныхъ рессурсовъ и основаннымъ на ихъ выпускѣ ассигнацій. Но именно большое внѣшнее сходство обоихъ способовъ заставляетъ подчеркнуть большую внутреннюю разницу. Если землевладѣлецъ хочетъ покрыть государственныя облигаціи своимъ свинымъ заводомъ, ему не нужно закладывать ихъ, но онъ можетъ продать или убить своихъ свиней; и именно благодаря такимъ или подобнымъ пріемамъ стала возможна большая часть платежей по облигаціямъ. Если бы въ качествѣ покупателя выступило государство, оно могло бы заплатить въ той или иной временной формѣ и затѣмъ получило бы обратно свое долговое обязательство въ видѣ военнаго займа. Государство, слѣдовательно, получило заемъ въ видѣ стада свиней, также какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ полу-

чило заемъ въ видѣ акцій подписавшагося на заемъ держателя акцій. Единственной, но существенной разницей является то, что государство можетъ найти примѣненіе для свиней, но не для акцій. Совершенно такимъ же образомъ дѣло обстоитъ, если данный землевладѣлецъ вмѣсто того дѣйствительно сдѣлаетъ заемъ; онъ былъ бы немедленно уплаченъ, какъ скоро стадо свиней было бы продано.

Сказаннаго о двухъ важнѣйшихъ видахъ финансированія вполнѣ достаточно. Краткосрочные займы, расписки государственнаго казначейства и какъ бы они ни назывались, которыми въ наше время въ широкомъ размѣрѣ финансировалась война и которыми въ настоящую войну особенно широко пользовалась Франція (bons de la défense nationale), отличаются отъ облигаціонныхъ займовъ только тѣмъ, что государству вскорѣ снова приходится заботиться о финансированіи, когда сроки истекаютъ. Это можетъ создать большую неустойчивость финансовой системы и потому въ неограниченной степени можетъ—но ни въ коемъ случаѣ не должно—ослабить государственный кредитъ; въ остальномъ они не требуютъ особаго объясненія. Что же касается обложенія пошлинами, какъ средства финансированія, то оно заслуживаетъ нѣсколько болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Часто, если не всегда, приходится слышать мнѣніе, что финансированіе посредствомъ введенія налоговъ предполагаетъ оплату военныхъ расходовъ нашимъ поколѣніемъ, между тѣмъ какъ займы слѣдовало бы переносить на будущее. Подобное разсужденіе можетъ ввести въ большое заблужденіе изъ-за обычнаго злоупотребленія словомъ «будущее» въ экономическихъ вопросахъ. Будущія жертвы, будущія сбереженія не могутъ финансировать войны ни на одну минуту, ибо что не имѣется налицо въ данный моментъ, то безполезно. Военные расходы до послѣдней копѣйки должны быть немедленно кѣмъ нибудь уплачены. Разница между финансированіемъ посредствомъ займовъ и финансированіемъ посредствомъ обложенія не можетъ слѣдовательно заключаться въ самой отсрочкѣ, но лишь въ отсрочкѣ тому, кому придется произвести окончательный разсчетъ, т. е. народу въ его цѣломъ. При займѣ тяжесть падаетъ пока что за извѣстное вознагражденіе и, — за исключеніемъ насильственныхъ займовъ, — добровольно на меньшинство населенія, между тѣмъ какъ при обложеніи пошлинами издержки сразу же распредѣляются окончательно. Если страна изолирована, а мы теперь исходимъ именно изъ подобнаго случая, то обстоятельства будутъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства одинаковыми, такъ какъ народъ сразу же долженъ справиться съ этой задачей — иначе это было бы абсурдомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени объяснимо, что даже и въ изолированной странѣ обыкновенно въ значительномъ размѣрѣ или цѣликомъ чрезвычайные доходы государства пріобрѣ-

таются посредствомъ займовъ. Во-первыхъ, автоматически привлекаются тѣ лица, которыя наиболѣе кредитоспособны; и если лицо найдетъ, что оно дало слишкомъ много, оно всегда можетъ, продавъ государственныя облигаціи, поставить на свое мѣсто другое лицо. Во-вторыхъ, и это еще важнѣе, этимъ путемъ новыя сбереженія и освобожденныя имущества поступаютъ прямо въ распоряженіе государства, что врядъ ли можно осуществить при помощи обложенія и безъ чего едва ли удастся раздобыть большія суммы. Благодаря, напр. обложенію высокихъ прибылей и большихъ имуществъ, можетъ легко произойти, что финансировать войну будутъ совершенно другіе капиталисты, а не тѣ, которые могли бы легче всего сдѣлать; равновѣсіе можетъ быть достигнуто лишь такимъ образомъ, что лица, подвергшіяся обложенію, продаютъ части своего имущества (акціи, облигаціи и т. п.) тѣмъ, которые въ дѣйствительности могутъ придти на помощь. Но этотъ окольный путь совершенно ненужный и, въ военное время, при закрытыхъ биржахъ, трудный. Поэтому, извѣстный министръ Людовика Филиппа Жакъ Лафиттъ могъ съ полнымъ правомъ сказать, что обложеніе беретъ капиталъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, заемъ же тамъ, гдѣ онъ есть [1]). Изъ этого, однако, слѣдуетъ также, что возможность прибѣгать къ займамъ облегчается тѣмъ болѣе (при равныхъ прочихъ условіяхъ), чѣмъ больше капиталовъ освобождается самою войною; и это, повидимому, является благопріятствующей причиной для большого успѣха нѣмецкихъ займовъ, на ряду съ почти полнымъ отсутствіемъ тамъ новыхъ налоговъ.

Однако ничто не должно затемнять фактъ, что единственнымъ окончательнымъ способомъ финансированія является обложеніе, большое распространеніе котораго во время войны должно широко использоваться на ряду съ неизбѣжными займами. Что этотъ способъ такъ мало примѣнялся до сихъ поръ, не говоритъ въ пользу финансовыхъ способностей правительствъ воюющихъ странъ; и слѣдуетъ всецѣло присоединиться къ неустанной и не совсѣмъ безрезультатной кампаніи, начатой англійскимъ журналомъ «Economist» въ данномъ направленіи, нашедшей себѣ также поддержку и у большого числа видныхъ финансистовъ Англіи, между прочимъ у министра финансовъ временъ Бурской войны лорда Ст. Эльдвейна (St. Aldwyn — Sir. Michael Hicks Beach). Въ особенности въ странѣ со столь защищеннымъ, какъ Англія, положеніемъ, населеніе начинаетъ чувствовать дѣйствительную тяжесть войны лишь благодаря обложенію пошлинами; и лишь это съ самаго начала подготовляетъ преобразованіе финансовой системы, которое, во всякомъ случаѣ, неизбѣжно послѣ войны. Но финансированіе посредствомъ обложенія

---

[1]) M. Evesque: Les finances de guerre au XX-e siècle (Парижъ, 1914), стр. 113.

требуетъ, между прочимъ, такой эластичности налоговой системы, которой, однако, обладаютъ лишь немногія страны.

II. Мы разсмотрѣли различные способы финансированія въ изолированной странѣ. Общимъ для всѣхъ нихъ является то, что реальнымъ обезпеченіемъ суммъ, требуемыхъ финансированіемъ, служатъ годные для употребленія и необходимые для войны товары или услуги, находящіеся въ странѣ или могущіе быть тамъ непосредственно созданными. Значеніе финансированія заключается въ такомъ случаѣ въ томъ, чтобы, при возможно меньшемъ нарушеніи промышленной жизни и безъ ущерба для веденія войны, ограничить частное потребленіе, а равно и производство безполезныхъ для войны предметовъ настолько, чтобы государство имѣло все необходимое для продолженія войны.

Какія же измѣненія произойдутъ, если страна не изолирована?

Измѣненіе, коротко говоря, заключается въ томъ, что абсолютныя границы для притока товара или услугъ исчезаютъ. Другія страны—союзныя или нейтральныя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже враждебныя—доставляютъ средства для веденія войны. Поэтому совершенно нелѣпо предполагать, что изоляція сама по себѣ можетъ облегчить финансированіе.

Однако, сейчасъ же является вопросъ, какъ оплачиваются эти, приходящіе извнѣ, товары и услуги.

Ближайшимъ и простѣйшимъ способомъ уплаты является уплата своими собственными товарами (или услугами). Можно подумать, что въ такомъ случаѣ ничего не выигрывается сравнительно съ изоляціей, такъ какъ границей и въ данномъ случаѣ все-таки являются собственные рессурсы. Изъ этихъ двухъ предложеній правильно послѣднее, а не первое, и это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому—что, какъ было указано во вступленіи въ этой главѣ, можно получить бо́льшую валюту за свое производство, если обмѣнять то, что производится въ странѣ дешевле, чѣмъ въ другихъ странахъ, на товары, производимые въ чужихъ странахъ дешевле, чѣмъ въ собственной,—чѣмъ посредствомъ примѣненія всего собственнаго производства для собственнаго потребленія. Уже благодаря этому прекращеніе отрѣзанности влечетъ за собою финансовое облегченіе.

Но это еще не все. Другимъ, еще болѣе важнымъ, слѣдствіемъ международной торговли является то, что благодаря ей можно, образно выражаясь, продать даже негодные къ потребленію собственные запасы, обмѣнивая ихъ на запасы, годные къ употребленію. Лишь въ этомъ случаѣ національное имущество страны получаетъ значеніе для финансированія войны, ибо части имущества, не примѣнимыя для военныхъ цѣлей, могутъ быть проданы или заложены въ видѣ оплаты за иностранные, годные для войны, товары. Желѣзная стѣна, огра-

ничивающая въ случаѣ отрѣзанности возможности финансированія, такимъ образомъ окончательно рушится.

Въ-третьихъ, можно было бы указать на возможность полученія иностранныхъ товаровъ совсѣмъ безъ всякаго удовлетворенія, т. е. совершенно въ кредитъ. Въ дѣйствительности этотъ третій случай является лишь частью второго. Ибо, если сдѣланъ иностранный заемъ въ видѣ товаровъ, то это фактически, составляетъ долгъ, „закладную“ рессурсовъ государства, хотя онъ и не обезпеченъ какими либо особо опредѣленными предметами. Только тогда, когда долгъ превосходитъ общее національное имущество, т. е. въ совершенно непрактическомъ случаѣ, положеніе будетъ инымъ.

Остается посмотрѣть, какія чисто внѣшнія формы можетъ принять финансированіе въ данномъ случаѣ.

Прежде всего естественно вспомнить о только что упомянутомъ заграничномъ займѣ. Было бы верхомъ близорукости подумать, что внутренній заемъ выгоднѣе для народнаго хозяйства, чѣмъ заграничный. Внутренній заемъ, какъ таковой, ничего новаго не даетъ народному хозяйству, въ то время, какъ иностранный предоставляетъ въ его распоряженіе, безъ обязательства непосредственной ликвидаціи, товары и услуги, находящіеся или могущіе быть произведенными въ другихъ странахъ. Заграничный заемъ является поэтому наипростѣйшимъ способомъ перенести на другія, главнымъ образомъ, нейтральныя страны, бо́льшую или меньшую часть непосредственной тяжести продолженія войны.

Какъ же дѣйствуетъ внутренній заемъ въ неизолированной странѣ, въ смыслѣ возможности перенести финансовую военную тяготу на другія страны? Онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, что подписчики на заемъ совершаютъ операцію, только что указанную во второмъ пунктѣ: они обмѣниваютъ части своего состоянія на заграничный чекъ, т. е. требованіе, которое можно обратить въ пригодные для войны заграничные товары. Проще всего предоставить себѣ эти части состоянія въ видѣ цѣнныхъ бумагъ (акцій или облигацій), представляющихъ участіе въ фабрикахъ, копяхъ, зданіяхъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Хотя онѣ прямо нисколько не могутъ помочь военному финансированію и, какъ мы видѣли, безполезны для такового въ изолированной странѣ, но онѣ могутъ, будучи проданными за границей, т. е. при обмѣнѣ на чекъ, оплачивающій заграничные товары, сдѣлать возможнымъ дѣйствительную подписку на заемъ. Въ такомъ случаѣ не нужно никакихъ манипуляцій съ выпускомъ банковскихъ билетовъ, чтобы извлечь изъ нихъ пользу. Совершенно то же самое происходитъ, если облигаціи новаго военнаго займа непосредственно продаются заграницу; этотъ примѣръ съ очевидностью показываетъ, насколько неустойчива можетъ быть граница между внутреннимъ и иностраннымъ займами.

Послѣдняя могущая возникнуть въ данномъ направленіи возможность та, что при запутанности современныхъ міровыхъ отношеній, капиталисты всѣхъ странъ, особенно же Англіи, Франціи и Германіи, размѣщаютъ, какъ извѣстно, бо́льшую или меньшую часть своего состоянія заграницей, т. е. имѣютъ иностранныя цѣнныя бумаги. Посредствомъ обратной продажи этихъ бумагъ странамъ, которымъ онѣ принадлежатъ, капиталисты воюющихъ странъ заставляютъ нейтральныя принимать въ широкомъ масштабѣ участіе въ финансированіи войны. Процессъ этотъ уже начался, какъ сейчасъ будетъ указано подробнѣе.

Итакъ ясно, какія возможности представляетъ финансированіе, когда страна имѣетъ торговыя связи заграницей; съ другой сторыны слѣдуетъ подчеркнуть, насколько безцѣльными разсмотрѣнныя операціи будутъ въ совершенно изолированной странѣ. Заключать заграничный заемъ или продавать цѣнныя бумаги заграницей, если за нихъ нельзя получить валюту въ видѣ товара, было бы просто абсурдомъ.

Подведемъ итоги сказанному во всей этой длинной части: поскольку финансированіе происходитъ въ самой странѣ, оно является лишь механизмомъ для предоставленія въ распоряженіе государства опредѣленной части товаровъ и услугъ и механизмомъ очень важнымъ; но съ того момента, когда финансированіе прямо или косвенно втягиваетъ также и другія страны, оно создаетъ возможность для воюющей страны располагать бо́льшимъ количествомъ товаровъ и услугъ, чѣмъ она сама можетъ произвести.

2.

Теперь, послѣ того, какъ разъяснены общія предпосылки финансированія войны, остается только въ общихъ чертахъ указать, какъ оно осуществляется, для чего слѣдуетъ снова пересмотрѣть бо́льшую часть уже разсмотрѣнныхъ пунктовъ. Но, какъ и раньше, цѣлью нашего сочиненія является скорѣе разъясненіе, чѣмъ отчетъ; къ тому же скрываніе положенія дѣлъ въ большинствѣ воюющихъ странъ дѣлаетъ невозможнымъ приводить дѣйствительно надежныя цифры научной цѣнности. По той же причинѣ все, что здѣсь говорится, имѣетъ лишь цѣлью дать конкретное представленіе о сущности уже сказаннаго, но не давать точныхъ результатовъ.

Прежде всего покажемъ на нѣсколькихъ цифрахъ, въ какой степени примѣнялись различные виды финансированія—въ особенности въ теченіе перваго года войны,—а затѣмъ укажемъ на нѣсколько конкретныхъ точекъ опоры для опредѣленія тѣхъ источниковъ, откуда были добыты средства.

Итакъ, прежде всего, что касается финансированія съ внѣшней стороны, первымъ моментомъ является здѣсь выпускъ ассигнацій. Чтобы опредѣлить, въ какой степени увеличенный

выпускъ ассигнацій составляетъ финансированіе, слѣдуетъ исходить изъ времени непосредственно передъ началомъ великой войны въ концѣ іюля 1914 г., такъ какъ положеніе съ тѣхъ поръ не было нормальнымъ; и вѣрнѣйшаго результата касательно финансированія посредствомъ выпуска ассигнацій въ теченіе перваго года войны мы достигнемъ посредствомъ сопоставленія цифръ до войны съ цифрами по истеченіи одного года. Слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе цѣлый рядъ другихъ факторовъ, особенно изъятіе изъ обращенія золота; конечно, цифры для финансированія посредствомъ выпуска ассигнацій не будутъ совпадать съ цифрами увеличенія обращенія ассигнацій, чего не слѣдуетъ забывать.

Начнемъ съ Германіи; тамъ мы находимъ тройной выпускъ ассигнацій, а именно: государственнаго банка, ссудныхъ кассъ и государственныхъ кассъ. Изъ нихъ абсолютная стоимость банковыхъ ассигнацій 23 іюля 1914—15 гг. равна 3.423,9 милліоновъ марокъ; но весь этотъ большой капиталъ нельзя считать помощью финансированію или даже увеличенію обращенія ассигнацій. Вѣдь одновременно произошло сильное увеличеніе золотой кассы государственнаго банка, что слѣдуетъ принять во вниманіе. Поскольку золото вообще скупалось и не выпускалось снова, постольку соотвѣтствующее количество ассигнацій не является источникомъ дохода для государства, а слѣдовательно и не способствуетъ самому финансированію; и поскольку золото изъято изъ обращенія, ассигнаціи не составляютъ никакого увеличенія общей суммы. Послѣднее нельзя считать безусловно примѣнимымъ въ отношеніи всего притока золота въ нѣмецкій государственный банкъ, хотя это, повидимому, касается большей части его; но первое—то, что за золото платили ассигнаціями—безусловно относится ко всему запасу, исключая 205 мил. марокъ, полученныхъ благодаря двойному нѣмецкому военному налогу. Такъ какъ золотой фондъ государственнаго банка въ означенное время усилился на 1036,7 мил. марокъ, то слѣдовательно 831,7 мил. марокъ, должны быть вычтены изъ увеличенія денежнаго обращенія; банковые билеты, такимъ образомъ, въ теченіе перваго года, способствовали бы финансированію въ размѣрѣ 2.592,2 мил. марокъ [1]). Что касается ассигнацій ссудныхъ кассъ, то онѣ

[1]) Въ извѣстномъ отношеніи можно сказать, что 205 мил. марокъ золота военнаго налога, переданныхъ госуд. банку, составляютъ готовую помощь финансированію и что выпускъ ассигнацій, слѣдовательно, отвѣчаетъ только за 2.387,2 мил. Формально это болѣе правильная формулировка текста; но такъ какъ болѣе раннее сбереженіе въ 205 мил., какъ мы знаемъ, не принесло какой либо экономіи, и такъ какъ золото тоже не поступало въ обращеніе, напр. для вывоза, то положеніе даже въ деталяхъ то же, какъ если бы ассигнаціи выпускались тѣмъ же образомъ, какъ и теперь, и если бы не существовало военнаго налога. Это имѣетъ особый интересъ для выясненія значенія подобнаго налога. (По нѣкоторымъ даннымъ онъ доходитъ до 240 мил. марокъ; но въ такомъ случаѣ новыя кредитки государств. банка уменьшаются на соотвѣтствующую сумму, такъ что подсчетъ остается тотъ же).

составляли (23 іюля 1915 г.) въ общемъ 1033,9 мил. марокъ; изъ нихъ въ государственномъ банкѣ лежало въ видѣ покрытія для банковскихъ билетовъ и ассигнацій государственнаго банка 336,3 милл., вслѣдствіе чего въ обращеніи было лишь 697,6 мил., могущихъ способствовать финансированію. Въ концѣ концовъ общій выпускъ новыхъ государственныхъ ассигнацій дошелъ до относительно незначительнаго количества въ 120,5 мил. марокъ (23 іюля 1915 г.), изъ коихъ только 71,5 мил. еще подлежали выпуску [1]). Въ общемъ финансированіе, слѣдовательно, поднялось посредствомъ выпуска ассигнацій до 3.361,3 милліоновъ или $3^1/_3$ милліардовъ марокъ.

Сейчасъ будетъ указано, что эта цифра, несмотря на свою кажущуюся точность, далеко не неоспорима и говоритъ немного. Организація нѣмецкаго выпуска ассигнацій въ дѣйствительности очень запутана и мало наглядна, каковы бы ни были причины этого. Ссудныя кассы даютъ, обыкновенно, заемъ ассигнаціями государственнаго банка и предоставляютъ свои собственныя ассигнаціи въ обмѣнъ государственному банку, отъ котораго зависитъ пустить въ обращеніе ассигнаціи кредитныхъ кассъ (меньшей стоимости). Изъ этого, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ, что выпускаемыя ассигнаціи ссудныхъ кассъ всецѣло являются военнымъ финансированіемъ, въ видѣ ассигнацій. Но противъ этого можно съ нѣкоторымъ основаніемъ возражать, что, хотя ассигнаціи, выпускаемыя кредитными кассами (1033,9 мил. или весь ихъ заемъ) несомнѣнно способствуютъ увеличенію обращенія и тѣмъ самымъ оживленію денежнаго рынка, но лишь часть ихъ оказывается полезной для военнаго финансированія; остальное является оживленіемъ въ помощь частнымъ лицамъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи это, безъ сомнѣнія, такъ, но врядъ ли въ значительной степени, ибо возможность, которую кредитныя кассы представляютъ для превращенія основныхъ средствъ въ текущія, является однимъ изъ условій для подписки на заемъ, какъ это намъ хорошо извѣстно. Это не ограничивается только спеціально подпиской на военный заемъ, устроенной ссудными кассами съ небольшой рентой; эту операцію нѣмецкіе статистики называютъ «военной ссудой»; всѣ займы ссудныхъ кассъ могутъ косвенно осуществлять подписку на военный заемъ. Неопредѣленность положенія вообще не можетъ быть преодолена, какъ скоро прекратится размѣнъ ассигнацій.

Другой вопросъ, въ какой степени новый выпускъ кредитныхъ билетовъ (государственнымъ банкомъ и ссудными кассами одновременно) послѣ исключенія повышенія золотого фонда, вообще является кредитомъ для государства и въ какой сте-

---

[1]) Цифры относятся къ Darlehenskassenscheine и Reichskassenscheine и взяты изъ Berliner Tageblatt отъ 27 іюля (Morgen, 3. Beiblatt), а также и изъ Ekonomisk Tidskrift 1915, № 11, стр. 369 и слѣд.

пени онъ также попадаетъ къ частнымъ лицамъ [1]). Можно было бы прямо отвѣтить на данный вопросъ, если бы мы были достаточно освѣдомлены о размѣщеніи средствъ государственнаго банка. Расписки казначейства, учтенныя въ государственномъ банкѣ—форма кредита, созданная однимъ изъ многихъ измѣненій военнаго закона 4 авг. 1914 г.,—не подлежатъ отчету отдѣльно отъ другихъ векселей банка. Во всякомъ случаю извѣстно то, что учетъ частныхъ векселей теперь представляетъ очень низкій процентъ въ сравненіи съ мирнымъ временемъ и вопросъ лишь въ томъ, на сколько онъ низокъ. Абсолютный минимумъ уплаты государственнаго банка за государственныя долговыя обязательства долженъ равняться повышенію общей суммы векселей (до 23 іюля 1915 г.), съ самого низкаго уровня 7 ноября 1914 г.; эта сумма равняется (4,552—2,643=) приблизительно 1.910 мил. За максимумъ можно принять общее повышеніе 23 іюля 1914—15 гг.; онъ не меньше (4,552—751=) т. е. приблизительно 3,800 милліон., т. е. двойная сумма. Хотя эти цифры не даютъ точнаго указанія, онѣ все-таки дѣлаютъ правдоподобнымъ фактъ, что весь новый выпускъ государственныхъ билетовъ, въ принимаемомъ нами значеніи, т. е. 2,256 милліоновъ [2]), перешелъ къ государству; есть основанія предположить, что къ государству перешло даже больше этого повышенія, т. е. что бо́льшая часть кредита, раньше предоставленнаго частнымъ лицамъ, теперь перешла къ государству. Послѣдній кредитъ нельзя однако считать основаннымъ на неразмѣнныхъ ассигнаціяхъ, такъ какъ онъ не былъ осуществленъ посредствомъ увеличеннаго обращенія ассигнацій, но можетъ означать дѣйствительное сбереженіе, предоставленное въ распоряженіе не частныхъ лицъ, а государства, какъ было объяснено выше. Къ данной темѣ, напротивъ, относится весь государственный кредитъ, добытый посредствомъ усиленнаго выпуска ассигнацій (въ указанномъ выше смыслѣ); и онъ, какъ сказано, видимо равноцѣненъ ихъ увеличенію вообще.

Это проливаетъ свѣтъ также на другой очень интересный вопросъ, а именно: въ какой степени финансированіе посредствомъ выпуска ассигнацій произошло прямо—благодаря государственному займу у центральнаго банка, и въ какой степени косвенно—благодаря подпискѣ на заемъ, которому ссудныя кассы предоставили кредитъ въ видѣ ассигнацій. Такъ какъ первый методъ, повидимому, даетъ 2,256 мил., послѣдній же едва 1,034 мил.—общей суммѣ ссудъ ссудныхъ кассъ [2]), то мы

---

[1]) Этотъ новый выпускъ ассигнацій равенъ: государств. банкнотовъ на общую сумму (2,592,2 мил.), отбросивъ расходуемые ссудными кассами (1,033,9 мил.), т. е. 1,558,3 мил., плюсъ общей суммы подлежащихъ выпуску ассигнацій ссудн. кассъ 697,6 мил., т. е. въ общемъ 2,255,9 мил.

[2]) Не исключена, однако, возможность того, что часть государств. ссуды явится займомъ частнымъ лицамъ для подписки на заемъ, какъ это и обстоитъ съ кредитомъ изъ ссудныхъ кассъ.

видимъ, что $^2/_3$ вѣроятно падаютъ на финансированіе непосредственно центральнымъ банкомъ. То, что въ предыдущемъ, было названо нѣмецкой системой, даже въ Германіи превзойдено общей панацеей всѣхъ воюющихъ континентальныхъ странъ: финансированіемъ посредствомъ прямого выпуска неразмѣнныхъ ассигнацій центральнымъ банкомъ.

Одновременно слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти цифры постоянно видоизмѣняются въ зависимости отъ того, если только что былъ оплаченъ фондовый заемъ или если таковой еще предстоитъ; но выбранный нами моментъ является удобнымъ среднимъ путемъ.

Затѣмъ, что касается Франціи, то дѣло, насколько можно судить, обстоитъ значительно проще. Финансированіе посредствомъ выпуска ассигнацій достигло здѣсь гораздо бо̀льшаго развитія и состоитъ всецѣло въ прямомъ кредитѣ изъ центральнаго банка; общую сумму легко опредѣлить, такъ какъ изъятіе золота изъ обращенія началось во Франціи поздно. Общее увеличеніе выпуска ассигнацій съ 23 іюля 1914 года по 22 іюля 1915 года составляло 6.600,9 мил. фр., откуда нужно вычесть лишь сумму въ 142,8 мил. (бо̀льшая часть изъятаго изъ обращенія золота превосходящаго милліардъ фр., относится ко времени послѣ 22 іюля 1915); слѣдовательно, остаются 6.458,1 мил. фр. Этому отлично соотвѣтствуютъ авансы государству въ 6.300 мил., и французскія государственныя ассигнаціи, составляющія французскую ссуду союзникамъ, дисконтированную на сумму въ 290 мил. фр. Можно, слѣдовательно, придерживаться цифръ роста обращенія ассигнацій послѣ изъятія новаго золота.

Россія усилила выпускъ ассигнацій съ 21 іюля н/ст. 1914 г. до 1915 г. на 2.162,6 мил. руб.; возможно, что отсюда слѣдуетъ исключить незначительное усиленіе золотой кассы въ іюнѣ или іюлѣ 1915 года, въ общемъ на 6,8 мил. руб., дающее повышеніе нетто въ 2.155,8 мил. руб. Увеличеніе количества векселей государственнаго казначейства въ банкѣ значительно меньше, 1.680 мил. руб.; но банкъ могъ ссудить государство даже подъ другія обезпеченія и первую цифру, какъ и для франціи, слѣдуетъ признать болѣе правильной [1]).

Въ Англіи дѣло опять таки обстоитъ сложнѣе, но это здѣсь не такъ важно, такъ какъ общая сумма здѣсь незначительна по сравненію съ другими воюющими великими державами. Англія создала во время войны новыя, однако размѣнныя облигаціи, Currency Notes, коихъ 21 іюля 1915 года въ обращеніи было 46,4 мил. фунтовъ. Меньшая часть ихъ (3,2 мил.) составляетъ ссуда банкамъ—все предпріятіе было съ самого начала предназначено для этой цѣли—и можетъ быть съ бо̀льшимъ осно-

[1]) Впрочемъ, уже въ ближайшія недѣли сумма эта поднялась до 1.847 мил. руб. согласно увѣренію министра финансовъ Барка въ Гос. Думѣ 1 авг. 1915 г.

ваніемъ исключена, чѣмъ выданныя частнымъ лицамъ въ Германіи ссуды, такъ какъ ассигнаціи являются размѣнными, но для точности включимъ и ее. Между тѣмъ значительно бо̀льшая скидка должна быть сдѣлана для особаго покрытія счета (Redemption Accord), введеннаго для этихъ ассигнацій; сумма, оставленная правительствомъ для данной цѣли, была извлечена изъ актива Англійскаго банка и уменьшила его поэтому на соотвѣтствующую сумму. Покрытіе составляется отчасти изъ золота на сумму 28,5 мил. фунтовъ, отчасти изъ государственнаго актива въ Англійскомъ банкѣ, 5,4 мил. ф., и, наконецъ, изъ государственныхъ бумагъ, 9,6 мил. ф.; если обѣ первыя суммы, составляющія текущій расходный капиталъ, вычесть изъ общаго количества ассигнацій, то остается сумма финансированія въ 12,5 мил. ф. Если къ этому для точности прибавить увеличеніе выпуска ассигнацій Англійскаго банка, имѣющаго, повидимому, мало общаго со всѣмъ этимъ, за время съ 22 іюля 1914 г.—21 іюля 1915 г., а именно 4,5 мил. ф., то максимальная сумма финансированія посредствомъ выпуска ассигнацій будетъ 16,9 мил. ф., т. е. совершенно незначительная сумма [1]).

Однако въ странѣ, подобной Англіи, гдѣ фактическое денежное обращеніе состоитъ не изъ золота или ассигнацій, а актива, находящагося на текущемъ счету въ банкахъ, циркулирующаго въ видѣ чековъ, этотъ видъ проблемы совершенно не имѣетъ смысла. Тамъ важна лишь возможность банковскаго кредита на текущемъ счету, явившаяся, какъ сказано выше, благодаря извѣстнымъ мѣропріятіямъ англійскаго правительства въ области кредита. Возможно, что оживленіе денежнаго рынка, послѣдовавшее благодаря этому, могла принести пользу финансированію войны, но врядъ ли прямо, въ видѣ займа въ Англійскомъ банкѣ [2]), а скорѣе косвенно, благодаря кредиту, который Англійскій банкъ можетъ дать другимъ банкамъ или обществу, и чѣмъ онъ дѣлаетъ возможнымъ для нихъ подписаться на воен-

[1]) Этотъ подсчетъ, конечно, опредѣляетъ только финансированіе посредствомъ усиленнаго выпуска ассигнацій, а вовсе не общее увеличеніе обращенія посредствомъ усиленнаго выпуска билетовъ. Что касается послѣдняго, то весь усиленный выпускъ ассигнацій, т. е. 50,8 мил. ф., составляетъ придатокъ къ обращенію и сверхъ того, онъ привлекъ къ себѣ золота еще на 23,9 мил. ф.—общее усиленіе обращенія сводится, слѣдовательно, къ 74,8 мил. ф., хотя только первую цифру можно занести въ счетъ выпуска ассигнацій. Поводомъ къ большому различію между подсчетомъ финансированія и обращенія является то обстоятельство, что золото, лежащее на Currency Notes въ видѣ покрытія, взято изъ другихъ золотыхъ фондовъ или извнѣ, а не изъ обращенія. См. поучительное сопоставленіе проф. Davidson'a: Англійскій золотой запасъ во время войны (Ekonomisk Tidskrift 1915. № 9)—Еженедѣльные отчеты относительно Currency Notes крайне неясны, что даетъ поводъ къ разнаго рода толкованіямъ. Сравн. The Ekonomist, 20 ноября, 1915, стр. 840.

[2]) За указанный срокъ „Government Securities“ Англійскаго банка поднялись съ 11 мил. ф. до 53,2 мил. ф., т. е. на 42,2 мил. ф; но затѣмъ сумма снова понизилась почти до уровня мирнаго времени (18,9 мил. ф.—17 ноября 1915 г.).

ный заемъ. Послѣдняя возможность, на которую между прочимъ указывалъ корреспондентъ въ журналѣ «Экономистъ» (отъ 10-го іюля 1915 г.), вполнѣ идентична съ тою, которая возникла въ Германіи благодаря кредиту изъ ссудныхъ кассъ. Это по формѣ, конечно, не является финансированіемъ посредствомъ выпуска ассигнацій, но на дѣлѣ нѣчто подобное ему, какъ это не преминули отмѣтить англійскіе экономисты, съ свойственной имъ безпощадной критикой положенія собственной страны [1]). Какъ уже сказано, оживленіе денежнаго рынка имѣетъ преходящее значеніе, пока производится размѣнъ ассигнацій; и хотя ненормальная англійская кредитная организація несомнѣнно предоставляла дѣлу возможности, которыхъ обычно не имѣется, все же размѣнъ ассигнацій привелъ къ тому, что дѣло уладилось само собой; въ теченіе перваго года войны размѣнъ въ Англіи дѣйствительно производился. Затѣмъ обстоятельства нѣсколько измѣнились; и въ нѣкоторой, хотя неуловимой степени, слѣдуетъ признать вліяніе этого явленія на финансированіе даже и въ Англіи.

Изъ двухъ остальныхъ, принимающихъ въ войнѣ участіе, великихъ державъ, Австро-Венгрія обязала выпускающій ассигнаціи банкъ прекратить еженедѣльные отчеты со времени возникновенія войны. Какъ можно догадываться, увеличеніе выпуска ассигнацій въ этой странѣ дошло къ веснѣ 1915 г. до 4 милліардовъ кронъ.

Наконецъ, что касается Италіи, то усиленіе обращенія билетовъ Banca d'Italia съ 20 іюля 1914 г.—10 авг. 1915 г. равно 1,136 мил. лиръ, противъ усиленія металлическаго фонда въ 232 милліона лиръ; излишекъ равенъ 905 милліоновъ лиръ. Къ этому надо прибавить увеличеніе за счетъ двухъ другихъ выпускающихъ ассигнаціи итальянскихъ банковъ, которое мнѣ не извѣстно, хотя по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ фактически увеличилъ обращеніе своихъ ассигнацій; судя по обычному соотношенію между выпускомъ ассигнацій тремя банками, общую сумму слѣдуетъ повысить въ полтора раза, т. е. около 1,357 мил. лиръ.

Въ общемъ итогѣ вѣроятный объемъ военнаго финансированія посредствомъ выпуска ассигнацій въ воюющихъ великихъ державахъ получится слѣдующій, въ переводѣ на шведскую монету (по курсу al pari для иностранной монеты):

Англія		308	мил. кр.
Италія	около	975	„ „
Германія		2,988	„ „
Австро-Венгрія	(?)	3,000	„ „
Россія		4,139	„ „
Франція		4,650	„ „
Всего		16,060	мил. кр.

[1]) См. статью Keynes въ Economic Journal, dec. 1914.

Такимъ образомъ сумма приблизительно въ 16 милліардовъ кронъ была взята для финансированія войны въ теченіе перваго года войны великими державами просто-на-просто при помощи выпуска бо́льшаго количества платежныхъ средствъ при крайне уменьшенномъ количествѣ товара. При такомъ колосальномъ расширеніи обращенія не слѣдуетъ удивляться всеобщему повышенію цѣнъ.

Не безъинтересно посмотрѣть, каковы цифры въ концѣ пятой четверти войны, точнѣе говоря въ серединѣ ноября 1915 г., хотя цифры, сюда относящіяся, въ данный моментъ отчасти еще не надежны, а нѣмецкія данныя кромѣ того находятся подъ нѣкоторымъ вліяніемъ третьяго большого военнаго займа, который, какъ и раньше, былъ облегченъ посредствомъ усиленнаго выпуска ассигнацій ссудными кассами. Приводимъ цифры безъ всякихъ комментарій:

Англія (17 ноябр.)	877	мил.	кр.
Италія (30 сент.) . . . . . около	1,100	„	„
Германія (15 ноября)	3,598	„	„
Австро-Венгрія . . . . . (?)	4,000	„	„
Россія (5 ноября, н. с.)	6,560	„	„
Франція (18 ноября)	5,184	„	„
Всего	21,319	мил.	кр.

Какъ видно, всѣ государства идутъ въ томъ же направленіи, съ тѣмъ результатомъ, что сумма теперь поднялась до 21 милліарда кронъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на краткосрочныхъ займахъ. Граница ихъ, конечно, неопредѣленна, какъ по отношенію къ долгосрочнымъ, такъ и къ фондовымъ займами и съ банковскимъ кредитомъ, принимающимъ форму уплаты государственныхъ долговыхъ обязательствъ. Отграничить ихъ отъ названныхъ формъ кредита можно лишь, не считая за краткосрочныя обязательства такіе, срокъ которыхъ истекаетъ лишь послѣ вѣроятнаго окончанія войны, напр. 4 года послѣ начала войны; и къ чисто банковскому кредиту могутъ быть отнесены всѣ ссуды банковъ, выпускающихъ ассигнацій. Иное дѣло опредѣлить эти границы на практикѣ, что не всегда бываетъ легко.

Изъ воюющихъ великихъ державъ, Германія, насколько извѣстно, не прибѣгала къ краткосрочнымъ займамъ въ указанной формѣ. Напротивъ того, они являлись главнѣйшей формой финансированія въ началѣ войны въ Англіи, которая уже въ Бурскую войну видѣла въ нихъ удобный и выгодный способъ финансированія. Въ настоящую войну всѣ краткосрочныя англійскія долговыя обязательства назывались Treasury Bills и были двухъ видовъ: отчасти такими, для которыхъ сумма предлагалась покупателемъ, отчасти такими, для которыхъ сумма займа

опредѣлялась казначействомъ. Изъ первыхъ пущено въ оборотъ на 90 милліоновъ фунтовъ, изъ коихъ только 72,5 мил. ф. были просроченными въ концѣ перваго года войны; сумма послѣднихъ колеблется больше, но составляла въ концѣ перваго года войны значительно большую сумму—173,4 милліона. Изъ общей суммы слѣдуетъ вычесть все, что пошло на выкупъ ранѣе просроченныхъ Treasury Bills, а отчасти нѣкоторыхъ облигацій временъ Бурской войны, такъ что общая задолженность для перваго года настоящей войны составляетъ 216,7 милліоновъ. Сумма не уменьшилась сколько нибудь значительно отъ уплаты за второй большой военный заемъ; но, несмотря на свою абсолютную величину, эти на весьма выгодныхъ условіяхъ заключенные займы представляютъ значительно меньшую сумму, чѣмъ облигаціонные займы.

Военное финансированіе Россіи представляетъ нѣсколько темныхъ пунктовъ въ отношеніи краткосрочныхъ займовъ; но ясно, что они играютъ главную роль. Согласно уже цитированной рѣчи министра финансовъ Барка въ Думѣ 19 іюля (1. авг.) 1915 г., посредствомъ краткосрочныхъ займовъ внутри страны размѣщено 2400 милліоновъ рублей и 1500 милліоновъ рублей за-границей; возможно, что сюда относятся также 660 милліон. руб. расписокъ государственнаго казначейства; словомъ, въ теченіе перваго года войны въ общемъ 4560 милліоновъ рублей. [1]). Какая часть этихъ суммъ дѣйствительно размѣщена, однако неясно; Россія, безъ сомнѣнія, болѣе остальныхъ великихъ державъ опирается въ финансовомъ отношеніи на своихъ союзниковъ.

Франція же, напротивъ того, является страной, гдѣ краткосрочные займы теперь безспорно выступаютъ на первый планъ, на ряду съ большимъ выпускомъ ассигнацій. Къ началу іюля 1915 г. сумма выпущенныхъ боновъ національной обороны равнялась 6,150 милліоновъ франковъ, т. е. примѣрно столько же, сколько французскій банкъ перевелъ на счетъ государству до конца 1915 г.; изъ нихъ, однако, болѣе 2000 милліоновъ размѣщены въ Англіи.

Для Австріи и Италіи общіе обзоры пока что еще не доступны, и не говоря даже объ этихъ странахъ, общую сумму подвести трудно уже потому, что не извѣстно навѣрное, какая часть изъ размѣщенныхъ у союзниковъ (въ Франціи для Россіи, въ Англіи и для Франціи, и для Россіи) займовъ дана этими правительствами и слѣдовательно могла бы дважды попасть въ счетъ. Что сумма для всѣхъ великихъ державъ будетъ не меньше 15.000 милліоновъ кронъ за первый годъ войны, слѣдуетъ считать достовѣрнымъ,

Въ первую четверть второго года войны Англія всячески усиливала выпускъ такихъ Treasury Bills, которые размѣщаются

---

[1]) Ср. L'Economist français 18 сент. 1915 г. и письмо изъ Россіи англійскаго корреспондента, помѣщенное въ The Economist 11 сент. 1915 г.

безъ оффиціальнаго предложенія, но лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ другой видъ Treasury Bills подлежалъ уплатѣ, съ тѣмъ послѣдствіемъ, что общая сумма въ сущности осталась неизмѣнной. Большой заемъ, сдѣланный Англіей и Франціей въ Соединенныхъ Штатахъ, относится, согласно приведенному выше опредѣленію, скорѣе къ постояннымъ займамъ, такъ какъ облигаціи подлежатъ уплатѣ не ранѣе пяти лѣтъ; поэтому можно сказать, что общая задолженность Англіи не возросла съ конца перваго года войны. Продажа же французскихъ боновъ національной обороны продолжалась, напротивъ того, до середины ноября 1915 г. и достигла 2213 милліоновъ франковъ. Въ данное время сказать невозможно, сколько слѣдуетъ прибавить для другихъ воюющихъ странъ и мы не станемъ, поэтому, дѣлать какого либо общаго подсчета.

Изъ цифръ задолженности въ первый годъ войны явствуетъ, что этотъ видъ финансированія, до конца года, идетъ рука объ руку съ финансированіемъ посредствомъ выпуска ассигнацій; возможно, что худшая форма финансированія съ тѣхъ поръ получила рѣшительное преобладаніе. Для двухъ важнѣйшихъ противниковъ на экономическомъ поприщѣ большіе облигаціонные займы являются, безъ сомнѣнія, важнѣйшимъ видомъ финансированія. Суммы ихъ въ общемъ хорошо извѣстны. Въ Германіи первый военный заемъ далъ (номинально) 4.461 мил. марокъ, второй (равнымъ образомъ номинально) 9.060, слѣдовательно вмѣстѣ 13.521 мил. марокъ; изъ нихъ 1.775 мил. государственныхъ многолѣтнихъ векселей, (подлежащихъ размѣну въ 1918—22 г.г.) Въ Англіи первый заемъ далъ номинально 350 мил. фунтовъ. Результатъ второго займа страннымъ образомъ до сихъ поръ еще, кажется, не опубликованъ, но, согласно сообщенію министра финансовъ Макъ Кенна въ Нижней Палатѣ 13 іюля 1915 года, подписка въ Англійскомъ Банкѣ дала 570 мил. и черезъ почтовое вѣдомство 15 мил., въ общемъ 585 мил. ф., и дальнѣйшая подписка (на меньшую сумму) продолжается; 13 ноября было внесено 585,85 мил. ф. Къ этому въ концѣ концовъ надо прибавить 48 мил. ф. Exchequer Bonds (подлежащихъ оплатѣ въ 1920 г.), соотвѣтствующихъ нѣмецкимъ векселямъ государственнаго казначейства. Общая сумма для Англіи будетъ въ такомъ случаѣ 984 мил. ф. Что касается Франціи, то къ облигаціонному займу слѣдуетъ причитать облигаціи національной обороны (не смѣшивать съ бонами), хотя они выпускались послѣдовательно и не поступали въ оборотъ за одинъ разъ; въ началѣ іюля 1915 г. общая сумма ихъ, за исключеніемъ употребленнаго на конверсацію прежняго займа, была 1600 мил. франковъ, слѣдовательно сущей бездѣлицей по сравненію съ огромными цифрами для Англіи и Германіи.

Въ отношеніи Россіи данныя, по обыкновенію, спорны; министръ финансовъ Баркъ указалъ въ своей уже цитированной рѣчи на два займа, каждый по 500 мил. руб., и одинъ въ

1000 мил., слѣдовательно въ общемъ 2.000 мил. руб., однако неизвѣстно, былъ ли третій изъ этихъ займовъ всецѣло выпущенъ. Австро-Венгрія выпустила два большихъ облигаціонныхъ займа въ 3.306 и 3.770 мил. австрійскихъ кронъ, т. е. въ общемъ 7.076 мил.; оба займа Италіи—первый сдѣланъ еще до участія въ войнѣ—доходятъ до 1.000 и 1118 мил. или въ общемъ 2.118 мил. лиръ.

Переводя на шведскую монету, мы получимъ нижеслѣдующую сумму финансированія посредствомъ облигаціоннаго займа въ первый годъ войны. Для объясненія, почему такъ неожиданно легко удалось создать столь огромныя суммы, слѣдуетъ отмѣтить, что суммы переведены на шведскую монету по курсу „al pari“, хотя за исключеніемъ англійскихъ, всѣ онѣ оплачены въ—сравнительно съ шведской—значительно пониженной валютѣ и что эмиссія въ большомъ числѣ случаевъ происходила нѣсколько ниже курса al pari. Съ точки зрѣнія военныхъ расходовъ первое обстоятельство не будетъ, видимо, имѣть какого либо значенія; но плательщики налоговъ въ различныхъ воюющихъ странахъ должны приготовиться къ окончательному погашенію займа въ возстановленной послѣ войны валютѣ. Удастся ли что нибудь сберечь въ теченіе приближающагося мирнаго времени посредствомъ скупки ниже паритета со стороны государствъ или конверсаціи—это вопросъ, на который никто не можетъ отвѣтить въ данное время; однако несомнѣнно, что формы займа въ общемъ затруднили подобныя операціи. Картина получается слѣдующая:

Франція	1,159	мил. кронъ.
Италія	1,525	„ „
Россія	3,840	„ „
Австро-Венгрія	5,378	„ „
Германія	12,019	„ „
Англія	17,867	„ „
Итого ...	41.788	мил. кронъ.

По окончаніи перваго года войны, т. е. въ первую четверть второго года прежде всего прибавился третій большой нѣмецкій заемъ свыше 12 милліардовъ (12.101 мил.) марокъ, до сихъ поръ наибольшій изъ всѣхъ. Австрія и Венгрія также прибѣгли къ третьему военному займу (въ октябрѣ), сумма котораго для обѣихъ странъ вмѣстѣ доходитъ примѣрно до 6 милліард. кронъ. Изъ державъ согласія Россія рѣшилась сдѣлать подобный заемъ въ милліардъ рублей, но результатъ его опредѣлится въ будущемъ. Франція для начала размѣстила сумму въ добрыхъ два милліарда въ облигаціяхъ народной обороны, и отчасти, нѣсколько позже (11 ноября 1915 г.), прибѣгла къ настоящему фондовому военному займу безъ ограниченія суммы; но еще трудно опредѣлить, что дастъ этотъ заемъ. Англія и Франція,

кромѣ того, какъ уже указано и какъ намъ хорошо извѣстно, сдѣлали въ Америкѣ заемъ въ 500 мил. долларовъ съ пятилѣтнимъ срокомъ амортизаціи; къ этому прибавилось еще нѣсколько другихъ кредитовъ. Сумма указанныхъ до сихъ поръ покрытыхъ займовъ, т. е. нѣмецкаго, австро-венгерскаго, французскаго «облигацій обороны» и англо-французскаго займа въ Америкѣ, равна на шведскія деньги по курсу пари 18,646 мил. кронъ и повышаетъ слѣдовательно общую сумму до 60 милліард. кр. Въ отношеніи облигаціонныхъ займовъ Германія стоитъ на первомъ мѣстѣ съ общей суммой въ 22,776 мил. кронъ по курсу пари.

Что касается послѣдней формы военнаго финансированія, а именно обложенія пошлинами, то тутъ придется сказать немного. Въ качествѣ серьезнаго элемента военнаго финансированія у воюющихъ великихъ державъ, оно, кажется, не наблюдается нигдѣ за исключеніемъ Англіи, хотя даже Россія, на ряду съ другими финансовыми опытами, также ввела значительное количество военныхъ налоговъ и подготавливаетъ цѣлый рядъ новыхъ, а также и Германія теперь прибѣгла къ обложенію военной прибыли; кромѣ того, между прочимъ Швеція и Данія, какъ извѣстно, ввели особые налоги на военную прибыль.

Даже и въ Англіи немногое достигнуто путемъ военныхъ налоговъ, хотя два изъ составленныхъ до сихъ поръ трехъ военныхъ бюджетовъ во все увеличивающейся степени пользовались налогами. Въ бюджетѣ Ллойда Джорджа въ ноябрѣ 1914 г. были предприняты повышенія налоговъ, отъ которыхъ его преемникъ въ сентябрѣ 1915 г. ожидалъ дохода въ 68,5 мил. ф. (на 5 мил. больше, чѣмъ было разсчитано) на цѣлый годъ, въ теченіе котораго новые налоги должны были войти въ силу. Повышеніе налоговъ изъ нормальныхъ источниковъ дохода, введенное самимъ Макъ Кэнномъ въ его бюджетѣ 21 сентября 1915 г., были значительно больше, а именно въ общемъ 107 мил. фунтовъ, также для полнаго бюджетнаго года вмѣстѣ съ прежнимъ повышеніемъ это означало бы около 175 мил. фун., что самопо себѣ является несомнѣнно колоссальной суммой. Между тѣмъ вліяніе новыхъ источниковъ дохода можетъ сказаться не ранѣе новаго бюджетнаго года, 1 марта 1916—17 гг. Даже большое увеличеніе налоговъ, соотвѣтствующее почти $^1/_2$ мил. фун. въ день, будетъ имѣть меньше значенія чѣмъ можно было бы ожидать. Военные расходы уже для начала 1916 г. исчислены почти въ 5 милліон. фунтовъ въ день; и даже, если они не возрастутъ въ 1916—1917 финансовомъ году, что мало вѣроятно, то новые доходы отъ налоговъ едва покроютъ $^1/_{10}$ часть всего расхода. Изъ этого видно не только то, какую колоссальную задачу представляетъ вообще финансированіе войны такихъ размѣровъ, какова настоящая, но и то, насколько безнадежно выполненіе ея безъ полученія большей части необходимой суммы путемъ

займовъ. Это, однако, не значитъ, что налогами нельзя было взять больше, чѣмъ это сдѣлалъ Макъ Кэнна въ своемъ бюджетѣ; что общественное мнѣніе въ Англіи разсчитывало на болѣе сильное повышеніе налоговъ, лучше всего видно изъ пріятнаго изумленія, которымъ былъ встрѣченъ въ извѣстныхъ кругахъ незначительный объемъ налоговъ, и изъ соотвѣтствующаго разочарованія въ другихъ сферахъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что слѣдующіе англійскіе военные бюджеты, если таковые еще понадобятся, прибѣгнутъ къ значительно большему увеличенію налоговъ, при чемъ станетъ необходимымъ совершенно иное обложеніе широкихъ слоевъ населенія. Но можно оказать напередъ, что эти повышенія будутъ необходимы, чтобы до извѣстной степени заполнить новые, еще большіе пробѣлы, которые окажутся въ случаѣ продолженія войны. Какъ велики налоги, введенные англійскимъ сентябрьскимъ бюджетомъ, который слѣдуетъ считать слишкомъ умѣреннымъ, явствуетъ изъ нѣкоторыхъ деталей. Обычный подоходный налогъ увеличенъ на 40%, при чемъ одновременно нѣсколько сужены границы освобожденія отъ налоговъ; и добавочный налогъ на большіе доходы (super-tax) былъ одновременно поднятъ, такъ что общая сумма налоговъ для большого рантье можетъ дойти до 34% годового дохода—т. е. свыше $^1/_3$ дохода отчисляется ежегодно въ пользу государства. Одновременно былъ также установленъ особый налогъ на военную прибыль, доходящій до половины ея суммы, но подоходный налогъ при этомъ взимался кромѣ того. Далѣе, увеличенъ впятеро налогъ на сахаръ; пошлины на чай, табакъ, кофе и т. п. увеличены наполовину и введены пошлины до $33^1/_3$% стоимости на автомобили, мотоциклетки, кинемотографическія ленты, шляпъ и др. ввозные предметы роскоши; наконецъ, увеличены почтовые, телеграфные и телефонные тарифы.

Уже сказано, что это можетъ примѣрно дать въ будущемъ финансовомъ году; но, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, это не сыграло сколько нибудь значительной роли для веденія войны до сихъ поръ. Увеличеніе обычныхъ доходовъ Англіи съ 1 апрѣля до 6 ноября 1915 г. можетъ быть въ значительной степени приписано повышеннымъ Ллойдомъ Джорджемъ и Макъ Кэнна измѣненіямъ налоговъ; но оно равняется лишь 34 мил. фунтовъ или 154.500 фунтовъ въ день, т. е. приблизительно 4% военныхъ расходовъ. Для всѣхъ же остальныхъ воюющихъ странъ получатся видимо отрицательныя числа [1]).

---

[1]) Истекшій въ Германіи финансовый годъ $^1/_4$1914—$^{31}/_3$1915 г., далъ излишекъ въ 219 мил. марокъ, согласно сообщенію министра финансовъ Гельфериха въ его рѣчи въ нѣмецкомъ рейхстагѣ 20 авг. 1915 г. Этотъ періодъ обнимаетъ отчасти 4 мирныхъ мѣсяца, которымъ, повидимому, и принадлежитъ заслуга излишка; отчасти же результатъ зависитъ оттого, что государственные доходы съ самого начала исчислены слишкомъ низко, а отнюдь не оттого, что для войны были найдены новые источники доходовъ.

Итакъ, если оставить въ сторонѣ неточныя цифры, то можно сказать, что финансированіе войны для великихъ державъ въ теченіе перваго года войны происходило такъ: 42 милліарда кронъ приходится на фондовый заемъ, 16 милліардовъ на выпускъ ассигнацій и 15 милліардовъ на краткосрочные займы въ различныхъ видахъ. Способъ обложенія налогами вошелъ въ употребленіе лишь въ концѣ 1915 года и практиковался въ одной только странѣ.

Значительно интереснѣе голыхъ цифръ изслѣдованіе вопроса объ источникахъ полученія средствъ въ только что указанномъ масштабѣ. Здѣсь, однако, слѣдуетъ удовольствоваться еще меньшей полнотой и точностью.

Первымъ моментомъ является чисто внѣшнее увеличеніе цифръ, являющееся слѣдствіемъ пониженія валюты почти во всѣхъ воюющихъ странахъ. Мы не будемъ пробовать дѣлать подчета, такъ какъ задача, помимо присущихъ ей трудностей, отличается еще тою, что пониженіе послѣдовательно прогрессируетъ и поэтому сильнѣе дѣйствуетъ на болѣе поздніе займы, чѣмъ на ранніе. Едва ли будетъ рискованно взять средней цифрой чистаго пониженія — уменьшенія цѣнностей бумажной валюты въ различныхъ странахъ по отношенію къ золотой валюты—до 10%; эту цифру слѣдуетъ считать приблизительно вѣрной. Тѣмъ самымъ объяснена немалая часть выраженнаго въ деньгахъ финансированія.

Другимъ моментомъ является разъясненное въ первомъ отдѣлѣ этой главы двойное финансированіе посредствомъ заклада основныхъ капиталовъ и подписки на военный заемъ на основаніи суммы ссуды. Для этого случая нами принята примѣрная цифра для Германіи въ 1 милліардъ марокъ, къ чему, видно, присоединяется таковое же увеличеніе денежнаго обращенія также для другихъ странъ, между прочимъ для самой Англіи, какъ то уже было указано. Удобнѣе всего извлекать эту цифру изъ суммъ облигаціонныхъ займовъ, такъ какъ добытая этимъ способомъ часть ихъ въ дѣйствительности совершенно незначительна. Слѣдуетъ отбросить также скидку на капиталъ займа. Она была—если считать по эмиссіонному курсу, а не на золото—для перваго англійскаго военнаго займа 5%, въ то время какъ другая большая рента эмиссировалась по курсу пари; первые три нѣмецкіе займа выпускались, несмотря на номинальную ренту съ уменьшающейся скидкой: $2^1/_2$, $1^1/_2$ и 1%; для австрійскихъ займовъ эмиссіонный курсъ, напротивъ того, понижался $97^1/_2$, $95^3/_4$, 93,6% и т. д. [1]). Этимъ путемъ, стало быть, объясняются

[1]) Мы не имѣемъ въ виду дѣлать оцѣнку финансоваго положенія различныхъ странъ. Въ видѣ предостереженія отъ возможнаго заблужденія слѣдуетъ только замѣтить, что пониженіе дѣйствуетъ какъ капиталъ-рабатъ на дебитора-государство такъ же, какъ и на кредитора, если исходить изъ предположенія, что рано или поздно заемъ будетъ погашенъ или превращенъ въ процентныя бумаги въ нормальной валютѣ.

довольно значительныя суммы; для всѣхъ займовъ вмѣстѣ, видимо, не ниже 3%.

Переходя затѣмъ отъ этихъ фиктивныхъ формъ финансированія, значеніе которыхъ для самого финансированія ограничивается однимъ повышеніемъ цифръ,— къ дѣйствительнымъ, мы, въ качествѣ перваго источника, встрѣтимся съ сбереженіемъ, т. е. съ тою частью національнаго дохода, который идетъ не на непосредственное потребленіе, а на новое производство или на запасы товара для будущаго. Этотъ источникъ самъ по себѣ значительно больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ; и если невозможно получить точныхъ цифръ, то тщательныя и добросовѣстныя вычисленія все же дѣлались. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и употребительныхъ подсчетовъ является подсчетъ теперешняго нѣмецкаго министра финансовъ Гельфериха для Германіи, главнымъ образомъ касающійся 1908—11 гг.; въ итогѣ получается 8—8½ милліард. марокъ годового сбереженія, т. е. круглымъ счетомъ ⅕ государственнаго дохода [1]). Это слѣдуетъ признать весьма значительною частью; многіе же считаютъ лишь 6 до 6½ милліард. марокъ. Этому противополагается сумма двухъ первыхъ облигаціонныхъ займовъ 13½ милліард. марокъ или, отбросивъ расходы по финансированію посредствомъ выпуска ассигнацій, пожалуй 12½ милліардовъ. Для трехъ нѣмецкихъ облигаціонныхъ займовъ, 25½ милліард. марокъ, слѣдуетъ считать больше, чѣмъ годовое сбереженіе, почти до полутора лѣтъ; разница въ данномъ случаѣ значительно больше. Для Англіи годовое сбереженіе обычно исчисляется въ 350 до 400 милліоновъ фунтовъ т. е. примѣрно столько же, какъ въ Германіи; но это лишь приблизительно отвѣчаетъ первому англійскому военному займу въ 350 милліоновъ; другой заемъ 770 милліоновъ остается внѣ подсчета. Если взглянуть только на годовое сбереженіе, то англійскій заемъ всетаки, является еще замѣчательнѣе нѣмецкаго [2]). Не стоитъ труда дѣлать подсчеты въ отношеніи остальныхъ воюющихъ странъ, такъ какъ за достовѣрность данныхъ нельзя ручаться.

Это сбереженіе переходитъ въ распоряженіе производства, т. е. идетъ на постройку новыхъ зданій, новыхъ машинъ, на разнаго рода расширенія, и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть употреблено для новыхъ цѣлей. Но это нормальное примѣненіе капитала почти совершенно исчезло во время войны [3]) и совершаемыя покупки машинъ, постройки и т. п. въ значительной степени, видимо, оплачиваются государствомъ и обез-

[1]) Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913 г. (3 изд., Берлинъ 1914 г.), стр. 122.

[2]) Оффиціальный подсчетъ годичнаго сбереженія въ Англіи касается 1907 г. и доходитъ до 350 милл. фунтовъ (Census of Production, Cd. 6320, стр. 32).

[3]) См., напр., данныя Economist'a объ эмиссіяхъ въ первыя три четверти 1915 г. (2 окт. 1915 г., стр. 501).

печиваются лишь взятыми въ заемъ деньгами. Поэтому можно сказать, что сбереженія, каковы они теперь, поступаютъ въ распоряженіе государства и принимаютъ форму подписки на государственныя облигаціи. Что касается особенно Англіи, то слѣдуетъ отмѣтить, что значительная часть сбереженія страны вообще не идетъ на развитіе промышленности внутри страны, но «экспортируется», т. е. примѣняется для средствъ производства (желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ) или вообще недвижимаго имущества въ другихъ странахъ; но это размѣщеніе за границей почти совершенно прекратилось во время войны, такъ какъ оно совершалось безъ участія государства [1]), и объ англійскихъ сбереженіяхъ слѣдуетъ сказать поэтому то же самое, что и о нѣмецкихъ. Поэтому на первый взглядъ кажется, что объяснены источники для Германіи $^1/_2$—$^2/_3$ двухъ первыхъ займовъ и $^1/_3$—$^1/_2$ трехъ займовъ, а для Англіи $^1/_3$—$^1/_2$ общей суммы облигаціоннаго займа, и это, даже не считая сокращенія первой суммы по отношенію къ пониженія курса.

Нужно принять во вниманіе, что производство вездѣ значительно пало, отчасти благодаря уменьшенію человѣческихъ силъ, отчасти также благодаря вредному вліянію отрѣзанности, такъ что сбереженіе должно производиться въ виду значительно уменьшеннаго національнаго дохода. Въ Германіи, гдѣ данное вліяніе слѣдуетъ признать наиболѣе сильнымъ, относительное увеличенія сбереженій (въ отношеніи къ государственному доходу) также больше, чѣмъ въ другихъ странахъ; здѣсь охотно говорятъ о большихъ сбереженіяхъ, благодаря прекращенію путешествій въ Парижъ, Швейцарію и Норвегію, о прекращеніи потребленія предметовъ роскоши, о бережливости въ употребленіи хлѣба, заставляющей питаться чѣмъ угодно, о прекращеніи обжорства и т. п. Часто предполагается, что это уменьшеніе больше, чѣмъ общее уменьшеніе производства. Трудно освѣтить вопросъ цифровыми данными; но предположеніе это кажется не правдоподобнымъ; слѣдуетъ признать, однако, нормальное сбереженіе мирнаго времени тѣмъ высшимъ предѣломъ, котораго можно достигнуть подобнымъ образомъ для цѣлей военнаго финансированія. Въ Англіи уменьшеніе производства, очевидно, не такъ велико, но и экстренныя сбереженія также значительно меньше, такъ что положеніе оказывается тѣмъ же, хотя за неимѣніемъ данныхъ нельзя знать ничего опредѣленнаго объ относительномъ состояніи обѣихъ странъ [2]).

---

[1]) Сводъ данныхъ см. у C. K. Hobson: „The War in Relation to British Foreign Investments“, въ „Economic Journal“, іюнь 1915 г., стр. 247.

[2]) Было бы безсмысленно останавливаться, въ данномъ случаѣ, на статистическихъ тонкостяхъ; но можно, пожалуй, указать на не совсѣмъ незначительный успѣхъ національнаго дохода и сбереженія, имѣвшимъ мѣсто между, приблиз., 1910—1914 гг., что даетъ поводъ къ довольно оптимистичному подсчету. Это — не считая пониженія курса валюты, которая всегда сопутствуетъ.

Въ національный приходъ начисляется только чистый доходъ народнаго хозяйства или доходъ при неизмѣнной цѣнности капитала; это означаетъ, что одна часть валового дохода общества сначала должна быть отчислена на возмѣщеніе освобожденныхъ или изношенныхъ средствъ производства. Но, съ другой стороны, ясно, что это возмѣщеніе частью можетъ отсутствовать, что и происходитъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени во время войны [1]). Тѣмъ самымъ средства могутъ быть употреблены на подписку на заемъ; это значитъ, что силы и товары, которые въ обычное время примѣнялись бы на поддержаніе средствъ производства въ неприкосновенности, теперь поступаютъ въ пользу государства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается пользованіе національнымъ доходомъ; это составляетъ первую помощь изъ національнаго имущества.

Другимъ видомъ помощи изъ этого источника является складъ готовыхъ запасовъ, какъ-бы другая сторона того же вопроса. При обычныхъ обстоятельствахъ эти склады возобновлялись бы, теперь же они не пополняются; и ихъ владѣльцы, освободившіе такимъ образомъ свой капиталъ, подписываются на военный заемъ, т. е. предоставляютъ въ распоряженіе государства тѣ средства, на которыя, обычно, пополнялись бы склады. Съ точки зрѣнія банковскаго дѣла и особенно въ отношеніи Англіи, это означаетъ, что размѣщеніе капиталовъ на короткій срокъ, для котораго банки обычно примѣняютъ свои, полученные на текущій счетъ вклады, теперь прекращается, такъ какъ оплачиваемые имъ склады и т. п. упраздняются; сумма и въ пассивѣ и въ активѣ банка уменьшается и средства идутъ на военный заемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это происходитъ до смѣшного просто, а именно, когда государство само беретъ склады,какъ это практикуется въ широкихъ размѣрахъ особенно въ Германіи съ запасами сырья для безчисленныхъ, необходимыхъ для войны отраслей промышленности, даже если они принадлежатъ частнымъ лицамъ; подписка на заемъ владѣльцами складовъ означаетъ съ политико-экономической точки зрѣнія лишь то, что они отдаютъ свои запасы въ кредитъ; что государство нуждается въ суммѣ займа, зависитъ лишь отъ того, что оно заступило мѣсто частныхъ лицъ.

---

[1]) На самомъ дѣлѣ это происходитъ и въ мирное время, т. е. всегда. Вѣдь было бы нелѣпостью постоянно снова примѣнять производительныя силы тѣмъ же образомъ, какъ и раньше. Одинъ сортъ машинъ замѣняется другимъ, одно производство—другимъ, одна отрасль промышленности—другой, въ постоянномъ развитіи; дѣловое предпріятіе, продавшее недвижимость, не принуждено помѣщать полученную сумму въ другой недвижимости, и металлическіе заводы, закрывающіе свои бессемеровскія печи, быть можетъ, вмѣсто нихъ построятъ новыя вальцовыя машины. Этотъ постоянно происходящій въ мирное время процессъ, отличается отъ развитія въ военное время только тѣмъ, что національный капиталъ въ мирное время остается неизмѣннымъ или даже возрастаетъ, въ то время какъ при войнѣ онъ частью окончательно освобождается, т. е. уменьшается.

Уменьшается ли національное имущество благодаря этому—это зависитъ исключительно отъ пополненія запаса государствомъ; по всѣмъ вѣроятіямъ этого не происходитъ—или, по крайней мѣрѣ, не безъ новыхъ займовъ; вѣдь продукты, производимые изъ этого сырья, навѣрное въ большинствѣ случаевъ употребляются на нужды войны; въ такомъ случаѣ національное имущество уменьшается.

Послѣднимъ видомъ прямого примѣненія національнаго имущества будутъ упомянутые уже свиные заводы. Съ одной стороны, они являются складомъ, такъ какъ могутъ пойти на потребленіе, но съ другой стороны, они будутъ средствомъ производства, такъ какъ въ дальнѣйшемъ могутъ быть оставлены для приплода. То же самое надо сказать и о другихъ животныхъ. Еще нѣсколько больше обслуживаютъ промышленность чистыя средства производства, которыя посредствомъ плавленія или другого превращенія могутъ обслуживать нужды войны, напр. электрическія машины, или мѣдные провода, крыши, дверныя ручки, кухонная посуда и т. п. изъ того же металла и еще многое другое.

Перечисленныя только что группы цѣнностей слѣдуетъ считать единственными, могущими сами по себѣ обслуживать потребленіе; значительно большая часть національнаго имущества исключается, такимъ образомъ, изъ счета, какъ непосредственная помощь при финансированіи войны. Но въ неотрѣзанной странѣ, какъ мы знаемъ, имѣется возможность обмѣнивать средства производства на предметы потребленія, что почти всегда принимаетъ форму продажи цѣнныхъ бумагъ нейтральнымъ странамъ; удобнѣе всего держать такія бумаги, которыя оплачиваются въ этихъ странахъ, особенно въ Соед. Штатахъ—въ этомъ наилучшемъ военно-финансовомъ резервѣ для всѣхъ странъ, хотя онъ и не облегчилъ пріобрѣтенія средствъ въ самый моментъ возникновенія войны. Эта фаза военнаго финансированія теперь, судя по всему, уже наступила.

Что касается Германіи, то здѣсь этотъ пріемъ не могъ достигнуть значительнаго объема, отчасти благодаря тому, что страна собственно не вывозитъ капитала, т. е. не обладаетъ относительно большимъ количествомъ иностранныхъ цѣнностей, отчасти же по другимъ причинамъ [1]). Значительная часть принадлежавшихъ нѣмцамъ бумагъ была въ моментъ возникновенія войны депозирована въ Лондонѣ и потому теперь недоступна, тогда какъ трудность продавать въ Америку даже то, чѣмъ владѣешь, увеличивается оттого, что телеграфная сѣть находится въ рукахъ Англіи. Это, однако, не исключило возможности довольно значительныхъ продажъ американскихъ бумагъ, Соедин. Штатамъ преимущественно черезъ Амстердамъ и

[1]) Гельферихъ опредѣляетъ (стр. 112) нѣмецкій капиталъ, размѣщенный заграницей, по его собственному мнѣнію высоко, до 20 милліардовъ марокъ.

скандинавскихъ бумагъ непосредственно въ страну, на которую онѣ переведены, т. е. главнымъ образомъ въ Данію, отчасти въ Швецію. Какъ ни странно, но этотъ процессъ въ Германіи, кажется, усилился благодаря общему пониженію нѣмецкой валюты, вслѣдствіе того, что нѣмецкіе владѣльцы бумагъ имѣютъ право продавать ихъ по курсу пари въ нѣмецкихъ маркахъ, въ то время, какъ американскіе и скандинавскіе покупатели платили лишь 85—88% денегъ своей страны; въ дѣйствительности нѣмецкій покупатель долженъ былъ мириться съ этой скидкой, которая выражена въ долларахъ (какъ стоимость золотой валютой), хотя онъ этого и не замѣчаетъ, ибо онъ вообще не замѣчаетъ пониженія валюты своей страны. Вообще, Германія за время войны до половины іюля 1915 г., т. е. за первый годъ, продала цѣнныхъ бумагъ на общую сумму приблизительно въ 1 милліардъ марокъ, благодаря чему слѣдуетъ считать финансированной даннымъ способомъ соотвѣтствующую сумму военнаго займа [1]).

Въ Англіи общій резервъ заграничныхъ цѣнныхъ бумагъ въ четыре раза больше, чѣмъ въ Германіи (обычно исчисляется не менѣе $3^1/_2$ милліард. фунтовъ,—головокружительная сумма), и это, прежде всего, первоклассныя американскія цѣнности, особенно желѣзнодорожныя облигаціи. Продажа этихъ бумагъ происходила съ начала 1915 года. Англійскій экономистъ д-ръ C. K. Hobson косвеннымъ образомъ, а именно на основаніи торговой статистики и т. п., подсчиталъ, что чистый ввозъ иностраннаго капитала въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ войны равенъ приблизительно 100 милліонамъ фунтовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что эта сумма показываетъ уменьшеніе притока иностранныхъ средствъ послѣ изъятія тѣхъ суммъ, которыя Англія предоставила союзникамъ и колоніямъ во время войны, что, считая даже въ минимальномъ количествѣ, будетъ равняться нѣсколько большей суммѣ—107 милліон. фунтовъ, взятыхъ изъ различныхъ англійскихъ военныхъ займовъ. Въ дѣйствительности, при условіи правильности подсчета, по крайней мѣрѣ, двойная сумма (свыше 200 милліон. фунтовъ) англійскаго финансированія покрыта посредствомъ обратнаго вывоза иностранныхъ цѣнностей—сумма, которую слѣдуетъ признать приблизительно соотвѣтствующей англійскому годовому вывозному капиталу, судя по положенію непосредственно передъ началомъ войны [2]). Это, однако, правильно лишь до конца апрѣля 1915 г. Побужденіе къ импорту бумагъ, которое въ Германіи заключается въ пониженной валютѣ, выразилось въ Англіи въ высокомъ размѣрѣ процентовъ (номинально $4^1/_2$%, но въ дѣйствительности, благодаря переучету старыхъ

---

[1]) Эта цифра основана на частныхъ вычисленіяхъ опытныхъ лицъ.

[2]) C. K. Hobson The Export of Capital (London 1914), стр. 162, 205, — а также и въ „Economic journal“ 1915, стр. 248—55.

займовъ, значительно выше) второго большого англійскаго государственнаго займа, такъ какъ упомянутыя американскія цѣнныя бумаги въ общемъ могли приносить меньшую ренту (4% [1]). Въ этомъ отношеніи многаго ожидалось для финансированія отъ выпуска второго займа, и данная тенденція фактически имѣется на лицо, хотя нѣсколько медленнѣе, чѣмъ можно было ожидать, такъ что она усилилась лишь осенью 1915 г. По всѣмъ вѣроятіямъ въ этомъ направленіи слѣдуетъ ожидать многаго въ томъ случаѣ, если война продлится.

Напротивъ того, однимъ изъ горчайшихъ плодовъ плохого управленія во Франціи является то, что не только храбрый и патріотичный, но и прилежный, богатый и, прежде всего бережливый французскій народъ, къ тому же народъ, который сравнительно больше всѣхъ размѣщаетъ свои сбереженія въ иностранныхъ бумагахъ, почти совершенно лишенъ возможности финансировать войну посредствомъ продажи цѣнныхъ бумагъ. Это является серьезнымъ напоминаніемъ для тѣхъ—а въ нихъ нигдѣ нѣтъ недостатка — которые хотятъ сохранить свои биржи для размѣщенія туземныхъ капиталовъ, а равно и для цѣлей, преслѣдующихъ государственные интересы. Благодаря контролю парижской биржи, не имѣющаго равнаго со стороны политиковъ въ мірѣ, во имя ложно понятыхъ государственныхъ интересовъ — контролю, который французскій президентъ въ 1912 г. назвалъ «обязательствомъ тогдашняго правительства сохранять экономическія средства Франціи для предпріятій, обслуживающихъ французскую политику“ [2]—масса размѣщеній была исключена, которыя, однако, могли дать нѣкоторую гарантію и одновременно образовать финансовый резервъ, въ то время, какъ желающіе подчиниться и преслѣдовавшіе тотъ или иной случайный политическій интересъ или финансовыя комбинаціи получили возможность размѣстить свои займы. Результатомъ этого является то, что Франція теперь наводнена русскими, турецкими, сербскими, болгарскими, бразильскими, мексиканскими и др. бумагами, которыя не могутъ быть проданы и большею частью совершенно безцѣнны. Такимъ образомъ, дѣйствительная государственная польза въ жизненномъ вопросѣ должна была уступить мѣсто политико-экономическому шарлатанству съ послѣдствіями, которыхъ и слѣдовало ожидать [3]. Франція, видимо, располагаетъ американскихъ бумагъ прибли-

---

[1]) Эта интересная англо-германская альтернатива, повышеніе размѣннаго курса или повышеніе процента на капиталъ, какъ средствъ возбужденія вывоза иностранныхъ цѣнныхъ бумагъ, освѣщаетъ и укрѣпляетъ практическимъ примѣромъ доказательство проф. Wicksell'я относительно дѣйствія повышеннаго дисконта на размѣнный курсъ. (Växelkurs och bankränta, Ekonomisk Tidskrift 1915, стр. 167).

[2]) Evesque, стр. 127.

[3]) Svensk Tidskrift, 1914, стр. 69 ff. (Статья: Franska lanemarknaden).

зительно на 1100 мил. франковъ, въ данномъ вопросѣ сумма незначительная, большая часть которой, кромѣ того, состоитъ изъ франко-американскихъ бумагъ во французской монетѣ и потому врядъ ли могущихъ быть проданными въ Соед. Штатахъ. Поэтому Франціи и пришлось прибѣгнуть къ мѣропріятію, которое ясно показываетъ трудность ея положенія, т. е. предпринять заемъ въ Соед. Штатахъ подъ обезпеченіе подобныхъ бумагъ; заемъ, кажется, былъ невеликъ (судя по даннымъ Times'a отъ 6 іюля 1915 г. 50—75 мил. долларовъ) и показываетъ, что бумаги не могутъ быть проданы и, съ другой стороны, что трудности займа были необычайно велики. Даже, если мы прибавимъ скандинавскія и другія хорошія бумаги, все же общая сумма, могущихъ быть проданными иностранныхъ бумагъ во Франціи незначительна,—видимо значительно меньше, чѣмъ въ Германіи, хотя общее ихъ количество равняется половинѣ англійскихъ и является безспорно наибольшимъ въ мірѣ послѣ Англіи.

Такимъ образомъ, мы выяснили болѣе конкретно и на основаніи цифръ, по скольку это было возможно, въ чемъ заключаются источники финансированія войны. Военно-государственные расходы различныхъ странъ, указанные въ деньгахъ, большей частью выражаютъ только пониженіе валюты и лишь отчасти сбавку капитала при займѣ; остальной доходъ проистекаетъ отъ дѣйствительныхъ сбереженій, которыя фактически питаютъ войну, вмѣсто того, чтобы создавать средства производства; наконецъ, довольно значительная и, видимо, все увеличивающаяся, часть извлекается изъ самаго національнаго капитала, частью, въ буквальномъ смыслѣ, благодаря освобожденію средствъ производства, могущихъ быть освобожденными, а отчасти въ видѣ передачи права собственности на нихъ невоюющимъ странамъ, посредствомъ вывоза цѣнныхъ бумагъ, въ обмѣнъ на которыя эти страны доставляютъ товары для веденія войны и для поддержанія народа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Образованіе и регулированіе цѣнъ во время войны.[1])

Дороговизна, какъ слѣдствіе войны, фактъ слишкомъ хорошо извѣстный, чтобы его нужно было освѣщать статистическими данными. Въ Англіи повышеніе цѣнъ въ первый годъ войны (съ іюля 1914 по іюль 1915 г.), по указателямъ журнала Economist, составляло 27,9% и по Sauerbeck'y 29,1%; оба отчета показываютъ въ маѣ 1915 г. еще болѣе высокія цифры, чѣмъ въ іюлѣ (и августѣ) того же года; въ сентябрѣ и октябрѣ 1915 г.

[1]) Послѣдующее изложеніе ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ третьей главѣ. Ср. особенно стр. 73. и слѣд.

цѣны еще поднялись и достигли высшаго предѣла (по даннымъ Economist'a 30,1% и 31,4% выше іюля 1914 г.). Указателя цѣнъ для Швеціи, какъ извѣстно, до сихъ поръ еще почему-то нѣтъ, а данныя соціалистическаго бюро никоимъ образомъ не могутъ заполнить этого пробѣла; однако доц. Брисманъ на основаніи ихъ устанавливаетъ повышеніе цѣнъ на жизненные припасы за время съ іюля 1914 г. по сентябрь 1915 г. въ 30%.

Причина повышенія цѣнъ двоякая и уже не одинъ разъ была указана нами, въ частности, въ главѣ шестой. Во-первыхъ, уменьшилось количество товаровъ, что даже при прежнемъ количествѣ денегъ должно было повести къ поднятію цѣнъ; во-вторыхъ, увеличилось количество денегъ, что еще болѣе обострило положеніе. Этого послѣдняго фактора мы уже не будемъ касаться; скажемъ только нѣсколько подробнѣе о сокращеніи количества товаровъ. Здѣсь можно говорить о взаимодѣйствіи трехъ факторовъ. Первый изъ нихъ тотъ, что наличные запасы и другія средства, могущія служить цѣлямъ войны, потребляются или уничтожаются въ исключительныхъ размѣрахъ. Другой факторъ тотъ, что полученіе новыхъ товаровъ не можетъ происходить въ такомъ же размѣрѣ, какъ обыкновенно, отчасти потому, что огромное количество населенія взято на войну, отчасти потому, что отрѣзанность странъ и затрудненность транспорта препятствуютъ доставкѣ товаровъ; это уменьшаетъ общее поступленіе товаровъ, либо вслѣдствіе уменьшенія ввоза, либо вслѣдствіе того, что внутреннее производство, являющееся на смѣну ввоза, даетъ меньше, чѣмъ давало заграничное производство. Третій факторъ, оказывающій своеобразное, но не менѣе важное вліяніе на уменьшеніе количества товаровъ, тотъ, что многіе товары, имѣвшіе большое значеніе въ мирное время, теперь стали ненужными; это уменьшаетъ запасъ полезныхъ товаровъ значительно больше, чѣмъ общій запасъ.

Такимъ образомъ, сокращеніе запаса товаровъ вмѣстѣ съ одновременнымъ увеличеніемъ количества денегъ—о послѣднемъ мы здѣсь не будемъ распространяться—и составляетъ основу вопроса о цѣнахъ во время войны. Тотъ, кто упускаетъ это изъ виду, приходитъ къ совершенно безсмысленнымъ результатамъ, чему можно было бы привести много примѣровъ.

Исключенія изъ общаго правила объясняются, главнымъ образомъ, третьей изъ названныхъ причинъ, именно тѣмъ, что часть уже готовыхъ фабрикатовъ осталась безъ употребленія во время войны; эти товары, конечно, понижаются въ цѣнѣ. Сюда принадлежатъ прежде всего, какъ уже было указано во второй главѣ, капиталы и имущества во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предметы капитала временно остаются безъ употребленія; слѣдствіемъ этого бываетъ общее пониженіе курса тѣхъ бумагъ, которыя не принадлежатъ къ числу такъ наз. военныхъ цѣнностей (благопріятствуемыхъ войною предпріятій). Тѣ части

уже готоваго недвижимаго капитала, которыя такимъ образомъ даже путемъ преобразованія не могли служить цѣлямъ войны, однако, временно понизились въ цѣнѣ еще отъ другой причины, а именно оттого, что потребность въ „сбереженіи“, т. е. въ новомъ образованіи такихъ же, но пригодныхъ для военнаго времени предметовъ капитала—сильно возросла; это-то и подняло цѣну на „сбереженіе“, которое есть на что иное, какъ процентъ на капиталъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе понизило цѣнность наличнаго капитала. Цѣнность предмета, какъ капитала или какъ имущества, измѣняется—при постоянномъ доходѣ—соотвѣтственно основѣ капитализированія, т. е. проценту; если напр. акція даетъ (и впредь обѣщаетъ давать) 50 кронъ, то ея стоимость при 5% составляетъ 1000 кронъ, а при 4%—1250 кронъ. Въ странахъ съ обезцѣненной валютой, конечно, не происходитъ этого паденія курса, вызваннаго двумя взаимодѣйствующими факторами, но это зависитъ только отъ того, что курсъ тамъ выражается въ пониженной въ свою очередь цѣнности денегъ. Такую же тенденцію къ паденію цѣны, но въ меньшей степени, обнаруживаютъ такіе готовые предметы потребленія, которые удовлетворяютъ менѣе настоятельнымъ нуждамъ, а также средства для ихъ производства; этимъ, а также необыкновенно хорошимъ урожаемъ хлопка объясняется слабое пониженіе въ единственной группѣ товаровъ, приводимой въ журналѣ Economist,—группѣ текстильныхъ товаровъ (сырье, пряжа и ткани, вмѣстѣ взятыя). Но, если не считать этихъ двухъ группъ, то возрастающій недостатокъ и всеобщее повышеніе цѣнъ представляютъ повсемѣстное явленіе, даже когда цѣны выражаются устойчивымъ мѣриломъ.

До сихъ поръ мы только объясняли, почему уменьшилось количество товаровъ; самое повышеніе цѣнъ было только констатировано, но не объяснено. Но это объясненіе приводитъ насъ къ вопросу о функціи цѣны въ экономической жизни, и правильное представленіе объ этомъ необходимо прежде всего для правильнаго пониманія экономическихъ явленій; особенно въ настоящемъ случаѣ оно лучше всего можетъ разсѣять дилетантскія представленія о томъ, будто бы теперешнее такъ наз. ненормальное положеніе требуетъ какихъ-то особенныхъ мѣръ. Процессъ образованія цѣны сохраняетъ свое значеніе всегда, даже и при такомъ положеніи, которое создано теперь войной [1]).

Цѣна обусловливается недостаткомъ средствъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей—это опредѣленіе, предложенное впервые проф. Касселемъ, полнѣе и короче, чѣмъ какое-либо другое, указываетъ назначеніе цѣнъ. Если какой-либо предметъ имѣется въ избыткѣ, т. е. въ большемъ количествѣ, чѣмъ это нужно для удовлетворенія потребностей, то

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ касаться измѣненій цѣнности денегъ; цѣна предполагается выраженною неизмѣннымъ мѣриломъ.

онъ не имѣетъ никакой цѣны; чѣмъ его меньше, тѣмъ больше функція цѣны. Отсюда слѣдуетъ, что назначеніе цѣны—вызвать бережливость въ употребленіи товара. Достаточно высокія цѣны должны удерживать людей отъ желанія пріобрѣтать больше, чѣмъ можно достать; цѣна ограничиваетъ спросъ предѣлами возможнаго. Одновременно цѣна вліяетъ на предложеніе: повышеніе цѣны отвлекаетъ покупателей или потребителей и привлекаетъ продавцовъ или производителей, пониженіе цѣны дѣйствуетъ наоборотъ. Завершеніемъ основной задачи образованія цѣнъ является, такимъ образомъ, созданіе равновѣсія между предложеніемъ и спросомъ; цѣна останавливается въ томъ пунктѣ, гдѣ они одинаковы.

Отсюда ясно, насколько важна функція образованія цѣны въ эпохи чрезвычайнаго оскудѣнія, какова напр. переживаемая нами теперь. Именно въ такое время образованіе цѣнъ болѣе необходимо, чѣмъ обыкновенно, чтобы принудить людей ограничить свой спросъ тѣмъ, что фактически можно достать; не будь цѣны въ качествѣ устрашающаго средства, пришлось бы прибѣгнуть къ кулаку. Такимъ образомъ, эта наиболѣе жизненная функція цѣны—регулированіе спроса—сдѣлалась важнѣе, чѣмъ когда-либо.

Однако считается, что цѣны не выполнили своей задачи—онѣ теперь во время войны не вызвали увеличенія предложенія въ такомъ же объемѣ, какъ въ обыкновенное время. Самый фактъ безспоренъ—да и можно ли требовать, чтобы какой-нибудь экономическій аппаратъ хотя бы самый совершенный, могъ преодолѣть послѣдствія этой страсти къ разрушенію, охватившей всѣ европейскія державы,—но выводъ совершенно неправиленъ. Въ нормальное время вліяніе на спросъ и вліяніе на предложеніе своимъ взаимодѣйствіемъ приводятъ къ требуемому равновѣсію; если одна сторона баланса неизмѣнна, то ясно, что вліяніе на другую сторону еще нужнѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. Другими словами: если вліяніе необходимо на спросъ, когда предложеніе встрѣчаетъ его на полдорогѣ, то оно еще болѣе необходимо, когда ему приходится пройти весь путь одному.

Было бы колоссальной ошибкой думать, что повышеніе цѣнъ во время войны не очень сильно вліяетъ какъ на предложеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова—вспомнимъ для примѣра тяготѣніе Германіи и Россіи къ шведскимъ товарамъ—такъ и самое производство. Но нельзя отрицать, что это приспособленіе не настолько велико, чтобы обезпечить такое же предложеніе товаровъ, какъ въ мирное время; слѣдствіемъ этого является увеличивающійся недостатокъ товаровъ, вынуждающій гражданское населеніе къ соблюденію возможной экономіи. Орудіемъ этой экономіи служитъ образованіе цѣнъ, и нельзя себѣ представить ничего болѣе нелѣпаго, какъ искусственное пониженіе цѣнъ наканунѣ неслыханнаго кризиса. И поскольку этого удается достигнуть, постольку увеличивается нужда.

Та форма образованія цѣнъ, которая возникаетъ при неизмѣнномъ предложеніи, настолько хорошо извѣстна, что нѣтъ никакой надобности перестраивать политическую экономію, чтобы объяснить, каково было бы положеніе, если бы цѣна во время войны совершенно не вліяла на предложеніе. Такая цѣна извѣстна всѣмъ экономистамъ и съ легкой руки самаго виднаго изъ нынѣшнихъ экономистовъ, д-ра Маршаля, называется „рыночной цѣной“; она создаетъ требуемое равновѣсіе такимъ образомъ, что спросъ ограничивается напередъ данной суммой предложенія. Обыкновенно говорятъ, что рыночная цѣна расчитана на короткій періодъ времени, пока производство еще не успѣло приспособиться къ измѣнившимся условіямъ; и такого рода краткосрочная экономія, безспорно, составляетъ характерную черту именно военнаго времени.

Такимъ образомъ, цѣна не есть что-либо произвольное, зависящее отъ доброй воли или отъ патріотизма отдѣльныхъ личностей. Конечно, бываютъ случаи—въ общей сложности, можетъ быть, тысячи случаевъ, — когда цѣна можетъ стать нѣсколько выше или ниже, въ зависимости отъ умѣнья сторонъ „торговаться“ или „запрашивать“; но, въ общемъ, особенно при такихъ сдѣлкахъ, когда передъ массой покупателей стоитъ масса продавцовъ, цѣна является тѣмъ уравновѣшивающимъ аппаратомъ, о которомъ мы говоримъ. Если не считать случаевъ, интересныхъ въ математическомъ отношеніи, но не имѣющихъ никакого практическаго значенія, когда равновѣсіе можетъ быть достигнуто множествомъ различныхъ цѣнъ, обыкновенно далеко отстоящихъ другъ отъ друга, то остается только одна цѣна, которая въ данномъ положеніи можетъ вызвать равновѣсіе между предложеніемъ и спросомъ. Конечно, ничто не мѣшаетъ продавцу или производителю по своему усмотрѣнію поддерживать болѣе низкую цѣну, чѣмъ та, которую онъ могъ бы получить; но слѣдствіемъ будетъ то, что покупателей явится больше, чѣмъ сколько можетъ быть удовлетворено; и вмѣсто того, чтобы удовлетворить всѣхъ, желающихъ заплатить болѣе высокую цѣну, продавецъ долженъ будетъ дѣлать выборъ между покупателями по своему усмотрѣнію, остальныхъ же отпускать ни съ чѣмъ. Такъ же точно и покупатель, съ своей стороны, можетъ «переплатить» за товаръ; но слѣдствіемъ будетъ то, что эта повышенная цѣна съ его стороны будетъ какъ бы добровольной преміей для нѣкоторыхъ изъ продавцовъ, тогда какъ при настоящей „уравновѣшанной“ цѣнѣ къ услугамъ покупателей было бы ровно столько продавцовъ, сколько нужно для ихъ удовлетворенія.

Тѣ, у кого укоренилось представленіе о «справедливой» или «нормальной» цѣнѣ—а ихъ, вѣроятно, большинство — должны постараться уяснить себѣ, почему именно ихъ цѣна должна считаться болѣе справедливою или нормальной, чѣмъ высшая или низшая. Не говоря уже о колебаніяхъ въ общемъ

уровнѣ цѣнъ, зависящихъ отъ колебаній самого мѣрила, цѣны съ незапамятныхъ временъ мѣнялись въ томъ или другомъ направленіи, вслѣдствіе безчисленнаго множества факторовъ, измѣняющихъ предложеніе или спросъ; и ничѣмъ инымъ, кромѣ тупого консерватизма, въ худшемъ значеніи этого слова, нельзя объяснить желанія думать, что именно та цѣна, къ которой мы когда-то привыкли, болѣе непогрѣшима, чѣмъ другая. Между тѣмъ это происходило почти при всякомъ оффиціальномъ урегулированіи цѣнъ съ древнѣйшихъ временъ: за большими или меньшими исключеніями, оно исходило изъ цѣнъ опредѣленнаго времени и затѣмъ, въ лучшемъ случаѣ, допускалось опредѣленное отступленіе отъ этого положенія, при чемъ, конечно, оставалось непонятнымъ, почему старому положенію отдается предпочтеніе передъ новымъ.

Чтобы понять ходячую этику цѣнъ, мы должны признать что повышеніе цѣны можетъ быть двоякаго рода, и что одинъ изъ видовъ его, повидимому, въ большей степени оправдываетъ сѣтованія на спекуляцію, чѣмъ другой. Подъ спекуляціей и подобными выраженіями понимается не всякое повышеніе цѣны; никто, конечно, не осуждаетъ, по крайней мѣрѣ, открыто, такого повышенія цѣнъ, которое идетъ параллельно вздорожанію самаго производства; но мы осуждаемъ такія цѣны, которыя приносятъ продавцу или производителю непомѣрно большую прибыль, т. е. цѣны, во много разъ превышающія издержки производства. Поэтому совершенно вѣрно было сказано, что «справедливая цѣна» (justum pretium) среднихъ вѣковъ означала цѣну, которая покрывала издержки производства—мы не будемъ касаться растяжимости этого понятія. Вполнѣ понятно негодованіе публики на то, что продавцы и производители, особенно во время кризиса, подобнаго нынѣшнему, получаютъ возможность «взвинчивать» цѣны только для того, чтобы загребать золото лопатами.

Что такой взглядъ естественень, это не подлежитъ сомнѣнію; но является вопросъ, насколько онъ вѣренъ, или точнѣе, вѣрно ли то, что спекулированіемъ съ жизненными припасами вызывается именно повышеніе цѣны. Уже изъ предшествующаго изложенія видно, что это не такъ. Если бы эти господа могли пожинать такую жатву и въ мирное время, навѣрное они не преминули бы дѣлать это—не даромъ же ихъ клеймятъ, какъ общественную заразу; значитъ, ясно, что повышеніе цѣнъ не ихъ дѣло, какъ бы ни было оно желанно для нихъ; мало того, оно имѣетъ основное и болѣе важное, чѣмъ когда-либо, назначеніе—ограничивать спросъ въ соотвѣтствіи съ предложеніемъ. Если оно затѣмъ приноситъ отдѣльнымъ лицамъ большую прибыль, то это лишь вторичный результатъ, на который можно сѣтовать и который можно въ случаѣ чего устранять, но нельзя считать эту жажду наживы причиной явленія, также какъ нельзя думать, что самое явленіе прекратится съ устраненіемъ повода къ полученію прибыли или съ ея конфискованіемъ.

Представленіе о томъ, что цѣна регулируется издержками производства, основывается на сильномъ упрощеніи и во многихъ отношеніяхъ неправильномъ пониманіи политической экономіи. „Нормальная цѣна“, или цѣна, расчитанная на продолжительное время, конечно, имѣетъ тенденцію совпадать съ издержками производства (въ извѣстномъ смыслѣ), хотя и въ этомъ случаѣ было бы ошибкой считать издержки производства чѣмъ то напередъ извѣстнымъ, а цѣну только слѣдствіемъ; но „рыночная цѣна“, или цѣна, расчитанная на короткое время, никогда не можетъ быть опредѣлена издержками производства по той простой причинѣ, что производство не успѣваетъ оказать на нее свое дѣйствіе. Разъ имѣется опредѣленное количество товаровъ, которое притомъ не можетъ увеличиться въ данный періодъ времени, то спросъ долженъ быть ограниченъ этимъ количествомъ, и цѣна соотвѣтственно поднимается. Такъ это бываетъ напр. со всѣми тѣми продуктами, сборъ которыхъ происходитъ только разъ въ годъ; цѣна ихъ опредѣляется независимо отъ того, во что обошлась обработка, а только соотвѣтственно отношенію между предложеніемъ и спросомъ. То, что здѣсь объясняется естественными условіями, не дозволяющими немедленнаго расширенія производства, во время войны является слѣдствіемъ всѣхъ тѣхъ ненормальностей, стѣсненій и случайностей, которыя такимъ же образомъ затрудняютъ производство или не даютъ ему развиться такъ, какъ это могло бы быть подъ вліяніемъ извѣстнаго повышенія цѣнъ. Потому высокія цѣны отчасти становятся болѣе устойчивыми, чѣмъ если бы онѣ сдерживались быстрымъ усиленіемъ производства, отчасти приносятъ счастливымъ обладателямъ товаровъ или производителямъ, приступившимъ къ ихъ производству, такъ наз. незаконную, т. е. ненормальную прибыль, «прибыль военной конъюнктуры», соотвѣтствующую «прибыли урожайной конъюнктуры», являющейся въ первомъ случаѣ. Процессъ этотъ общеизвѣстенъ и представляется естественнымъ слѣдствіемъ важной функціи цѣны—ограничивать спросъ. Все это пока лишь констатированіе факта, но не защита; къ какимъ это приводитъ практическимъ выводамъ, объ этомъ будетъ сказано ниже.

Основная ошибка обычнаго пониманія дѣла та, что повышеніе цѣнъ болѣе или менѣе сознательно считается причиной нужды, тогда какъ на самомъ дѣлѣ и нужда и повышеніе цѣнъ являются слѣдствіями одного и того же фактора, именно уменьшенія предложенія—или увеличенія спроса—того, что нужно для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Поэтому, когда стараются поправить дѣло тѣмъ, что не допускаютъ этому процессу выразиться въ цѣнѣ, то это напоминаетъ образъ дѣйствій страуса, прячущаго свою голову, чтобы скрыться отъ опасности.

Уже одно это должно служить къ осужденію оффиціально

вводимыхъ максимальныхъ цѣнъ, если брать ихъ, какъ таковыя и какъ общую мѣру—объ отдѣльныхъ случаяхъ будетъ сказано въ свое время. Максимальныя цѣны, въ качествѣ общаго правила, не имѣютъ смысла, потому что онѣ не могутъ оказать никакого положительнаго дѣйствія; дѣйствіе ихъ можетъ быть только отрицательное, и въ такомъ случаѣ онѣ уже не только безсмысленны, но прямо пагубны.

Оффиціальное введеніе максимальныхъ цѣнъ ничего не измѣняетъ ни въ предложеніи ни въ спросѣ: старая цѣна фактически остается единственною, которая создаетъ равновѣсіе между предложеніемъ и спросомъ. Если максимальная цѣна ниже, чѣмъ ранѣе дѣйствовавшая—во всѣхъ другихъ случаяхъ все остается по прежнему,—то цѣны не падаютъ, т. е. законъ не исполняется. Это происходитъ почти автоматически и независимо отъ того, какова была причина повышенія цѣнъ.

Этотъ теоритически добытый результатъ вполнѣ подтверждается фактами. Такъ напр. во время французской революціи пресловутый законъ о максимумѣ 29 сентября 1793 г., подъ угрозою строгаго штрафа, установилъ цѣны на $^1/_{20}$ выше цѣнъ 1790 г., что не помѣшала мнимо-всемогущему Комитету общественной безопасности платить 100 ливровъ за цыпленка, 1000 ливровъ за щуку и 5660 ливровъ въ день за общій обѣдъ и ужинъ.[1]) Еще поучительнѣе тѣ наблюденія, которыя сдѣланы во время нынѣшней войны.

Если какой народъ въ настоящій моментъ столько же лойяленъ, какъ и патріотиченъ, то это нѣмцы; и если гдѣ максимальныя цѣны могли бы оправдать намѣренія правительства, то именно въ Германіи. Между тѣмъ нигдѣ экономическая политика германскаго правительства не потерпѣла такой неудачи, какъ въ вопросѣ о максимальныхъ цѣнахъ, какъ это признается всѣми, кто слѣдилъ за этимъ вопросомъ; обходы и нарушенія этого закона были безчисленны. Подробный отчетъ объ этихъ фактахъ былъ бы чрезвычайно поучителенъ для каждаго, кто занимается вопросомъ о максимальныхъ цѣнахъ; но германскій законъ до того переполненъ техническими деталями, что его невозможно привести въ сокращенномъ изложеніи.[2]) Поэтому мы

---

[1]) Отсылаемъ читателя къ интересному сборнику проф. Jastrow „Geld und Kredit“ (Textbücher zu Studien über Wirtschaft und Staat 4; Berlin 1914), стр. 55—64. Срв. также Svensk Tidskrift 1915, стр. 83 и сл. (Максимальныя цѣны), гдѣ вкратцѣ изложены нѣкоторыя изъ главныхъ мыслей этой главы.

[2]) Лучшее изъ извѣстныхъ мнѣ изложеній дано въ цитированной выше книгѣ Брандта „Die deutsche Industrie im Kriege 1914—15 г., гл. 9. Изъ нея взята значительная доля того, что здѣсь сказано. См. также статью извѣстнаго представителя либеральной партіи въ рейхстагѣ д-ра G. Gothein'a въ „соціалистическомъ“ журналѣ Ф. Наумана „Die Hilfe“ (24 дек. 1914 г.), подъ характернымъ заглавіемъ: Die Höchstpreisfür Getreide nicht einmal Mindestpreise. — Въ дальнѣйшемъ мы все время исходимъ изъ максимальныхъ цѣнъ ниже той цѣны, которая является путемъ свободнаго образованія цѣнъ; устанавливать законнымъ порядкомъ эту послѣднюю столько же безвредно, сколько безсмысленно, если только измѣнять цѣну всякій разъ, когда измѣняется состояніе рынка.

ограничимся нѣсколькими типическими примѣрами. Прежде всего наблюдается открытое, но ничѣмъ непреодолимое нарушеніе закона; первая максимальная цѣна въ Германіи на сѣменной хлѣбъ „скоро осталась на бумагѣ, и несмотря на строгіе штрафы, нисколько не ограничила повышенія цѣнъ". Но во многихъ мѣстностяхъ старались слѣдовать буквѣ закона. Когда максимальная цѣна оказывалась выше при большемъ вѣсѣ за гектолитръ, то измышляли большій вѣсъ, чѣмъ въ дѣйствительности; когда максимальная цѣна исчислялась безъ упаковки, то дѣлалась фантастическая надбавка за мѣшокъ; покупателямъ, въ данномъ случаѣ мукомоламъ, приходилось, помимо максимальной цѣны, выдавать отруби, которыя продавцы (хлѣботорговцы) потомъ распродавали по высокимъ цѣнамъ; или продавцы выступали также въ качествѣ маклеровъ своего собственнаго товара и дѣлали надбавку цѣны въ формѣ колоссальнаго куртажа. Когда введенная максимальная цѣна на овесъ не была распространена на продажи ниже трехъ тоннъ, то „каждый владѣлецъ лошади могъ получить за одинъ разъ не болѣе трехъ тоннъ овса и долженъ былъ платить гораздо болѣе высокія цѣны". Максимальная цѣна на картофель привела къ тому, что картофель продавался, какъ на сѣмена, и этимъ обходили законъ. Само собой разумѣется, что максимальная цѣна на немолотое зерно не понизила цѣны на муку.

Однако нельзя сказать, чтобы максимальныя цѣны всегда были такъ же безрезультатны, какъ въ этихъ случаяхъ. Люди ищутъ большею частью такого выхода изъ числа дозволяемыхъ законами экономической жизни путей, который не противорѣчитъ буквѣ и духу гражданскихъ законовъ, какъ бы плохи они ни были. Но это только ухудшаетъ дѣло. Законъ запрещаетъ продавать товаръ дороже установленной цѣны; и непосредственнымъ слѣдствіемъ ни съ чѣмъ несообразной максимальной цѣны, которой не желаютъ переступать, бываетъ то, что товаръ вовсе не продается. Таковъ былъ ближайшій результатъ максимальныхъ цѣнъ на хлѣбныя сѣмена въ Германіи, которыя вначалѣ, когда законъ еще не нарушался, совершенно дезорганизовали торговлю и прервали весь процессъ обращенія, такъ что мукомолы просто-на просто не могли получить зерна. Таже тенденція получила впослѣдствіи болѣе своеобразное выраженіе: мѣстности съ низкими максимальными цѣнами—цѣны были установлены разныя для разныхъ мѣстностей—совсѣмъ не получали товара и должны были ходатайствовать о повышеніи максимальныхъ цѣнъ! Другимъ и еще болѣе серьезнымъ было дѣйствіе максимальныхъ цѣнъ на пищевые продукты, при неизбѣжномъ повышеніи цѣнъ на кормовыя средства: пищевые продукты отдавались скоту. Такъ было въ Германіи съ картофелемъ и, что еще хуже, съ хлѣбными сѣменами. Объ этихъ послѣднихъ напр. писалъ проф. Эльцбахеръ: „То, что предвидѣли свѣдущіе люди, теперь ясно для всѣхъ. Максимальныя цѣны на хлѣбныя сѣмена

привели къ тому, что наше зерно идетъ на кормъ скоту... Средство противъ этого многіе видятъ въ томъ, чтобы подмѣшивать картофель къ хлѣбу. Это значитъ, что свиньи будутъ ѣсть наше зерно, а мы должны довольствоваться картофелемъ". Мѣрой противъ этого было бы запрещеніе разводить свиней, и такая попытка была сдѣлана въ Германіи, но она, конечно, имѣла еще менѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ какая-либо другая. Такимъ же образомъ нужно было запрещать закономъ всякое скопленіе товара въ ожиданіи повышенія цѣнъ — этому прямо содѣйствовало автоматическое повышеніе максимальныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ Германіи; единственнымъ средствомъ сдѣлать эту мѣру дѣйствительною была—экспропріація и взятіе государствомъ на себя внутренней хлѣбной торговли, что, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ и было сдѣлано германскимъ правительствомъ, чтобы выйти изъ создавшагося положенія.

Но всѣ эти нелѣпости, бывшія слѣдствіемъ введенія максимальныхъ цѣнъ—мы перечислили лишь небольшую долю ихъ—ничто въ сравненіи съ самымъ главнымъ: максимальныя цѣны, которыя могутъ быть приведены въ дѣйствіе, оказываютъ и на спросъ и на предложеніе вліяніе, прямо противоположное тому, какое онѣ должны были бы имѣть. Спросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребленіе скуднаго запаса искусственно увеличивается для тѣхъ, кому удается что-нибудь получить изъ него; цѣна не достигаетъ своей цѣли, и въ результатѣ получается еще большая нужда. Недостатокъ увеличивается еще, благодаря также одновременному отсутствію предложенія; производство и ввозъ прекращается изъ за того, что условія стали менѣе благопріятными, чѣмъ раньше, и это бываетъ даже въ томъ случаѣ, если пониженіе цѣнъ произошло только на бумагѣ, такъ какъ самая неувѣренность дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ. Въ концѣ концовъ, это воздѣйствіе на процессъ образованія цѣнъ оказывается величайшей ошибкой.

Однако справедливость требуетъ добавить, что послѣдній фазисъ этой прискорбной эволюціи рѣдко когда можетъ затянуться. Еще до наступленія его, максимальныя цѣны почти всегда, если не формально, то фактически перестаютъ функціонировать, приведя въ разстройство всю торговлю. Что наступитъ послѣ этого, позорный возвратъ къ старой системѣ—неминуемо испорченной—или экспропріація всѣхъ запасовъ,—сказать напередъ едва ли возможно [1]).

Параллелью къ максимальнымъ цѣнамъ являются установленныя минимальныя цѣны или минимальныя курсы на бумаги и

[1]) Экспропріація можетъ играть важную роль въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ частности, какъ условіе равномѣрнаго ограниченія потребленія (система хлѣбныхъ карточекъ), какъ это будетъ указано ниже. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду безусловно осуждать ее, а хотимъ лишь показать, какимъ образомъ максимальныя цѣны приводятъ къ отказу отъ самой позиціи, на которой онѣ держатся, а именно, къ свободному товарообмѣну по урегулированной цѣнѣ.

другія биржевыя цѣнности, которыя вводились особенно на англійскихъ биржахъ и, въ общемъ, съ такимъ же результатомъ, какъ и максимальныя цѣны. Эти закономъ установленные курсы, конечно, не могутъ поддержать цѣнности бумагъ, такъ какъ вѣдь ни у кого не можетъ явиться болѣе сильнаго желанія имѣть бумагу только потому, что она не котируется по своему настоящему курсу; все, что могутъ сдѣлать подобныя распоряженія, это затруднить операціи, лишь только цѣна въ дѣйствительности будетъ ниже минимальнаго курса. Это невозможно и въ томъ случаѣ, если проявится особенно сильная тенденція къ продажѣ, такъ какъ тогда операціи будутъ совершаться за дверьми оффиціальныхъ биржъ, находящихся подъ контролемъ государства. Но организованная биржа, какъ рынокъ, настолько лучше неорганизованной торговли, что это породитъ весьма серьезныя затрудненія, которыя въ свою очередь уменьшатъ желаніе покупать подобныя бумаги. Результатомъ предписанія, имѣющаго въ виду поддержать цѣнность извѣстныхъ бумагъ, будетъ то, что на самомъ дѣлѣ ихъ будутъ меньше спрашивать, т. е. вмѣсто поднятія цѣны получится ея паденіе. Такъ случилось прежде всего съ англійскими консолями (передъ послѣднимъ большимъ государственнымъ займомъ), такъ какъ ихъ прочности способствовало, главнымъ образомъ, то, что для нихъ всегда находился готовый рынокъ [1]).

Общей чертой всѣхъ этихъ неудачныхъ попытокъ насильственнаго созданія какихъ-либо иныхъ цѣнъ, кромѣ „уравновѣшанныхъ“, является то, что онѣ препятствуютъ добросовѣстной котировкѣ. Это, въ свою очередь, приводитъ къ неравномѣрности въ образованіи цѣнъ; такъ какъ полное равновѣсіе достигается только тогда, когда покупатели и продавцы сходятся при равныхъ и ясныхъ для нихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи максимальныя и минимальныя цѣны уменьшаютъ дѣйствительную силу процесса образованія цѣны.

Единственная полезная функція, которую, повидимому, могли бы выполнять максимальныя цѣны по отношенію къ товарамъ, это—выясненіе того, какая цѣна настоящая. Во время паники, какая часто разражается при неожиданныхъ внѣшнихъ событіяхъ и какая свирѣпствовала также и при началѣ настоящей войны, это—прекрасное средство. Но, не говоря уже о томъ, что оно оправдываетъ максимальныя цѣны только при самомъ началѣ войны, не оправдывая ихъ дальнѣйшаго существованія, и что максимальныя цѣны являются слишкомъ поздно, какъ это случилось повсюду и на этотъ разъ — даже въ лучшемъ случаѣ можно сомнѣваться въ ихъ цѣлесообразности. Оффиціальное заявленіе спеціалистовъ о томъ, какія цѣны обусловливаются

[1]) Economist 3 іюля 1915 г., стр. 16. Срв. также весьма поучительныя жалобы одного капиталиста въ слѣдующемъ номерѣ, отъ 10 іюля, стр. 58.

обстоятельствами, но безъ принудительнаго характера, какъ это было сдѣлано въ Англіи въ началѣ войны [1]), дѣйствуетъ гораздо болѣе успокоительно, уже потому, что оно совсѣмъ иначе, чѣмъ оффиціальныя цѣны, можетъ повышать и понижать цифры сообразно потребностямъ и создавать необходимыя условія для спокойнаго хода промышленной жизни.

Основная ошибка оффиціальнаго урегулированія цѣнъ состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, что оно старается измѣнить симптомы, вмѣсто того, чтобы бороться съ болѣзнью. Однако, все сказанное касается наименѣе сложнаго случая, когда между продавцами еще существуетъ конкуренція и когда цѣна въ состояніи вліять, по крайней мѣрѣ, на спросъ, который понижается и повышается вмѣстѣ съ поднятіемъ и паденіемъ цѣны. Необходимо изслѣдовать, какъ обстоитъ дѣло, если эти условія измѣняются. Сдѣлать это тѣмъ легче, что оба случая принадлежатъ къ числу хорошо разработанныхъ отдѣловъ политической экономіи.

Итакъ, разсмотримъ прежде всего процессъ образованія цѣны при такъ наз. неэластичномъ спросѣ, т. е. такомъ, который остается неизмѣннымъ, будетъ ли цѣна повышаться или понижаться, чтобы узнать, насколько максимальныя цѣны примѣнимы въ этомъ случаѣ.

Къ этому надо прибавить, что, если нѣтъ никакой возможности увеличить предложеніе, и спросъ въ данныхъ предѣлахъ совершенно нечувствителенъ къ колебанію цѣнъ, то максимальная цѣна можетъ сослужить свою службу, такъ какъ она можетъ создать самую низшую цѣну, при которой спросъ держится въ предѣлахъ даннаго предложенія. Страна, которая не можетъ ввозить или производить соль, но располагаетъ достаточнымъ запасомъ ея внутри своихъ границъ, посредствомъ максимальной цѣны можетъ поддерживать болѣе низкую цѣну, чѣмъ можно было бы ожидать, такъ какъ спросъ чрезвычайно неэластиченъ. Но даже и въ этомъ случаѣ правило сохраняетъ свою силу лишь въ очень тѣсныхъ границахъ, такъ какъ никакой спросъ не бываетъ неэластичнымъ повсемѣстно; при увеличивающемся недостаткѣ соли эластичность тотчасъ же проявится, какъ показываетъ исторія.

Въ качествѣ общаго положенія, слѣдуетъ подчеркнуть, что пресловутая неэластичность спроса играетъ далеко не такую важную роль, какъ часто предполагается; это особенно случается тогда, когда, какъ теперь, приходится считаться съ недостаткомъ товаровъ вообще. Если одинъ товаръ, напр. хлѣбъ, поднимается въ цѣнѣ, тогда какъ цѣна на другой, напр. картофель, падаетъ настолько, что компенсируетъ повышеніе цѣны на хлѣбъ, то весьма вѣроятно, что отдѣльныя семьи рабочихъ

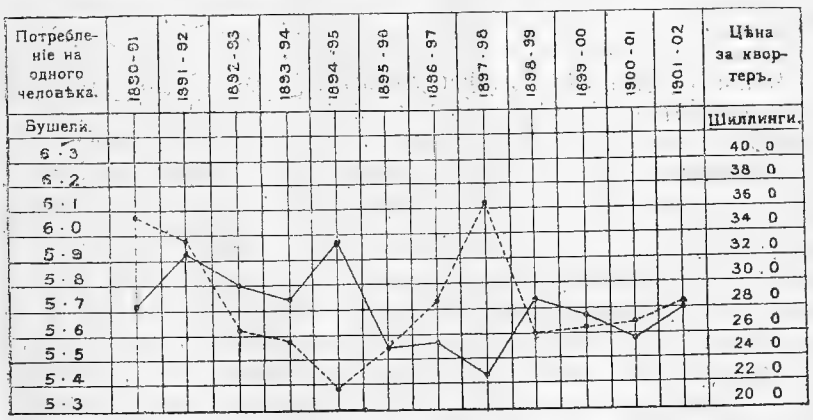
---

[1]) W. I. Ashley, Экономическое положеніе Англіи, Svensk Tidskrift 1915, стр. 2.

сохраняютъ свой прежній режимъ, лишь бы хватало жалованья. Но совсѣмъ другое дѣло, если происходитъ общее повышеніе цѣнъ—тогда ограниченіе становится необходимостью; и весь вопросъ лишь въ томъ, какіе товары должны подлежать ограниченію. Тутъ-то и начинается функція цѣны. Обычно представляютъ себѣ спросъ неэластичнымъ, особенно спросъ на товары, удовлетворяющіе элементарныя, физіологическія потребности, какъ необходимыя питательныя вещества; и не подлежитъ сомнѣнію, что спросъ здѣсь въ извѣстныхъ предѣлахъ наиболѣе нечувствителенъ. Но и здѣсь легко впасть въ преувеличеніе, особенно, если задача слишкомъ упрощается. Повышеніе цѣны на ржаной хлѣбъ, на пшеничный хлѣбъ, на просѣянную ржаную муку побуждаетъ послѣдовательно къ потребленію картофеля, ржаного хлѣба, непросѣянной муки.

И когда невозможно или нежелательно замѣнить одинъ продуктъ другимъ, то приходится беречь то, что есть; объѣдки хлѣба и пр. толкутся или перерабатываются такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было ѣсть, вмѣсто того чтобы выбрасывать вонъ; молоко разбавляется, чтобы казалось, что количество его не уменьшилось.

Приводимая ниже діаграмма, составленная м-ромъ Рью (Rew), начальникомъ земледѣльческаго статистическаго бюро въ Ан-



——— *Потребленіе на одного человѣка.* ..... *Цѣна за квортеръ.*

гліи [1]), показываетъ, не теоретически, а на основаніи статистическаго матеріала, ту правильность, съ какою цѣна и по-

[1]) Воспроизводится по Royal Commission on Supply of Food and Material in Time of War, ч. III (Cd. 2645, London 1905), стр. 100.

Въ приведенной діаграммѣ цифры съ лѣвой стороны указываютъ размѣръ годичнаго потребленія пшеницы одного человѣка въ бушеляхъ, а цифры съ правой — цѣны за квортеръ пшеницы въ шиллингахъ; прерывистая линія иллюстрируетъ колебанія цѣнъ, а сплошная линія—колебанія потребленія.

требленіе двигаются въ противоположныхъ направленіяхъ, по крайней мѣрѣ, при всѣхъ болѣе или менѣе сильныхъ колебаніяхъ цѣнъ; и это касается товара, который считается предметомъ особенно „неэластичнаго“ спроса, именно, пшеницы въ Англіи, гдѣ никогда не наблюдается замѣны пшеницы рожью, какъ это бываетъ у насъ. Годъ съ наивысшей цѣной (1897—98) является годомъ съ наименьшимъ потребленіемъ; и наоборотъ, годъ съ наименьшей цѣной (1894—95) оказывается годомъ наибольшаго потребленія; даже менѣе крупныя колебанія происходятъ по той же строгой программѣ. Лучшаго «практическаго» доказательства едва ли можно и требовать.

Если максимальныя цѣны вводятся и могутъ оказать вліяніе на нѣкоторые товары, потребленіе которыхъ черезъ это увеличивается, то, при общемъ сокращеніи бюджета, ихъ просто на просто будутъ обходить и придерживаться другихъ товаровъ.

Какъ это явствуетъ изъ предыдущаго, нельзя защищать это вліяніе тѣмъ, что товары, ради которыхъ вводятся максимальныя цѣны, въ виду своего важнаго значенія, должны дѣйствительно потребляться въ прежнемъ количествѣ. Фактъ тотъ, что они не могутъ потребляться какъ раньше, такъ какъ ихъ не хватаетъ; если установленіе цѣны достигаетъ своей цѣли, оно приводитъ только къ тому, что старый запасъ тѣмъ скорѣе приходитъ къ концу, и даже если она не достигаетъ цѣли, то можетъ затруднить подвозъ новыхъ товаровъ.

Что касается, далѣе, существованія монопольныхъ цѣнъ и отношенія къ нимъ цѣнъ максимальныхъ, то обѣ части этого вопроса значительно болѣе сложны. Не подлежитъ сомнѣнію, что внезапная относительная отрѣзанность страны, подобная той, которую создала война, сама по себѣ можетъ способствовать возникновенію синдикатовъ для общаго урегулированія цѣнъ и что такіе синдикаты въ состояніи поднять свою монопольную цѣну выше господствующей конкуррентной цѣны. Этому способствуетъ ограниченіе числа производителей или продавцовъ, такъ какъ тогда легче привести ихъ подъ одинъ уровень. Но всего легче становится образованіе такого синдиката, когда, вообще, не нужно считаться съ новымъ подвозомъ и производствомъ и, стало быть, можно свободно распоряжаться всѣмъ имѣющимся товаромъ — такъ наз. corner. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что такой союзъ долженъ стать дѣйствительностью, такъ какъ противодѣйствующіе факторы могутъ оказаться сильнѣе; и они, безспорно, имѣются на лицо въ данномъ случаѣ, отчасти въ видѣ внезапнаго наступленія новаго положенія, не дающаго мѣста для долгихъ переговоровъ и общаго выступленія, отчасти въ географическихъ и психическихъ условіяхъ промышленности и тѣхъ, кто о ней печется. Вопросъ этотъ, насколько мнѣ извѣстно, слишкомъ мало изслѣдованъ, чтобы можно было сколько-нибудь опредѣленно говорить о немъ;

но замѣчательно то, что свѣдѣнія о такого рода организаціяхъ чрезвычайно скудны, хотя образованіе и существованіе ихъ предполагаетъ открытую и вполнѣ доступную наблюденію дѣятельность. По ходячимъ представленіямъ, самое повышеніе цѣнъ есть доказательство такого рода монополистическихъ поползновеній, особенно, если цѣна превышаетъ издержки производства; такой взглядъ основывается на явномъ недоразумѣніи. Вѣдь, если слово «монополія» имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то оно должно обозначать устраненіе вліянія конкуренціи на цѣну, чего вовсе не бываетъ въ подобномъ случаѣ. Спекуляціи въ связи съ повышеніемъ цѣнъ, въ видѣ скопленія запасовъ хлѣба и пр. — о чемъ подробнѣе будетъ сказано сейчасъ, — также не относятся сюда, пока весь запасъ продуктовъ страны или большая его часть не находятся подъ общимъ контролемъ, чего, насколько извѣстно, нигдѣ не было. Очевидно, что стремленія къ монополизированію, по крайней мѣрѣ, въ Швеціи, ограничивались, главнымъ образомъ, упроченіемъ господства надъ рынкомъ синдикатовъ, существовавшихъ еще до войны, какъ напр. союза мукомоловъ; но это самъ по себѣ важный фактъ, особенно у насъ, въ виду широкаго распространенія монопольныхъ организацій въ продовольственныхъ предпріятіяхъ.

Однако, разъ монополіи существуютъ, то естественно задать вопросъ: каково вліяніе монопольныхъ цѣнъ? Нельзя думать, что это какія-то произвольныя цѣны, которыя могутъ подниматься до какой-угодно высоты; напротивъ, высота монопольной цѣны можетъ быть опредѣлена съ такой же математической точностью, какъ и высота конкуррентной цѣны. Вслѣдствіе почти непрерывнаго паденія спроса подъ вліяніемъ повышенія цѣны, всегда можетъ наступить моментъ, когда монополистъ проигрываетъ, идя вверхъ; послѣ этого момента спросъ на его товаръ падаетъ настолько быстро, что болѣе высокая цѣна не можетъ уравновѣсить этого паденія, отчего бы оно ни зависѣло — оттого ли, что новый товаръ вытѣсняетъ прежній, или просто оттого, что многіе изъ покупателей уже не имѣютъ средствъ для покрытія своихъ нуждъ по болѣе высокой цѣнѣ. На математическомъ языкѣ это можно выразить такъ: количество проданныхъ товаровъ есть «функція» цѣны, — другими словами, цѣна и количество взаимно обусловливаютъ другъ друга. На этомъ основаніи и Standard Oil и Рейнско-вестфальскій угольный синдикатъ, въ своихъ же собственныхъ интересахъ, не могутъ неограниченно повышать цѣны на свой товаръ.

Наоборотъ, собственные интересы монопольныхъ организацій нисколько не мѣшаютъ имъ поддерживать цѣны выше тѣхъ, которыя существовали бы при конкурренціи. Однако при полной эластичности спроса, прибыль отъ монопольной цѣны можетъ быть достигнута только путемъ ограниченія количества, такъ какъ при извѣстномъ количествѣ возможна только одна

цѣна—болѣе высокая цѣна предполагаетъ меньшее количество.[1]) Но эти условія могутъ быть легко выполнены только большими картелями и трестами, которые просто-на-просто ограничиваютъ свое производство до того размѣра, который обезпечиваетъ имъ наиболѣе выгодную цѣну. Представимъ себѣ для примѣра 1000 штукъ, которыя изготовляются поштучно по цѣнѣ въ 19 и при конкурренціи продаются по 20 за штуку; чистая прибыль тогда составитъ 1000; если цѣна будетъ повышена до 25, вслѣдствіе чего спросъ и производство упадутъ до 850, то (при прежней стоимости производства за штуку) вся чистая прибыль составитъ 6×850=5100, т. е. въ пять слишкомъ разъ болѣе прежней суммы. Напротивъ, эта возможность едва-ли окажется выгодной, когда не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо производствѣ или подвозѣ, т. е. при чистой рыночной цѣнѣ, такъ какъ количество предложенія тогда разъ навсегда извѣстно и не можетъ, какъ въ первомъ случаѣ, уменьшиться соотвѣтственно уменьшенію спроса. Если цѣна поднимается выше уровня конкуррентной цѣны, то—при условіи опять-таки полной эластичности спроса—часть товара остается безъ сбыта, чего продавецъ при нормальныхъ обстоятельствахъ долженъ избѣгать, въ виду вызываемой этимъ потери процента и издержекъ на храненіе, не говоря уже объ опасности паденія цѣны [2]). Но это не мѣшаетъ полученію нѣкоторой прибыли путемъ монополизированія даже при рыночной цѣнѣ; весьма возможно, что продажа части запаса по монопольной цѣнѣ даже абсолютно (брутто) можетъ дать больше, чѣмъ продажа всего запаса по конкуррентной цѣнѣ. Предположимъ опять, что запасъ равенъ 1000 шт., а цѣна за штуку 20; положимъ также, что при цѣнѣ 25 за штуку только 850 шт. находятъ сбытъ; тогда валовая прибыль отъ продажи 1000 шт. составитъ 20.000, а отъ 850 шт. 21,25., т. е. на $6\frac{1}{4}\%$ больше. Такимъ образомъ, монопольная цѣна оправдала себя, даже если остающіеся 150 шт. и не приносятъ ничего; но въ сравненіи съ прибылью при „нормальной цѣнѣ“, эта прибыль при обыкновенныхъ условіяхъ незначительна. [3]).

Такимъ образомъ, выгода здѣсь, повидимому, та, что монополизированіе, т. е. синдикатъ продавцовъ, во время войны не обѣщаетъ какихъ-нибудь особенныхъ прибылей именно въ тѣхъ

---

[1]) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, берутся только тѣ моменты теорій, которые вліяютъ въ предлежащемъ случаѣ.

[2]) Мы по-прежнему не касаемся храненія съ цѣлями спекуляціи, т. е. въ ожиданіи повышенія цѣны, что составляетъ отдѣльный вопросъ.

[3]) Случаи, которые вообще имѣются въ виду, когда идетъ рѣчь о монопольныхъ „рыночныхъ цѣнахъ“, касаются биржевыхъ сдѣлокъ на опредѣленные сроки, гдѣ „corner“ взвинчиваетъ цѣны и черезъ это можетъ причинить неслыханныя потери тѣмъ, кто взялъ на себя поставку въ виду спекуляціи съ пониженіемъ цѣны. Однако ясно, что этотъ случай прямо противоположенъ типическому, такъ какъ онъ касается заранѣе извѣстнаго спроса, который, слѣдовательно, вовсе не зависитъ отъ цѣны.

случаяхъ, когда война можетъ, вообще, дать большія прибыли отдѣльнымъ лицамъ, именно, при „рыночной цѣнѣ“. Этимъ, можетъ быть, объясняется, почему монополистическія стремленія во время настоящей войны не достигли тѣхъ размѣровъ, какихъ можно было ожидать.

Однако, монополія можетъ извлечь пользу изъ неэластичности спроса, поддерживая высшую изъ тѣхъ цѣнъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ продажу извѣстнаго количества товаровъ; и даже если возможность этого не исключена и при наличности конкурренціи, то и это, конечно, объясняется вліяніемъ монополіи.

Мы вкратцѣ указали, какія могутъ быть выгоды отъ монополіи, и выводъ, повидимому, тотъ, что онѣ значительно меньше, чѣмъ обыкновенно предполагается.

Теперь является вопросъ: какое вліяніе могутъ оказать оффиціально установленныя максимальныя цѣны на цѣны, созданныя монополіей? Вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя, но въ существенныхъ чертахъ, кажется, онъ ясенъ, коль скоро мы имѣемъ дѣло съ эластическимъ спросомъ. Монополія можетъ достигнуть своей цѣли, т. е. болѣе высокой цѣны, только путемъ ограниченія предложенія; если такое условіе создается, что въ мирное время сопряжено съ большими трудностями, — то цѣль достигается. Стремленіе поправить дѣло простымъ установленіемъ другой низшей цѣны имѣетъ столько же шансовъ на успѣхъ, какъ такая же мѣра по отношенію къ конкуррентнымъ цѣнамъ. Такимъ образомъ, возраженіе противъ максимальныхъ цѣнъ, какъ направленныхъ на симптомы болѣзни, а не на самую болѣзнь, остается въ силѣ. Но между воздѣйствіемъ на высокія конкуррентныя цѣны и воздѣйствіемъ на высокія монопольныя цѣны существуетъ большая разница: кризисъ, вызванный первыми, случайный, тогда какъ кризисъ отъ монопольныхъ цѣнъ—намѣренный. Отсюда слѣдуетъ, что возможно нѣкоторое воздѣйствіе на монополію, но не на конкурренцію. Какое это имѣетъ практическое значеніе, будетъ сказано сейчасъ. Это воздѣйствіе, какъ мы видѣли, не можетъ быть направлено на цѣны, оно должно быть направлено на самое предложеніе; и средство, о которомъ мы говоримъ, называется экспропріаціей товара. Эта мѣра служитъ обычнымъ дополненіемъ къ закону о максимальныхъ цѣнахъ и входитъ также и въ шведскій „законъ о распоряженіи извѣстными товарами во время войны или на случай войны“ (§ 2). Посмотримъ теперь, каково его дѣйствіе.

При обыкновенномъ, не осложненномъ монополіей, повышеніи цѣнъ, онъ, очевидно, не оказываетъ никакого дѣйствія. Товаровъ не хватаетъ, потому что государство отобрало ихъ; и даже если никто не можетъ помѣшать государству заплатить владѣльцамъ максимальныя цѣны—или меньше, или ничего,—то государство само должно поддержать ту цѣну, которая создаетъ

равновѣсіе между предложеніемъ и спросомъ, если только оно желаетъ сохранить обмѣнъ, т. е. продавать всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ покупать и платить деньги. Такимъ образомъ, здѣсь ничего не достигается. Совсѣмъ другое дѣло при искусственномъ кризисѣ, создаваемомъ монополистическимъ задержаніемъ товара. Если государство дѣйствительно въ состояніи обнаружить спрятанные товары—безспорно, важное условіе, то въ этомъ случаѣ экспропріація, безъ сомнѣнія, можетъ вызвать пониженіе цѣнъ. Такимъ образомъ, можно указать только одинъ случай, когда максимальныя цѣны съ послѣдующей экспропріаціей могутъ понизить цѣну; и какъ теоретическій результатъ т. е. какъ заключительное звено въ цѣпи экономическаго процесса мысли, это представляетъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ этимъ освѣщается проблема въ ея цѣломъ. Но имѣетъ ли этотъ случай сколько-нибудь важное значеніе, это другой вопросъ.

На этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. Случай касается „рыночной цѣны“, т. е. вопроса о напередъ извѣстномъ предложеніи. При „нормальной цѣнѣ“ выходъ отрѣзанъ, такъ какъ никакой законъ объ экспропріаціи не въ состояніи заставить продавцовъ производить больше, чѣмъ они желаютъ; потому установленіе максимальныхъ цѣнъ, какъ средство противъ монополистическихъ организацій производителей, повсюду оставлено. Но, какъ мы видѣли, при нормальной цѣнѣ могутъ быть при обыкновенныхъ условіяхъ получены чрезвычайно большія монопольныя прибыли; при рыночной цѣнѣ убытокъ отъ уменьшенія предложенія обыкновенно настолько великъ, что на прибыль отъ болѣе высокой цѣны остается очень немного. Поэтому можно сказать безъ преувеличенія, что, хотя максимальныя цѣны въ соединеніи съ экспропріаціей — безъ этого нельзя и думать ни о чемъ подобномъ—и оказываютъ болѣе сложное дѣйствіе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ, всетаки можно назвать ихъ безцѣльными, въ качествѣ средства къ пониженію цѣны, тѣмъ болѣе что ихъ разрушающее вліяніе на экономическую жизнь никогда не прекращается. Можно, пожалуй, сказать, что угроза максимальной цѣны (наряду съ экспропріаціей) можетъ привлечь запасы, собранные въ монополистическихъ цѣляхъ; но мѣра эта, по указаннымъ соображеніямъ, настолько рискованна, что рекомендовать ее нельзя.

Однако есть одинъ пунктъ, котораго мы уже касались вскользь въ нашемъ изложеніи и который, вѣроятно, какъ разъ теперь напрашивается на умъ читателю. Какъ у насъ, такъ и за границей не одинъ разъ говорилось объ образованіи большихъ запасовъ товара съ спекулятивными цѣлями, и кажется, какъ будто этимъ опровергается мнѣніе, что при „рыночной цѣнѣ“ не должно бы быть большихъ монопольныхъ прибылей. Но это невѣрно. Нерасположеніе къ подобной спекуляціи съ повышеніемъ цѣны, особенно на жизненные припасы, старо какъ

міръ и неоднократно выражалось въ законодательствѣ, какъ нашей, такъ и другихъ странъ въ формѣ запрещенія «предварительныхъ закупокъ» и многаго другого; и подобно другимъ, такимъ же примитивнымъ экономическимъ представленіямъ оно воскресло теперь, во время войны. Но оттого, что оно старо, оно не менѣе ошибочно; «дьяволъ хоть и старъ, но отъ этого онъ не лучше», — сказалъ еще шведскій реформаторъ Олай Петри; и въ области политической экономіи нельзя надивиться способности людей къ извращенному образу мыслей. Собираніе запасовъ съ спекулятивными цѣлями считается предосудительнымъ; но вѣдь это то же самое, что дѣлать сбереженія на черный день, что справедливо считается похвальнымъ. Если спекулянтъ разсчиталъ вѣрно, т. е. если цѣны, дѣйствительно, имѣютъ тенденцію въ будущемъ подняться, то это значитъ, что предложеніе тогда будетъ меньше, чѣмъ теперь; и въ такомъ случаѣ сбереженіе запасовъ на то время, очевидно, очень выгодно. Тогда цѣны не поднимутся такъ высоко, какъ это обязательно случилось-бы, если бы не было вмѣшательства спекуляціи; и то повышеніе цѣнъ, которое было необходимо, происходитъ гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда сначала потребляются все, что есть въ запасѣ, а потомъ внезапно наступаетъ острая нужда. Поэтому вѣрно направленная спекуляція есть одно изъ неизбѣжныхъ вспомогательныхъ средствъ экономической жизни: она обезпечиваетъ уравненіе цѣнъ въ будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе равномѣрное распредѣленіе предложенія. Что касается дурно направленной спекуляціи, то она, несомнѣнно, настолько же вредна, насколько первая полезна; но едва ли цѣлесообразно стремленіе противодѣйствовать ей путемъ оффиціальнаго урегулированія разверстки предложенія: вѣдь наибольшій ущербъ такая спекуляція наноситъ самимъ спекулянтамъ, которымъ въ такомъ случаѣ грозитъ неминуемое разореніе. Можетъ быть, было бы правильнѣе стараться вразумлять ихъ, удерживать неопытныхъ среди нихъ отъ этого серьезнаго и опаснаго ремесла, а главное, сообщать во всеобщее свѣдѣніе возможно болѣе достовѣрныя данныя о будущемъ. Но это уже другой вопросъ, на которомъ мы здѣсь останавливаться не будемъ.

На основаніи всего сказаннаго у читателя можетъ получиться впечатлѣніе, будто-бы, по примѣру старыхъ французскихъ экономистовъ, мы стараемся представить дѣло такъ, что все идетъ какъ нельзя лучше въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Но это было бы ошибкой. Нашей цѣлью было показать не то, что все идетъ хорошо безо всякаго вмѣшательства, но только то, что извѣстнаго рода вмѣшательство отзываетъ дилетантизмомъ скорѣе можетъ повредить, чѣмъ принести пользу дѣлу. Положительной стороны вопроса, т. е. насколько хорошо то, что есть, и—если это не такъ—то, что надо дѣлать, чтобы улучшить положеніе,—мы еще не касались. Къ ней мы теперь и обратимся.

При этомъ мы считаемъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, оставить въ сторонѣ болѣе или менѣе своеобразныя формы цѣнъ и придерживаться только основныхъ и обыкновенныхъ факторовъ въ образованіи цѣны. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, заключается ли какой-либо основной дефектъ въ образованіи цѣны, какъ регуляторѣ удовлетворенія человѣческихъ потребностей?

Оставляя въ сторонѣ всѣ побочные моменты, на это можно отвѣтить: нѣтъ, и это должно служить исходнымъ пунктомъ. Для того, чтобы создать равновѣсіе между желаніемъ людей удовлетворять свои нужды и средствами для этого удовлетворенія, трудно представить себѣ болѣе совершенный аппаратъ, чѣмъ образованіе цѣны. Съ одной стороны, оно заставляетъ людей соблюдать очередь въ различныхъ своихъ нуждахъ и опредѣлять желаемые размѣры покрытія каждой изъ нихъ при наличномъ запасѣ средствъ; съ другой стороны, при нормальныхъ обстоятельствахъ, оно вызываетъ ростъ предложенія тѣхъ предметовъ, на которые увеличивается спросъ. Можно смѣло сказать, что никакой другой аппаратъ не въ состояніи выполнить съ такимъ же успѣхомъ эту двойную функцію. Что касается второй функціи, то едва ли производство могло бы такъ приспособляться къ измѣняющимся потребностямъ, безъ участія цѣны, въ качествѣ барометра или регулятора; даже соціалистическая организація производства, очевидно, не преминетъ воспользоваться этимъ аппаратомъ. Но всетаки легче представить себѣ упорядоченіе производства безъ участія этого регулятора, чѣмъ упорядоченіе потребленія. Никакая искусственная система—никакая коммунистическая организація—не можетъ съ такою точностью приладиться къ сложной шкалѣ потребностей, какъ система, автоматически создаваемая процессомъ образованія цѣны. Весь вопросъ здѣсь сводится къ чисто психическому явленію, и каждый экономически свободный человѣкъ болѣе или менѣе безсознательно рѣшаетъ его самъ для себя; вотъ почему раздача товара равными для всѣхъ пайками, совершаемая кѣмъ-то со стороны, на основаніи даже самыхъ совершенныхъ формулъ, бываетъ похожа на какую-то жалкую пародію. При этомъ нѣкоторые, безспорно, получатъ одного товара больше и другого — меньше, чѣмъ они желали бы и легко могли бы получить, или—что тоже—удовлетвореніе нужды было бы гораздо лучше, если бы одни получили больше, а другіе меньше того же товара.

Въ аппаратѣ цѣны есть только одинъ дефектъ, но безспорно крупный: это несоотвѣтствіе между шкалой человѣческихъ потребностей и денежной шкалой, на которую должна переводиться первая, чтобы могло осуществиться образованіе цѣны. Или проще: одна и та же денежная сумма выражаетъ неодинаково сильныя (относительныя) потребности различныхъ людей, и потому цѣна въ своемъ теперешнемъ видѣ не забо-

тится о „возможно большемъ удовлетвореніи", какъ это прекрасно разъяснилъ Маршаллъ въ своемъ большомъ трудѣ Principles of Economics. Причинъ этого много, но важнѣйшая изъ нихъ въ настоящее время, по всей вѣроятности,—неравномѣрное распредѣленіе доходовъ, которое приводитъ къ тому, что богачъ выражаетъ свою, можетъ быть, 2000-ную долю потребности тою же денежной суммой, что и бѣднякъ свою 20-ую или 50-ую долю.

Этимъ мы вовсе не думаемъ осуждать неравномѣрное распредѣленіе доходовъ, существованіе котораго или, по крайней мѣрѣ, право на существованіе въ извѣстныхъ предѣлахъ есть необходимое условіе того, чтобы люди могли служить дѣлу экономической жизни и экономическаго прогресса, и которое, по моему мнѣнію, до извѣстной степени объясняется другими основными факторами экономической жизни [1]). Для насъ важно только, чтобы понята была предлежащая проблема, что цѣны, какъ регуляторъ спроса,—предложеніе въ данный моментъ можно не имѣть въ виду—во времена особенно острой нужды имѣютъ нѣкоторые недостатки.

Ясно, что это происходитъ въ силу только что указанной причины. Оттого что нѣкоторые могутъ перевести свои элементарныя нужды на денежную сумму, настолько высокую, что другіе не въ состояніи ея платить, слѣдствіемъ свободныхъ цѣнъ во время нужды можетъ быть то, что первые удовлетворяютъ потребности въ полной мѣрѣ, вторые же не удовлетворяютъ ихъ вовсе—немногіе счастливцы наѣдаются досыта, прочіе голодаютъ. Таково было бы положеніе въ осажденномъ городѣ, если бы тамъ начали дѣйствовать свободныя цѣны; и, хотя осажденная страна едва ли когда можетъ оказаться въ такомъ отчаянномъ положеніи, все же затрудненія могутъ быть слишкомъ серьезны, чтобы позволительно было ихъ допускать.

Вопросъ, стало быть, въ томъ, что же можно сдѣлать. Въ принципіальной формулировкѣ отвѣтъ на него былъ бы такой: перевести различныя шкалы потребностей на одну общую денежную шкалу. Задача не была бы неразрѣшимою, если бы дѣло шло только о томъ, что сейчасъ говорится, но это не такъ. Если бы неравномѣрное распредѣленіе доходовъ, какъ мы только что указали, и въ военное, и въ мирное время не было бы необходимымъ для другихъ цѣлей, а именно, для того, чтобы заставить людей работать, если они хотятъ ѣсть, то проще всего было бы совершенно упразднить его. Путемъ отмѣны всѣхъ обычныхъ платежныхъ средствъ и врученія каждому индивидууму опредѣленнаго количества карточекъ, пропорціо-

[1]) Такъ какъ ограничиться общими фразами по столь жгучему вопросу опасно, болѣе же подробное обсужденіе его не относится къ темѣ, то я позволю себѣ сослаться на одинъ изъ моихъ мелкихъ трудовъ: „Отчего одни люди богаты, а другіе бѣдны?" (Популярно-научныя изслѣдованія, изд. Боннье, 37, Стокгольмъ, 1913).

нально числу „потребляющихъ единицъ“ (членовъ семьи разнаго возраста), для уплаты за всѣ покупаемые имъ товары, можно было бы вполнѣ удовлетворительно осуществить желаемый „переводъ“ потребностей на общую денежную шкалу. Однако по указаннымъ выше причинамъ, такая мѣра была бы несчастіемъ для народа—это значило бы превратить весь народъ въ нищихъ, находящихся на общественномъ призрѣніи, и потому о ней не можетъ быть и рѣчи; она интересна только, какъ иллюстрація процесса мысли. Итакъ, радикальное разрѣшеніе вопроса, судя по всему, слѣдуетъ признать невозможнымъ, поэтому приходится прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ.

Единственнымъ такого рода средствомъ было бы, повидимому, переходъ къ коммунизму—не въ смыслѣ урегулированія производства или передачи его въ руки государства, къ чему стремится соціализмъ, такъ какъ это было бы безцѣльно,—но въ смыслѣ ограниченія потребленія. Создать наилучшее удовлетвореніе нуждъ оно не можетъ, какъ указано выше; различныя потребности людей въ одномъ и томъ же товарѣ, зависящія отъ тѣлосложенія, работы, привычекъ, вкусовъ и т. д., оно можетъ удовлетворять далеко не совершеннымъ образомъ; многіе получили бы гораздо больше, чѣмъ при указанномъ идеальномъ распредѣленіи, многіе другіе получили бы меньше; но зато при такомъ порядкѣ можно быть увѣреннымъ, что никто не будетъ лишенъ физіологическаго минимума средствъ для удовлетворенія элементарныхъ потребностей, изъ за усиленнаго потребленія другихъ. Мы говоримъ о германской системѣ хлѣбныхъ карточекъ; и насколько сомнительна была принятая вначалѣ Германіей система максимальныхъ цѣнъ, настолько же замѣчательна введенная тамъ въ концѣ концовъ система равномѣрнаго ограниченія всего потребленія хлѣба. Система эта заслуживаетъ одобренія еще и потому, что она не упразднила денегъ, какъ регулятора спроса, какъ это было бы при даровомъ питаніи цѣлаго народа, но позволяетъ каждому платить опредѣленную цѣну за хлѣбъ. При этомъ до нѣкоторой степени можно расчитывать на то, что тѣ, кто не очень нуждается въ полномъ раціонѣ (200, 250, 350 граммовъ хлѣба на день), будутъ довольствоваться меньшимъ.

Однако цѣны оказались излишними въ качествѣ регулятора спроса, когда дѣло дошло до того, чтобы посадить народъ на раціонъ: низкія цѣны или даже отсутствіе какихъ бы то ни было цѣнъ не въ состояніи вызвать большее потребленіе, чѣмъ причитающаяся сумма. Такимъ образомъ, остается, въ сущности, только одна функція цѣны—ея вліяніе на предложеніе и производство, насколько такое вліяніе возможно въ данномъ положеніи. Но цѣны, оказывающія это вліяніе, не должны быть обязательно тѣ же самыя (или соотвѣтствующія), которыя лежатъ въ основѣ выдачи товаровъ потребителямъ. Какъ единственный покупатель и въ то же время законодатель, государство беретъ

у собственниковъ и производителей всѣ или почти всѣ запасы даннаго товара по цѣнѣ, которую оно само назначаетъ; затѣмъ запасы выдаются потребителямъ—сказать „продаются“ было бы не точно, такъ какъ продажа предполагаетъ извѣстную подвижность, хотя бы въ количествѣ—въ опредѣленныхъ количествахъ по той же цѣнѣ, по которой были взяты, или по другой [1]). Ясно, что только реквизиціонная цѣна сохраняетъ до нѣкоторой степени нормальную функцію цѣны, но эта цѣна можетъ выполнять свою функцію въ полномъ объемѣ по отношенію къ предложенію и производству и обыкновенно выполняетъ ее потому, что и производство и подвозъ большей части товаровъ въ большинствѣ странъ продолжаются и во время войны. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ довольно легко будетъ противодѣйствовать возникновенію монопольныхъ цѣнъ.

Здѣсь необходимо со всей возможной настойчивостью указать, насколько опасно допускать разницу между цѣнами—реквизиціонной и продажной—въ томъ смыслѣ, что потребители получаютъ товаръ по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ по какой государство реквизировало его. Такая тенденція, несомѣнно, существуетъ въ данный моментъ и указываетъ на одну изъ многихъ опасностей, съ которыми приходится считаться при упраздненіи свободныхъ цѣнъ. Такъ напр. въ Голландіи весь ввозъ пшеницы перешелъ въ вѣдѣніе государства, и мука выдается коммунамъ по измѣняющимся цѣнамъ, которыя, однако, въ общемъ, составляютъ, повидимому, около половины покупной цѣны; коммуны затѣмъ выдаютъ всѣмъ желающимъ хлѣбныя карточки, дающія право получить испеченный изъ муки хлѣбъ по соотвѣтственной цѣнѣ, гораздо ниже своей цѣны. Въ Швеціи въ концѣ лѣта 1915 г. было заключено аналогичное условіе съ мукомолами, по которому государство доставляетъ немолотое зерно по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ ввозная. Если не вполнѣ тождественная, то сходная тенденція замѣчается и въ Англіи, гдѣ правительство пользуется германскими и другими захваченными судами для доставки угля въ Лондонъ по фрахтамъ ниже дѣйствующихъ [2]). Съ разныхъ сторонъ то и дѣло раздаются требованія, чтобы желѣзнодорожные тарифы или цѣны другихъ государственныхъ учрежденій были понижены настолько, что онѣ не покрываютъ издержекъ.

Подобныя мѣры превращаютъ страну въ сплошную богадѣльню, т. е. оказываютъ оффиціальную поддержку большимъ

---

[1]) Все сказанное, конечно не даетъ никакого представленія о томъ, какъ карточная система конкретно регулируетъ отношенія между мукомолами, пекарями и потребителями. Такіе подробные отчеты очень интересны; но при обиліи экономическихъ организацій, вызванныхъ настоящей войной, для этого было бы недостаточно книги, и въ десять разъ большаго объема, чѣмъ наша.

[2]) Report ot Departmental Committee on Retail Coal Prices (Ch. 7866), London 1915, стр. 10. Срв. Cannan въ Economic Journal, іюня 1915 г., стр. 266.

или меньшимъ группамъ населенія, независимо отъ того, нуждаются-ли онѣ въ ней или нѣтъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые люди по бѣдности нуждаются въ поддержкѣ, но именно потому то и не нужно оказывать ее прочимъ; вѣдь, чѣмъ больше будетъ такихъ, которые пользуются ею, тѣмъ тяжелѣе будетъ для той части населенія, которая не будетъ содержаться на общественный счетъ, расплачиваться за остальныхъ, содержимыхъ на счетъ общества. Это остается въ силѣ и при карточной системѣ; совершенно безсмысленно увеличивать военные расходы, выдавая хлѣбъ ниже своей цѣны тому огромному большинству населенія, которое безъ труда можетъ заплатить эту цѣну. Посколько участіе цѣнъ, какъ регулятора, исключено, какъ въ послѣднемъ случаѣ, этимъ и ограничивается весь вредъ, а также и тѣми случаями, когда товаръ продается ниже своей цѣны, и уже этого совершенно достаточно.

Но, когда образованіе цѣны происходитъ, какъ обыкновенно, т. е. когда дѣло не дошло до равномѣрнаго ограниченія потребленія (карточной системы), то возникшія благодаря великодушію государства фантастическія цѣны становятся, кромѣ того, предметомъ спекуляціи, которая приводитъ къ тому, что ошибочно созданная разница въ цѣнахъ служитъ совсѣмъ не той цѣли, для которой была предназначена; вредное вліяніе этой мѣры сказывается не только при продажѣ ниже своей цѣны, но и при всякой продажѣ ниже господствующей рыночной цѣны. Предложеніе и спросъ, а, слѣдовательно, и цѣна остаются неизмѣнными, вопреки желанію государства, и ловкіе люди получаютъ прибыль отъ разницы между казенной цѣной и окончательной. Примѣромъ такого рода спекуляціи, достигающей чудовищныхъ размѣровъ, можетъ служить такъ наз. свободная земля въ Америкѣ, которую правительство раздавало даромъ, даже послѣ того, какъ фактически возникла цѣна на землю; слѣдствіемъ было то, что спекулянты набрали колонистовъ изъ подставныхъ лицъ, чтобы завладѣть этой землей, и, пользуясь добросовѣстнымъ заблужденіемъ правительства, нажили сотни милліоновъ долларовъ. Въ настоящее время тоже можно указать сколько угодно аналогичныхъ фактовъ: вся наша шведская система «компенсаціонныхъ товаровъ», выдаваемыхъ гораздо ниже дѣйствующей рыночной цѣны, въ цѣляхъ ея пониженія, служитъ хорошимъ образчикомъ оффиціальнаго безразсудства, плоды котораго могли бы представить любопытный объектъ для изслѣдованія политико-экономовъ.

Въ заключеніе къ тому, что здѣсь говорилось о вліяніи образованія цѣны и различныхъ формахъ вмѣшательства въ этотъ процессъ, нелишнимъ будетъ отмѣтить, чѣмъ не могутъ быть и чего не могутъ сдѣлать цѣны.

Задача ихъ—созданіе наилучшаго способа удовлетворенія человѣческихъ потребностей, и эту задачу онѣ, вообще говоря, исполняютъ превосходно. Но самыя потребности онѣ прини-

маютъ, какъ неизбѣжные факты, не зная, что стоитъ за ними, и потому свободныя цѣны никогда не могутъ бороться съ тѣми недостатками, которыми отличаются потребности съ высшей или, вообще, съ иной точки зрѣнія. Но потребности субъективны; если у кого-нибудь есть «потребность» въ такомъ-то количествѣ мяса, хлѣба, водки, нарядовъ или газетъ, то это еще не значитъ, что съ точки зрѣнія гигіенической, этической или общественной можно считать полезнымъ, чтобы онъ или она получили эти предметы.

Итакъ, если государство хочетъ создать иной способъ покрытія потребностей, чѣмъ тотъ, который пожелали бы избрать отдѣльныя личности по своему усмотрѣнію, то оно не можетъ опираться на свободныя цѣны. Въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность государства и общества въ значительной степени представляетъ такого рода коррективъ къ покрытію потребностей со стороны свободной цѣны; повышая цѣны на водку (или просто запрещая или ограничивая потребленіе ея), оно старается уменьшить удовлетвореніе „потребности въ спиртныхъ напиткахъ“; вводя безплатное обученіе или взимая за него плату ниже собственной стоимости (или вводя обязательное обученіе), оно старается удовлетворить «потребность въ знаніи» въ большей степени, чѣмъ она проявлялась бы безъ этого условія. [1]) Нельзя возражать противъ такой политики въ принципѣ, если только можно согласиться съ исходной точкой желательностью уменьшить или увеличить удовлетвореніе потребностей; и, слѣдовательно, вмѣшательство въ свободное образованіе цѣны при такихъ обстоятельствахъ вполнѣ законно.

Но совсѣмъ другое дѣло, когда государство теперь, во время войны, непосредственно вмѣшивалось или пыталось вмѣшиваться въ процессъ свободнаго образованія цѣнъ. Максимальныя цѣны на зерно не могли имѣть цѣлью увеличеніе потребленія хлѣба, такъ какъ высокія цѣны зависѣли отъ недостатка товара, и вмѣшательство государства произошло тогда, когда потребленіе въ виду этого должно было уменьшиться, а не увеличиться. Его нельзя мотивировать тѣмъ, что—де предшествующее повышеніе цѣнъ повело бы къ слишкомъ большому сокращенію потребленія; этотъ мотивъ отпадаетъ уже по той простой причинѣ, что свободныя цѣны сами автоматически сдѣлали бы поправку, понизивъ цѣну, если бы паче чаянія это было нужно.

Наоборотъ, вмѣшательство имѣло бы совершенно другой характеръ, если бы вопросъ заключался въ томъ, чтобы увеличить или уменьшить потребленіе сравнительно съ тѣмъ, каково

---

[1]) Какъ здѣсь, такъ и вообще этого нельзя добиться простымъ назначеніемъ другихъ цѣнъ; именно это желаніе измѣнить удовлетвореніе потребностей понуждаетъ государство къ положительной дѣятельности въ новой области.

оно было бы при свободной цѣнѣ. Нельзя сказать, чтобы во время войны совершенно не бывало случаевъ, когда бы это было желательнымъ; напротивъ, можно сказать, что фактическое вмѣшательство въ процессъ образованія цѣны никогда во время войны не оказывалось настолько разумнымъ. Представимъ себѣ какой-либо пищевой продуктъ съ высокимъ процентомъ питательности сравнительно съ стоимостью производства, но менѣе подходящій ко вкусамъ или привычкамъ населенія; весьма вѣроятно, что можно выгадать кое-что, продавая такой продуктъ по цѣнѣ ниже стоимости производства. Такой мѣрой—премированіемъ напр. потребленія сахара—возможно было бы тѣми же самыми, доступными внутри страны средствами достигнуть лучшаго удовлетворенія потребности населенія въ питаніи, чѣмъ путемъ свободнаго образованія цѣны. Единственно, что можно было бы возразить противъ этого, это то, что въ виду существованія неразумныхъ (съ точки зрѣнія физіологіи) привычекъ у людей эта цѣль достигалась только такимъ образомъ, что государство пониженіемъ цѣны должно было поддерживать тѣхъ, кто желалъ измѣнить свои привычки,—какъ это дѣлаетъ государство въ извѣстныхъ случаяхъ путемъ удешевленія образованія. Однако эти случаи лишены реальнаго значенія, такъ какъ объ нихъ нигдѣ не было рѣчи; и ясно какъ день, что они отнюдь не извиняютъ попытокъ вмѣшательства въ процессъ образованія цѣны, такъ какъ ихъ цѣлью должна быть забота только о томъ удовлетвореніи потребностей, котораго желаютъ сами потребители.

Большія и неожиданныя прибыли отдѣльныхъ лицъ, которыя, несомнѣнно, являются слѣдствіемъ внезапно сократившагося подвоза, чему множество примѣровъ дала настоящая война, сами по себѣ представляютъ весьма неблагопріятное явленіе. Отучая людей отъ честной, планомѣрной работы и развивая азартъ, онѣ оказываютъ почти такое же деморализирующее вліяніе, какъ лотерейные выигрыши; и вполнѣ понятно то отвращеніе, которое онѣ возбуждаютъ среди прочаго населенія, стѣсненнаго болѣе, чѣмъ обыкновенно. Однако, поскольку эти прибыли получаются насчетъ иностранцевъ, онѣ, несомнѣнно, увеличиваютъ національные доходы; но даже и безъ этого, онѣ, какъ мы видѣли, безвредны въ томъ смыслѣ, что онѣ являются не причиной нужды и угнетенія другихъ, а слѣдствіемъ. Намъ кажется поэтому, что противодѣйствіе имъ не приноситъ никакой выгоды; но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно себѣ представить какой-нибудь другой доходъ, который болѣе годился бы для обложенія, по своимъ размѣрамъ близкаго къ конфискаціи.

Обычное неудобство такого обложенія въ томъ, что оно удерживаетъ объекта обложенія отъ дальнѣйшаго стремленія къ столь сурово облагаемому доходу; но вся эта военная прибыль настолько случайна, что этотъ моментъ едва ли играетъ какую-нибудь роль. Подобно многимъ другимъ «соціально» подготовлен-

нымъ налогамъ, онъ сопряженъ съ большими техническими трудностями, и прежде всего съ трудностью установить размѣръ такой прибыли; въ виду этого—но только по этой причинѣ необходимо соблюдать нѣкоторую осторожность при опредѣленіи высоты налога. Насъ особенно радуетъ, что Швеція и Данія поспѣшили тотчасъ же ввести у себя этотъ случайный налогъ, и, въ случаѣ продолженія войны, его, конечно, придется значительно повысить; въ Англіи налогъ на военную прибыль, какъ было указано въ первой главѣ, составляетъ 50% всей суммы прибыли (свыше 100 ф. ст.). Чѣмъ болѣе становится дѣйствительностью и проникаетъ въ сознаніе народа мысль, что экстраординарныя военныя прибыли дѣлаются общимъ достояніемъ, тѣмъ больше можно надѣяться на разумное пониманіе процесса образованія цѣны и на прекращеніе попытокъ вредить ему домашними средствами.

Какъ всегда, вмѣсто обложенія, государство имѣетъ въ своемъ распоряженіи монополизированіе данныхъ отраслей промышленности. Экономическая дѣятельность государства во время войны сдѣлала огромный шагъ впередъ; и само собой разумѣется, многіе писатели уже теперь предсказываютъ рѣшительную «милитаризацію» промышленной жизни. Теперь, во время войны, подобная эволюція отчасти неизбѣжна, такъ какъ почти каждая международная торговая сдѣлка въ воюющихъ странахъ разсматривается, какъ военная операція, и потому совершается соотвѣтственно правильному или неправильному—обыкновенно неправильному пониманію интересовъ государственной власти. Нейтральнымъ странамъ приходится въ такомъ случаѣ поступать такимъ же образомъ, если онѣ не хотятъ отдать своихъ купцовъ на службу чужеземной власти, а противодѣйствовать этому, во всякомъ случаѣ, довольно трудно. Развитіе государственной дѣятельности во время войны поэтому, большей частью, необходимо; но можетъ ли она, при одинаковыхъ условіяхъ, исполнить свою задачу лучше, чѣмъ частные предприниматели—въ этомъ мы, кажется, имѣемъ право сомнѣваться; во всякомъ случаѣ, неизбѣжныя новыя государственныя задачи предъявляютъ неприспособленному для нихъ государственному механизму такія требованія, что возлагать на него новое бремя невозможно, не подвергая его опасности. Намъ кажется поэтому, что мы вправѣ совершенно опредѣленно высказаться противъ государственнаго монополизированія въ тѣхъ случаяхъ, когда легко можно обойтись безъ него, хотя бы послѣдствіемъ этого и были новыя прибыли для отдѣльныхъ лицъ. Но зато должно быть немедленно приступлено къ возможно болѣе сильному обложенію всѣхъ подобныхъ прибылей.

Изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, а подробнѣе еще это было разсмотрѣно въ третьей главѣ, что процессъ образованія цѣны въ военное время не можетъ вліять на предложеніе совершенно такимъ же образомъ, какъ въ мирное время, и что въ част-

ности, онъ не въ состояніи съ такой же автоматичностью, какъ тогда, увеличить предложеніе въ видѣ новаго производства или ввоза. На этомъ основаніи извѣстнымъ образомъ воскресаетъ очень старая, почти всѣми оставленная экономическая политика, столь характерная для средневѣковья, особенно въ области торговли жизненными припасами, и къ которой съ такимъ презрѣніемъ относилась школа меркантилистовъ. Эта послѣдняя переносила центръ тяжести на вывозъ и смотрѣла на ввозъ, какъ на своего рода бѣдствіе, тогда какъ первая, получившая характерное прозвище *„политики попеченія“*, понимала дѣло болѣе примитивно и стремилась къ тому, чтобы сохранить возможно большее количество товаровъ; она затрудняла или запрещала вывозъ товаровъ и особенно жизненныхъ припасовъ изъ опасенія, что народу будетъ грозить голодъ, если эти товары будутъ выпущены изъ страны. Результатъ можно было предвидѣть: трудностъ или невозможность вывоза огромнаго сбора хлѣбовъ тормозило развитіе земледѣлія; если же сборъ былъ плохой, то тѣмъ сильнѣе сказывалась нужда. Сознаніе этого выдвинуло прежде всего въ Англіи новую политику, и „принципъ попеченія“ все болѣе и болѣе терялъ свой престижъ, хотя на континентѣ, ближайшимъ образомъ во Франціи, только физіократизмъ, явившійся на смѣну меркантильной системы, могъ вытѣснить это глубоко укоренившееся возрѣніе.

Война показала намъ, что плохая репутація этого ученія отчасти была вполнѣ заслуженною; но она же дала объясненіе, отчасти даже оправданіе политики средневѣковья. Стѣсненіе вывоза не имѣетъ никакого смысла, когда черезъ это у страны отнимаются средства для оплаты ввоза; но совсѣмъ другое дѣло, когда ввозъ отрѣзанъ, такъ какъ единственнымъ назначеніемъ вывоза является ликвидація ввоза—до или послѣ полученія ввозимыхъ товаровъ; послѣдній есть та валюта, которую страна получаетъ извнѣ за вывезенные продукты своего труда. Въ мирное время, въ условіяхъ нашего вѣка, эта валюта никогда не остается не уплаченной, опасности такого большого вывоза, который оставлялъ бы слишкомъ мало для удовлетворенія потребностей собственной страны, также обыкновенно не существуетъ: товары возвращаются обратно такъ же легко, какъ были отпущены, или даже легче,—несмотря на препятствія въ формѣ таможенныхъ пошлинъ, которыми государства по своему усмотрѣнію стараются задержать ввозъ; и если та и другая операція осуществилась, это всегда означаетъ, что онѣ были выгодны. Но война разомъ измѣнила все. Однако, перемѣна едва ли отразилась на вывозъ, какъ уплатѣ за ввозъ—вѣдь фактически ввозъ продолжается даже въ такъ наз. отрѣзанныхъ странахъ,—зато война затруднила возможность полученія обратно того, что было отпущено страной въ слишкомъ большомъ размѣрѣ. Процессъ образованія цѣны, конечно, можетъ

оказать свое дѣйствіе въ этомъ направленіи, но онъ наталкивается на неслыханныя затрудненія; поэтому необходимо сдѣлать все, чтобы помочь ему другими доступными средствами. Иначе говоря, когда образованіе цѣны не въ состояніи вызвать новый подвозъ, какъ это бываетъ въ нормальное время, не остается ничего другого, какъ удерживать то, что имѣется въ странѣ. Поэтому въ числѣ мѣръ для урегулированія цѣны запрещеніе вывоза и вывозныя пошлины заслуживаютъ одобренія; ихъ значенія даже очень велико, такъ какъ несомнѣнно, что при извѣстныхъ условіяхъ они могутъ вызвать увеличеніе предложенія, т. е. уменьшеніе нужды, а стало быть, и пониженіе цѣнъ. Хотя при обостреніи нужды неизбѣжны случаи наживы, съ чѣмъ приходится мириться—какъ это явствуетъ изъ предыдущаго,—всетаки нельзя не употребить всѣхъ усилій къ тому, чтобы уменьшить нужду и тѣмъ самымъ заранѣе отрѣзать возможности къ подобной наживѣ. Этимъ мы снова раскрыли одну изъ проблемъ образованія цѣны, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ давече, но зато болѣе удобопонятнымъ образомъ; мы измѣнили одно изъ условій образованія цѣны—предложеніе. Результатъ будетъ, конечно, не всегда тотъ, котораго ожидаютъ, какъ это было въ средневѣковой „политикѣ попеченія“, и поэтому мы объяснимъ, каково будетъ дѣйствіе этой мѣры. Вопросъ этотъ, однако, не такъ простъ, какъ думаютъ, и потому мы разсмотримъ его сначала принципіально, въ связи съ предшествующимъ выясненіемъ проблемы образованія цѣны, а потомъ въ примѣненіи къ важнѣйшимъ практическимъ случаямъ.

Какъ отправной пунктъ, можно установить, что функція запрещенія вывоза начинается тогда, когда цѣна безъ посторонней помощи не можетъ вызвать увеличенія предложенія, которое при нормальныхъ обстоятельствахъ является слѣдствіемъ повышенія цѣны. Простой цифровой примѣръ какъ нельзя лучше уяснитъ дѣло. Предположимъ, что при цѣнѣ 10 существуетъ равновѣсіе между предложеніемъ и спросомъ; спросъ равенъ 1000 и предложеніе также. Если предложеніе при томъ же спросѣ упадетъ до 800, то цѣна повысится напр. на 12 и черезъ это спросъ уменьшится до той же суммы 800. Но возможность продавать (благодаря либо производству, либо ввозу) по цѣнѣ въ 12, когда—согласно предположенію—можно продавать по 10, вызываетъ при нормальныхъ обстоятельствахъ новый притокъ товара (черезъ производство или ввозъ), что при томъ же предложеніи и спросѣ приведетъ цѣну къ прежнему состоянію равновѣсія 10 [1]). Но въ теперешнее военное

[1]) Для вѣрности спѣшимъ указать, что мы пока не касаемся измѣненій стоимости производства благодаря войны, но это не значитъ, чтобы мы оставляли ихъ безъ вниманія, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго. Примѣръ сохраняетъ свою силу, даже если считать издержки производства повышенными; но тогда, конечно, это будетъ относиться, какъ къ мирному, такъ и къ военному времени.

время, въ большинствѣ случаевъ это теоретическое построеніе не оправдывается. Несмотря на повышеніе цѣны до 12, предложеніе остается равнымъ только 800, и цѣна останавливается на 12. Отъ чего бы ни зависѣла эта неэластичность предложенія—отъ отрѣзанности ли страны, если вопросъ идетъ о ввозномъ товарѣ, или отъ невозможности увеличить производство, если онъ получается въ своей странѣ, или, какъ это бываетъ чаще всего, отъ того и другого—слѣдствіемъ ея является то, что, принято называть военной прибылью, которая въ нашемъ примѣрѣ составляетъ 2 за единицу товара. Эта прибыль выражаетъ безсиліе цѣны повліять на предложеніе и въ то же время служитъ мѣриломъ происходящаго черезъ это политико-экономическаго ущерба. Она доказываетъ—и это особенно интересуетъ насъ здѣсь,—что могутъ имѣть мѣсто и другія мѣры напр. запрещеніе вывоза, какъ средство достигнуть того, чего не въ состояніи была достигнуть цѣна.

Этимъ устанавливается основной принципъ приложимости запрещенія вывоза. На это можно было бы возразить, что, если цѣна внутри страны настолько высока, что она создаетъ военную прибыль, то никакого вывоза не можетъ быть. Но такая мысль была бы колоссальной ошибкой по той простой причинѣ, что цѣна и нужда въ другихъ, отрѣзанныхъ или болѣе отрѣзанныхъ странахъ могутъ быть и фактически бываютъ еще больше.

Главная трудность выдвинутаго здѣсь критерія, т. е. наличности военной прибыли, это ея обнаруженіе. Особенно необходимо остерегаться наивнаго представленія, будто бы повышеніе цѣны само по себѣ можетъ служить руководствомъ для этого; повышеніе цѣны можетъ зависѣть и зависитъ, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ отъ увеличенія издержекъ производства. Есть еще и другое, меньшее, но всетаки важное затрудненіе: запрещеніе вывоза не должно понижать цѣны настолько, чтобы отнималось больше, чѣмъ того требуетъ размѣръ военной прибыли. Въ виду этихъ трудностей, намъ слѣдуетъ нѣсколько подробнѣе объяснить, въ какихъ случаяхъ запрещеніе вывоза можно считать полезнымъ и въ какихъ нѣтъ.

Непосредственное дѣйствіе запрещенія вывозить товаръ, который есть или можетъ стать предметомъ вывоза, это паденіе цѣны на товаръ. Но весь вопросъ въ томъ, удержится ли достигнутая такимъ образомъ болѣе низкая цѣна, или нѣтъ; косвенное же дѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда въ запрещеніи вывоза не было надобности, всегда будетъ, наоборотъ, повышеніе цѣны.

Рѣшающимъ обстоятельствомъ является, очевидно, то, можетъ ли цѣна безъ вреда для продолженія производства быть понижена или нѣтъ. Если можетъ, то военная прибыль на лицо и запрещеніе вывоза вполнѣ умѣстно. Сюда относятся прежде всего почти всѣ тѣ случаи, когда ввозъ въ страну необходимъ

для покрытія общей потребности въ товарѣ, слѣдовательно, при товарахъ сверхнормальнаго импорта, но когда въ данный моментъ онъ отрѣзанъ или, по крайней мѣрѣ, обходится гораздо дороже, чѣмъ внутреннее производство; что это вздорожаніе само по себѣ вполнѣ достаточно, должно быть понятно безъ объясненій. Слѣдствіемъ запрещенія вывоза будетъ здѣсь не только сейчасъ, но и въ будущемъ болѣе низкая цѣна, чѣмъ при возможности продолженія вывоза; и дѣйствительно, теперь, вѣроятно, всѣ относящіеся сюда товары во всѣхъ странахъ признаны не подлежащими вывозу, такъ что вывозъ ихъ становится исключительнымъ явленіемъ, допускаемымъ въ видѣ компенсаціи за ввозъ другого товара изъ другой страны. Противъ этого едва ли что можно возразить.

Далеко не такъ ясно положеніе другой группы товаровъ именно сверхнормальнаго экспорта, относительно которыхъ вопросъ считался спорнымъ, какъ въ Швеціи, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Можно сказать не обинуясь, что запрещеніе вывоза, осуществленное въ такой степени, что предложеніе внутри страны стало больше, чѣмъ передъ войной, какъ и всѣ запрещенія вывоза, повело бы, конечно, къ непосредственному паденію цѣнъ, но что за этимъ послѣдовала бы еще большая нужда и болѣе высокія цѣны, чѣмъ прежде. Причина понятна. Цѣны, существовавшія до запрещенія, были необходимы для того, чтобы поддерживать производство; но, благодаря увеличенію предложенія свыше старыхъ потребностей, цѣны падаютъ до болѣе низкой суммы и дѣлаютъ производство уже невыгоднымъ. У насъ было нѣсколько случаевъ этого рода, документально удостовѣренныхъ напр., запрещеніе вывоза свинины въ началѣ войны, вызвавшее острый недостатокъ въ свининѣ къ новому году, такъ какъ сельскіе хозяева, въ виду этого запрещенія, перестали разводить поросятъ. Однако, входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ фактовъ, бывшихъ, какъ извѣстно, предметомъ горячихъ споровъ, было бы безцѣльно: одного этого примѣра достаточно для выясненія сущности вопроса.

Но это вовсе не объясняетъ положенія товаровъ сверхнормальнаго экспорта. Не подлежитъ сомнѣнію, что военная прибыль коснулась и ихъ, и причину этого найти нетрудно: она заключается помимо увеличенія стоимости производства въ указанномъ нами выше весьма сильномъ повышеніи цѣнъ на иностранныхъ, болѣе или менѣе отрѣзанныхъ рынкахъ, ближайшимъ образомъ въ Германіи. Это повышеніе цѣнъ вызвало вывозъ изъ Швеціи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ гораздо большемъ противъ обыкновеннаго количествѣ, какъ это извѣстно всѣмъ; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было распространеніе повышенія цѣнъ и на всю Швецію и возникновеніе военной прибыли. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что здѣсь на лицо и поводъ къ вмѣшательству—причиной явленія съ чисто принципіальной точки зрѣнія служитъ ближайшимъ образомъ

невозможность непосредственнаго развитія внутренняго производства подъ вліяніемъ повышенія цѣны—и возможность достиженія цѣли черезъ ограниченіе вывоза. Но совершенно невѣроятно, чтобы полное запрещеніе вывоза могло создать нормальную цѣну; такое запрещеніе, навѣрное, отняло бы гораздо больше, чѣмъ размѣръ военной прибыли, ввиду уже изложенныхъ послѣдствій. Поэтому съ принципіальной точки зрѣнія единственнымъ правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса являются вывозныя пошлины въ той или иной формѣ; только здѣсь не должно быть той безсистемности и безпринципности, какими страдала введенная осенью 1915 г. въ Швеціи такъ наз. система компенсаціи, которая наряду съ вывозными пошлинами содержала въ себѣ кое-что другое, хотя и въ натурѣ. Важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ деталями этой системы, мы здѣсь касаться не будемъ [1]).

Итакъ, въ основныхъ своихъ пунктахъ вопросъ долженъ быть теперь ясенъ; остается еще указать два случая. Одинъ изъ нихъ касается все той же группы товаровъ сверхнормальнаго экспорта. Мы имѣемъ интересный во многихъ отношеніяхъ примѣръ того, что запрещеніе вывоза можетъ вліять на пониженіе цѣны, даже если военная прибыль отсутствуетъ; но именно поэтому можно привести вѣскіе доводы противъ запрещенія вывоза такого рода товаровъ. Это касается тѣхъ случаевъ, когда производство строится на постоянныхъ издержкахъ, которыя могутъ измѣняться лишь медленно, и когда пониженіе цѣны вслѣдствіе запрещенія вывоза хотя и препятствуетъ покрытію всѣхъ издержекъ производства, но не приводитъ къ цѣнѣ ниже той, которая покрываетъ перемѣнныя издержки. Въ сферѣ индустріи и (прежде всего) путей сообщенія такіе случаи очень обыкновенны, такъ какъ значительная доля издержекъ производства тамъ состоитъ въ процентахъ на недвижимый капиталъ; но то же самое встрѣчается также и въ сельскомъ хозяйствѣ. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить мясо въ Швеціи. Кажется, признано спеціалистами, что даже при цѣнѣ (вызванной запрещеніемъ вывоза) ниже издержекъ производства запасъ скота внутри страны не можетъ уменьшиться, и причиной этого можетъ быть только то, что запасъ скота не уменьшается отъ этого въ періодъ произрастанія травы, потому что главный расходъ на него уже состоялся и не можетъ быть сокращенъ.

Однако, въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно существуетъ ограниченіе и коррективъ, заключающійся въ томъ, что при такого рода производствѣ въ необычайныхъ размѣрахъ происходитъ такъ наз. сложное предложеніе или добыча многихъ раз-

[1]) Мы можемъ теперь указать также на строго продуманное изложеніе этой проблемы, во всякомъ случаѣ, первое у насъ: Erhard Lindblom „Урегулированіе цѣны на нашихъ продовольственныхъ рынкахъ“ (Svensk Tidskrift 1915, в. 7).

личныхъ продуктовъ въ одномъ общемъ процессѣ производства. Поскольку производство можетъ быть перестроено перенесеніемъ центра тяжести съ одного продукта на другой, постольку существуетъ возможность уменьшить предложеніе того товара, цѣна на который упала ниже общей стоимости производства. Въ данномъ случаѣ результатъ будетъ такой, что хозяева прекращаютъ убой скота, такъ какъ при низкихъ цѣнахъ на мясо гораздо выгоднѣе сохранить его въ качествѣ молочнаго скота; поэтому результатомъ будетъ повышеніе цѣны на мясо. Когда при этомъ скотъ служитъ для добычи молока, хотя лучшихъ экономическихъ результатовъ можно было бы достигнуть черезъ его убой, то увеличеніе молочнаго производства не будетъ достаточнымъ возмѣщеніемъ за сокращеніе запаса мяса ни для всей страны, ни для частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ очень рискованно прибѣгать къ запрещенію вывоза въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это нужно для уничтоженія военной прибыли, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда издержки постоянны. Но это не значитъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ такого риска можетъ и не быть. Такъ, запрещеніе вывоза риса въ Голландіи безъ всякой компенсаціи со стороны государства возложило на крупныхъ коммерсантовъ этой транзитной страны (импортеровъ-экспортеровъ и мн. др.) двойное бремя: потерю процента и рискъ держать въ резервѣ огромные запасы для „Stelling Amsterdam“, а въ дѣйствительности для всего голландскаго народа, на случай хлѣбнаго кризиса. Въ защиту этой мѣры представителями голландскаго правительства приводится то, что торговцы рисомъ въ началѣ войны, когда вывозъ былъ дозволенъ, за нѣсколько недѣль выручили такія огромныя суммы, что легко могутъ взять на себя издержки за послѣдующее время. Въ подобной постановкѣ, надо признаться, дѣло въ политико-экономическомъ отношеніи болѣе или менѣе безразличное; это уже будетъ вопросъ не столько для ученыхъ, сколько для той породы людей, которыхъ Адамъ Смитъ съ присущимъ ему шотландскимъ юморомъ называлъ „those crafty and insidious animals called politicians“ (т. е. этихъ хитрыхъ и коварныхъ животныхъ политиканами именуемыхъ). Въ большинствѣ случаевъ, однако, такое примѣненіе запрещенія вывоза, по указаннымъ причинамъ, съ точки зрѣнія политической экономіи представляется безусловно опаснымъ.

Другой случай касается запрещенія вывоза товаровъ, которые при нормальныхъ обстоятельствахъ служатъ предметомъ крупнаго вывоза, но теперь остаются въ отрѣзанной странѣ, какъ замѣна товаровъ, не имѣющихся въ наличности, (подробнѣе объ этомъ мы говорили въ третьей главѣ); таковъ напр. вопросъ о сахарѣ въ Германіи. Но объ этомъ не приходится много говорить. Если представить себѣ, что спросъ населенія автоматически переходитъ съ другихъ питательныхъ веществъ на сахарные продукты, то эта мѣра подчиняется установленному

здѣсь принципу; вывозъ тогда или прекращается самъ собою—что всего вѣроятнѣе—и на сахарѣ выростаетъ военная прибыль; въ обоихъ случаяхъ товаръ останется внутри страны. Если же представить себѣ, что государство должно вызвать подобное перемѣщеніе потребленія,—что также вѣроятно,—то это будетъ коррективомъ къ свободному образованію цѣны, о чемъ мы говорили выше, и естественнымъ слѣдствіемъ этого будетъ вмѣшательство государства по отношенію къ этому товару, необходимому для обезпеченія новаго покрытія потребности. Такимъ образомъ, пригодность этой мѣры не должна возбуждать сомнѣній, если руководствоваться приведенными здѣсь доводами, и вообще она представляется намъ неоспоримой.

Въ заключеніе къ настоящей главѣ, а также и ко всему труду, мы еще разъ напомнимъ, что образованіе цѣны, также какъ и другія стороны экономической жизни, имѣютъ въ виду единственную цѣль—благосостояніе потребителей, въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. благосостояніе прежде всего организованныхъ потребителей—народа и государства. Очень соблазнительно видѣть въ производствѣ и обмѣнѣ самоцѣль. Многіе впадали въ этотъ соблазнъ; впадаютъ и понынѣ; но минутное размышленіе должно показать, что, если бы производство было на что-нибудь само по себѣ полезно, независимо отъ пользы, приносимой его продуктами, то съ такимъ же успѣхомъ можно было бы дѣлать все, что угодно, даже махать руками по воздуху. Производство и обмѣнъ требуютъ самаго интенсивнаго попеченія, и нельзя необдуманно разстраивать ихъ—не потому, что они являются самоцѣлью, а потому, что ихъ спокойная дѣятельность служитъ условіемъ возможно лучшаго удовлетворенія духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ народа и государства т. е. потребителей. Опасность необдуманнаго вмѣшательства въ процессъ образованія цѣны не въ томъ, что производители несутъ бо́льшія или меньшія потери, а въ томъ, что оно ведетъ къ ухудшенію общихъ результатовъ народнаго хозяйства, т. е. потребленія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. И въ военное время эта опасность гораздо серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно, не только потому, что стало меньше средствъ къ существованію, но, можетъ быть, также и потому, что мы оказались въ совершенно небываломъ для современнаго человѣка положеніи, когда ни за какія деньги нельзя достать того, что нужно. Въ такое время разстройство, вызванное экономическимъ шарлатанствомъ, можетъ причинить неисчислимыя бѣдствія, какъ для государства въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. для обороны страны, такъ и для поддержанія дальнѣйшаго существованія всего народа.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Цѣна 3 р. 20 к.

Складъ изданія Т-ва „ЗАДРУГА“.
ПЕТРОГРАДЪ, Гончарная ул., № 24.
МОСКВА, М. Никитская, 29.